

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

- Автоматика и телемеханика*
 Агрехимия
 Азия и Африка сегодня
 Акустический журнал*
 Алгебра и анализ
 Астрономический вестник*
 Астрономический журнал*
 Биологические мембраны*
 Биология внутренних вод*
 Биология моря*
 Биоорганическая химия*
 Биофизика*
 Биохимия*
 Ботанический журнал
 Вестник РАН*
 Вестник древней истории
 Вестник Южного научного центра
 Водные ресурсы*
 Вопросы истории естествознания и техники
 Вопросы ихтиологии*
 Вопросы философии
 Вопросы языкознания
 Восток
 Вулканология и сейсмология*
 Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*
 Генетика*
 Геология рудных месторождений*
 Геомагнетизм и аэрономия*
 Геоморфология
 Геотектоника*
 Геохимия*
 Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология
 Государство и право
 Дефектоскопия*
 Дискретная математика
 Дифференциальные уравнения*
 Доклады Академии наук*
 Журнал аналитической химии*
 Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова
 Журнал вычислительной математики и математической физики*
 Журнал неорганической химии*
 Журнал общей биологии
 Журнал общей химии*
 Журнал органической химии*
 Журнал прикладной химии*
 Журнал технической физики*
 Журнал физической химии*
 Журнал эволюционной биохимии и физиологии*
 Журнал экспериментальной и теоретической физики*
 Записки Российского минералогического общества
 Земля и Вселенная
 Зоологический журнал
 Известия РАН. Механика жидкости и газа*
 Известия РАН. Механика твердого тела*
 Известия РАН. Серия биологическая*
 Известия РАН. Серия географическая
 Известия РАН. Серия литературы и языка
 Известия РАН. Серия математическая
 Известия РАН. Серия физическая*
 Известия РАН. Теория и системы управления*
 Известия РАН. Физика атмосферы и океана*
 Известия РАН. Энергетика
 Известия русского географического общества
 Исследование Земли из космоса
 Кинетика и катализ*
 Коллоидный журнал*
 Координационная химия*
 Космические исследования*
 Кристаллография*
 Латинская Америка
 Лесоведение
 Лёд и Снег
 Литология и полезные ископаемые*
 Математические заметки*
 Математический сборник
 Математическое моделирование
 Микология и фитопатология
- Микробиология*
 Микроэлектроника*
 Мировая экономика и международные отношения
 Молекулярная биология*
 Наука в России
 Научное приборостроение
 Нейрохимия*
 Неорганические материалы*
 Нефтехимия*
 Новая и новейшая история
 Общественные науки и современность
 Общество и экономика
 Океанология*
 Онтогенез*
 Оптика и спектроскопия*
 Палеонтологический журнал*
 Паразитология
 Петрология*
 Письма в Астрономический журнал*
 Письма в Журнал технической физики*
 Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
 Поверхность*
 Почвоведение*
 Приборы и техника эксперимента*
 Прикладная биохимия и микробиология*
 Прикладная математика и механика
 Природа
 Проблемы Дальнего Востока
 Проблемы машиностроения и надежности машин*
 Проблемы передачи информации*
 Программирование*
 Психологический журнал
 Радиационная биология. Радиозоология
 Радиотехника и электроника*
 Радиохимия*
 Расплавы
 Растительные ресурсы
 Российская археология
 Российская история
 Российский иммунологический журнал
 Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
 Русская литература
 Русская речь
 Сенсорные системы
 Славяноведение
 Социологические исследования
 Стратиграфия. Геологическая корреляция*
 США. Канада. Экономика - политика - культура
 Теоретическая и математическая физика
 Теоретические основы химической технологии*
 Теория вероятностей и ее применение
 Теплофизика высоких температур*
 Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
 Успехи математических наук
 Успехи современной биологии
 Успехи физиологических наук
 Физика Земли*
 Физика и техника полупроводников*
 Физика и химия стекла*
 Физика металлов и металловедение*
 Физика плазмы*
 Физика твердого тела*
 Физикохимия поверхности и защита материалов*
 Физиология растений*
 Физиология человека*
 Функциональный анализ и его применение
 Химическая физика*
 Химия высоких энергий*
 Химия твердого топлива*
 Цитология*
 Человек
 Экология*
 Экономика и математические методы
 Электрохимия*
 Энергия, экономика, техника, экология
 Этнографическое обозрение
 Энтомологическое обозрение*
 Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ<http://www.naukaran.ru>

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2014

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2014

Первый памятник ранней поры верхнего палеолита в Верхнем Подесенье <i>Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В.</i>	5
Технико-технологический анализ керамики энеолитического поселения Ботай в Казахстане (по материалам раскопок 2012 г.) <i>Качановская М.Г., Рахимжанова С.Ж.</i>	19
Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье <i>Илюшина В.В.</i>	26
Классификация орнаментов семиллопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации <i>Кренке Н.А.</i>	39
Собор на пашне: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба в Кидекше <i>Макаров Н.А., Шполянский С.В., Долгих А.В., Алешинская А.С., Лебедева Е.Ю.</i>	50

Новые материалы по изучению наскальных изображений

К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтымеля <i>Дэвлет Е.Г.</i>	66
Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины <i>Есин Ю.Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф.</i>	79
Технологические особенности выполнения выбитых петроглифов Минусинской котловины <i>Зоткина Л.В.</i>	89
К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера <i>Лобанова Н.В.</i>	98
Музеефикация памятников наскального искусства в Республике Хакасия <i>Миклашевич Е.А.</i>	111

Публикации

Эллинистические погребения Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005–2007 гг.) <i>Медведев А.П.</i>	123
Городище Александра гора – памятник археологии V в. до н.э. – XVII в. н.э. <i>Комаров К.И.</i>	140
Белокаменные гербы на Боровицкой башне Московского Кремля. Результаты предварительного осмотра <i>Петров Д.А., Яковлев Д.Е.</i>	147

История науки

Проблема классификации изображений скифо-сибирского звериного стиля (историографический очерк) <i>Канторович А.Р.</i>	156
---	-----

Критика и библиография

Успехи междисциплинарных исследований последних лет в области археологии и естественных наук: обзор трудов конференции

Кузьмин Я.В. 165

А.А. Иерусалимская. Мощевая Балка: Необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб., 2012

Ковалевская В.Б., Погребова М.Н. 169

Археология образа древнерусского донатора: к выходу книги А.С. Преображенского “Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века”. М., 2010 (2012)

Щавелев А.С. 174

Хроника

Круглый стол “Этничность в археологии или археология этничности?”

Яблонский Л.Т. 180

Международная научно-теоретическая конференция “Наследие Западного Тюркского каганата в контексте развития мировой цивилизации”. Астана, 2013

Досымбаева А.М., Боталов С.Г. 182

Международный научный семинар «Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья» (Махачкала, 2013)

Гаджиев М.С., Мастыкова А.В. 184

К юбилею Марины Глебовны Мошковой

Сотрудники отдела скифо-сарматской археологии 186

К 75-летию Анатолия Дмитриевича Пряхина

Тропин Н.А. 187

К 100-летию Бориса Александровича Колчина

Гайдуков П.Г., Завьялов В.Ю. 188

Сдано в набор 15.04.2014 г. Подписано к печати 27.06.2014 г. Дата выхода в свет 27 кв. Формат 60 × 80 1/8
Цифровая печать Усл. печ. л. 24.0 Усл.кр.-отт. 9.7 тыс. Уч.-изд.л. 25.6 Бум.л. 12.0
Тираж 396 экз. Зак. 339 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул. 90
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 3, 2014

The first monument of the early period of the Upper Paleolithic in the Upper Desna region <i>Gavrilov K.N., Voskresenskaya E.V.</i>	5
Technological ceramics analysis of the Eneolithic settlement Botai in Kazakhstan (on the materials of the excavations in 2011) <i>Kachanovskaya M.G., Rakhimzhanova S. Zh.</i>	19
The Fedorovo culture ceramics of the settlement Kuria 1 in the Lower Tobol region <i>Ilushina V.V.</i>	26
The classification of the seven-bladed ornaments of the temple rings of a Moscow type and the problem of their ethnic interpretation <i>Krenke N.A.</i>	39
A cathedral on a plough: cultural layer and plough horizon under the church of Boris and Gleb in Kideksha <i>Makarov N.A., Shpolyanskiy S.V., Dolgikh A.V., Aleshinskaya A.S., Lebedeva E.Y.</i>	50

New materials about researching rock art

On the question of the techno-technological peculiarities of Pegtymel petroglyphs <i>Devlet E.G.</i>	66
Paint in rock art of the Okunev culture of the Minusinsk basin <i>Esin Y.N., Magay Zh., Russelier E., Valter Ph.</i>	79
Technological peculiarities of carving petroglyphs of the Minusinsk basin <i>Zotkina L.V.</i>	89
About the chronology and periodization of the rock carvings of the Lake Onega <i>Lobanova N.V.</i>	98
The meseumification of the rock art monuments in the Republic of Khakassia <i>Miklashevich E.A.</i>	111

Publications

Hellenistic graves of the Eastern necropolis of Phanagoria (excavations of 2005–2007) <i>Medvedev A.P.</i>	123
The site Alexandrov mountain – the archaeological monument of the 5 th BC – 17 th AD <i>Komarov K.I.</i>	140
White-stone emblems on the Borovitskaya tower of the Moscow Kremlin: the results of the preliminary examination <i>Petrov D.A., Yakovlev D.E.</i>	147

History of science

The problem in classification of the Scythian-Siberian animalistic style presentation (historiographical review) <i>Kantorovich A. R.</i>	156
---	-----

Critics and bibliography

The successes of the interdisciplinary researches of the last years in archaeology and sciences: the review of the conference papers <i>Kuzmin Y. V.</i>	165
A. A. Ierusalimskaya. The Relics Beam. An unusual archaeological monument on the Northern Caucasus silk way. SPb, 2012 <i>Kovalevskaya V. B., Pogrebova M.N.</i>	169
The archaeology of the Ancient Russian donator's image: to the issuing of the book A. S. Preobrazhenskiy "Ktitor portraits of the Middle Age Rus. 11 th – the beginning of the 16 th centuries". M., 2010 (2012) <i>Schavelev A.S.</i>	174

Chronicles

Round table "Ethnicity in archaeology or archaeology of ethnicity?" <i>Yablonskiy L.T.</i>	180
The International science conference "The Heritage of the Western Turkic Kaganate in the context of the world civilization development" (Astana, 2013) <i>Dosymbaeva A.M., Botalov S.G.</i>	182
The International science seminar «Early state formation and "princely" culture in Northern Caucasus at the end of the Antiquity – the beginning of the Middle Age» (Makhachkala, 13–17 November 2013) <i>Gadzhiev M.S., Mastykova A.V.</i>	184
On the anniversary of Marina Glebovna Moshkova <i>The members of the Scythian-Sarmatian archaeology department</i>	186
On the 75 th anniversary of Anatoliy Dmitrievich Pryakhin <i>Tropin N.A.</i>	187
On the 100 th anniversary of Boris Alexandrovich Kolchin <i>Gaydukov P.G., Zavyalov V.Y.</i>	188

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВЕРХНЕМ ПОДЕСЕНЬЕ

© 2014 г. К.Н. Гаврилов*, Е.В. Воскресенская**

*Институт археологии РАН, Москва (k_gavrilov.68@mail.ru)

**Институт географии РАН, Москва

Ключевые слова: *верхний палеолит, Хотылево 6, лёссово-почвенные отложения позднего Валдая, ориньяк, граветт.*

The article gives the characteristics of the excavations' results of the third cultural layer of the settlement Khotylevo 6 that belongs to the early age of the Upper Paleolithic. The geomorphological location of the monument, stratigraphic position of the cultural layer and the common planigraphy of finds and technotypical characteristics of the flint industry are described. The conclusions have been made about the Aurignacian like character of the stone industry which simultaneously contains the elements of the Gravettian technocomplex.

Верхний палеолит в окрестностях с. Хотылево традиционно ассоциируется с восточнограветтским поселением Хотылево 2. Тем не менее результаты раскопок и шурфовок, проводившихся в течение последних 15 лет Хотылевской археологической экспедицией ИА РАН, позволяют утверждать, что этот регион посещался человеком в верхнем палеолите как во временные интервалы, предшествующие периоду обитания стоянки Хотылево 2, так и в более позднее время.

В своей первой публикации, посвященной Хотылево 2, первооткрыватель этого памятника Ф.М. Заверняев включил в территорию распространения культурного слоя поселения площадку, расположенную на левом борту Кладбищенской балки на приводораздельном плато (Заверняев, 1974). В 1981 г. в результате полевых работ, проведенных А.Н. Сорокиным, было установлено, что здесь размещается совершенно иной, многослойный, памятник первобытной археологии, получивший наименование "Хотылево 6".

В 2001 и 2004 гг. Хотылевская археологическая экспедиция ИА РАН провела раскопки этого памятника для уточнения стратиграфической позиции и структурной характеристики культурных слоев Хотылево 6. В настоящее время можно считать установленным факт существования на этом памятнике двух культурных слоев (к.с. 2 и 3), относящихся к верхнему палеолиту.

Геолого-геоморфологическая позиция и строение отложений на памятнике Хотылево 6. Культурные слои позднепалеолитических стоянок на правобережье Десны в районе с. Хотылево залегают в лёссово-почвенных отложениях, накопление

которых происходило в пределах приводораздельных и склоновых поверхностей на протяжении второй половины позднего плейстоцена. Степень выраженности и сохранности отдельных реперных горизонтов в разрезах стоянок не всегда одинакова, однако детальные исследования литолого-стратиграфических условий залегания культурных слоев на различных памятниках позволяют нам проводить сопоставления отдельных горизонтов лёссово-почвенно-криогенных серий между разрезами и дают возможность для корреляций с общей схемой палеогеографических событий последнего ледниково-межледникового цикла (Ocherednoy, Voskresenskaya, 2009; Гаврилов, Воскресенская, 2012а, б). Позднеплейстоценовые лёссово-почвенно-криогенные отложения перигляциальной формации на правобережье р. Десна представлены следующими основными горизонтами: полигенетический мезинский педокомплекс, ранняя (салынская) фаза которого отвечает по времени микулинскому межледниковью, а поздняя – крутицкому интерстадиалу ранневалдайской эпохи; хотылевский лёсс (лёсс I), который преобразован средневалдайской брянской почвой, поздневалдайские деснинский (лёсс II) и алтыновские (лёсс III) горизонты лёссов, разделенные трубчевским уровнем слабого почвообразования (Величко и др., 1997).

Стоянка Хотылево 6 (53°20'52" с.ш., 34°06'18" в.д.) приурочена к западному мысу в приустьевой части крупной балки, прорезающий правобережье р. Десна (рис. 1, 1, 2)¹. Памятник расположен на

¹Различные пункты стоянки Хотылево 2 занимают участки мыса к востоку от этой балки.

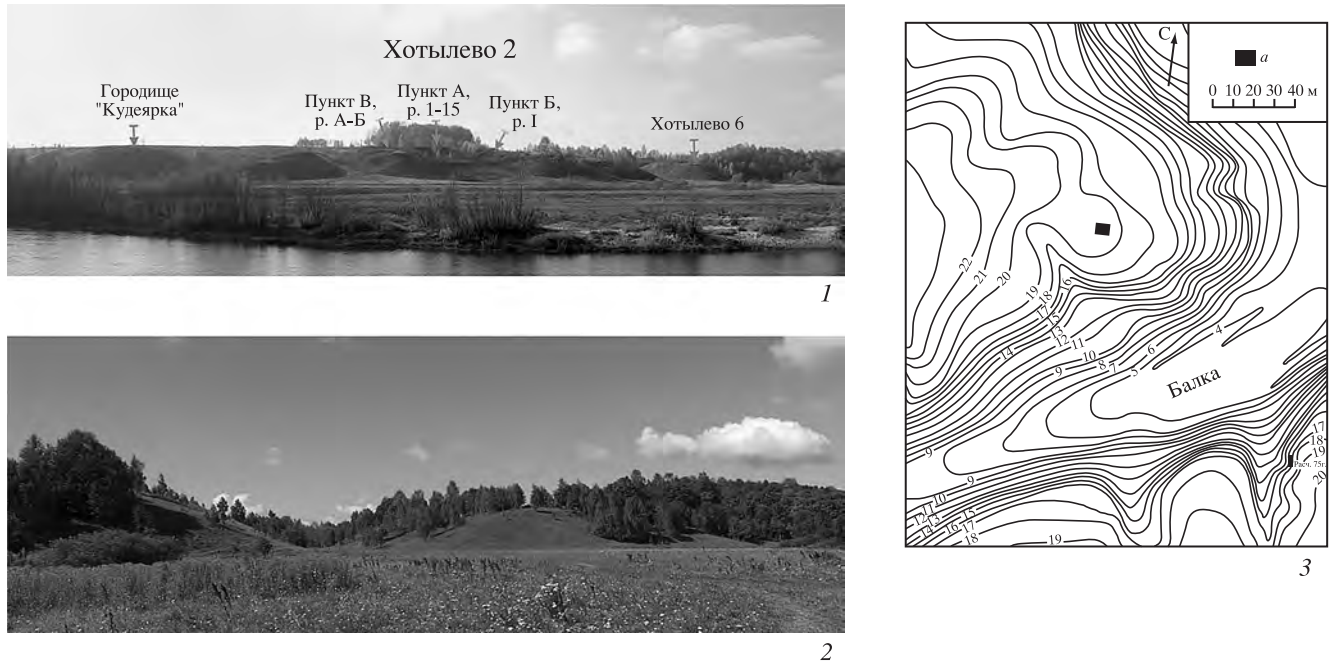

Рис. 1. 1 – панорама памятников археологии к западу от с. Хотылево. Вид с левого берега р. Десна; 2 – вид на устье Кладбищенской балки со стороны поймы р. Десна; 3 – топографический план места расположения стоянки Хотылево 6 (выполнен Ю.Н. Грибченко). Условное обозначение: а – раскоп.

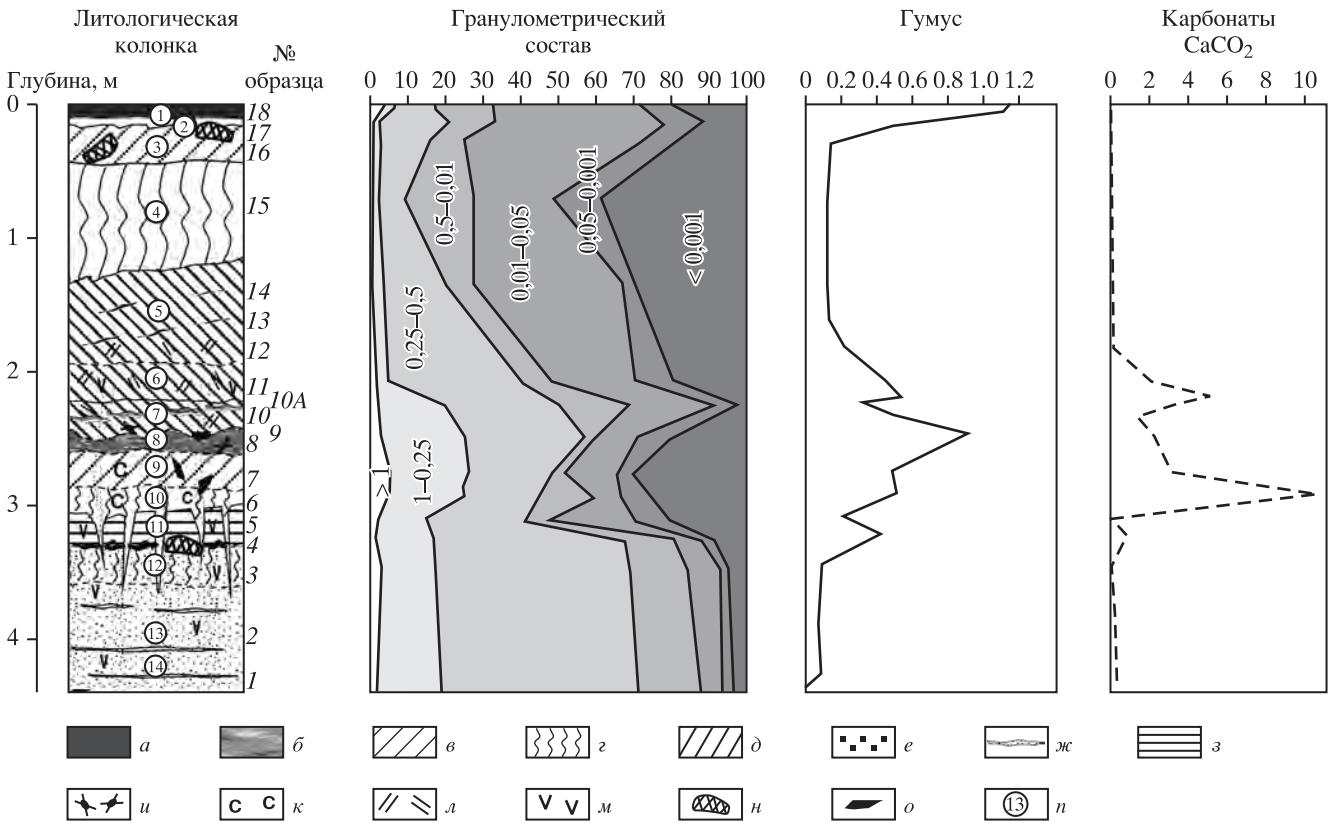

Рис. 2. Литологическая колонка и вещественный состав отложений разреза Хотылево 6 (содержание гумуса и карбонатов – в процентах). Условные обозначения: а – гумусовый горизонт современной почвы; б – гумусовые горизонты погребенных почв и эфемерные уровни почвообразования; в – переходные элювиально-иллювиальные горизонты почв; г – иллювиальные горизонты почв; д – лёссовидные суглинки; е – пески; ж – песчаные линзы; з – алевроиты; и – стяжения карбонатов; к – пропитка карбонатами; л – оглеение; м – железнение; н – кротовины; о – кремни; п – номера слоев.

площадке мыса, который с северной и восточной сторон ограничен крутыми (до 20°) склонами. Бровки склонов подняты над урезом на высоту 18 м, подошва восточного склона опирается на днище балки в его приустьевой части, северного склона – на поверхность высокой поймы р. Десна. В юго-восточном направлении, в сторону водораздела, прослеживается плавный подъем (рис. 1, 3).

В разрезе южной стенки стоянки Хотылево 6 были выделены следующие горизонты (рис. 2; табл. 1).

Венчающий разрез профиль голоценовой почвы (слои 1–4) развит по типу светло-серых лесных почв и состоит из следующих горизонтов: A_1 – нарушенный пахотой редуцированный гумусовый горизонт современной почвы, переходный горизонт A_2 -В и мощный горизонт иллювирирования V_1 . Верхние горизонты почвы A_1 и A_2 - V_1 залегают с небольшим уклоном к северо-востоку согласно с рельефом мысового участка, сильно нарушены биотурбацией. Содержание гумуса в горизонте A_1 составляет 1.2% (рис. 2). С переходным горизонтом A_2 -В связан 2 к.с. памятника, который представлял собой горизонт залегания кремневых изделий (их технико-типологические характеристики позволяют отнести слой к поздней поре верхнего палеолита), отдельных древесных угольков и мелких фрагментов керамики, проникших на этот уровень по кротовинам из лежащего выше культурного слоя 1. В шлифах с ненарушенной структурой для гумусового горизонта современной почвы свойственно компактное микросложение, плазменно-пылеватая основа с редкими зернами кварца песчаной размерности, 2–3-го класса окатанности. Плазма гумусово-глинистая, образует вокругскелетные обособления. Поры овальной и изометричной фор-

мы. В отдельных крупных порах – срезы корней травянистой растительности (рис. 3, 1). Для материала из переходного горизонта A_2 - V_1 свойственно рыхловатое микросложение, пылевато-плазменная основа с редкими песчаными зёрнами. Состав плазмы – железисто-глинистый, с вокругскелетным характером распределения. Отмечаются слоистые гумусово-глинистые и железисто-гумусовые натёки (рис. 3, 2). Натечные гумусово-глинистые образования сконцентрированы на одном из участков шлифа, в остальной части вокруг зёрен скелета прослеживаются фрагменты скорлуповатых железисто-глинистых натёков и тонкие пленки оптически ориентированной глины.

Иллювиально-глинистый горизонт V_1 представлен чередованием прослоев темно-ржавого ожелезненного суглинка (ортзанды) и пятен, и линз белесовато-желтой пылеватой кремнеземистой присыпки. Для данного слоя фиксируется резкое увеличение глинистой фракции (до 30–40%) (рис. 2). Микростроение горизонта V_1 в шлифах пылевато-плазменное, с редкими включениями песчаных зёрен (кварц, полевые шпаты, сфен). Поры – трещины и округлые, пузырьковые. Характер плазмы железисто-глинистый, отмечаются многочисленные красновато-бурые кутаны иллювирирования со скорлуповатой структурой по границе порового пространства в основе (рис. 3, 3). Ниже по разрезу прослой ортзандов становятся более тонкими, но признаки иллювирирования отмечаются до глубины 1.95 м, читаясь и в лежащих ниже суглинках в виде наложенной сетки буроватых ажурных разводов (псевдофибров).

Для лёссовидных суглинков (слои 5–7), которые послужили материнской породой для голоценовой почвы, характерно достаточно неоднородное

Таблица 1

№ слоя	Описание	Глубина, м	Мощность, м
1	Горизонт $A_{\text{пах}}$ современной почвы Супесь пепельно-серая, пылеватая, проработанная землероями	0.0–0.1	0.0–0.1
2	Горизонт A_2 современной почвы Супесь палево-серая, пылеватая, неравномерно окрашенная, пронизанная корнями травянистой растительности, с кротовинами	0.15–0.3	0.15
3	Горизонт A_2 - V_1 современной почвы Супесь белесая, пылеватая, с отдельными размытыми пятнами ожелезнения желтовато-ржавого цвета, пронизанная червеходами и корнями растений	0.3–0.45	0.15
4	Горизонт V_1 современной почвы Чередование прослоев рыжевато-коричневого ожелезненного суглинка (ортзанды) с волнистыми прослоями белесой кремнеземистой присыпки. Слой пронизан корнями растений, разбит трещинами, заполненными белесой кремнеземистой присыпкой	0.45–1.25	0.8

№ слоя	Описание	Глубина, м	Мощность, м
5	<i>Лёсс II-III</i> Суглинок буровато-палевый, на который наложена темно-бурая сетка ожелезненных разводов типа псевдофибров. В нижних 20–25 см слой приобретает сероватый оттенок	1.25–1.95	0–7
6	Суглинок серый с белесыми пятнами, оглеенный, плотный, отмечаются включения белоглазки, многочисленные пятна ожелезнения. Слои разбиты сеткой тонких субвертикальных трещин, проникающих из лежащих выше слоев	1.95–2.25	0.3
7	Суглинок серовато-палевый, влажный, тяжелый, оглеенный, с пятнами и ареолами ожелезнения. Верхний контакт слоя подчеркнут линзой опесчаненного материала. Под линзой прослеживаются два прослоя слабого потемнения толщиной 1.5–2 см. Разделяет их песчаная линза, разбитая на отдельные фрагменты узкими вертикальными трещинами, борта которых подчеркнуты каймой ожелезнения	2.25–2.5	0.25
8	<i>Горизонт A₁ брянской интерстадиальной почвы</i> Прослои и разорванные линзы темного гумусированного суглинка, вдавленные в лежащий ниже буровато-серый плотный суглинок. Слои насыщены включениями белоглазки диаметром до 5 см, карбонатные образования отмечаются также в виде белесых пятен. Содержит включения гравия и гальки гранита, кварцита и других принесенных пород. Включения местного кремня (в том числе со следами обработки) фиксируются во взвешенном состоянии по всей толщине слоя. Нижняя граница слоя – неровная, взбросами и языками	2.5–2.65	0.15
9	<i>Горизонт AB-V_{ca} брянской интерстадиальной почвы</i> Суглинок серовато-бурый, неравномерно окрашенный, плотный, с карбонатным псевдомицелием по порам. По трещинам, проникающим из слоя 8, прослеживаются темные пятна и точки гумусированного материала и полоски ожелезнения. Нижняя граница – неровная, языковатая	2.65–2.85	0.2
10	<i>Горизонт V_{ca-g} брянской интерстадиальной почвы</i> Суглинок белесовато-серый, тяжелый, влажный, нарушенный трещинами, по которым отмечается занос бурого и темно-серого материала. Трещины из лежащих выше слоев имеют субвертикальную ориентировку, по бортам – белесоватую кайму карбонатов. Отдельные узкие (до 1.5 см) трещины заполнены белесым алевроитом. Нижняя граница – плавная, по цвету и механическому составу	2.85–3.0	0.25
11	Алевроит рыжевато-палевый (до кирпичного цвета), однородный, с включениями гравия и дресвы кремня и кристаллических пород по границе со слоем 12. Отмечена отдельная кротовина с бурым заполнением. Переход к нижележащему слою плавный, по цвету и механическому составу Ниже описание ведется по южной стенке шурфа, заложенного на дне раскопа:	3.0–3.15	0.15
12	Рыжевато-бурая супесь с пятнами и линзы бурого и темно-бурого легкого суглинка, ряд из которых – древние кротовины. Отмечаются редкие включения дресвы и гравия, округлые темные точки органики (древние червеходы?)	3.15–3.35	0.2
13	Песок тонкозернистый желтовато-бурый с пятнами овальных очертаний буроватого оттенка, имеющих диаметр до 0.2 м. Отмечаются субгоризонтальные прослои ортзандов	3.35–3.5	0.15
14	Пески светло-серые, мелко- и среднезернистые, с желтоватой прокраской ожелезнением в верхней части. Отмечаются волнистые линзы и прослои ортзандов толщиной до 4 см. В северо-восточном углу, на дне шурфа, в линзе палевой супеси залегал крупный валун, обожженный кремневый отщеп и кремневая чешуйка, дресва гранита. Над скоплением отмечается маломощная темная линза с заполнением, похожим на углистое	3.5–4.4 (видимая)	0.9 (видимая)

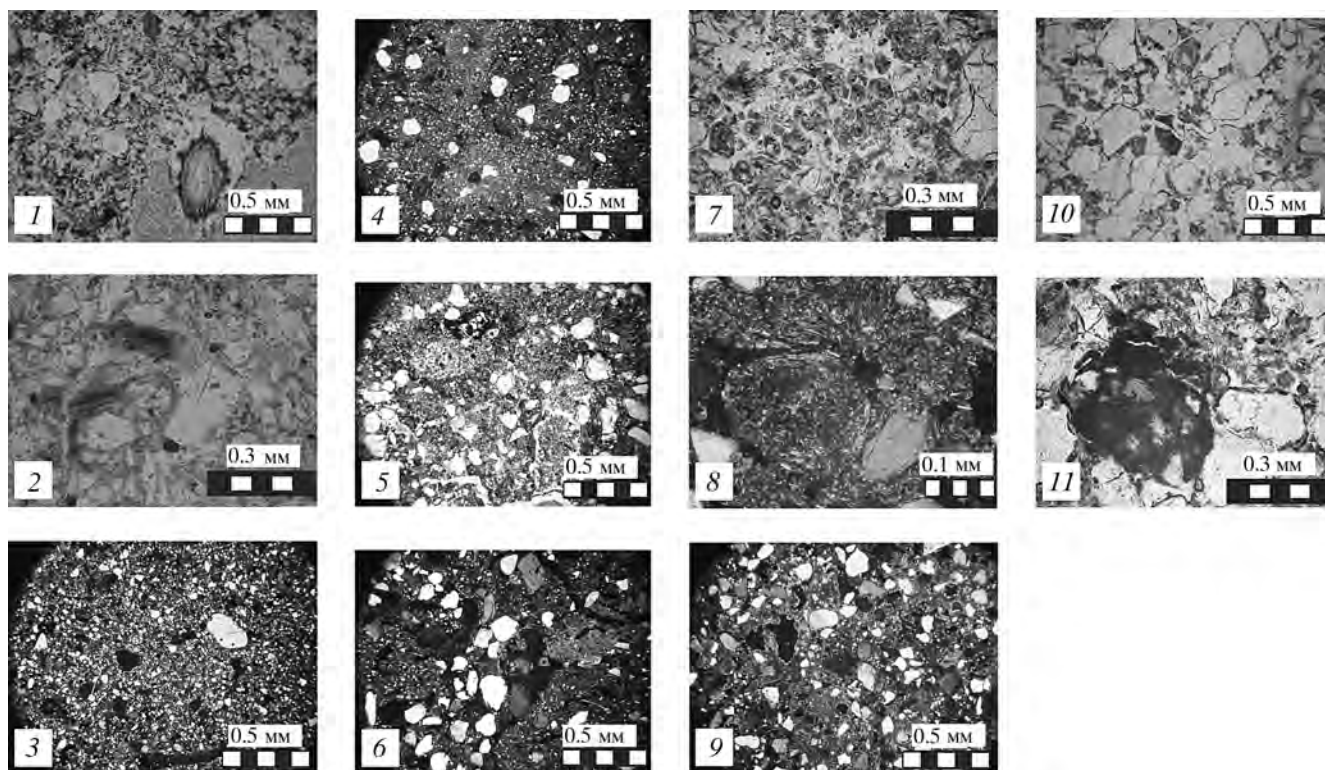

Рис. 3. Микростроение отложений разреза Хотылево 6. Голоценовая почва: 1 – гумусовый горизонт A_1 светло-серой лесной почвы, N II; 2 – переходный горизонт A_2 - B_1 , гумусово-глинистая кутана иллювиирования, N II; 3 – иллювиальный горизонт B_t N+. Лёссовые горизонты 2–3 с уровнем слабой гумусированности в нижней части: 4 – общее строение лёссовидных суглинков, N+; 5 – микростроение уровня слабой гумусированности, N II; 6 – высыпки песчаных зерен, N II. Брянская почва: 7 – гумусовый горизонт A_1 , N II; 8 – агрегат – ооид с концентрическими пленками оптически ориентированной глины, N+; 9 – карбонатно-глеевый горизонт B_{ca-g} , N+. Тонкозернистые ожелезненные пески с кротовинами: 10 – общее строение, скопления железисто-глинистой плазмы в межчастичном пространстве, N II; 11 – железисто-глинистое обособление в основе, N II.

строение. В шлифах материал из данных горизонтов имеет песчано-плазменно-пылеватое строение, светлую окраску в проходящем свете, рыхловатое микростроение. Скелет представлен зернами 2-3-го класса окатанности (кварц, полевые шпаты, глауконит), мелкопесчаной размерности. Состав плазмы карбонатно-глинистый, новообразования карбонатов представлены скоплениями пылеватого кальцита, переходного от криптористаллической к микрокристаллической размерности (рис. 3, 4).

На глубине 2.25–2.3 м отмечается прослой буровато-коричневого гумусированного материала, заключенный между двумя тонкими песчаными линзами. Содержание гумуса в данном прослое увеличивается по сравнению с перекрывающими отложениями и составляет 0.5%, ниже отмечается резкий пик увеличения количества карбонатов – до 5.5% (рис. 2). Гумусированный прослой разбит на отдельные фрагменты сетью узких субвертикальных трещин, проникающих и в лежащие ниже слои. На отдельных участках он разделяется на два параллельных прослоя, залегающих под наклоном

3–5° к востоку. Нарушения и смещения по трещинам отмечаются и по разрывам в подстилающих прослой линзах светло-серого тонкозернистого песка. Такой характер залегания свидетельствует об активизации плоскостного смыва во время формирования данной слоистой пачки и последующих нарушениях слоев за счет мерзлотного растрескивания². Уровни слабо развитого почвообразования имеют профиль, который развит по типу A - B_{ca} , и отвечают различным по протяженности этапам снижения скорости лёссовой аккумуляции или незначительного смягчения климатических условий, на завершающей фазе развития которых возобновились процессы лёссонакопления и мерзлотного растрескивания (Воскресенская, Морозова, 2009). Для горизонта эфемерного почвообразования характерно чередование участков со слитным сложением и карбонатно-глинистой плазмой с участками

²С подобным уровнем эфемерного почвообразования связан культурный слой стоянки Хотылево 2 (Voskresenskaya, Gavrilov, 2007).

с глинисто-гумусовой плазмой, имеющих темно-коричневую окраску в проходящем свете. В шлифах отмечаются микрзоны как с вокругскелетным, так и агрегированным характером распределения плазмы. Агрегированность 1- и 2-го порядков, агрегаты 2-го порядка имеют неправильную угловатую форму и состоят из более мелких округлых агрегатов 1-го порядка (рис. 3, 5). Внутри участков с гумусово-глинистой плазмой вокруг песчаных и пылеватых зерен скелета выражены пленки оптически ориентированной глины. Поры – изометричные трещины, поры упаковки и округлые. Последние часто затянуты пылевым кальцитом. В основе также прослеживаются высыпки зерен средне- и мелкочесанной размерности (рис. 3, 6).

Лежащая ниже брянская ископаемая почва (слои 8–10) имеет общую мощность до 0.6 м и состоит из горизонтов A_1 , $AB-V_{ca}$ и V_{ca-g} . Гумусовый горизонт A_1 в значительной степени деформирован мерзлотно-солифлюкционными процессами и представлен отдельными пятнами изометричной формы и прослоями темно-серого обогащенного органическим веществом материала. Прослой толщиной 4–7 см залегают параллельно друг другу со слабым уклоном в западном направлении. Содержание гумуса в темных линзах достигает 1%. В групповом составе органического вещества преобладают фульвокислоты (отношение $C_{гк}/C_{фк} = 0.7$).

С гумусовым горизонтом связаны включения обломков темно-серого местного кремня (в том числе расщепленного), а также галька и гравий кристаллических пород и дресва мела, особенно многочисленные по верхнему контакту. Здесь же зафиксированы крупные (до 4 см в диаметре) новообразования карбонатов типа журавчиков. Весь почвенный профиль разбит на блоки несколькими системами трещин, образующих в плане изометричные полигоны. Трещины проникают в подстилающие отложения до глубины 3.6 м, основания более крупных трещин (около 3 см шириной) заполнены серым с белесоватым оттенком суглинком, основания более мелких трещин (шириной менее 0.5 см) заполнены темно-серым гумусированным суглинком. В шлифах материал из гумусового горизонта имеет окраску от коричневатой до темно-коричневой в проходящем свете. Характер микростроения пылевато-плазменно-песчаный. Прослеживались агрегированность основной массы на округлые агрегаты – ооиды 1- и 2-го порядков (рис. 3, 7). Оптически ориентированная глина образует пленки по внешней границе агрегатов и по отдельным зернам песчаной размерности (рис. 3, 8). По стенкам отдельных пор – чехол из микрокристаллического кальцита, форма пор в основном изометричная. В основе отмечаются углистые частицы, разрушены на фрагменты пылеватой размерности, но еди-

ничный углистый фрагмент имеет сохранившуюся структуру растительной ткани.

Ниже по профилю, в переходном горизонте $AB-V_{ca}$ в шлифах отмечается неоднородная окраска благодаря чередованию участков желтовато-коричневой окраски с более осветленными. Микросложение компактное, участки со специфической ооидной агрегированностью становятся редки. В основе многочисленные зерна кварца крупнопесчаной размерности с идеальной, 4-й степенью окатанности, присутствуют также полевые шпаты. Характер плазмы гумусово-глинистый, органическое вещество представлено хлопьевидными скоплениями сильно гумифицированных растительных остатков и мелкими угольками пылеватой размерности, образующими скопления. На осветленных участках плазма карбонатно-глинистая с вторичными микропылеватыми карбонатами по порам и в основе. Присутствуют железистые округлые образования – микроортштейны, в которых частицы мелкой пыли заключены в железисто-глинистый цемент.

Карбонатно-глеевый горизонт V_{ca-g} представлен белесовато-серым суглинком (содержание глинистой фракции достигает 30%), который разбит на блоки трещинами, имеющими темно-серое заполнение и белесоватую кайму карбонатов по бортам. Для данного горизонта отмечается максимальное количество карбонатов по разрезу – до 10% (рис. 2). В горизонте V_{ca-g} окраска материала в шлифах серовато-коричневая в проходящем свете. Микросложение рыхловатое, пылевато-песчано-плазменное, в основе рассеяны многочисленные зерна песчаной размерности (рис. 3, 9). Агрегированность выражена слабо. Микрокристаллический кальцит образует скопления в основе и заполняет ряд пор, которые имеют разнообразную форму.

Нижняя часть разреза (слои 11–13) представлена рыжеватыми железненными алевритами и тонкозернистыми песками с редкими включениями гравия и обломков кристаллических и местных пород. В слое 12 отмечались заполненные темно-бурым гумусированным материалом округлые кротовины, а также темные гумусированные линзы, содержание гумуса в которых достигает 0.4% (рис. 2). По-видимому, данная толща представляет собой педосидименты горизонтов A_1 и V_1 мезинского почвенного комплекса. В шлифах материал из кротовин имел желтоватую окраску, рыхлое сложение (рис. 3, 10). В составе скелета резко доминирует кварц, встречаются отдельные зерна полевых шпатов, роговой обманки, глауконита. Среди зерен отмечается большое количество с эллипсоидной формой, при этом не меньше половины зерен имеют невысокий (1–2) класс окатанности. Микростроение плазменно-пылевато-песчаное, характер плазмы вокругскелет-

ный, состав железисто-глинистый и гумусово-глинистый. Образования гумусированного материала темного цвета прослеживаются в виде скоплений в основе, в которых материал агрегирован на овальные микроагрегаты 1-го порядка. Поры в основном – упаковки, по отдельным округлым порам – обособления микрокристаллического кальцита. Прослеживаются округлые стяжения типа микроортштейнов и железисто-глинистые обособления в основе (рис. 3, 11).

Ниже по профилю в шлифах отмечается рыхлое, разуплотненное микросложение, с чередованием песчано-пылеватых участков с участками с песчано-плазменно-алевритовым сложением. Последние имеют сероватую окраску в проходящем свете и карбонатно-глинистый состав плазмы. В скелете преобладают зерна песчаной размерности (кварц, полевые шпаты, глауконит), окруженные железисто-глинистой плазмой с вокругскелетной ориентацией. Поры – упаковки, округлые и неправильной формы. Встречаются железистые микроортштейны округлой формы и редкие рыхлые скопления гидроксида железа, отмечены также образования типа марганцевых дендритов.

В основании разреза, на глубине 3.5–4.4 м залегают светло-серые мелко- и среднезернистые пески с прослоями и линзами ожелезнения (слой 14). В шурфе, заложенном в 20 м к северу от раскопа Хотылево 6, непосредственно на придолинном склоне, общая мощность данного горизонта составила 4.1 м. По всей толще песков прослеживались субгоризонтальные прослои ортзандов, наиболее яркие в верхней и нижней частях толщи. На глубине 5.9 м, на уровне дна шурфа, отмечались включения фрагментов кремневой плитки, дресвы и мелких обломков привнесенных пород (кварцита, шокшинского песчаника, гранита, зеленоватого сланца). Мощность сформированной на песках лёссово-почвенной толщи, соответствующей слоям 1–11 основного разреза Хотылево 6, в шурфе была сильно сокращена за счет более активно протекавших на склоне процессов преотложения материала и составляла не более 1.5 м. Генезис и возраст отложений недостаточно ясен – их можно связать с погребенным аллювием ранневалдайского возраста или с флювиогляциальными среднеплейстоценовыми осадками.

Культурный слой 3 связан с гумусовым горизонтом погребенной брянской почвы (Воскресенская, Гаврилов, 2008). Основанием для такого заключения послужили характерные морфотипические признаки профиля данной почвы, которые отмечены на ряде опорных разрезов Подесенья (Морозова, 1981). Расколотые кремни, кремневые гальки и желваки залежали в линзах гумусированного материала и были приурочены к их верхам.

На площади раскопа гумусированный суглинок распределялся в виде неравномерно окрашенных пятен подтреугольной или сегментовидной формы (рис. 4), поскольку погребенная почва была разбита системой более поздних мерзлотных трещин на полигоны. Образование трещин приводило к их смещению и наклону. Полностью границы полигонов выявлялись после разборки верхней половины толщи погребенной почвы.

Гумусовый горизонт погребенной почвы залегал с небольшим наклоном в северо-восточном направлении. Наиболее высокая позиция была отмечена на площади кв. 3-7, где гумус фиксировался на отметке –7.5 м (нивелировочные отметки измерялись с учетом превышения высот постоянного репера). Понижение было достаточно плавным, и в северо-восточном секторе раскопа 1 на площади кв. А/Г-1/4 гумусированный слой был зафиксирован на уровне –7.69 м. Однако расколотый кремь залегал несколько глубже этих уровней.

Основная масса находок залегала на более глубоких уровнях, от –7.72 м в юго-западном секторе раскопа до –7.99 м в его северо-восточном секторе. При этом характер распределения находок по вскрытой площади не совпадал. На первом уровне фиксации культурного слоя, проведенном на площади 39 м², большинство расколотого кремня залегало в западной половине раскопа 1, не образуя сколько-нибудь четко выраженных скоплений (рис. 4, 1). На втором уровне фиксации общей площадью в 30 м² основная часть кремневых предметов распределялась в северной и северо-восточной частях раскопанной площади, при этом образуя на кв. Д-2 отчетливо выраженное скопление, занимавшее на уровне –7.80...–7.92 м практически всю площадь квадрата (рис. 4, 2). Если средняя плотность залегания находок по раскопу составляла около 10 экз. на 1 м², то на кв. Д-2 этот показатель превысил значение в 50 экз. Нужно отметить, что кремни на этом участке продолжали встречаться на глубинах от –8.01 до –8.225 м. Они образовывали небольшое скопление размерами 30 × 30 см в северо-западном секторе квадрата. Очевидно на кв. Д-2 могла располагаться ямка с заполнением, содержащим расколотый кремь.

По всей видимости, еще две ямки могли находиться в северо-восточных частях кв. В-2 и Е-5. В обоих случаях зафиксированы небольшие скопления кремневых предметов, залежавших ниже общего уровня распространения находок. В первом случае три предмета выявлены на глубине –8.29 м, во втором компактное скопление из девяти расколотых кремней – на глубине от –7.83 до –7.96 м. Размеры последнего скопления составили 23 × 18 см.

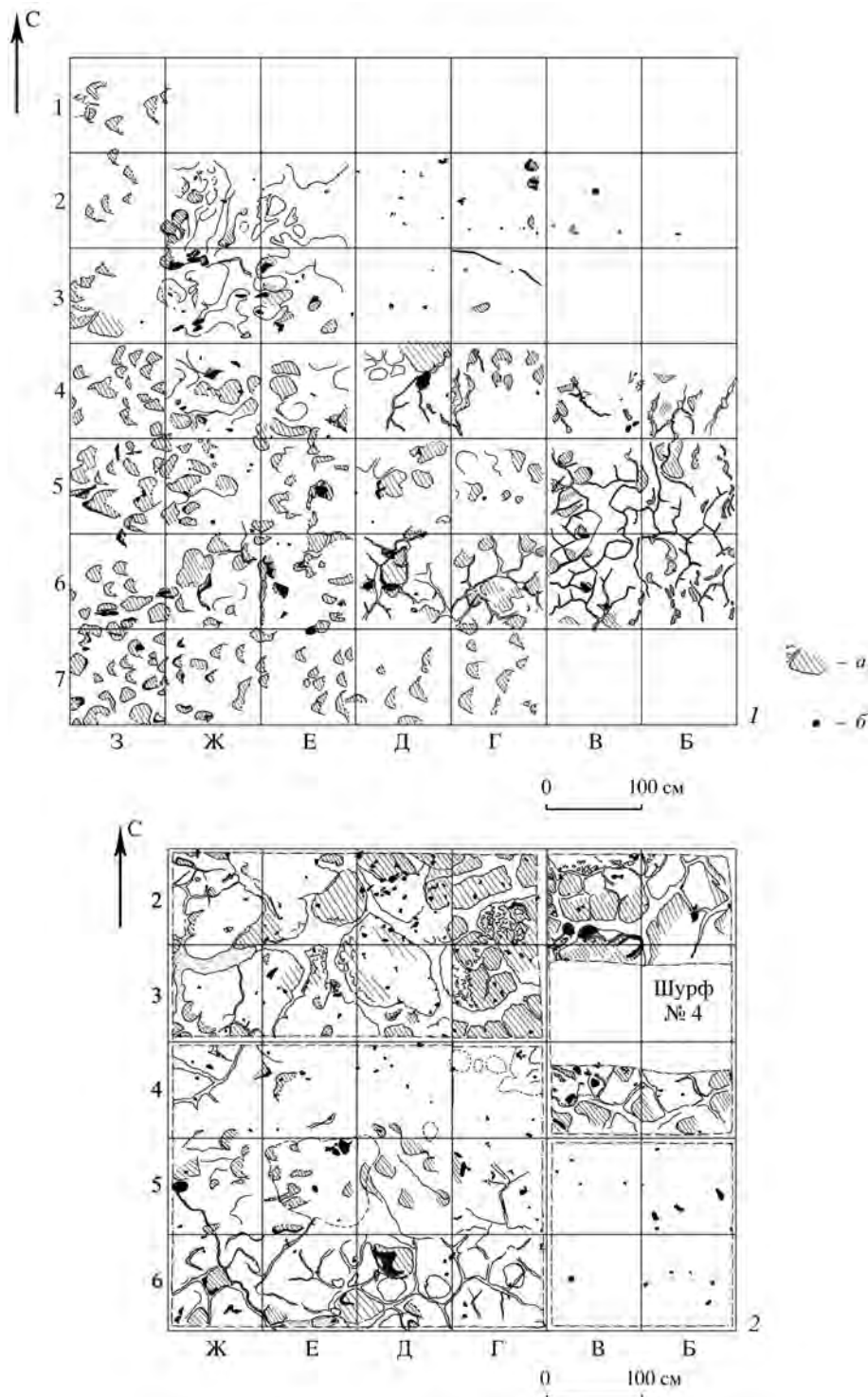

Рис. 4. План третьего культурного слоя стоянки Хотылево 6. 1 – первый уровень фиксации; 2 – второй уровень фиксации. Условные обозначения: *a* – пятна гумуса; *b* – расщепленный кремнь.

В основании почвы на кв. Г/Е-6 были обнаружены еще пять небольших ямок (Гаврилов, 2011). В некоторых случаях артефакты проникали по трещинам глубже основного уровня залегания расколотого кремня, как правило, до отметки – 8.0 м.

Деформации почвы имели вертикальный характер (рис. 5). На части разрезов удалось зафиксировать протяженные участки поверхностей, интенсивно окрашенной гумусом, однако даже на соседних квадратах микростратиграфические характери-

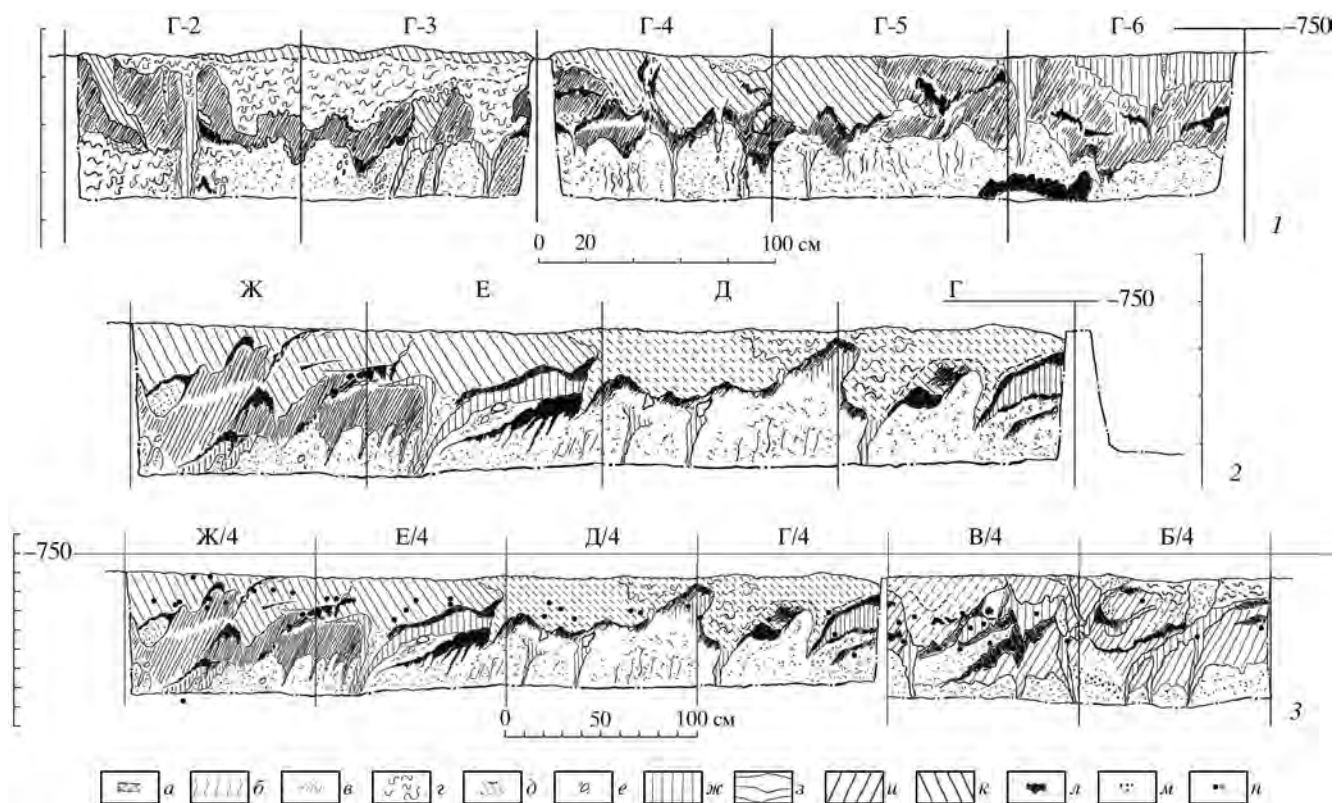

Рис. 5. Профили стратиграфических разрезов брянской погребенной почвы, вмещающей третий культурный слой. 1 – разрез по линии Г/2-6; 2 – разрез по линии Г-Ж/3-4, южный экран; 3 – разрез по линии Б-Ж/4, совмещенный с проекцией глубин залегания кремневых предметов на 4-й линии квадратов. Условные обозначения: а – отвал; б – гумус; в – песок; г – бурый ожелезненный суглинок; д – светло-бурый суглинок; е – стяжения карбонатов; ж – бурый суглинок; з – ортзанды; и – серый оглеенный суглинок; к – светло-серый суглинок; л – погребенный гумус; м – марганец; н – расщепленный кремнь.

ки почвенной толщи могли разительно отличаться друг от друга.

Планиграфия находок с учетом их разделения на два уровня снятия культурного слоя не выявила качественной разницы между этими условными горизонтами по категориям предметов. На первом уровне снятия предметы в основном распределялись в северо-западной, западной и юго-западной частях раскопа, редкие находки зафиксированы в центральных квадратах. На втором уровне основная масса находок переместились в центр, на север и северо-восток, хотя и в остальных секторах раскопа отдельные находки также были зафиксированы. Пластины и отщепы хорошо представлены в северной и северо-восточной частях раскопа уже на первом уровне снятия слоя. Отчасти это наблюдение справедливо также и для кремневых галек, которые могли использоваться в качестве ретушеров. В распределении орудий какие-либо особенности не прослежены, кроме того, что оба скребла из коллекции зафиксированы в южной половине раскопа: в юго-западном секторе на первом уровне снятия и в юго-восточном – на втором. Планиграфическая

разница между уровнями снятия культурного слоя в значительной степени объясняется понижением брянской почвы в сторону долины Десны и балки.

Тем не менее особенности микрорельефа не объясняют увеличение мощности культурного слоя, которое фиксируется на кв. Д-Г/2-4. Возможно, частично это связано с существованием деформаций почвы, и общий характер простираения находок подтверждает данный вывод. Однако на этих квадратах допустимо существование нескольких горизонтов залегания материала. В пользу этого говорит и результат сопоставления глубин залегания находок с профилем гумусового горизонта брянской почвы по 4-й линии квадратов, которое показало, что в распределении кремня прослеживается четкое совпадение с линзами интенсивно окрашенных гумусированных прослоек на участке кв. Б-Г/4 (рис. 5, 3).

Каменный инвентарь. Коллекция находок насчитывает более 367 экз., из которых 33 – это окаменные фрагменты мелких размеров различных пород камня. Остальные 334 предмета относятся к кремневым артефактам (табл. 2). Сырьем служил

Таблица 2. Кремневый инвентарь

Наименование	Количество	%
Фрагменты плиток кремня	11	3.4
Обломки кремня	40	12.5
в том числе нуклевидные	2	
обожженные	1	
морозобойные	1	
Осколки	24	7.5
в том числе морозобойные	5	
Наковаленка	1	0.3
Отбойники	3	0.9
Ретушеры	11	3.1
Преформы нуклеусов	3	0.9
Ребристые сколы	16	4.7
в том числе пластины	13	
отщепы	3	
Сколы переоформления фронта скальвания нуклеуса	1	0.3
Отщепы	70	20.9
Пластины и пластинки	29	8.75
Чешуйки	21	5.9
Красовой скол	1	0.3
Неопределимые фрагменты сколов	13	4.1
Гальки кремневые	52	14.7
в том числе расколотые	33	
Орудия – предметы без вторичной обработки	16	5.0
Резцы	3	18.75
Скребки	4	25.0
Кареноидный скребок	1	6.25
Скребло	1	6.25 ¹
Острия	4	25.0
в том числе на отщепах	3	
на пластинах	1	
Проколки	3	18.75
в том числе на отщепах	2	
на пластинах	1	
Орудия – предметы с вторичной обработкой	22	6.6
Резцы	1	4.8 ²
Скребки	3	14.3
Скребло	1	4.8
Нож с обушком	1	4.8
Пластина со срезанным ретушью концом	1	4.8
Пластина с подтеской на сломе	1	4.8
Проковка на отщепе	1	4.8
Пластины с ретушью	6	27.3
Отщепы с ретушью	3	14.3
Пластина с выемками	1	4.8
Отщепы с выемками	3	14.3
Всего	334	100.0

¹ Процент от общего количества предметов без вторичной обработки.

² Процент от общего количества предметов со вторичной обработкой.

местный плиточный кремль темно-серого цвета, однако использовался также валунный кремль коричневого и черного цветов. Почти четверть расколотого кремня представлена обломками и осколками, полученными в результате первичной обра-

ботки сырья. Выраженных нуклеусов, характерных для более поздних памятников верхнего палеолита на этой территории, нет, хотя найдены пре-нуклеусы: фрагмент плитки кремня с односторонней обработкой ребра крупной ретушью, а также обломок кремня с подготовленными ударной площадкой, латералиями и ребристым краем (рис. 6, 1). Кроме того, имеется экземпляр, который может быть атрибутирован как нуклевидный скребок – нуклеус для снятия микропластинчатых сколов (рис. 6, 2). Характерно также присутствие в каменном инвентаре 3-го к.с. ребристых пластин (рис. 7, 1, 3, 10).

Доля отщепов и пластин составляет 20.9 и 8.75% от общего количества инвентаря соответственно. Чуть более 4% приходится на неопределимые фрагменты сколов. Для отщепов (рис. 7, 4, 6, 7) характерны широкие плоские ударные площадки, пластины различаются присутствием предметов с фасетированными и ретушированными ударными площадками и изогнутым профилем (рис. 8, 5). В коллекции значительна серия кремневых галек (14.7%), большинство которых расколото (рис. 7, 8). Кремневые гальки использовались в качестве наковаленок, отбойников и ретушеров, что, очевидно, и обусловило присутствие в составе коллекции значительного количества расколотых предметов.

Набор каменных орудий характерен для ориньякоидных комплексов, о чем свидетельствуют кареноидный скребок (рис. 8, 2) и нуклевидный резец (рис. 8, 8), скребла (рис. 8, 1) и широкие массивные пластины с крупной ретушью (рис. 8, 4–6). Однако в коллекции имеются два предмета, которые аналогичны изделиям, характерным для граветийских памятников. Это пластина, у которой регулярной подтеской обработана поверхность слома (рис. 8, 3) – черта, характерная для вторичной обработки ножей костенковского типа, хотя, разумеется, данный предмет не относится к названной категории и может быть атрибутирован как пластина с подтеской конца. Не исключено, учитывая макроследы износа на одном из его краев, что данный предмет мог использоваться и в качестве ножа. Кроме того, в коллекции имеется один экземпляр ножа с обушком, оформленным притупливающей встречной ретушью (рис. 7, 2). Плоским вентральным сколом у этого предмета подновлен режущий край в проксимальной части. Имеется в коллекции и краевой скол. Возможно, что последний экземпляр как раз связан с утилизацией ножей данной категории.

Большинство каменных орудий изготовлено на отщепах (табл. 3). Доля орудий на пластинах также велика и заметно увеличивается среди предметов с вторичной обработкой. Наличие в инвентаре ребристых пластин (13 экз.) свидетельствует о целе-

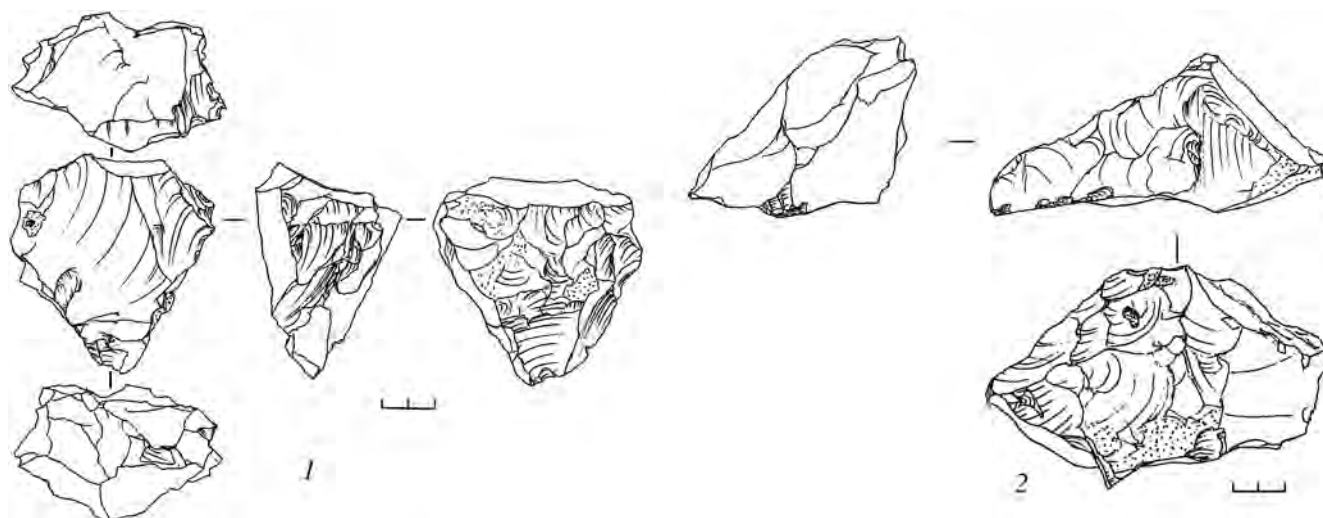

Рис. 6. Хотылево 6, 3-й культурный слой. Нуклеусы. 1 – заготовка нуклеуса; 2 – нуклевидный скребок – нуклеус для снятия микропластин.

направленном характере производства пластинчатых заготовок.

Результаты изучения отложений на памятнике Хотылево 6 позволили определить соотношение процессов седиментации и педогенеза и детализировать палеогеографическую обстановку времени обитания памятника. Культурный слой 3 Хотылево 6 имеет более древний по сравнению с Хотылево 2 возраст и связан с переотложенным и деформированным мерзлотно-солифлюкционными процессами гумусовым горизонтом погребенной почвы, которую по комплексу морфологических признаков мы относим к брянской. Что касается подстилающих брянскую почву мощной толщи слоистых песчаных отложений, то их генезис недостаточно определен, главным образом из-за того, что они не были пройдены на всю мощность.

Особенности кремневого инвентаря позволяют сделать вывод о том, что индустрия 3-го слоя Хотылево 6 типологически может быть отнесена к ранней поре верхнего палеолита. Такое определение вполне согласуется и со стратиграфическим положением к.с. 3. Ориньякоидный характер кремневой

индустрии нижнего слоя Хотылево 6 также хорошо вписывается в общий для заключительного этапа ранней поры верхнего палеолита Русской равнины культурно-исторический контекст, который характеризуется сосуществованием памятников с индустриями ориньякского и позднеселетского облика (Аникович и др., 2007).

Однако инвентарь нижнего слоя Хотылево 6 пока не содержит типов орудий, которые позволили бы более детально определить культурную специфику этого комплекса. Наличие подтески на фрагменте скола, очевидно, пластинчатого, оформление обушка на ноже при помощи встречной притупляющей ретуши, а также присутствие в кремневом инвентаре краевого скола дают основания для предположения о том, что расширение площади раскопок может существенным образом уточнить наши представления о культурной принадлежности этой стоянки. Не исключено, что отсутствие в инвентаре 3-го к.с. пластин с притупленным краем отражает лишь фациальные особенности, связанные с функциональной спецификой данного участка.

Таблица 3. Заготовки орудий

Наименование	Предметы без вторичной обработки		Предметы со вторичной обработкой		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Отщепы	8	50.0	10	47.82	18	48.65
Пластины	6	37.5	11	52.38	17	45.95
ребристые	2		1		3	
Обломки	2	12.5	–	–	2	5.40
Всего	16	100.0	21	100.0	37	100.0

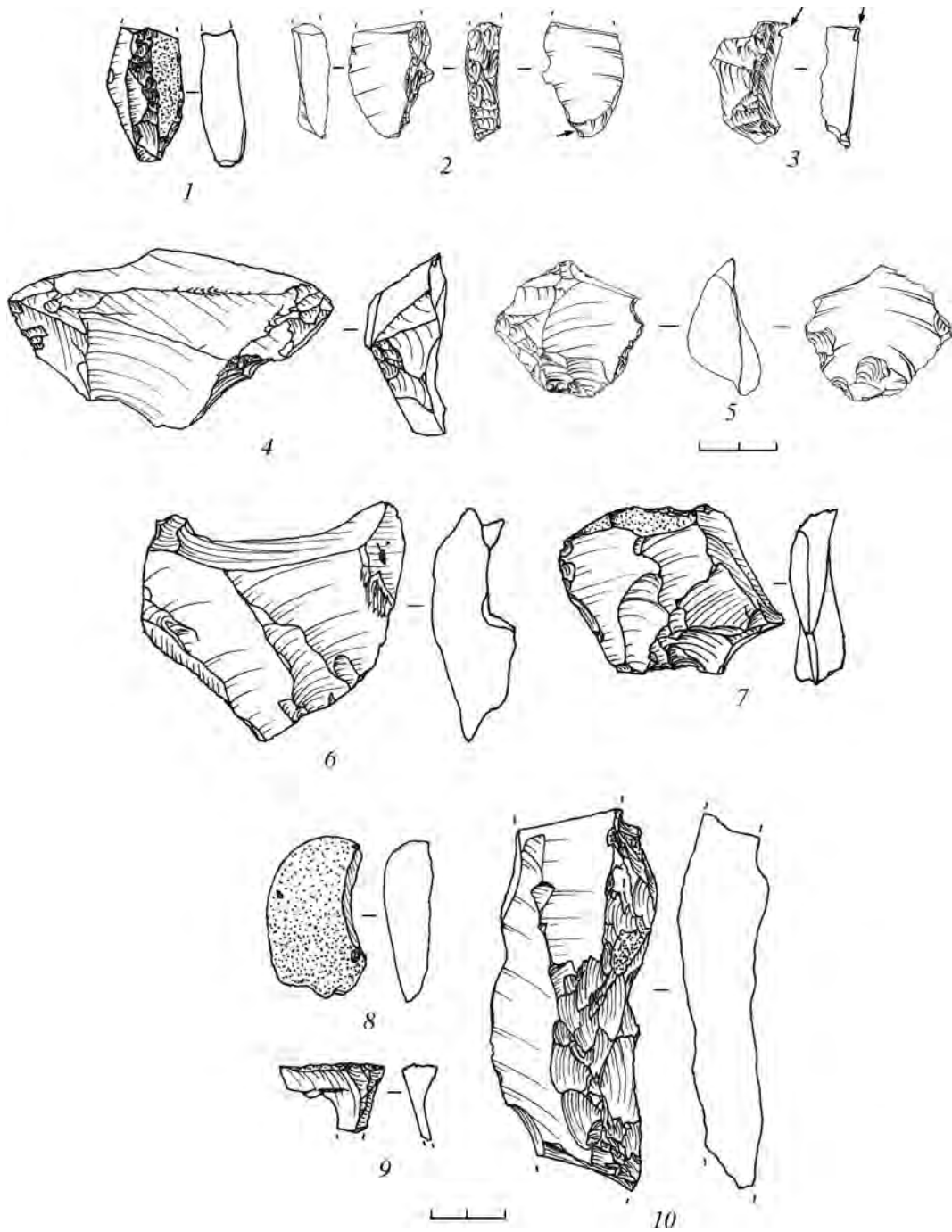

Рис. 7. Хотылево 6, 3-й культурный слой. 1, 3, 10 – ребристые пластины; 2 – нож с обушком; 4, 6, 7 – отщепы; 5 – проколка на отщепе; 8 – расколотая кремневая галька; 9 – чешуйка.

Верхнепалеолитические слои Хотылево 6 в настоящее время раскопаны на относительно небольшой площади. Памятник находится в начальной стадии своего изучения. Предварительный характер заключений о культурной специфике собранных коллекций связан с их немногочисленностью и отсутствием важных для культурной атрибуции типов. Более уверенно судить об особенностях изученной

площади можно будет после расширения раскопок стоянки и получения более полной картины о пространственной организации этого поселения.

Обнаружение на стоянке Хотылево 6 культурного слоя 3, связанного с брянской ископаемой почвой, – симптоматичный факт. До недавнего времени изучение верхнего палеолита Подесенья было ограничено памятниками, хронологическая пози-

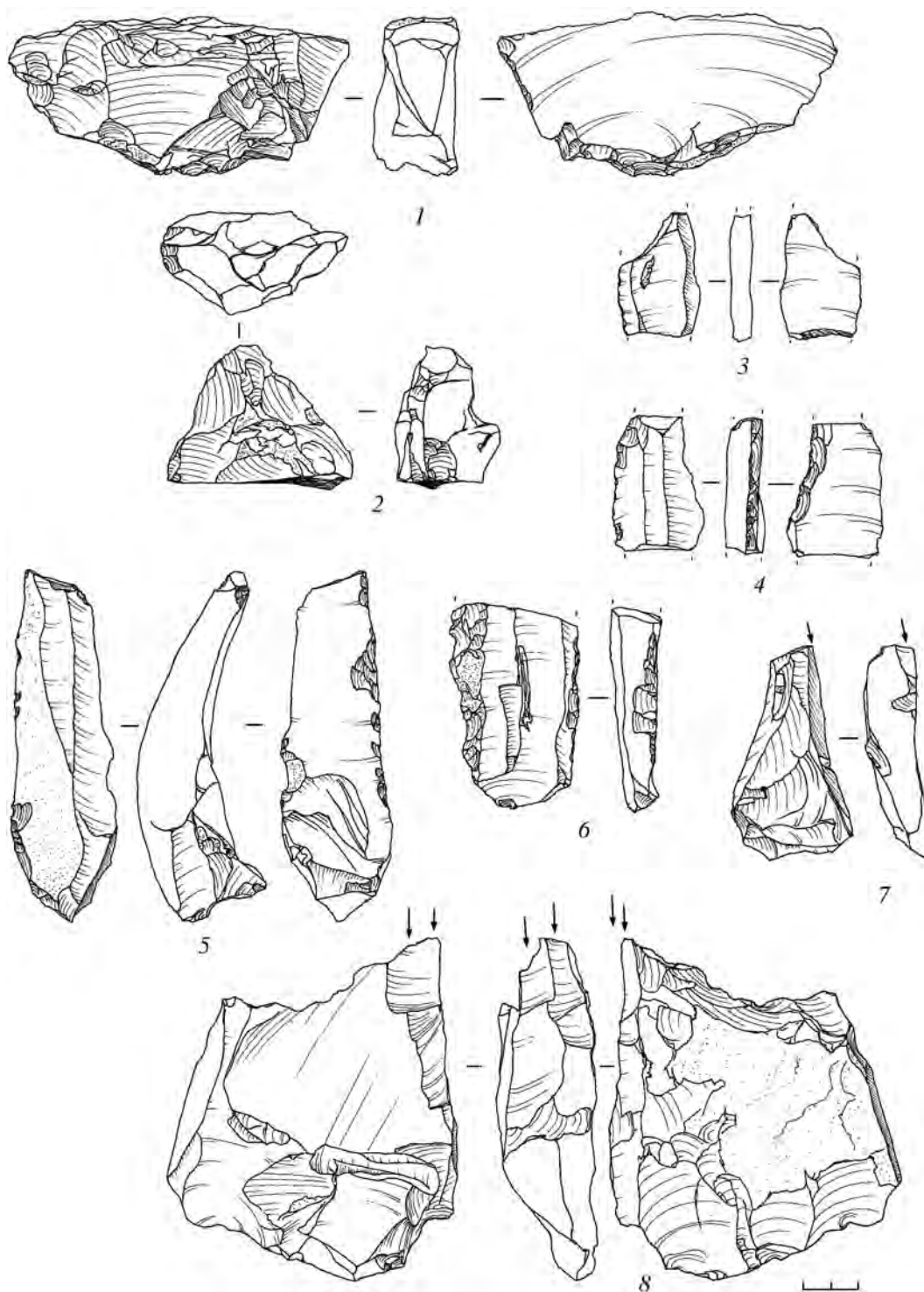

Рис. 8. Хотылево 6, 3-й культурный слой. 1 – скребло; 2 – кареноидный скребок; 3 – пластина с подтеской; 4 – пластина с вентральной ретушью; 5, 6 – пластины с ретушью; 7 – резец; 8 – нуклеидный резец.

ция которых находилась в пределах выделяемых для Русской равнины средней и поздней поры этой эпохи, т.е. приблизительно от 24 до 14 тыс. л.н. согласно общепринятой радиоуглеродной хронологии. Более ранний хронологический пласт остается

практически неизвестным. То, что подобная ситуация не отражает реальной исторической картины, очевидно. Наличие в Верхнем Подесенье мустьерских стоянок (Заверняев, 1978; Тарасов, 1995), присутствие на территории бассейнов других великих

рек Восточной Европы памятников, относящихся не только к ранней, но и к начальной поре верхнего палеолита (Черныш, 1987; Пясецкий, 1991; Аникович и др., 2007, 2012; Сеницын, 2002, 2012; Павлов, 2004; Матюхин, 2006; Степанчук, 2011, 2013) – все это свидетельствует в пользу перспективности поиска раннего верхнего палеолита в долинах Десны и ее притоков.

Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований президиума РАН “Традиции и инновации в истории и культуре”, направление 1. “Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным”, проект “Развитие материальной культуры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История, 2007. 336 с.
- Аникович М.В., Дудин А.Е., Левковская Г.М., Лисицын С.Н., Платонова Н.И., Попов В.В., Пустовалов А.Ю., Родионов А.М.* Узловые проблемы становления верхнего палеолита Европы по данным новейших исследований в Костенковско-Борщевском районе // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. Матер. Всерос. науч. конф. / Ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2012. С. 12–15.
- Величко А.А., Греховал Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.* Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.: Изд-во ГИМ, 1997. 192 с.
- Воскресенская Е.В.* Геолого-геоморфологическое положение памятников среднего и позднего палеолита в бассейне Десны (на примере группы Хотылевских стоянок) // Матер. VI Всерос. совещ. по изуч. четвертичного периода. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 128–131.
- Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н.* Ранний верхний палеолит в окрестностях с. Хотылево // Деснинские древности. Вып. V. Брянск: БГОКМ, 2008. С. 40–49.
- Воскресенская Е.В., Морозова Т.Д.* Микростроение культурного слоя и особенности почвообразования в районе верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2 // Тр. V Междунар. конф. “Эволюция почвенного покрова: история идей и методы, голоценовая эволюция, прогнозы”. Пушино, 2009. С. 227, 228.
- Гаврилов К.Н.* Стоянка Хотылево 6 (сл. 3): предварительные итоги раскопок 2004 г. // Палеолит и Мезолит Восточной Европы: Сб. статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Ред. К.Н. Гаврилов. М.: Таус, 2011. С. 169–184.
- Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В.* Некоторые итоги изучения памятников верхнего палеолита в окрестностях с. Хотылево // Археологические исследования в евро-регионе “Днепр” в 2011 г. Научный ежегодник. Чернигов: Десна Полиграф, 2012а. С. 113–116.
- Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В.* Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2: пространственная структура и стратиграфия культурного слоя // КСИА. 2012б. Вып. 227. С. 70–82.
- Заверняев Ф.М.* Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. 1974. № 4. С. 142–161.
- Заверняев Ф.М.* Хотылевское палеолитическое местонахождение / Ред. Н.Д. Праслов. Л.: Наука, 1978. 126 с.
- Матюхин А.Е.* Памятники с треугольными острями в долине Северского Донца и их место в позднем палеолите Русской равнины // Археологический альманах. № 18. Донецк: Лебедь, 2006. С. 49–78.
- Морозова Т.Д.* Развитие почвенного покрова Европы в позднем плейстоцене. М.: Наука, 1981. 281 с.
- Павлов П.Ю.* Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Сыктывкар, 2004 (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 467). 36 с.
- Пясецкий В.К.* Палеолитическое местонахождение Жорнов: верхний культурный слой // СА. 1991. № 2. С. 131–147.
- Сеницын А.А.* Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. Вып. 1: Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Матер. Междунар. конф., посв. 120-летию открытия палеолита в Костенках. ИИМК РАН, IX. 1999. СПб., 2002. С. 219–236.
- Сеницын А.А.* Формирование верхнего палеолита Восточной Европы: костенковская модель // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. Матер. Всерос. науч. конф. / Ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2012. С. 54–58.
- Степанчук В.Н.* Стоянка Мира как источник для реконструкции начального освоения Восточной Европы человеком современного физического облика // Палеолит и Мезолит Восточной Европы: Сб. статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Ред. К.Н. Гаврилов. М.: Таус, 2011. С. 141–158.
- Степанчук В.Н.* Мира: стоянка раннего верхнего палеолита на Днестре // Stratum plus. 2013. № 1. С. 15–110.
- Тарасов Л.М.* Мустьерские стоянки Верхней Десны // Деснинские древности. Вып. I. Брянск, 1995. С. 15–18.
- Черныш А.П.* Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М., 1987. С. 7–93.
- Voskresenskaya E., Gavrilo K.* Late Paleolithic site Khotylevo-2: the structure of culture layer and sedimentation peculiarity // Proceed. “Eurasian Perspectives on Environmental Archaeology”. Poznan, 2007. P. 28–30.
- Ocherednoi A.K., Voskresenskaya E.V.* Stratigraphic data on middle paleolithic sites in the Upper Desna basin // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2009. № 2 (38). P. 28–36.

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БОТАЙ В КАЗАХСТАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2012 г.)

© 2014 г. М.Г. Качановская, С.Ж. Рахимжанова

Академия “Кокше”, г. Кокшетау, Казахстан (7_mariya_7@mail.ru)

Ключевые слова: *энеолит, ботайская культура, Северный Казахстан, керамика, историко-культурный подход, технико-технологический анализ, гончарные традиции.*

The article presents first results of the special techno-technological research of the Neolithic Botai culture ceramics from the excavations of the eponymous settlement Botai in the Northern Kazakhstan. The ceramics research has been done under the historical cultural approach based on the methodology of A. A. Bobrinskiy. The presence of the bearers of different ceramics traditions with the skills of choosing and preparing the basic raw material and formation of moulding ceramics masses on the territory of Botai has been documented.

Поселение Ботай открыто в 1980 г. В.Ф. Зайбертом (Зайберт, 1981) и было первым масштабным (15 га) энеолитическим памятником региона. В последующие годы были открыты другие поселения этого типа – Рошинское, Красный Яр, Васильковка, Сергеевка, Баландино. Это позволило В.Ф. Зайберту поставить вопрос о выделении на территории Северного Казахстана новой энеолитической ботайской культуры (Зайберт, 1983).

Поселение Ботай располагается на относительно ровной площадке правого обрывистого берега р. Иман-Бурлук (правый приток р. Ишим) в 1.5 км к юго-востоку от села Никольское Айыртауского р-на Северо-Казахстанской обл.

Площадка памятника сложена зеленовато-светлосерыми и зеленовато-желто-коричневыми (бурыми) плотными тонкозернистыми глинами, способными при выветривании давать тонкоплитчатые структуры. На коре выветривания располагаются четвертичные суглинки и глины. Мощность культурного слоя вниз по склону увеличивается от 20–30 см до 2–3 м у речного обрыва. В пределах поселения, вследствие высокой плотности жилищных впадин, культурный слой распространен на всей площади (Зайберт, 2009).

На поверхности памятника фиксируется более 100 неглубоких впадин; это следы последней фазы существования древнего поселения. Как показали многолетние раскопки, поселение существовало не одну сотню лет (Зайберт, 2009).

О хозяйственно-культурной жизни древних ботайцев можно судить по огромному количеству изделий из камня и глины, а также сотням тысяч костей животных (99% принадлежат лошади).

Особое место в ботайской коллекции занимает керамика. Ее первое описание было дано В.Ф. Зайбертом и О.И. Мартынюком в статье “Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай” (Зайберт, Мартынюк, 1984). Первоначально было выделено только два типа керамики: веревочная и гребенчатая, также были выделены основные орнаментальные мотивы в виде геометризмов и целые сосуды. По мнению авторов, ботайская керамика возникла на основе неолитической посуды атбасарской культуры. Также был поставлен вопрос о выделении ботайской культуры и ее включение в энеолитическую культурную общность, которая к тому времени еще не имела названия.

В 1985 г. О.И. Мартынюком была опубликована статья “Керамика поселения Ботай” (Мартынюк, 1985), где рассматривались происхождение веревочной и текстильной орнаментации и технико-технологического процесса изготовления посуды. Автор локализовал эту посуду в рамках степного региона Северного Казахстана. Он также предложил свою схему смены приемов орнаментации керамики на поселении. Хронологический приоритет им был отдан текстильной и гребенчатой керамике, которая затем сменяется гребенчатой не текстильной и веревочной.

Таблица 1. Состав и соотношение элементов орнамента на керамике ботайской культуры (число сосудов 38), %

Элементы	%
гребенчатый	49.0
накольчатый	15.7
веревочный	11.8
гладкий	9.8
пальцево-ногтевой	5.9
ямочный	5.9
фигурный	1.9
Всего	100

В это же время И.Л. Чернаем были исследованы текстильные отпечатки на ботайской керамике (Черная, 1985). Автор сделал ряд важных наблюдений о том, что отпечатки на керамике оставлены неткацким текстилем, причем эти отпечатки обязательно сочетаются с гребенчатыми расчесами на внутренней поверхности сосудов, что в совокупности может, по мнению исследователя, свидетельствовать об их лепке внутри тканевого мешочка. Кроме того в работе представлены данные о распространении этой керамики в пространстве и во времени.

Большой вклад в изучение ботайской керамики внес В.С. Мосин, который проанализировал ее на широком евразийском фоне. Им прослежены аналогии веревочной, текстильной и геометрической гребенчатой керамике в энеолитических и в позднеолитических комплексах на территории лесной полосы Восточной Европы и севера европейской части России. Это позволило ему включить ботайскую керамику в зону распространения гребенчатых и гребенчато-ямочных культур лесной полосы от Зауралья до Прибалтики (Мосин, 2003), хотя сам В.Ф. Зайберт ограничивал зону распространения ботайской керамики и культуры территорией Урало-Иртышского междуречья.

Керамическая коллекция из раскопа 2012 г. представлена 730 фрагментами венчиков, стенок и днищ от 46 разных сосудов. Судя по единичным фрагментам днищ, два сосуда имели полуяйцевидную форму, три – чашеобразную. Форму остальных сосудов (41 экз.) определить не удалось из-за фрагментарности обломков. Толщина стенок сосудов варьирует от 0.5 до 1.2 см, но преобладают фрагменты, имеющие толщину от 0.7 до 0.8 см. Судя по обломкам верхних частей, 17 сосудов относятся к закрытым и 12 – к открытым формам. В отношении остальных мелких фрагментов сделать заключение о форме сосудов не представляется возможным.

Описание и анализ орнаментов на керамике проводились по методике, разработанной Ю.Б. Цетлиным (2008).

Элементы орнамента. Элемент орнамента – “отпечатки” или динамические “следы” на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт. Всего на ботайской керамике удалось зафиксировать семь элементов орнамента: гребенчатый, ямочный, накольчатый, веревочный, гладкий, пальцево-ногтевой и фигурный (табл. 1). Выделенные элементы орнамента могут присутствовать на внешней поверхности изучаемых фрагментов глиняных сосудов в единственном числе и в различных сочетаниях, образуя орнаментальный узор (рис. 1), а также по торцу венчика и на внутренней поверхности изделий.

Судя по полученным данным, наиболее массово на керамике наносился гребенчатый (49%) орнамент, менее распространены были накольчатый (15.7%), веревочный (11.8%), гладкий (9.8%), и еще реже использовались другие его элементы.

Мотивы. Мотив – это способ повторения элементов и узоров орнамента на поверхности сосуда. Простые мотивы (вид 1) образованы из одинаковых элементов или узоров орнамента, а сложные мотивы (виды 2 и 3) – из двух или большего числа сочетающихся или пересекающихся друг с другом элементов (Цетлин, 2012. С. 201).

Мотивы вида 1 распространены наиболее широко на ботайской керамике. Чаще всего наносились мотивы из гребенчатых элементов и узоров (47%) и накольчатые (26%), редко встречаются веревочный (9%), гладкий (6%), пальцево-ногтевой (6%), пальцевой (2%), ямочный (2%), фигурный (2%). Мотивы вида 2 встречаются в двух случаях как сочетание гребенчатых и гладких элементов. Мотивы вида 3 в изученном материале отмечены на обломках от 13 сосудов и представлены 4 вариантами. Массовыми среди них были: пересечение двух гребенчатых мотивов (69%), пересечение гребенчатого и ямочного мотива (15%), пересечение гребенчатого и накольчатого мотива (8%), пересечение двух гладких мотивов (8%).

Образы. Образ – это часть декора сосуда, состоящая из двух или трех соседних мотивов. По своему составу орнаментальные образы могут состоять из простых мотивов вида 1, простых и сложных мотивов или только из сложных мотивов видов 2 и 3. Кроме того, тройные орнаментальные образы по своей структуре могут быть симметричными или асимметричными (Цетлин, 2008. С. 90).

Двойные образы. По материалам ботайской культуры зафиксировано 21 вариант двойных образов орнамента. Среди них к виду 1 относятся 15 (71%),

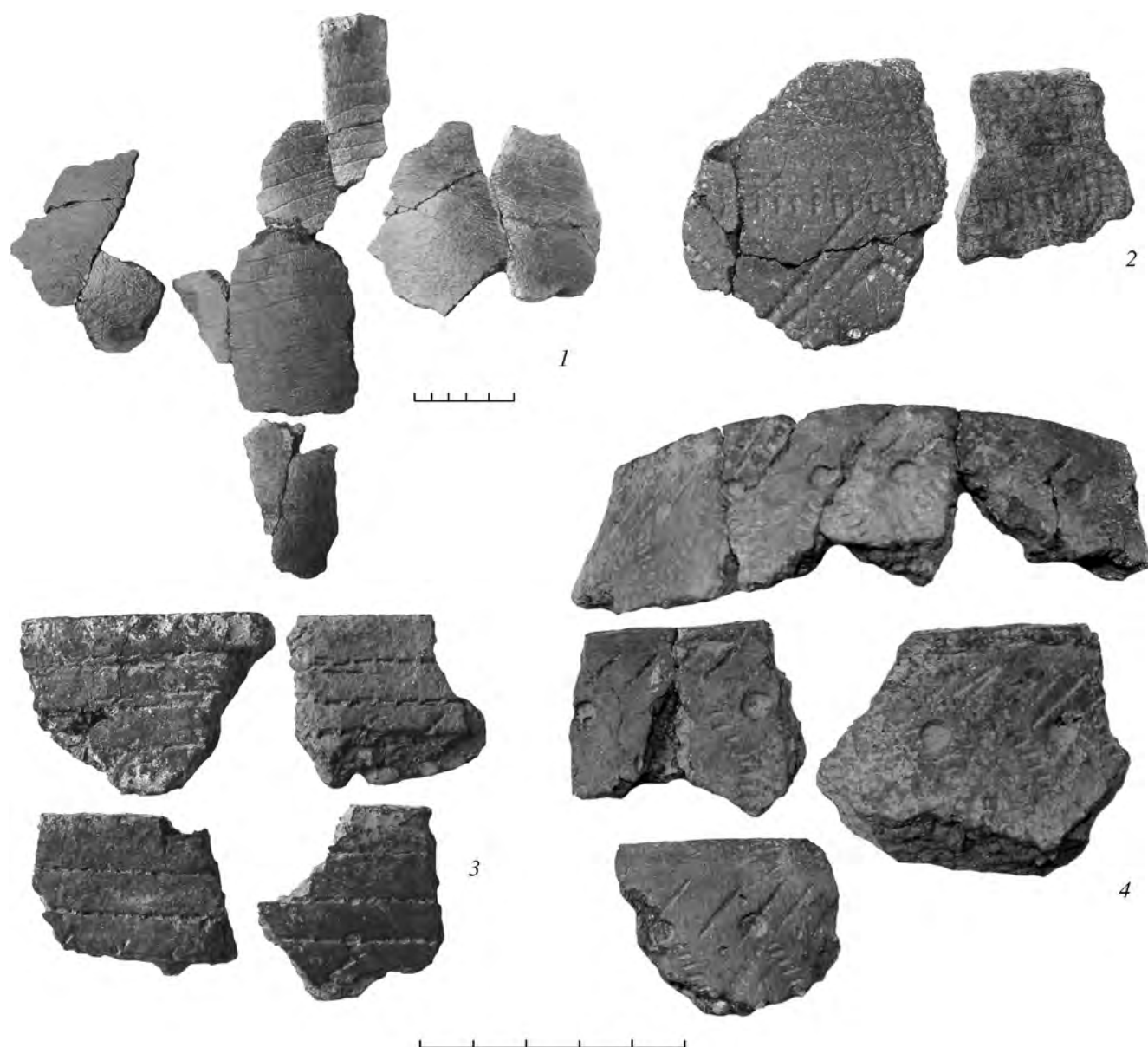

Рис. 1. Образцы керамики энеолитического поселения Ботай в Северном Казахстане.

к виду 2 – 1 (5%), к виду 3 – 5 (24%) образцов. Среди 15 вариантов простых образцов наиболее массовым был образец, состоящий из гребенчатого мотива и зоны без орнамента (66%). Остальные образцы встречаются значительно реже: веревочный мотив и зона без орнамента (13%), гладкий мотив и зона без орнамента (7%), гребенчатый и ямочный мотивы (7%) и мотив из фигурных элементов и зоны без орнамента (7%). Сложный образец из объединяющихся мотивов зафиксирован только в одном случае – из гребенчатого мотива и зоны без орнамента. Сложные образцы из пересекающихся мотивов отмечены в пяти случаях. Наиболее массовыми были образцы, состоящие из гребенчатого мотива и зоны без орна-

мента (80%), а также из гладких элементов и зоны без орнамента (20%). Тройные орнаментальные образцы зафиксированы в восьми случаях. Среди них к простым относятся один образец (12.5%), к сложным из пересекающихся мотивов семь образцов (87.5%). Простой тройной образец орнамента состоит из ямочного и гребенчатого мотивов и зоны без орнамента, а сложный тройной образец создавался из двух пересекающихся гребенчатых мотивов и зоны без орнамента.

Для технико-технологического изучения были отобраны фрагменты от 39 разных сосудов. Обломки от остальных шести сосудов были слишком мелкими и в плохой сохранности, поэтому их из-

Таблица 2. Виды исходного пластичного сырья

Степень пластичности глины	Характерные естественные примеси в глинах			
	Бурый железняк	Песок средний + тальк	Известняк	Песок разный
Гл. 1. Высокая	2	–	1	3
Гл. 2. Средняя	8	2	1	19
Гл. 3. Низкая	3	–	–	–
Всего: число (%) сосудов	13 (33)	2 (5)	2 (5)	22 (57)

учение не представлялось возможным. Исследование проводилось в 2012 г. в период стажировки авторов в Лаборатории “История керамики” Института археологии РАН, в соответствии с методикой технико-технологического анализа, разработанной А.А. Бобринским (1978; 1999). Наблюдения велись по свежим изломам черепков с помощью микроскопа МБС-10 и последующего сравнения выявленных особенностей с эталонными образцами, хранящимися в лаборатории. Для определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья применялся вторичный обжиг небольших обломков каждого сосуда в муфельной печи при 850° С. После обжига черепки сравнивались по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глин (Цетлин, 2006). В связи с сильной фрагментированностью керамики анализ проводился только по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной стадии производства: 1) отбор исходного сырья, 2) обработка исходного сырья и 3) составление формовочной массы.

Целью данного исследования является реконструкция гончарных традиций у носителей ботайской культуры на этой стадии технологического процесса. Для реализации поставленной цели решались следующие исследовательские задачи:

Таблица 3. Сочетание искусственных минеральных примесей и глин разной пластичности в формовочной массе

Степень пластичности глины	Виды искусственных минеральных примесей	
	песок	шамот
Гл. 1. Высокая	3	2
Гл. 2. Средняя	22	6
Гл. 3. Низкая	–	1
Всего: число (%) сосудов	25 (64)	9 (23)

– выявление навыков отбора и обработки основного исходного пластичного сырья,

– выяснение навыков составления формовочной массы керамики,

– реконструкция культурных традиций в этих областях гончарной технологии и выяснение на этой основе степени культурной однородности их носителей.

В результате проведенного исследования была выявлена следующая технологическая информация.

Исходное сырье. В настоящее время для определения степени пластичности глины по обожженному черепку используются наблюдения за размерностью и концентрацией примеси естественного песка. В данной работе использованы критерии глин разной пластичности, предложенные Е.В. Волковой (1996. С. 33). По особенностям навыков отбора исходного сырья выделено использование ботайскими гончарами трех видов глин: высокой пластичности – гл. 1 (18%), средней пластичности – гл. 2 (69%) и низкой пластичности – гл. 3 (13%). Как можно видеть, чаще всего использовалась глина средней пластичности (гл. 2). Все три вида глин характеризуются средней ожелезненностью, но различным составом естественных минеральных примесей (табл. 2).

Выявленные по степени пластичности и составу естественных примесей особенности глин позволяют предположить, что местные гончары использовали не менее восьми условных мест добычи (или вариантов) исходного пластичного сырья: гл. 1 + бурый железняк – 2 сосуда (5%); гл. 1 + известняк – 1 сосуд (3%); гл. 1 + редкие включения песка – 3 сосуда (8%); гл. 2 + бурый железняк – 8 сосудов (21%); гл. 2 + песок средний + тальк – 2 сосуда (5%); гл. 2 + известняк – 1 сосуд (3%); гл. 2 + песок разный – 19 сосудов (49%); гл. 3 + бурый железняк – 3 сосуда (8%).

Таблица 4. Концентрация искусственной примеси песка разного размера в формовочной массе

Песок, мм	Концентрация песка				Всего: число (%) сосудов
	1:2	1:3	1:4	1:5	
Мелкий, 0.5–1.0	–	1	2	–	3 (12)
Средний, 1.1–2.0	3	7	4	3	17 (65)
Крупный, >2.0	1	1	2	1	5 (23)
Всего: число (%) сосудов	4 (16)	9 (36)	8 (32)	4 (16)	25 (100)

Таблица 5. Концентрация примеси шамота в формовочной массе

Шамот	Концентрация			Всего: число (%) сосудов
	1:3	1:5	1:6	
Средний, 1.1–2.0	1	1	2	4 (44)
Крупный, >2.0		2	3	5 (56)
Всего: число (%) сосудов	1 (11)	3 (33)	5 (56)	9 (100)

Таблица 6. Сочетание искусственных органических примесей и глин разной пластичности в формовочной массе

Виды глин	Искусственные органические примеси			Всего: число (%) сосудов
	органические растворы	навоз	шерсть и волос	
Гл. 1	4	1		5 (13)
Гл. 2	24	2	4	30 (77)
Гл. 3	4			4 (10)
Всего: число (%) сосудов	32 (82)	3 (8)	4 (10)	39 (100)

В 38 случаях (97%) природная глина использовалась в состоянии естественной влажности и только для изготовления одного сосуда глина была предварительно высушена и измельчена.

Формовочная масса. В качестве искусственных минеральных примесей использовались песок – 64% случаев или шамот – 23% (табл. 3). В остальных случаях (13%) в качестве искусственных компонентов формовочной массы вносились только органические добавки.

В качестве искусственной примеси гончары применяли главным образом песок разного размера и концентрации (табл. 4).

Судя по полученным данным, ботайские гончары при составлении формовочных масс наиболее часто использовали в качестве искусственной добавки песок среднего размера (65%), в концентрации 1 : 3–1 : 4. Реже они применяли для этого мелкий или, напротив, крупный песок и более высокую (1 : 2) или более низкую (1 : 5) его концентрацию.

Шамот по сравнению с песком значительно реже вводился в формовочную массу в качестве искусст-

венной добавки (23%). В самом шамоте также фиксируется песок и следы от выгоревшей органики. По изученным сосудам зафиксировано использование примеси среднего и крупного шамота в концентрации преимущественно 1 : 5–1 : 6, т.е. более низкой, чем концентрация песка (табл. 5).

В качестве искусственных органических примесей (табл. 6) были зафиксированы *навоз животных*, представленный растительными отпечатками в виде хаотично расположенных пучков, пор овальной и аморфной формы с потеками на стенках (8%), *шерсть и волос животных* в виде извилистых бороздок с округлым и уплощенно-овальным сечением, длиной до 2 см и диаметром около 0.1–0.2 мм (10%), и *органические растворы*, которые фиксируются по черному “жирному” блеску на поверхности минеральных включений и аморфным пустотам, стенки которых также покрыты налетом (82%).

Судя по этим данным, гончары при составлении формовочной массы чаще всего использовали органические растворы в сочетании с глиной средней пластичности.

Таблица 7. Соотношение вариантов исходного сырья и рецептов формовочных масс

Варианты исходного сырья с разным составом естественных примесей	Рецепты формовочных масс					
	песок+ шерсть	песок+ органический раствор	шамот+ навоз	шамот+ шерсть	шамот+ органический раствор	органический раствор
Гл. 1 + бурый железняк	–	–	1 (3)	–	1 (3)	–
Гл. 1 + известняк	–	1 (3)	–	–	–	–
Гл. 1 + редкие включения естественного песка	–	2 (5)	–	–	–	–
Гл. 2 + бурый железняк	2 (5)	4 (10)	1 (3)	–	1 (3)	1 (3)
Гл. 2 + песок естественный средний + тальк	–	1 (3)	–	–	–	1 (3)
Гл. 2 + известняк	–	1 (3)	–	–	–	–
Гл. 2 + песок естественный разный	–	14 (36)	1 (3)	2 (5)	1 (3)	1 (3)
Гл. 3 + бурый железняк + песок естественный разный	–	–	–	–	1 (3)	2 (5)
Всего: число (%) сосудов	2 (5)	23 (59)	3 (8)	2 (5)	4 (10)	5 (13)

Обобщая всю полученную информацию о составе искусственных примесей, использовавшихся гончарами поселения Ботай, представляется возможным выделить шесть разных культурных традиций составления формовочных масс керамики, а если учесть, что многие из этих рецептов сочетались с разными вариантами основного пластичного сырья, то число этих традиций возрастает до 14 вариантов (табл. 7).

Среди шести выделенных рецептов формовочных масс наиболее массовым был только один – “глина + песок + органический раствор” (59%), относительно часто использовались еще два рецепта: “глина + органический раствор” (13 %) и “глина + шамот + органический раствор” (10%). Остальные три рецепта зафиксированы суммарно в 18% случаев. Следует подчеркнуть, что гончары, составлявшие формовочную массу по первому рецепту, использовали два варианта высокопластичной и четыре варианта среднепластичной глины, применявшие второй рецепт – три варианта среднепластичной и один вариант низкопластичной глины, а гончары, работавшие по третьему рецепту – один вариант высокопластичной, два варианта – среднепластичной и один вариант низкопластичной глины. В целом отмеченное разнообразие указывает на значительную нестабильность гончарных традиций на подготовительной стадии гончарной технологии, что вероятно характерно для ранних обществ с разнообразным составом населения.

В результате впервые проведенного специального технико-технологического изучения обломков от разных 39 сосудов с поселения Ботай оказалось возможным сделать следующие выводы.

1. Гончары, обитавшие на поселении, использовали для изготовления посуды среднежелезненные глины разной пластичности. Наиболее массово применялись глины средней (69%), реже – высокой (18%) и низкой (13%) пластичности.

2. На основании фиксации степени пластичности глины и состава естественных минеральных примесей предварительно выделено 8 разных условных мест добычи исходного пластичного сырья. Это может указывать на бытование здесь нескольких гончаров или нескольких групп гончаров, использовавших разные источники этого сырья. Наиболее широко использовались две залежи среднепластичной глины: с примесью только естественного песка (49% сосудов) и с естественной примесью бурого железняка (21%).

3. Анализ состава искусственных добавок указывает на применение гончарами разных рецептов составления формовочных масс. Наиболее распространенным был рецепт “глина + средний песок (в концентрации 1 : 3–4)”. Реже использовался рецепт “глина + средний или крупный шамот (в концентрации 1 : 5–6)”. Еще реже применялся простой рецепт “глина + органика”.

4. Обитатели поселения Ботай в разное время были представлены носителями примерно трех групп гончарных традиций: наиболее массовой –

“глина + песок + органика” (64%), менее массовой – “глина + шамот + органика” – 23% и наиболее редкой – “глина + органика” – 13%.

Важно подчеркнуть, что по изученным материалам пока не зафиксированы смешанные рецепты формовочных масс, что может указывать на существование на поселении носителей разных традиций гончарного производства в разные периоды его истории.

Изучение орнаментальных традиций ботайской керамики позволило сделать следующие выводы: наиболее массовым элементом орнамента является гребенчатый (49%), мотивы видов 1 (47%) и 3 (69%) из гребенчатых элементов самые распространенные. Среди орнаментальных образов часто встречается простой образ из гребенчатого мотива и зоны без орнамента (66%), тройной сложный образ из двух пересекающихся гребенчатых мотивов и зоны без орнамента (87.5%). Таким образом, на поселении Ботай наиболее массовым населением были носители культуры гребенчатой керамики, представленные отдельными группами, имевшими некоторые различия в технологических гончарных традициях.

Выражаем благодарность Ю.Б. Цетлину за руководство стажировкой и консультации в процессе изучения керамики поселения Ботай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1999. С. 5–109.
- Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 128 с.
- Зайберт В.Ф.* Охранные работы Северо-Казахстанской археологической экспедиции // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ АН СССР, 1981. С. 49–50.
- Зайберт В.Ф.* Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Иртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Тез. докл. Барнаул: ИИФиФ: АлтГУ, 1983. С. 88–90.
- Зайберт В.Ф.* Ботайская культура. Алматы: КазАқпарат, 2009. 576 с.
- Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И.* Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИА. 1984. Вып. 177. С. 81–90.
- Мартынюк О.И.* Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1985. С. 59–72.
- Мосин В.С.* Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.
- Цетлин Ю.Б.* Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. / Ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 421–425.
- Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.
- Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Чернай И.Л.* Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита – бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1985. С. 93–109.

КЕРАМИКА ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ КУРЬЯ 1 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

© 2014 г. В.В. Илюшина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень (vika_tika@mail.ru)

Ключевые слова: *Нижнее Притоболье, поселение Курья 1, федоровская культура, керамика, технико-технологический анализ.*

The article considers the results of the techno-technological analysis of the ceramics of Fedorovo culture of the settlement Kurya 1 in the Lower Tobol region. The research allows unraveling the traditions of selecting and preparing the basic plastic raw material, setting the moulding masses and constructing the vessels. The skills of potters in surface treatment, hardening and moisture permeability removing were revealed. Following the results of the comparative analysis of the pottery traditions of the settlement's citizens, their mixed characters in selecting the plastic raw material and composing the moulding masses have been discovered. The comparison of the data with the technological information about ceramics assemblages from the cross-border regions showed that at least a part of the Fedorovo culture citizens, particularly those that had the skills in selecting raw material with the naturally occurring impurities from the river clamshells and forming of the moulding mass with land waste, are considered to be aliens on the territory of the Lower Tobol region.

Гончарное производство отдельных групп населения андроновской культурно-исторической общности (алакульская, федоровская культуры), занимавших лесостепные территории Западной Сибири, редко становилось предметом специального изучения. К выяснению особенностей изготовления керамики алакульской и федоровской культур могильника Ермак IV и поселения и городища Черноозерье I на территории Среднего Прииртышья обращался ряд исследователей (Генинг, Стефанов, 1993. С. 74–78; Глушков, 1996. С. 95–97, 105–107). О.В. Софеевым технико-технологическому исследованию подвергнута керамика, относящаяся к андроновскому хронологическому горизонту, из многослойного поселения Каргат-6, находящегося в Южной Барабе (1990. С. 89–99). Ценны в этом отношении наблюдения Т.М. Потемкиной за визуально фиксируемыми примесями в формовочной массе керамики алакульской и федоровской культур поселений Язевое I, Камышное I и II, расположенных в Среднем Притоболье (1985. С. 42–45, 82). К настоящему времени проведен специальный технико-технологический анализ керамики алакульской и федоровской культур Нижнего Притоболья с поселений Ук III, Черемуховый Куст (Илюшина, 2010. С. 173–176; 2012. С. 41–50). Что касается технологического изучения керамики других регионов, входящих в ареал алакульской и федоровской культур, то данные по технологическим особенностям керамических комплексов Южного Зауралья весьма незначительны (Григорьев и др.,

2009. С. 40–43). Более объемная технологическая информация, полученная в ходе исследования керамических комплексов поселений и могильников алакульской и федоровской культур Северного, Центрального и Восточного Казахстана (Кузьмина, 1986. С. 152–183; Ермолаева, Тепловодская, 1993. С. 89–100; Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 111–163; Ломан, 1993; Бейсенов, Ломан, 2009. С. 34–36, 61, 62).

Таким образом, цель настоящей работы – введение в научный оборот нового источника историко-культурной информации, а именно – технологии изготовления керамики у населения федоровской культуры поселения Курья 1 и определение места керамических комплексов Нижнего Притоболья среди других регионов.

Многослойное поселение Курья 1, расположенное на берегу оз. Курья в Тюменском р-не Тюменской обл., исследовалось под руководством Е.Н. Волкова в 2007 г. (Волков и др., 2007. С. 240–242; Зах и др., 2013. С. 10–23). В раскопе общей площадью 315 м² кроме материалов, относящихся к эпохе бронзы, обнаружены комплексы эпох неолита, раннего металла, переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку и средневековья. Керамика федоровской культуры в целом насчитывает около 400 сосудов (по верхним частям), из которых 139 наиболее крупных фрагментов от разных сосудов подвергнуты технико-технологическому анализу. В морфологическом отношении эти сосуды пред-

ставлены горшечно-баночными формами (72%), горшками (22.3%) и банками (5.7%) преимущественно с округлой (74.8%) или уплощенной (23.7%) формой среза венчика. Толщина стенок фрагментов чаще всего не превышает 0.6–0.7 см (69.7%).

Проведенный технико-технологический анализ осуществлен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (1978), и выделенной им структуры гончарного производства, включающей 10 обязательных и 2 дополнительных ступени, которые объединены в три последовательных стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную (1999. С. 9–11). С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки от каждого экземпляра были нагреты в муфельной печи до 850° С.

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1–3). Для изготовления посуды гончарами федоровской культуры применялись два вида исходного пластичного сырья (ИПС): природные глины и илестые глины.

Природные глины (71 сосуд или 51.1%) характеризуются наличием следующих естественных компонентов: 1) песок кварцевый прозрачный и полупрозрачный в основном окатанный (лишь в изломе одного образца песок представлен остроугольной фракцией). Размер песчинок составляет от менее 0.1 до 0.1–0.3 мм, также фиксируется различное количество включений размером от 0.4–0.8 до 1.0 мм; 2) разнообразные железистые включения округлой и аморфной формы размером до 0.5–3.0 мм; 3) оолитовые частицы бурого железняка, размер которых варьирует в пределах от 0.5 до 2.0 мм; 4) единично представлены обломки лимонита в виде матовых бурых включений геометрической формы размером 0.5–4.0 мм; 5) пылевидные листочки слюды, размер которых не превышает 0.4 мм.

Илестые глины (66 сосудов или 47.5%) в качестве естественных примесей содержат: 1) кварцевый в основном окатанный прозрачный и полупрозрачный песок размером 0.1–0.3 мм, фиксируется также пылевидная фракция, встречаются песчинки от 0.5–0.8 мм до 1.0–1.5 мм; 2) железистые включения округлой или овальной формы размером от 0.1–2.5 мм до 3.0–7.0 мм; 3) оолитовые включения бурого железняка, представленные зернами от 0.3–0.8 до 1.0–2.5 мм; 4) встречаются единичные обломки лимонита до 1.5–3.0 мм; 5) пылевидные листочки слюды размером 0.2–0.4 мм; 6) отпечатки и разрушенные включения раковин речных моллюсков размером от 0.3–1.0 до 2.0–5.0 мм (от 3–4 до 35 включений на 1 см²) (рис. 1, 2); 7) окатан-

ные комочки чистой глины размером от 0.3–1.2 до 7.0 мм; 8) отпечатки от недеформированных обрывков стеблей и листьев растений размером от 2.0–8.0 мм до 1.0–3.0 см (рис. 1, 1, 3). В одном случае отмечен отпечаток водорослей в виде пучка длиной 4.0 мм, редки отпечатки семян растений размером 1.0–3.0 мм; 9) обломки чешуи размером 0.5–4.5 мм (рис. 1, 4) или косточек рыб (размер включений составляет 0.5–3.0 мм). Следует отметить, что не все сосуды содержат всю совокупность составляющих данного сырья, но различные сочетания выделенных компонентов позволяют отнести их к одному виду исходного сырья – илестым глинам.

В изломах 15 сосудов, изготовленных как из природных, так и из илестых глин, встречаются рыхлые светло-коричневые включения чаще всего аморфной, реже – геометрической формы размером от 0.2–0.4 до 1.0–3.5 мм. Наличие данных включений, возможно, обусловлено особенностями сырья, о чем может свидетельствовать присутствие подобных комочков в некоторых пробах исходного пластичного сырья, отобранных в районах юга Тюменской области.

Особый интерес вызывают два сосуда (1.4%), при конструировании которых, вероятно, были использованы “строительные элементы”, изготовленные из различного ИПС – слабозапесоченной глины и слабозапесоченной илестой глины. Исходя из данных особенностей, эти образцы не могут быть четко соотношены как с глинами, так и с илестыми глинами.

Различная степень запесоченности ИПС, выявленная в ходе изучения состава формовочных масс сосудов, позволяет говорить о том, что при их изготовлении использовались слабозапесоченные, средnezапесоченные и сильноzapесоченные глины и илестые глины (табл. 1). Слабозапесоченное ИПС характеризуется наличием песка размером 0.1–0.3 мм в концентрации примерно 10–15 включений на 1 см², также присутствует незначительное количество пылевидной фракции, которая определяется по блеску, встречаются единичные включения от 0.4 до 0.8 мм. Средnezапесоченное ИПС

Таблица 1. Соотношение групп исходного пластичного сырья керамики федоровской культуры, число сосудов (%)

Виды ИПС	Природные глины	Илестые глины
Слабозапесоченное	31 (22.3)	34 (24.5)
Средnezапесоченное	32 (23.0)	26 (18.7)
Сильноzapесоченное	8 (5.8)	6 (4.3)
Всего сосудов	71 (51.1)	66 (47.5)

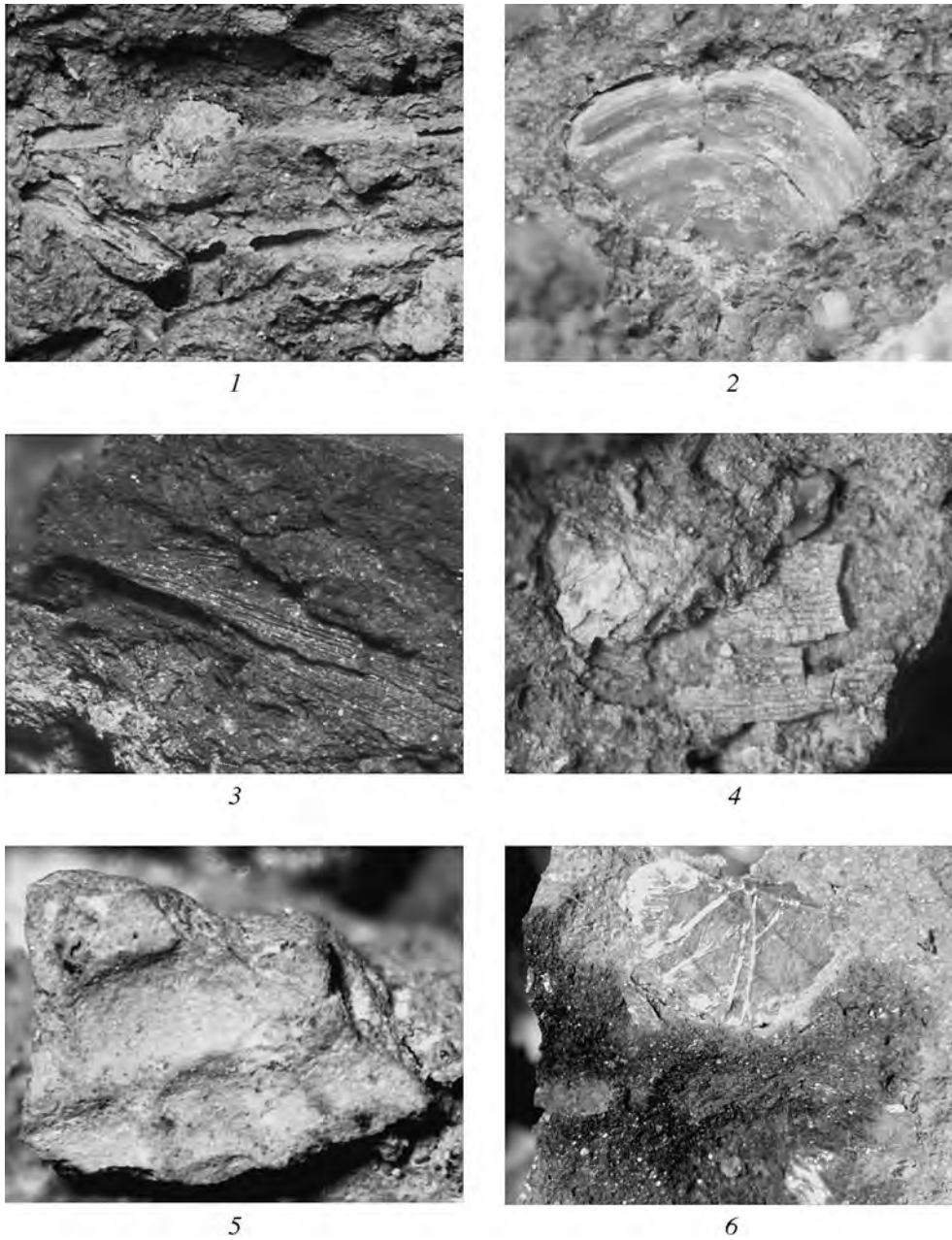

Рис. 1. Микроснимки естественных (1–4) и искусственных (5–6) примесей в изломах керамики федоровской культуры поселения Курья: 1, 3 – отпечатки и фрагменты обрывков стеблей и листьев растений (увеличение $\times 25$ и 15); 2 – фрагмент раковины пресноводных моллюсков (увеличение $\times 30$); 4 – фрагменты чешуи (увеличение $\times 30$); 5 – включение шамота (увеличение $\times 20$); 6 – слюда (увеличение $\times 15$).

содержит частицы песка размером менее 0.1 мм, 0.1–0.2 мм в концентрации 20–25 включений на 1 см², часто фиксируются песчинки до 0.5–1.0 мм. Сильнозапесоченное ИПС характеризуется наличием пылевидного песка и фракции размером от 0.1 мм до 0.4 мм в концентрации 30–50 и более включений на 1 см², также присутствуют частицы размером до 1.0–1.5 мм.

Проведенный анализ свидетельствует, что все виды исходного сырья использовались в состоянии

естественной влажности, признаки высушивания и последующего дробления его не зафиксированы.

Составление формовочных масс (ступень 4). По исследованному материалу зафиксировано, что в качестве компонентов формовочной массы использовались минеральные (шамот, тальковая дрезва, предположительно песок), органоминеральные (кальцинированная кость) и органические (органический раствор, навоз жвачных животных и выжимка из него) добавки.

В каждом из исследованных сосудов зафиксирован шамот, который скорее всего не подвергался калибровке, а допускалась верхняя крупность шамота в основном не более 2.5–3.0 мм, но нередко фиксируются и включения размером до 5.0–6.0 мм. Концентрация шамота в формовочной массе варьирует от 1 : 2 до 1 : 7, но чаще всего он добавлялся в пропорции 1 : 4/5 (102 сосуда или 73.4%), реже – 1 : 3 (16 сосудов или 11.5%), 1 : 6 (15 сосудов или 10.8%), 1 : 7 (5 сосудов или 3.6%) и 1:2 (1 сосуд или 0.7%).

При изучении корреляции концентрации шамота в формовочных массах, степени запесоченности ИПС, и характера форм изученных сосудов жестких закономерностей не выявлено.

Определение талька как искусственной примеси базировалось на признаках, выявленных Л.А. Краевой (2010. С. 60). Данная добавка встречена в составе формовочной массы двух сосудов и представлена обломками и чешуйками размером от 0.2 до 5.5 мм, но в основном от 0.5–2.5 мм (рис. 1, 6). Концентрация талька в формовочной массе одного из сосудов составляет 1 : 5. В изломах другого изделия тальк представлен в весьма незначительной концентрации – 1 : 8, однако отсутствие его в составе шамота, входящего в формовочную массу данного сосуда, а также тальковой пыли позволяет рассматривать тальк в данном случае как компонент формовочной массы.

Выделение песка как искусственной примеси всегда вызывает затруднения, так как гончарами в основном использовалось сырье, в котором высока доля песчаной примеси естественного происхождения. Основываясь на наблюдениях за размерностью включений и их расположением в изломах 11 сосудов, более вероятно заключение о его искусственном введении. Включения песка кварцевые, окатанные, довольно мелкие, часто не превышают 1.0 мм в поперечнике. Основная фракция, отнесенная к искусственной примеси, составляет 0.4–0.8 мм, редко – 1.0–1.5 мм. Концентрация песка составляет 1 : 4 (2 сосуда или 18.2%), 1 : 5 (5 сосудов или 45.5%) и 1 : 6 (4 сосуда или 36.3%).

Кальцинированная кость зафиксирована в составе формовочных масс восьми сосудов, она представлена обломками молочно-белого, иногда черного цвета размером от менее 0.5 до 3.5 мм. Эта добавка фиксируется либо единичными включениями (три сосуда или 37.5%), либо в незначительной концентрации 1 : 5 (один сосуд или 12.5%), 1 : 6 (два сосуда или 25 %) и 1 : 7 (два сосуда или 25%).

Выжимка из навоза жвачных животных отмечена в формовочной массе подавляющего числа сосудов.

Данный компонент формовочной массы характеризуется незначительным количеством отпечатков сильно измельченной растительности размером 0.5–2.0 мм, реже встречаются обрывки до 3.0–9.0 мм, в единичных случаях зафиксированы отпечатки от семян. Кроме того, наблюдаются отдельные пустоты или трещины размером 0.5–1.5 мм, как бы стянутые внутри со сглаженными матовыми стенками, располагающиеся вокруг минеральной примеси. Иногда в пустотах и на поверхностях изломов наблюдаются сероватые, белесые, серо-коричневые рыхлые налеты. В четырех образцах присутствуют углистые включения размером 0.5–1.0 мм. Фиксируются также редкие рыхлые светло-коричневые комочки размером до 1.0–2.0 мм, связанные с выделениями из организма животных избыточных микроэлементов, входивших в состав растений (Бобринский, 1999. С. 19). Использование примеси собственно навоза жвачных животных зафиксировано по пяти сосудам. Данная примесь характеризуется достаточно большим количеством отпечатков растительности размером от 0.5–2.0 мм до 5.0–10.0 мм часто в сочетании с пустотами, покрытыми матовыми пленочками, что свидетельствует о добавке примеси в состоянии естественной влажности.

В значительной части сосудов зафиксированы аморфные пустоты (от 0.5 до 3.0 мм в диаметре) или удлиненные трещины (до 4.0 мм), стеночки которых, а также минеральные примеси покрыты маслянистыми бесцветными, коричневатыми, серыми пленками или корочками, часто в сочетании с углистыми включениями, как отдельными в виде стеклообразных кристалликов, так и в виде пленок, покрывающих поверхности изломов. Данные признаки указывают на введение каких-то органических растворов в формовочную массу изделий.

Выше были описаны обломки двух сосудов, по изломам которых мною отмечено использование строительных элементов, изготовленных из разных видов сырья. Учитывая нестандартность данных экземпляров, описание и учет выявленных рецептов формовочных масс приводятся отдельно. Формовочные массы “строительных элементов” одного из фрагментов составлены по рецептам “глина + шамот + выжимка из навоза” и “илистая глина + шамот + органический раствор”. По изломам второго фрагмента зафиксировано, что формовочная масса одного из строительных элементов изготовлена по рецепту “глина + шамот + тальк + выжимка из навоза”, второго – “илистая глина + шамот + выжимка из навоза”. На сегодняшнем уровне знаний затруднительно уверенно говорить о преднамеренном использовании различных формовочных масс при изготовлении данных сосудов. Возможно, на-

Таблица 2. Сочетание разных видов исходного сырья и состава формовочных масс керамики федоровской культуры, число сосудов (%)

Состав формовочных масс	Природные глины	Илистые глины
Ш	–	1 (1.5)
Ш + В	43 (60.6)	36 (54.6)
Ш + ОР	11 (15.5)	22 (33.4)
Ш + Н	3 (4.2)	1 (1.5)
Ш + К + В	3 (4.2)	1 (1.5)
Ш + К + ОР	–	2 (3.0)
Ш + К + Н	1 (1.4)	–
Ш + П + В	6 (8.5)	2 (3.0)
Ш + П + ОР	3 (4.2)	–
Ш + Т + В	1 (1.4)	–
Ш + К + Т + В	–	1 (1.5)
Всего сосудов	71 (100.0)	66 (100.0)

Примечание: Ш – шамот; ОР – органический раствор; В – выжимка из навоза жвачных животных; Н – навоз жвачных животных; К – кальцинированная кость; Т – тальк; П – песок.

копление подобного рода наблюдений со временем даст возможность для обоснования неслучайного характера выявленных особенностей в технологии гончаров федоровской культуры.

На основании корреляции различных видов добавок с видами исходного сырья удалось выделить 16 рецептов составления формовочных масс. 8 рецептов создавались на основе илистой глины: шамот + выжимка из навоза; шамот + органический раствор; шамот + навоз; шамот + кость + выжимка из навоза; шамот + кость + органический раствор; шамот + песок (?) + выжимка из навоза; шамот; шамот + тальк + кость + выжимка из навоза. Другие 8 рецептов базировались на использовании природной глины: шамот + выжимка из навоза; шамот + органический раствор; шамот + навоз; шамот + кость + выжимка из навоза; шамот + кость + навоз; шамот + песок (?) + выжимка из навоза; шамот + песок (?) + органический раствор; шамот + тальк + выжимка из навоза.

При корреляции навыков отбора исходного пластичного сырья и составления рецептов формовочных масс жестких закономерностей не выявлено (табл. 2). Можно отметить лишь то, что органические растворы чаще фиксируются в формовочных массах сосудов, изготовленных из илистых глин, а такие компоненты как песок и тальк чаще добавлялись к природным глинам. Примесь кости фиксируется в сосудах, изготовленных как из природных глин, так и из илистых глин.

Технологическому анализу подвергался также и шамот как основной компонент формовочных масс, так как его состав может указывать на сте-

пень устойчивости навыков труда на ступени составления формовочных масс керамики (Цетлин, 1980. С. 11; Моргунова и др., 2010. С. 123). Наблюдения показали, что формовочная масса керамики, использованной для изготовления шамота, чаще всего в своем составе имеет только шамот (102 сосуда или 73.4%) иногда в сочетании с органикой в виде отпечатков растительности. По четырем сосудам в частицах шамота зафиксированы обломки кальцинированной кости. В формовочной массе 28 сосудов отмечен шамот с шамотом и шамот с тальком, единичен фрагмент, в котором зафиксированы включения шамота с разным составом – с шамотом, с тальком и с обломками кальцинированной кости. В двух сосудах шамот содержит только тальк в сочетании с обломками минералов. Интересно, что шамот с примесями талька, кальцинированной кости встречен в тех сосудах, в формовочных массах которых эти примеси не присутствовали. В шамоте 24 сосудов зафиксированы остатки и пустоты от выщелоченной раковины речных моллюсков, которая, скорее всего, являлась естественной примесью, на основании чего представляется возможным предполагать использование илистых глин для изготовления части сосудов, пошедших потом на шамот. Корреляция видов исходного сырья, выделенных по изученным сосудам, и сырья, из которого были изготовлены раздробленные на шамот сосуды, показала, что шамот, по которому зафиксировано использование илистых глин, содержится в 6 сосудах из природных глин и в 18 – из илистых глин.

Таким образом, технологический анализ шамота показывает, что в гончарстве населения федоровской культуры навыки отбора в качестве исходного сырья глин и илистых глин были устойчивыми, при этом шамот из илистой глины зафиксирован в составе масс, изготовленных из природных глин, и, наоборот, шамот из природных глин присутствует в большинстве сосудов, изготовленных из илистых глин. Данный факт указывает на сосуществование гончаров, использовавших разное исходное сырье, в рамках одного поселка, смешение, которое, по всей вероятности, постоянно происходило в среде федоровского населения, а также на постепенное формирование культурной однородности. Об этом же может свидетельствовать и состав формовочной массы шамота, где при доминирующей традиции использования шамота, зафиксированы навыки составления рецептов с применением кальцинированной кости и талька.

Конструирование начина и полого тела, формообразование сосудов (ступени 5–7). К сожалению, из-за фрагментированности материала, частичные данные о навыках конструирования начинов уда-

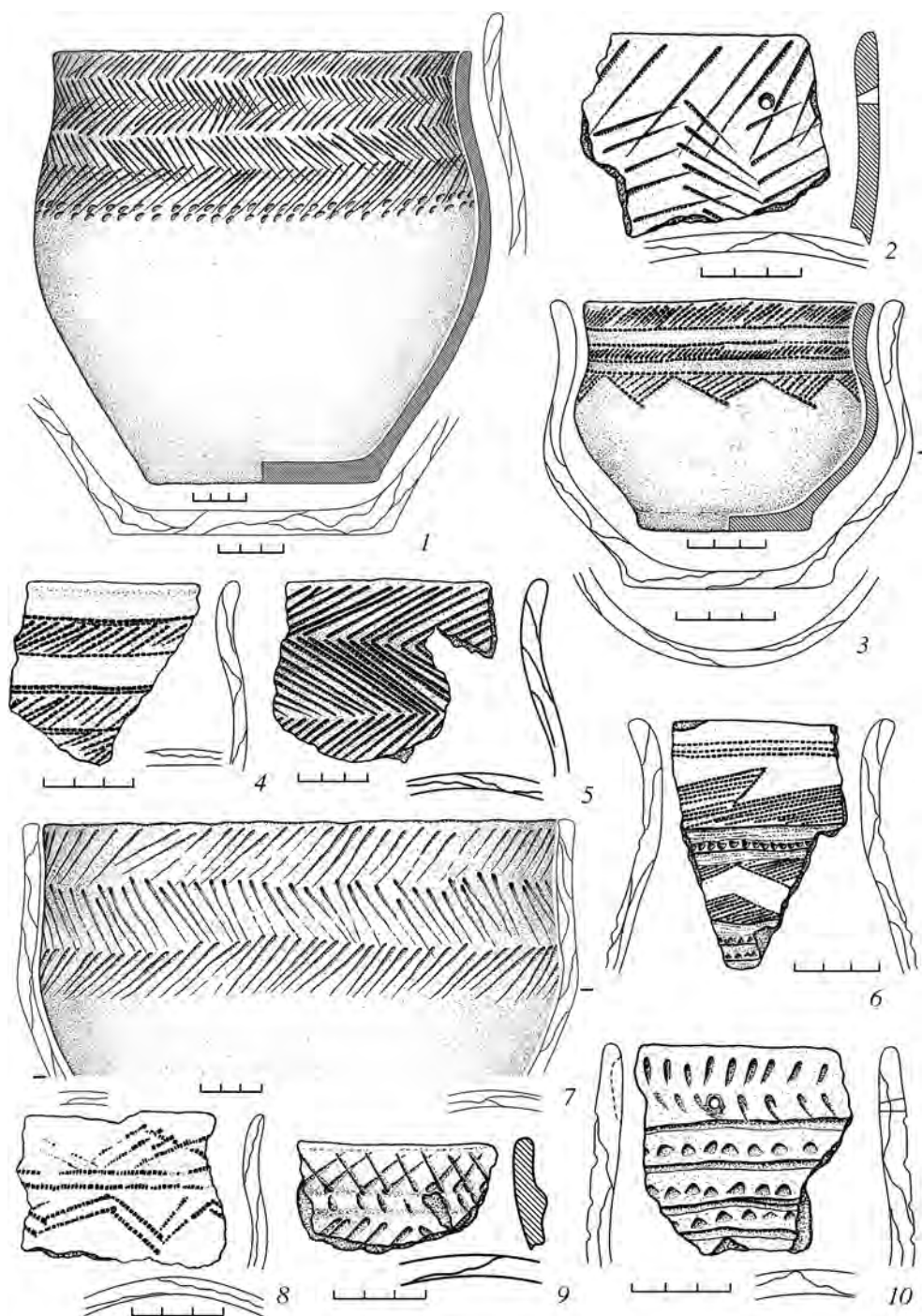

Рис. 2. Конструирование начин и полога тела сосудов.

лось получить только по обломкам от двух сосудов (рис. 2, 1, 3). В обоих случаях изготовление начин производилось в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. На внутренней поверхности дна одного из изделий обнаружен статичный отпечаток предположительно от тканевой прокладки, что может указывать на использование формы-основы при конструировании начин сосу-

дов. Многослойность изломов свидетельствует об использовании лоскутов или коротких жгутиков, которые накладывались по траектории близкой спиралевидной.

Полое тело указанных сосудов, а также еще 30 верхних частей изделий конструировалось с помощью лоскутов или коротких жгутиков (рис. 2, 1-10; рис. 3, 1-9, 12; рис. 4, 1, 5, 11).

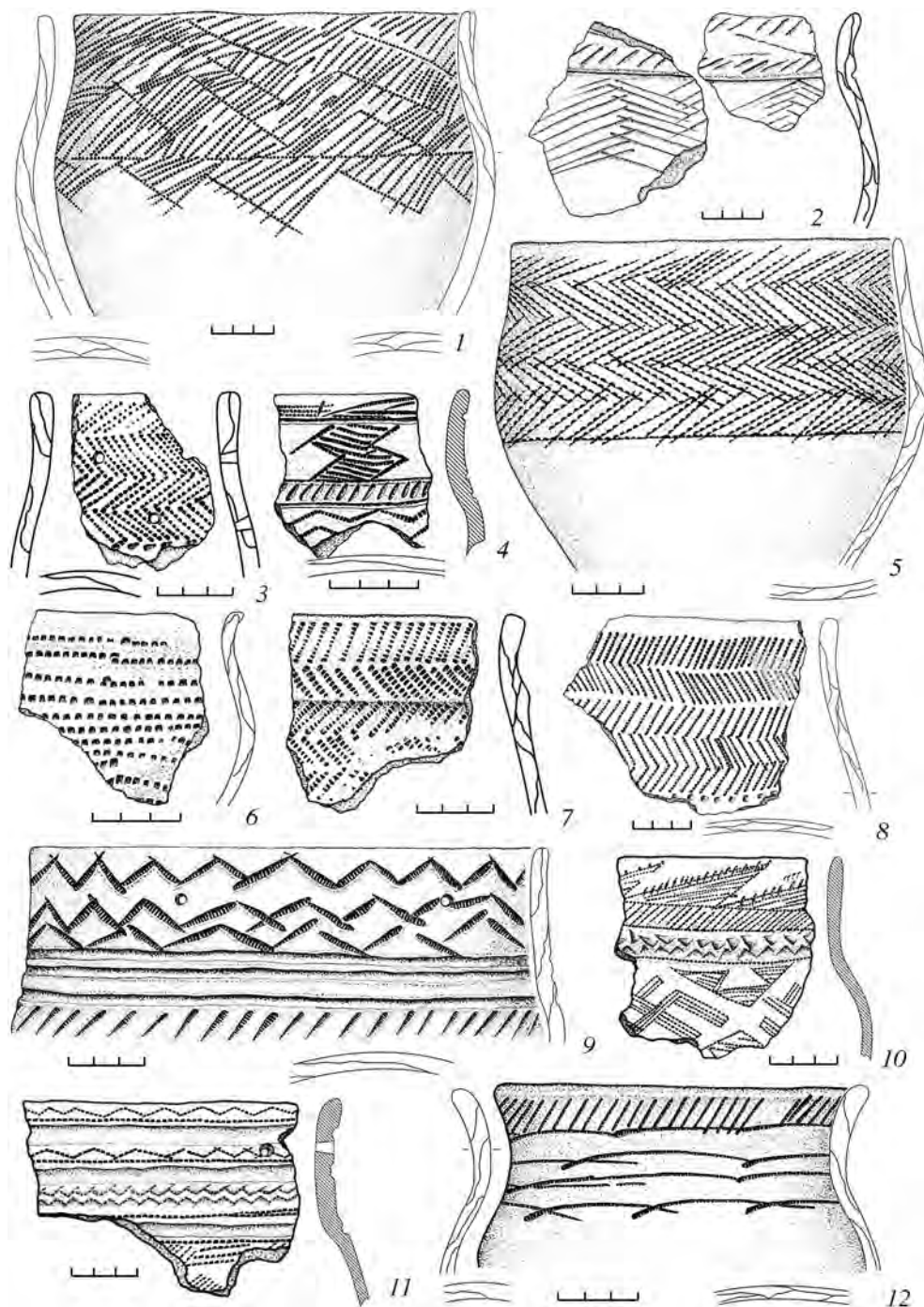

Рис. 3. Конструирование полового тела сосудов.

Придание сосудам формы производилось в процессе конструирования за счет применения формоделей, а также с помощью выбивания гладкой колотушкой и выдавливания пальцами.

Способы механической обработки поверхностей (ступень 8). Внутренняя и внешняя поверхности сосудов чаще всего заглаживались тканью, пальцами, реже – орудиями с твердым гладким или зубчатым рабочим краем (деревянные и костяные шпатели,

штампы, гальки). Зачастую при заглаживании внутренней поверхности сосудов использовались разные инструменты – как с твердым, так и с эластичным рабочим краем. На внутренних поверхностях 46 сосудов и на внешней поверхности 94 изделий зафиксированы следы лощения по подсушенной основе гальечкой или костяным лощилом. В ряде случаев плохая сохранность поверхностей фрагментов не позволила выявить приемы их обработки.

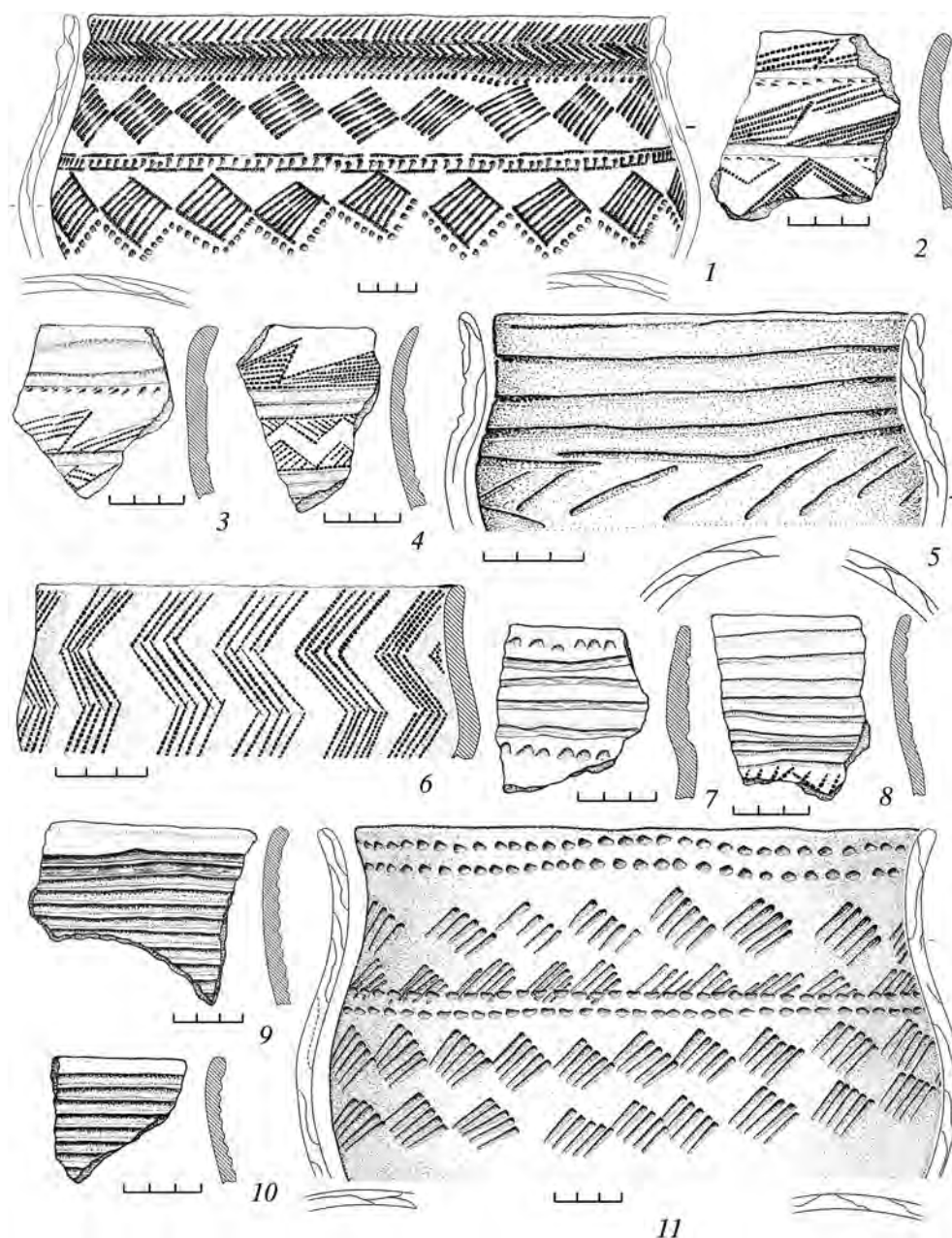

Рис. 4. Конструирование полого тела и особенности орнамента сосудов.

Отметим, что при анализе отдельных частиц шмота, на которых сохранились участки поверхностей, также были зафиксированы следы лощения, что позволяет считать данный прием обработки поверхностей достаточно устойчивым в среде гончаров федоровской культуры.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10). Среди способов придания прочности гончарным изделиям выделяются холодные, смешанные и горячие (Бобринский, 1999. С. 85–106). Полученные данные позволяют заключить, что в данном случае

решение этой задачи осуществлялось смешанными способами, т.е. путем введения органических компонентов в формовочную массу и обжига высушенных изделий. А.А. Бобринским отмечено, что введение в формовочную массу различных органических примесей уменьшает вредное влияние усадки глины на изделия во время их высушивания и обжига (1978, С. 90). Примечательно, что в ряде случаев фрагменты, в формовочную массу которых входит органический раствор и, реже, выжимка из навоза, не прокалились на всю глубину черепка при дополнительном обжиге, т.е. сердцевина образцов осталась серой или темно-серой, а поверхностные

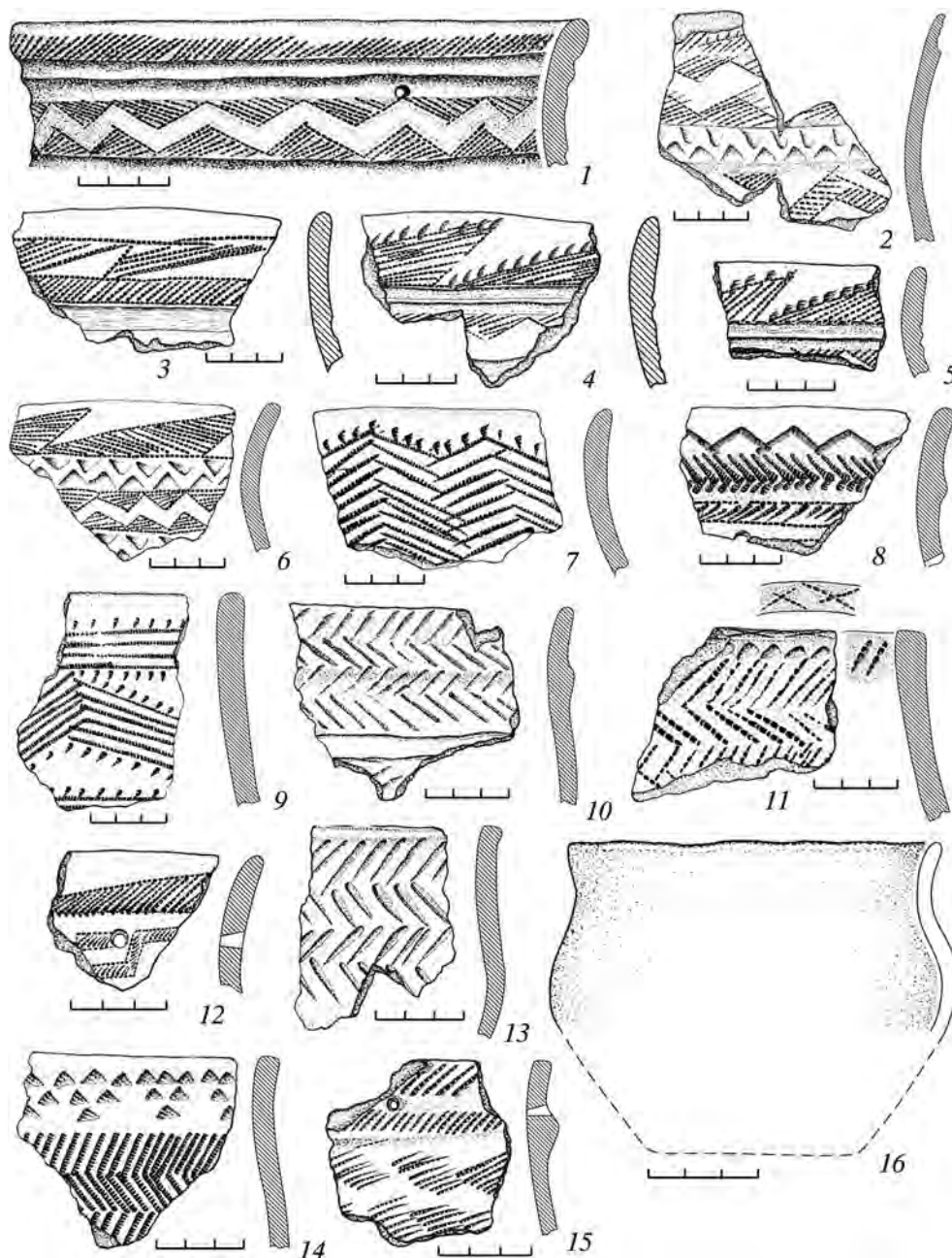

Рис. 5. Особенности орнамента сосудов.

слои приобрели коричневую окраску. Подобное поведение формовочных масс при воздействии температур каления, составленных по рецептам, включающим органические растворы, зафиксировано А.А. Бобринским и И.Н. Васильевой при исследовании неолитической керамики стоянки Каир-Шак III (Прикаспий) (1998. С. 212). Основываясь на наблюдениях исследователей, можно говорить о том, что, по всей видимости, использование органических компонентов, обладающих способностью придания прочности и влагонепроницаемо-

сти изделиям, в гончарстве населения федоровской культуры сохранилось в качестве реликта.

Анализ цветовой характеристики изломов изученных фрагментов сосудов указывает на то, что они обжигались в различных условиях – в восстановительной, окислительной и смешанной окислительно-восстановительной среде. Сосуды, имеющие двух- или трехслойную окраску изломов испытывали непродолжительное действие температур каления (выше 600–650° С), о чем свидетельствует ширина осветленных слоев, которая,

как правило, составляет около 0.5–2.0 мм (отмечено для 103 сосудов или 74%). После достижения температур каления часть сосудов быстро извлекалась из обжигового устройства, что фиксируется по четкой границе между осветленными слоями и темно-серой сердцевиной (90 сосудов или 64.7%), другие оставались остывать в обжиговом устройстве, на что указывает размытая граница между цветовыми слоями (13 сосудов или 9.3%). Другая группа фрагментов сосудов в изломе имеет сплошную темно-серую окраску и зачастую пятнистую коричнево-серую окраску внешней поверхности, что свидетельствует об окислительно-восстановительном режиме обжига (35 сосудов или 25.3%). Обломок только от одного сосуда (0.7%) имеет практически сплошной осветленный излом, что свидетельствует о достаточно длительном нахождении изделия в зоне высоких температур, возможно, связанном с попаданием данного фрагмента в огонь уже после разрушения сосуда. Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов позволяют предположить, что обжиг изделий проводился в кострищах или очагах.

Орнаментация изделий (12-я, необязательная ступень гончарного производства). Поскольку в данной работе не ставилась цель специального изучения декора сосудов, остановимся только на самых общих моментах. Из 139 изученных сосудов один совсем не имеет орнаментации (рис. 5, 15). Узор наносился на шейку и верхнюю часть тулова сосудов в технике штампования (гребенчатый штамп – 75.5%, гладкий – 17.2%), прочерчивания (43.9%) и вдавления концом гребенчатого или гладкого штампа, лопаточкой (35.2%). Орнаментация сосудов весьма разнообразна. В мотивах преобладают желобки и каннелоры (рис. 2, 10; рис. 3, 4, 9, 11; рис. 4, 2–5, 7–10; рис. 5, 1, 3–5), наклонные или прямые ряды оттисков штампа (рис. 2, 3, 4; рис. 3, 2, 12; рис. 5, 1, 15), разнообразные вдавления, расположенные в ряд (рис. 2, 1, 6, 10; рис. 3, 10; рис. 4, 7, 11; рис. 5, 2, 6, 11), составляющие треугольники (рис. 5, 14), а также обрамляющие зигзаги, прямые линии, треугольники (так называемая “бахрома”) (рис. 3, 10; рис. 5, 4, 5), горизонтальный и вертикальный зигзаги (рис. 2, 1, 5, 7, 8; рис. 3, 3, 5, 7–9, 11; рис. 4, 1, 6; рис. 5, 10, 11, 13, 14), горизонтальные линии (рис. 2, 3, 4, 6, 8; рис. 3, 1, 5, 6, 10–12, рис. 5, 9, 10), заштрихованные ленты (рис. 2, 3; рис. 3, 1, 4, 10; рис. 4, 1; рис. 5, 2, 3, 8), вертикальная “елочка” (рис. 5, 7, 9). Довольно часто наносились равнобедренные и косые треугольники, заполненные оттисками штампа (рис. 2, 3, 6; рис. 3, 4, 10; рис. 4, 2–4; рис. 5, 1–6, 12). Реже встречаются сетка (рис. 2, 9), горизонтальная елочка (рис. 5, 8), незавершенные и завершенные ромбы (рис. 4, 1, 11; рис. 5, 15), ме-

андры (рис. 3, 10). Единично представлены “уточка” (рис. 5, 12), хаотичные оттиски штампа. Среди скульптурных элементов орнамента выделяются формованные и наклепные валики, на которые зачастую наносился орнамент в виде горизонтальной елочка, сетки, отдельных оттисков штампа (рис. 2, 9; рис. 3, 2, 7; рис. 4, 1; рис. 5, 8, 10, 15).

Следует отметить, что на крупных включениях шамота в ряде случаев зафиксирован орнамент, представленный желобками и отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1, 5), что также может указывать на устойчивость приемов орнаментации сосудов у гончаров федоровской культуры.

Таким образом, проведенный технико-технологический анализ керамики федоровской культуры зафиксировал разнообразие навыков изготовления посуды. Привлечение полученной технологической информации к изучению конкретных исторических процессов должно основываться на понимании того, что любая гончарная технология как системное образование обладает устойчивостью, которая проявляется в фактах многократного воспроизведения одних и тех же навыков работы в каждом новом цикле производственного процесса и обеспечивается четырьмя факторами: изготовлением привычных (традиционных) форм изделий; наличием устойчивой среды ее потребителей; наличием технических средств изготовления посуды; доступностью сырья (Бобринский, 1999. С. 8, 48–49). Этнографические данные свидетельствуют о том, что устойчивое состояние системы гончарной технологии характеризует относительную замкнутость гончаров, их “привязанность” к ограниченному пространству, очерченному рамками поселения, где они работают, и ближайшей периферией, где распространяется их продукция. По всей видимости, в древности подобные условия были не только преобладающими, но и более жесткими (Бобринский, 1999. С. 52). Поскольку по мнению многих исследователей, федоровское население было пришлым на территории лесостепной зоны Западной Сибири и, в частности, Тюменского Притоболья, допустимо предположить, что устойчивость гончарной системы этого населения постоянно нарушалась контактами с носителями иных гончарных традиций и необходимостью использования разных источников сырья. Важно подчеркнуть, что в структуре гончарного производства одни навыки труда являются приспособительными, т.е. наиболее чутко реагирующими на изменения условий проживания группы населения или социокультурной обстановки, а другие способны сохраняться достаточно долгое время, т.е. являются субстратными (Бобринский, 1978. С. 242–244). К приспособительным навыкам относятся приемы

отбора сырья, составления формовочных масс, обработки поверхностей изделий, субстратными в системе гончарной технологии выступают навыки конструирования начинов и полого тела сосудов, их формообразования.

Подводя итоги проведенному анализу, можно сделать следующие выводы. В рамках поселения Курья 1 проживало, по крайней мере, две группы гончаров, владеющих разными навыками отбора исходного пластичного сырья – природных глин (51.1%) и илестых глин (47.5%). Анализ шамота, входящего в состав формовочных масс, показал, что сосуды, из которых сделан шамот, в основном изготовлены из природных глин, что дает основание предположить, что их использование все же было доминирующей традицией у федоровских гончаров. Во-вторых, факты наличия шамота из илестой глины в составе масс, изготовленных из природных глин, и, наоборот, присутствие в большинстве сосудов, изготовленных из илестых глин, шамота из природных глин указывают на то, что имевшиеся различия в навыках отбора сырья были обусловлены как смешением носителей разных традиций, так и их приспособлением к новым источникам сырья. Эти же процессы, по всей вероятности, отражает и разнообразие, выявленное по составам формовочных масс. В целом выделяются две массовые традиции составления формовочных масс: “глина + шамот + органические компоненты” (42.4%) и “илестая глина + шамот + органические компоненты” (41.0%). Вместе с тем, фиксируются многочисленные смешанные рецепты, в которых сочетаются органическая и две минеральные (шамот и тальк; шамот и песок), или органическая, минеральная и органоминеральная (шамот и кость; шамот, тальк и кость) добавки. Сосуды со смешанными рецептами изготовлены как из природных глин, так и из илестых. Разнообразие использовавшихся рецептов составления формовочных масс наблюдается и по особенностям состава шамота, однако доминирующей примесью во всех случаях выступает шамот (73.4% изделий).

Небольшое количество целых сосудов не позволяет охарактеризовать количественно традиции конструирования начинов и полого тела, формообразования сосудов. По изученным материалам зафиксирована только донно-емкостная программа изготовления начинов. В качестве “строительных элементов” для изготовления начинов и полого тела сосудов использовались только лоскуты или короткие жгутики, которые наращивались по спиралевидной траектории. При формообразовании сосудов, возможно, использовались формы-основы и выбивание. Обработка поверхностей изделий во

всех случаях осуществлялась простым заглаживанием чаще всего мягкими материалами, после чего производилось лощение как внешних стенок сосудов (67.6% всех изделий), так и их внутренних поверхностей (33.1%). Корреляция выделенных видов исходного сырья и способов обработки поверхностей также не выявила четких закономерностей.

В целом, технология изготовления керамики федоровскими гончарами поселения Курья 1 аналогична технологическим особенностям сосудов другого, вероятно, более раннего поселения Черемуховый Куст. Их хронологическое соотношение может быть установлено по комплексу радиоуглеродных дат: Черемуховый Куст – 3446 ± 95 (УПИ 560), 3280 ± 30 (УПИ 564), 3605 ± 53 (УПИ 569); Курья 1 – 3390 ± 40 л.н. (СОАН 5849), хотя даты Черемухового Куста дают как ранний, так и поздний интервал (Зах, 1995. С. 85; Зах и др., 2011. С. 225).

Керамика поселения Черемуховый Куст также изготавливалась с использованием глин и илестых глин чаще всего с примесью шамота и различных органических добавок, конструирование сосудов осуществлялось лоскутным спиралевидным налепом в соответствии с донно-емкостной программой (Зах, Илюшина, 2010. С. 43–46; Илюшина, 2010. С. 173–176). Вместе с тем, следует отметить, что на поселении Курья 1 уменьшается доля сосудов, в которых в качестве искусственной примеси присутствует дресва. Так, если в материале Черемухового Куста смешанные и несмешанные рецепты формовочных масс с дресвой составляют 10.6%, то на поселении Курья 1 – лишь 2.1% керамики содержат наряду с шамотом и органикой примесь дресвы. Не встречено в комплексе керамики Курья 1 и сосудов, изготовленных из формовочных масс с примесью дробленой раковины речных моллюсков, которая в целом, как и дресва, не характерна для гончарства аборигенного населения Западной Сибири.

Сравнение полученных технологических данных по федоровским комплексам Притоболья с материалами Центрального и Восточного Казахстана показывает их отличие на уровне приспособительных навыков, в частности, традиций составления формовочных масс. В этих районах Казахстана в федоровской керамике в качестве искусственной примеси фиксируется гранитная и гранитно-гнейсовая дресва, а шамот отмечен либо в очень незначительном количестве сосудов, либо в смешанных рецептах (Кузьмина, 1994. С. 114; Ермолаева, Тепловодская, 1993. С. 89–100; Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 111–163; Бейсенов, Ломан, 2009. С. 36, 61). Вместе с тем, по наблюдениям В.Г. Ломана, на территории Северного Казахстана андроновские (федоровские и алакульские) гончары в качестве

искусственной примеси в основном добавляли шамот (1993. С. 28). В керамике федоровской культуры поселения Мочище, расположенном в Южном Зауралье, зафиксирован только один рецепт составления формовочных масс – “исходное сырье + шамот + органический раствор” (Григорьев и др., 2009. С. 41). В комплексах Притоболья добавление шамота также выступает основной традицией. Наличие в формовочных массах и в составе шамота федоровских сосудов в основном тальковой, а не гранитной и гранитно-гнейсовой дресвы может указывать на связь с населением Уральского региона, где добавление талька в формовочные массы является традиционным для местных гончарных производств начиная с неолитического времени.

В силу отмеченных выше объективных причин данные о субстратных технологических традициях гончаров федоровской культуры (конструирование начина и полого тела сосудов) пока очень скромные. Анализ материалов Притоболья позволил выявить только донно-емкостную программу конструирования начина. Эта же традиция отмечена Н.П. Салугиной по федоровской керамике поселения Мочище (Григорьев и др., 2009. С. 41). В Центральном и Северном Казахстане В.Г. Ломаном выделено две принципиально разные программы конструирования – донно-емкостная и емкостная (Ломан, 1993. С. 29; Бейсенов, Ломан, 2009. С. 62). При этом, как отмечает исследователь, для гончарства федоровской культуры традиционны навыки по конструированию только емкостных начин, а появление в федоровских комплексах сосудов с донно-емкостными начинками – результат длительного процесса смешения населения федоровской и алакульской культур (Ломан, 1993. С. 29–30).

В целом, полученные данные по технологии гончарного производства на фоне внешнего сходства комплексов показывают разнообразие навыков труда гончаров в Северном, Восточном и Центральном Казахстане, Южном Зауралье и Нижнем Притоболье, что свидетельствует о неоднородности населения федоровской культуры в разных регионах. На нынешнем этапе изучения пока преждевременно обсуждать проблему генезиса технологических традиций у населения федоровской культуры на территории Тоболо-Ишимья. Представляется возможным предположить лишь то, что часть федоровского населения, в частности, владеющая навыками составления формовочных масс с использованием дресвы, а также дробленой раковины речных моллюсков, зафиксированной по керамике поселения Черемуховый Куст, является пришлой. Вопрос о том, из каких районов ареала федоровской культуры могла происходить миграция этих групп населения,

остается пока открытым и нуждается в дальнейшем исследовании.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-31044/13 “Динамика гончарного производства у населения эпохи бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А.З., Ломан В.Г.* Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: “Инжу-Маржан” полиграфия, 2009. 264 с.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1999. С. 5–109.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1998. С. 193–217.
- Волков Е.Н., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Илюшина В.В., Исаев Д.Н.* Раскопки многослойного поселения Курья 1 // ВИАЭ. № 8. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. С. 240–242.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И.* Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири / Отв. ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. С. 67–111.
- Глушков И.Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1996. 328 с.
- Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Салугина Н.П.* Типология и технология изготовления керамики поселения эпохи поздней бронзы Мочище в Южном Зауралье // Изв. Челяб. науч. центра. Вып. 2 (44). Челябинск: 2009. С. 40–43.
- Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М.* Керамический комплекс из федоровских погребений Восточно-Казахстанского Прииртышья // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии / Отв. ред. В.Ф. Зайберг. Петропавловск: Отдел “Археология северного Казахстана” ИА НАН Республики Казахстан, 1993. С. 89–100.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А., Илюшина В.В.* Посуда федоровской культуры Нижнего Притоболья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // ВИАЭ. Вып. 13. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2010. С. 42–50.

- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е.* Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // ВААЭ. № 1. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. С. 219–233.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И.* Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // ВААЭ. № 1 (20). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. С. 10–23.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления посуды федоровского поселения Черемуховый Куст // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Матер. XV Междунар. Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. / Отв. ред. М.П. Черная. Томск, 2010. С. 173–176.
- Илюшина В.В.* Керамический комплекс алакульской культуры поселения Ук 3 // ВААЭ. № 2 (17). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. С. 41–50.
- Краева Л.А.* К вопросу о примеси талька в сарматской керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 50–65.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М.* Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
- Кузьмина Е.Е.* Гончарное производство у племен андроновской культурно-исторической общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1986. С. 152–182.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. институт культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Кутцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во Оренбургского ГПУ, 2010. 160 с.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притобольшья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Софеев О.В.* Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика / Отв. ред. В.И. Молодин, Е.В. Ламина. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–99.
- Цетлин Ю.Б.* Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9–15.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОРНАМЕНТОВ СЕМИЛОПАСТНЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ МОСКОВСКОГО ТИПА И ПРОБЛЕМА ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2014 г. Н.А. Кренке

Институт археологии РАН, Москва (nkrenre@mail.ru)

Ключевые слова: *височные кольца, семиллопастные, вятичи, орнамент.*

The article gives a new classification of the ornaments on the seven-bladed Moscow type temple rings. Six chronological stages and three ornamental traditions have been pointed out. A suggestion has been made that the Moscow type rings have been developed from the beambled rings with one bead of granulation at the end of dentils and beams. Another suggestion has been made that the development of the Moscow type rings is connected with the process of ethnic consolidation, which was taking place in Moscow region in 12th–13th centuries.

Семь человек изучали семиллопастные височные кольца московского типа – В.И. Сизов (1895), А.В. Арциховский (1930), Б.А. Рыбаков (1948), Т.В. Равдина (1968, 1978), Т.И. Макарова (Макарова, Равдина, 1992), И.Е. Зайцева и Т.Г. Сарачева (2011). Задача по описанию основной хронологической канвы развития этого типа украшений была в результате успешно решена, а вот при историко-этнической интерпретации височных колец исследователи пришли к противоположным заключениям.

Т.В. Равдина, сделавшая больше всех в изучении этой категории украшений, выявила эффективные хронологические маркеры, в том числе два типа орнамента, которым украшалась верхняя часть лопастей. Таким образом, по орнаменту предлагалось разделять весь массив украшений на две хронологические группы. Более детальная хронологическая атрибуция велась по признакам формы и размеров.

Т.И. Макарова совместно с Т.В. Равдиной провели скрупулезный анализ “дополнительных” орнаментов на кольцах, выявили две основные традиции и сделали тонкие наблюдения, касающиеся предполагаемых мастерских и мест производства. Однако “основной орнамент” на щитках не был рассмотрен с такой тщательностью. На это обратили внимание в своей монографии И.Е. Зайцева и Т.Г. Сарачева.

Задача настоящей работы – продолжить изучение основного и дополнительного орнаментов на семиллопастных височных кольцах с двойкой целью выявления: более дробных хронологических стадий развития орнамента; локальных традиций, не зависевших сильно от времени. Конечно, “сверх-

задача” заключается в достижении понимания этнической сути (если таковая была) данного яркого украшения.

Классификация орнамента семиллопастных височных колец. При классификации использовались следующие понятия, описывающие отдельные элементы орнамента:

1) линия; 2) полоса (пространство, ограниченное двумя параллельными линиями), может быть заштрихована или не заштрихована; 3) фестоны (треугольные либо полукруглые, направленные вниз и вверх, заштрихованные и не заштрихованные), опирающиеся на полосу; 4) фестоны, висящие/опирающиеся на линию (в тех случаях, когда основания треугольников примыкают к линии, а не к полосе); 5) сегмент, месяц (фигуры, образованные линиями или полосами на щитке); 6) дополнительная линия (линия, прочерченная параллельно полосе); 7) заштрихованная полоса, заходящая на зубчики (имеются в виду зубчики, выступающие вверх над щитком); 8) арочки (полукружия орнаментальной полосы или линии, заходящие своими концами на лопасти).

Прежде чем перейти к описанию выделенных типов и хронологических стадий, необходимо сделать общие замечания относительно “логики” их эволюции и развития орнамента.

Видимо еще в IX в. произошло разветвление линии развития лучевых колец на две группы/традиции (Шинаков, 1980. Рис. 2). Одна “ветка” (группа “А” по Е.А. Шинакову) сохраняла архаичную форму внутренних зубчиков (в виде треугольников, обращенных вверх), а концы лучей декорировались

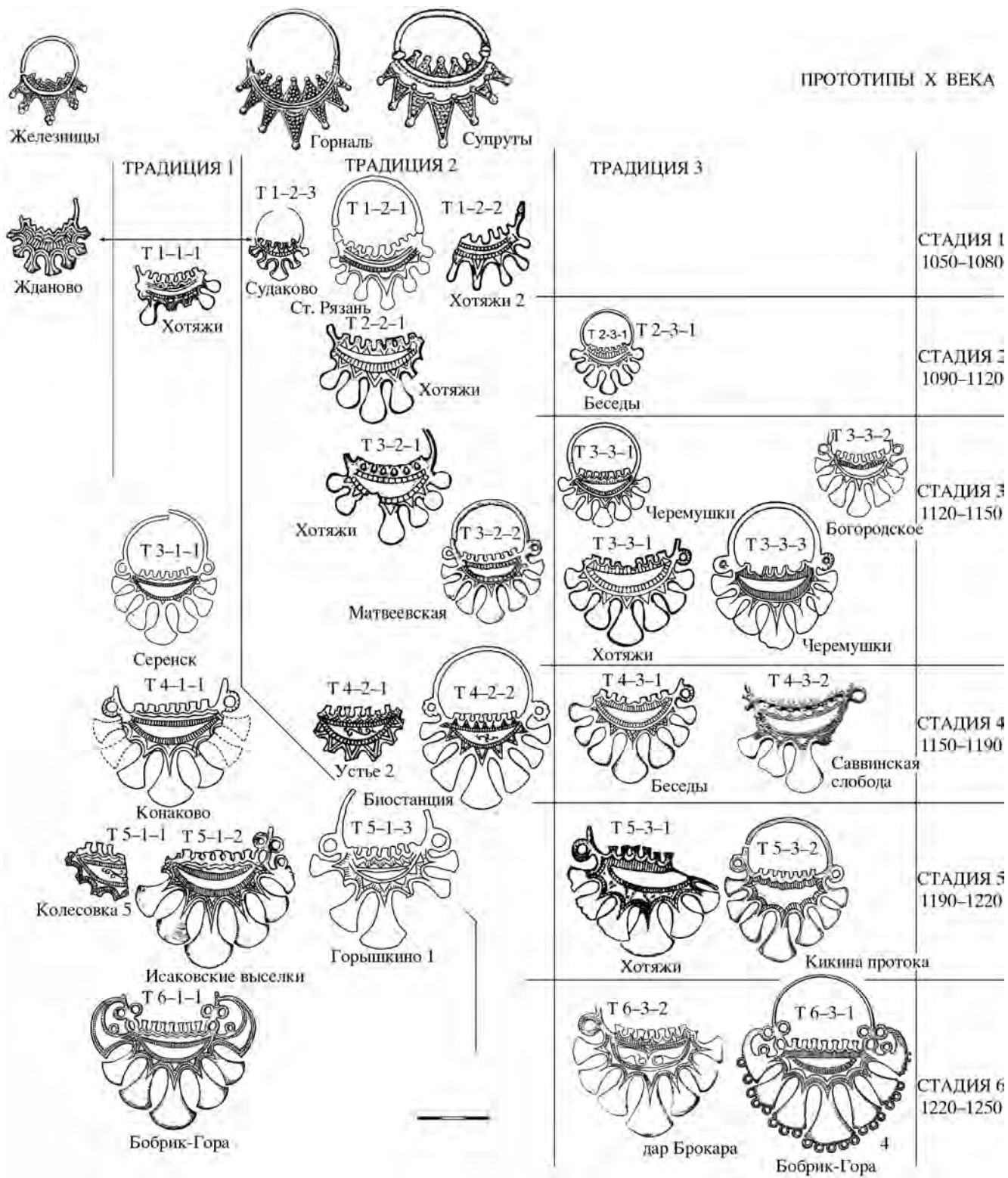

Рис. 1. Классификация орнаментов на семилопастных кольцах московского типа.

тремя шариками зерни. Эта линия развития завершилась в XI в. кольцами типа деснинские/сельцо. Вторая “ветка” (группа “В” по Е.А. Шинакову) отличалась тем, что концы внутренних зубчиков на кольцах стали украшаться шариками зерни. В результате форма внутренних зубчиков постепенно эволюционировала и они превратились в продолговатые выступы. Концы лучей этих колец украшались одним шариком зерни. Этот шарик, постепенно “расплывшись”, превратил лучи в лопасти. Эта линия развития завершилась в XIII в. кольцами московского типа.

Таким образом, височные кольца типа деснинские/сельцо можно считать “двоюродными”, но не прямыми “родственниками” лучелопастным кольцам московского типа.

На лучевых кольцах X в. орнаментальными средствами передавалась исходная круглая форма основы кольца. Верхняя часть кольца – дужка – практически не менялась, а нижняя часть кольца имитировалась орнаментальными средствами. На щитке изображалась двойная дуга. Причем эти дуги могли быть как гладкими, так и выглядеть как сочетание гладкой и зерненной. Зерненная дуга переросла в заштрихованные полосы более поздних колец. Линия развития этого элемента орнамента – постепенный уход от формы исходной двойной дуги. Две ее составляющие постепенно “раздвигались” друг от друга. Вначале между дугами возник небольшой “просвет” (зачаточный щиток), затем дуги раздвинулись еще больше и образовали “молодой месяц”. В процессе дальнейшего развития месяц “рос” и превратился в полукруг/сегмент.

На щитках лучевых колец X в. под двойными дугами имелись полукруглые фестоны. Эти полукруглые фестоны постепенно на лопастных кольцах преобразовались в треугольные фестоны, а затем в “арочки”.

На основании наблюдений над вышеописанными изменениями орнамента можно выделить несколько относительных хронологических стадий. “Привязки” этих стадий к календарной хронологии не вполне точны. В качестве реперов были приняты следующие факты: 1) совместное нахождение лучелопастных колец и колец типа деснинские/сельцо в могильнике Шейки вместе с монетами второй половины XI в. (Равдина, 1988. С. 129); 2) находки развитых лопастных колец московского типа в культурном слое Великого Новгорода в ярусе, датированном 1197–1224 г. (Седова, 1981. С. 4, 13); 3) предполагаемое прекращение производства височных колец во второй половине XIII в., возможно, в результате татаро-монгольского нашествия. Примерно равная длительность хронологических

стадий, описанных далее, также условна. Однако в настоящее время более точные данные отсутствуют.

Хронологические стадии выделяются по следующим признакам (рис. 1). **Стадия 1.** На щитке дугообразная линия и заштрихованная полоса (две полосы), расположенные вплотную или почти вплотную друг к другу, появляются треугольные фестоны. Датировка 1050–1080 г. по набору вещей и монетам из могильника Шейка.

Стадия 2. Полосы (или линия и полоса) постепенно расходятся, между ними образуется пустое пространство щитка в виде “молодого месяца”, треугольные фестоны становятся непременным атрибутом. Датировка 1080–1120 г.

Стадия 3. Полосы раздвигаются еще больше, образуя пустое пространство щитка наподобие “зрелого месяца”. Фестоны, как правило, треугольной формы и двойные. Появляются заштрихованные треугольные фестоны. Отдельные производители сохраняют архаичную традицию фестонов полукруглой формы. Датировка 1120–1150 г.

Стадия 4. Верхняя заштрихованная полоса выпрямляется (как и спинка щитка), теперь две полосы образуют фигуру в виде сегмента (редко сохраняется форма месяца). Фестоны обычно штрихуются, возникают дополнительные линии-арочки, заходящие на лопасти. Датировка 1150–1190 г. Появляются первые дополнительные орнаменты на щитках – “лоза”.

Стадия 5. Заштрихованные полосы на щитке образуют фигуру в виде сегмента (редко сохраняется форма месяца), повсеместно распространены заштрихованные арочки. Развиваются элементы дополнительного орнамента на лопастях и щитке: “три/четыре точки”, ромбы, свастики, “книжный узор”, растительные мотивы. Имеется датировка по дендрошкале Новгорода 1197–1224 г.

Стадия 6. Появляются различные новые элементы основного орнамента. Линия дополняет заштрихованные арочки, полоса идет каймой по лопасти, на щитке дополнительная заштрихованная полоса. Датировка 1220–1250 (?) г.

Сравнение орнаментов, нанесенных на кольца разных хронологических стадий, показало, что можно выделить три “традиции” (рис. 2–4) орнаментального оформления именно верхней части щитка (характер оформления верхнего участка щитка под зубчиками). Эти традиции оформления верхней части щитка “не реагируют” или почти не реагируют на время. Кольца трех традиций соблюдают общие закономерности эволюции формы (что означает наличие тесных контактов производителей разных традиций). Нужно отметить, что есть

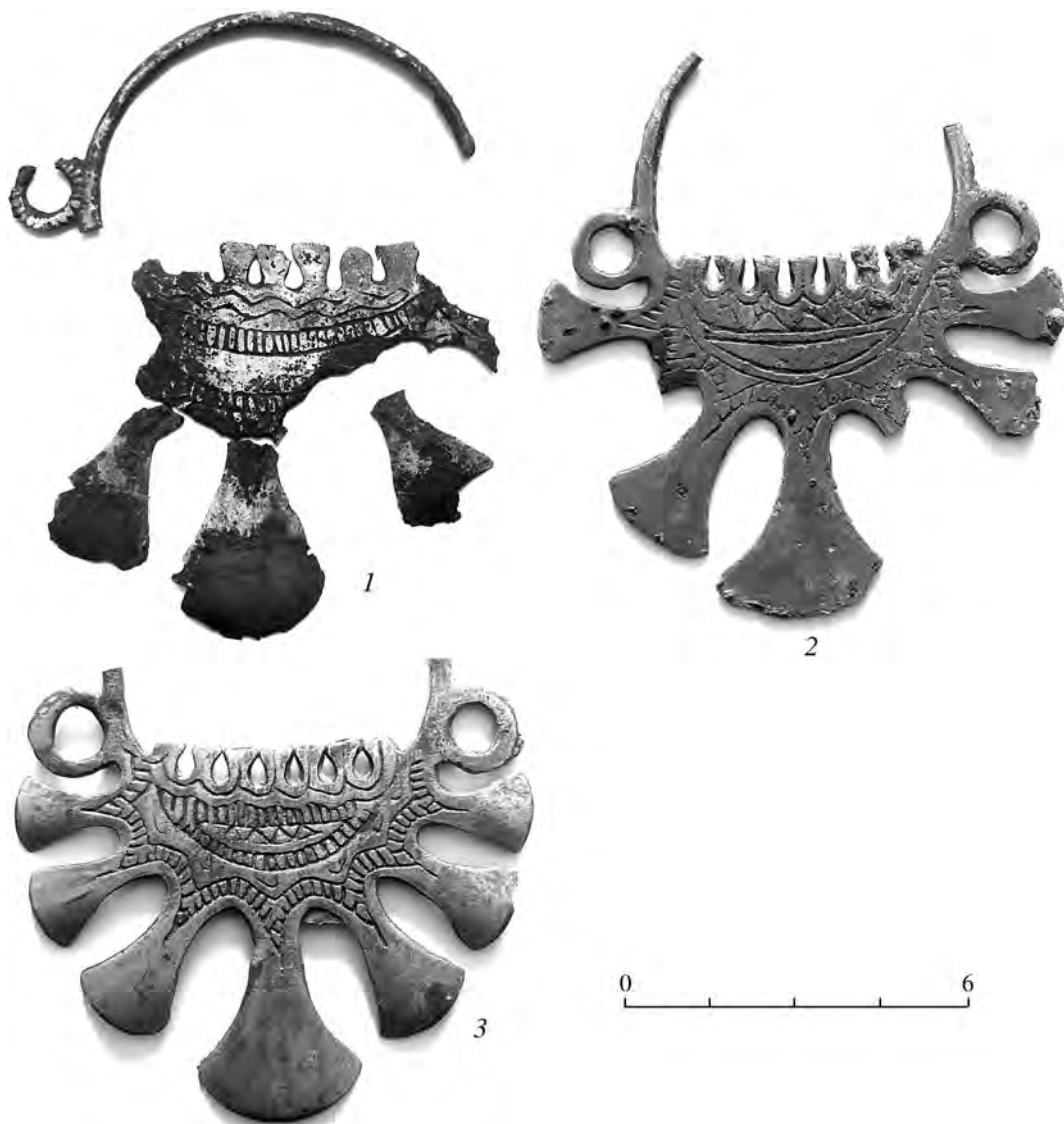

Рис. 2. Височные кольца 1-й орнаментальной традиции. 1 – Волково; 2 – Горышкино 1; 3 – Горышкино (фото А.В. Лазукина).

кольца, у которых верхний ярус орнамента под зубчиками пропущен или почти не виден, как на некоторых ранних кольцах традиции 2 (рис. 3, 1, 3). По публикациям об этом трудно судить, так как авторы иллюстраций могли допустить погрешность.

Выделены следующие признаки орнаментальных традиций. Традиция 1 – под зубчиками ломаная одинарная или двойная линия, следующая контуру зубчиков (рис. 2). На ранних лучевых кольцах деснинского типа хорошо видно, что ломаная линия дублирует контур зубчиков. Эта традиция очень древняя, начинается не позднее XI в., но лучелопастные кольца данной традиции, относящиеся к хронологической стадии 1, пока не найдены (древнейший пример традиции – лишь кольца деснинского типа). Традиция 2 – под зубчиками треугольные фестоны вершинами вверх, которые появляются не позднее

последней четверти XI в. Традиция 3 – под зубчиками заштрихованная полоса, заходящая на них, появляется не позднее конца XI – начала XII в. на второй хронологической стадии развития орнамента.

Традиция 1 условно названа “архаичной”, наиболее ранний пример – кольцо из могильника Хотяжи, которое можно отнести по орнаменту к первой хронологической стадии. Орнамент традиции 1 отмечен на кольцах (использованы данные картотеки, составленной Т.В. Равдиной) развитых морфологических типов из курганов на Москве-реке (Биостанция МГУ, Горышкино 1), памятников на р. Рожайка (Мещерское, Ивино), в верховьях Пахры (Конаково), а также на Верхней Оке (Серенск, Бельково), Жиздре (Войлово), Угре (раскопки В.И. Сизова), правобережье Оки (Дятлово, Кривишино), в верховьях Упы (г. Болохово) и Дона (Бобрик-Гора, Устье 2,

Исаковские выселки). Видимо это какая-то особая группа (?) мастерских, которые пронесли почти без изменений через всю линию развития формы и орнаментации колец один архаичный признак, восходящий к XI в. В целом география перечисленных выше находок указывает на южный регион. Вероятно эти кольца где-то здесь производились. Трудно решить, где – на Рожайке, в Верхнем Поочье или Верхнем Дону?

Традиция 2 (рис. 3) представлена кольцами, у которых в верхней части щитка под зубчиками были треугольные фестоны, обращенные вверх. Судя по форме, эти кольца происходят от лучелопастных. Выявлены на городище Слободка на р. Навля (Никольская, 1987. Рис. 65, 10). Близкие по форме украшения найдены в Верхнем Поочье, особенно в северной части региона (городище Акиньшино, Доброе, Слободка 2, Леоново, Кохановка, Старая Рязань). Кольца с родственным, но несколько более развитым орнаментом известны в верхнеокском ре-

гионе, в том числе особенно на р. Угра (Ступеньки, Желанье, Климово, Бочарово, Слевидово), проникают на север вплоть до Дмитровского р-на (Михайловское), Купанского (Переяславль-Залесский), Верхней Волги (Юрьевоц, Бесково), на запад – до р. Десна под Новгород-Северским (Пушкари) и даже до Друсты возле г. Цесис в Латвии; несколько находок происходят из Верхнего (Можайск, могильник Хотяжи), Среднего (Саввинская слобода, Беседы, Одинцово 7) Москворечья, а также бассейна Пахры (Стрелково). Крайняя западная находка – в г. Смоленск. Серия находок обнаружена на Оке: городище Тешилово, курганы Кременье и Доброе. Более развитые формы зафиксированы в районе Звенигорода (Волково, Биостанция МГУ), на Истре (Аносино), Рожайке (Пузиково), в Косино, а также есть находки на Верхней Оке и Угре (Пронск, Иваново-поле, Желанье); в верховьях Дона (Прудки 1, Устье 2, Голино 4).

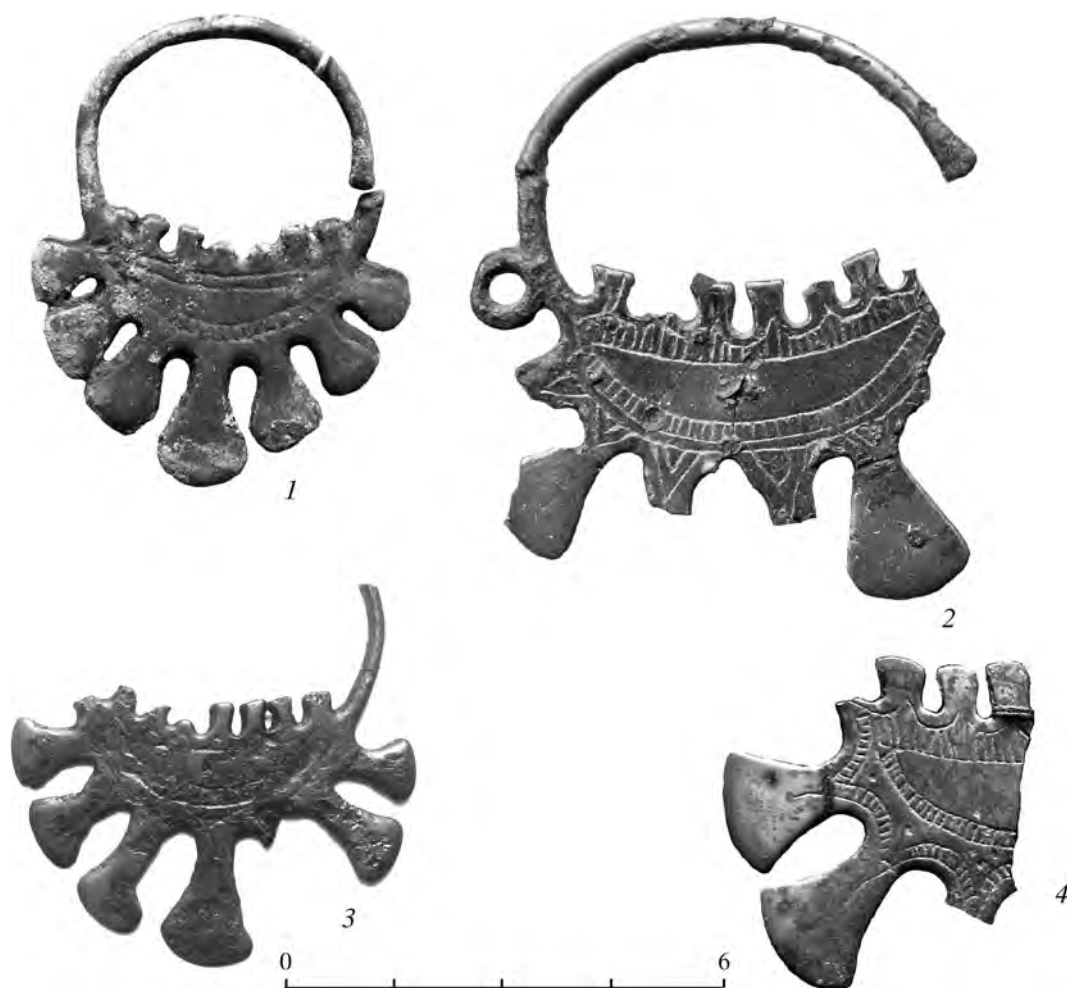

Рис. 3. Височные кольца 2- и 3-й орнаментальной традиций. 1 – Успенское; 2 – Аниково; 3 – Саввинская слобода; 4 – Горышкино 1 (с орнаментом “три точки”). Фото А.В. Лазукина.

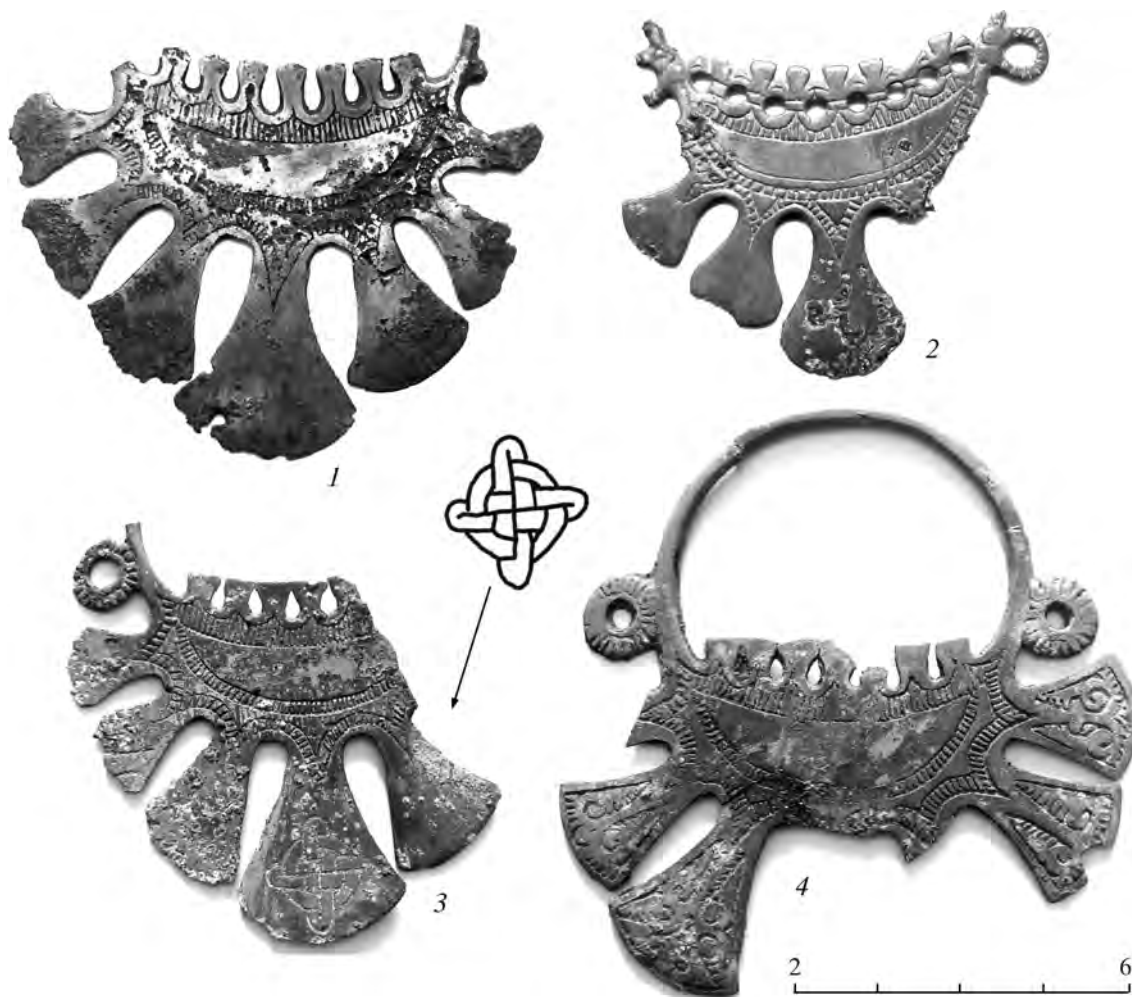

Рис. 4. Височные кольца 3-й орнаментальной традиции. 1 – Волково (с дополнительным орнаментом “три точки”); 2 – Саввинская слобода; 3 – Горышкино 1 (с дополнительным орнаментом “книжный”); 4 – Горышкино 1 (с дополнительным орнаментом “растительный”). Фото А.В. Лазукина.

Имеются примеры скрещивания традиций 2 и 1 (пример – кольца из могильников Вишенки на Рузе; Горышкино 1 на Москве-реке). Это наиболее типологически поздние находки этой традиции (с орнаментальными арочками), относящиеся к началу хронологической стадии 5.

Как видим, находки этой традиции распространены широко. Скорее всего, кольца данной традиции связаны с мастерскими, находившимися в районе среднего – верхнего течения Москвы-реки. Может быть, были еще сходные мастерские где-то в бассейне Пахры и на Верхней Оке (на Угре?). На поздних стадиях развития колец, в конце XII в., производство мастерских этой традиции сильно сокращается (прекращается?). Видимо традиция 2 прервалась на рубеже стадий 4 и 5.

Третья традиция была наиболее продуктивной (рис. 3; 4). Особенность ее оформления – заштрихо-

ванная дуга, заходящая на зубчики, в верхней части щитка. Наиболее ранний пример – на кольце из курганного могильника Беседы, которое, видимо, датируется началом XII в. Этот элемент орнамента практически не изменялся на всем протяжении дальнейшего развития. Масса колец этой группы развитых форм найдена в бассейне Верхней Клязьмы, по всему течению Москвы-реки, в бассейнах Пехорки и Пахры, на Рожайке, Угре (Бочарово) и Верхней Оке от Воротынского и Зарайска (Смедово, Дятлово) до Рязани (Борковский могильник) и на Дону (Бобрик-Гора). Именно с этой линией развития (на развитом этапе) связаны знак “три/четыре точки” и книжный орнамент (рис. 4, 1, 3, 4). Судя по наиболее ранней находке, мастерскую-родоначальницу можно условно локализовать в районе с. Беседы. Конечно это лишь предварительное суждение, которое может быть пересмотрено.

Украшения третьей традиции были продукцией нескольких мастерских, расположенных в Москворечье. В этом убеждает то, что и геометрические, и растительные дополнительные орнаменты сочетаются с определяющим стилистическим признаком третьей традиции (“заштрихованная полоса, заходящая на верхние зубчики”). В какой-то из мастерских “третьей традиции” долго сохранялся архаичный признак – полукруглые фестоны на лопастях (в сочетании с другими признаками, указывающими на третью хронологическую стадию, пример – Черемушки). В других мастерских этой традиции данный признак был давно изжит (еще на второй хронологической стадии).

На связи между производителями, носителями разных традиций, указывают единичные находки, совмещающие эти традиции на одном предмете. В качестве примера можно привести кольцо из группы Горышкино (рис. 2, 3).

Для классификации орнаментов височных колец предлагается система номенклатуры (А-Б-В): А) хронологическая стадия; Б) номер традиции; В) индивидуальные особенности типа.

Всего выделено 26 единиц классификации. Этот список, вероятно, будет дополнен в будущем. Ниже дано описание типов в хронологическом порядке.

Тип 1-1-1. На щитке заштрихованная дугообразная полоса и над ней линия-дуга. Сверху под зубчиками ломаная линия, снизу полукруглые фестоны, вписанные в треугольные. Кольцо обнаружено в могильнике Хотяжи (Алексеев, 2004. Рис. 7, 10).

Тип 1-2-1. На щитке две дугообразные полосы, нижняя из них заштрихована, на верхнюю опираются треугольные фестоны, на нижней висят полукруглые фестоны, вписанные в треугольные фестоны. Найдены в Старой Рязани, Ступеньках (см. Зайцева, Сарачева, 2011. Рис. 43, 4, 5).

Тип 1-2-2. На щитке две дугообразные заштрихованные полосы, на нижней висят треугольные не заштрихованные фестоны. В Москворечье найдены на селищах Хотяжи 2 и Заозерье, в Поочье и на Дону – Акиньино, Слободка 2.

Тип 1-2-3. На щитке одна полоса заштрихованная, дугообразной формы, фестоны сверху, опирающиеся на полосу (вероятно, тип возник как результат смешения типов 1 и 2). Известно четыре образца (Судаково и Битягово на Рожайке, Спас-Тушино, городище Мощины). Возможно данный тип возник под воздействием колец типа Сельцо.

Тип 2-2-1. На щитке сверху дугообразная линия, на которую опираются треугольные фестоны, внизу щитка дугообразная заштрихованная полоса, отде-

ленная от верхней дуги. На заштрихованной полосе висят двойные треугольные фестоны. В Москворечье – могильники Хотяжи, Биостанция, Одинцово 7, Беседы, Матвеевское, а также на Оке – Тешилов, Доброе, Кременье, Ступеньки (Юхнов), Старая Рязань, Михайловское (Дмитровский р-н), Юрьево (Ярославская обл.) и Бесково (Тверь).

Тип 2-3-1. На щитке сверху заштрихованная полоса, заходящая на зубчики, под ней не заштрихованная полоса, на которой висят треугольные не заштрихованные фестоны. Известно три находки (Беседы, Чернево, Чертаново).

Тип 3-1-1. Под зубчиками ломаная линия. Заштрихованные полосы образуют месяц. На нижней полосе висят треугольные фестоны. Пункт находки – Серенск.

Тип 3-2-1. На щитке две заштрихованные дугообразные полосы, образующие месяц, фестоны только снизу. Места находок: Хотяжи 2, Шишимово, Зюзино.

Тип 3-2-2. На щитке две заштрихованные дугообразные полосы, образующие месяц, снизу дополнительная линия, на которой висят двойные треугольные фестоны. Пункт находки – Матвеевское.

Тип 3-3-1. Сверху заштрихованная полоса, заходящая на зубчики, снизу с ней смыкается другая заштрихованная полоса. Обе полосы образуют месяц. Снизу дополнительная линия, на которой висят треугольные не заштрихованные фестоны. Это один из наиболее массовых типов. Известно не менее 49 пунктов находок: Хотяжи 1, Хотяжи 2, Обухово,Bloшино (Ногинск), Салтыковка 2, Милет (Пехорка), Рождествено, Чернево, Черемушки, Таганьково, Верхогрязье, Иславское, Николина Гора, Лопаткино (Рожайка), Одинцово 6, Одинцово 2, Одинцово 7, Пузиково, Мякинино 1, Кутьино 1а, Новленское, Волхонка, Котляково, Зюзино, Матвеевское, Ст. Дарьино, Александровка (Рожайка), Фили, Боброво, Стрелково, Покров, Константиново (Рожайка), Михайловская слобода, Битягово, Серафимо-Знаменский скит, Спас-Тушино, Тушино, Чашниково, Льялово, Волково, Копки, Биостанция, Залесье (Гнилуша), Воскресенский посад (Северка), Ачкасово, Смедово, на Оке – Апоничиши (Зарайск), Полецкое, городище Акиньино, Милославские, Окаемово, Пронск, Доброе, Чекалин.

Тип 3-3-2. В верхней части щитка заштрихованная полоса, заходящая на зубчики, внизу дугообразная не заштрихованная полоса, на которой висят треугольные не заштрихованные фестоны. Место находки – Богородское (на Десне).

Тип 3-3-3. Заштрихованные полосы образуют “зрелый месяц”. Снизу дополнительная линия, на

которой висят полукруглые фестоны, вписанные в треугольные. Пункт находки – Черемушки (Бадер, 1947. Рис. 9).

Тип 4-1-1. Под зубчиками двойная ломаная линия, заштрихованные полосы образуют сегмент, внизу фестоны-арочки не заштрихованы. Место находки – Конаково (Пахра).

Тип 4-2-1. На щитке две заштрихованные полосы образуют сегмент, верхние треугольные фестоны заштрихованы, нижние двойные – нет. Пункты находок: Устье 2, Голино 4 (Гоняный, 2005), Косино, Волково, Пузиково, Аносино, Беседы, Серенск, Косая Гора (Юхнов).

Тип 4-2-2. Под зубчиками фестоны, опирающиеся на незаштрихованную полосу, образующую сегмент с нижней заштрихованной полосой, на последней висят треугольные заштрихованные фестоны. Места находок: Биостанция, Новгород, Серенск, Акиньино.

Тип 4-3-1. Заштрихованные полосы на щитке образуют месяц, на дополнительной линии снизу висят заштрихованные треугольные фестоны. Находки: Беседы, Милет, Одинцово 2, Александровка (Рожайка), Битягово, Шустино (Дмитровский р-н), Дятлово (Зарайск), Апоничищи (Зарайск).

Тип 4-3-2. Треугольные фестоны имеют форму, переходную к арочкам, висят не на дополнительной линии, а на заштрихованной полосе, дополнительная линия расположена выше полосы внутри “месяца” на щитке.

Тип 5-1-1. Под зубчиками двойная ломаная линия. На щитке заштрихованные полосы образуют сегмент, внизу заштрихованные арочки. Пункты находок: Колесовка 5, Исаковские Выселки (Дон).

Тип 5-1-2. Под зубчиками двойная ломаная линия. Заштрихованные полосы образуют месяц, к нижней примыкают фестоны-арочки без штриховки. Место находки – Исаковские выселки (Дон).

Тип 5-1-3. Под зубчиками двойная штрихованная ломаная линия. Полосы без штриховки образуют сегмент. К нижней полосе примыкают заштрихованные фестоны-арочки. Находки из памятников: Горышкино 1, Вишенки.

Тип 5-3-1. Заштрихованная полоса заходит на зубчики, две заштрихованные полосы образуют сегмент. Внизу заштрихованные арочки, которые не смыкаются с полосой, расположенной выше. Один из наиболее распространенных типов, известно не менее 45 пунктов: Хотяжи, Устье 2 (Дон), Монастырщина 5 (Дон), Дубки (Орехово 2), Иславское, Чертаново, Беседы, Муромцево (Дмитровский р-н), Войлово, Богдановка (Коломна), Палецкие, Бочарово (Угра), Воскресенский Посад (Северка), Тишково, Бессониha (Коломна), Воротыньск, Бальятино, Конаково, Константиново, Битягово, Один-

цово 6, Останкино 2, Мещерское, Ивино, Серенск, Новгород, Кутьино 1а, Пузиково, Одинцово 7, Новлинское, Б. Саврасово 1, Ознобишино 5, Ст. Дарьино, Фили, Кремль, Зюзино, Таганьково 3, Кудрино (ст. Мамонтовская), Рождествено, Чернево, Волково, Копки, Чертаново, Коньково, Тропарево.

Тип 5-3-2. Под зубчиками заштрихованная полоса, заходящая на них, она же образует кайму с арочками по всему щитку. Пункты находок: Кикина Протока, Семивраги.

Тип 6-1-1. Под зубчиками двойная ломаная линия, в центре щитка “зрелый месяц” из заштрихованных полос, снизу заштрихованные арочки и дополнительная линия. Находки: могильник Бобрин-Гора (Дон), Донской, Дятлово (Зарайск), Войлово (Жиздра), Мещерское (Рожайка).

Тип 6-3-1. Щиток, как у типа 5-3-1, но имеется еще дополнительная линия над заштрихованными арочками. Пункты находок: могильник Бобрин-Гора (Дон), Вороново (Ярославл.), Переяславль-Рязанский, Апоничищи (Зарайск), Одинцово 6, Боброво, Косино, Крымское (Верея), Шмарово (Лихвин).

Тип 6-3-2. Заштрихованная полоса заходит на зубчики, усложненный тип с дополнительной заштрихованной полосой на щитке. Место находки неясно, дар Брокера (Сизов, 1895).

Картирование находок семилопастных колец, проведенное Т.В. Равдиной (1975, 1978), делает вероятным предположение, что именно бассейн Москвы-реки – основное место, где вырабатывались новые типы, велось основное производство и сбыт украшений этой категории. Тесно связанными с Москворецким регионом были верхнее течение р. Клязьма, а также северная часть Верхнего Почья от устья Упы до устья Москвы-реки, нижнее течение Угры. Новые находки лишь усиливают наблюдения Т.В. Равдиной.

Единственная, но существенная поправка к выводам Т.В. Равдиной заключается в том, что производство семилопастных колец в Москворечье началось не на “пустом месте”. Здесь ранее бытовали височные украшения родственного, но другого типа (“деснинские”). Кроме того, становится ясно, что на правобережье Оки в Тульской обл. и в калужском течении Оки находки семилопастных колец типов 5 и 6, по Т.В. Равдиной, т.е. развитых второй половины XII – начала XIII в., – не редкость, что свидетельствует о тесных связях регионов.

В работе, посвященной семилопастным кольцам с дополнительной орнаментацией, Т.В. Равдина и Т.И. Макарова сделали очень важное наблюдение. По предположению исследовательниц, существовали по крайней мере две группы мастерских по изготовлению височных колец, в конце XII – начале

XIII в. они располагались где-то на правом берегу Москвы-реки (Макарова, Равдина, 1992. С. 81). Продукция этих мастерских различалась по стилистическим особенностям “дополнительной” орнаментации на лопастях и щитках колец.

Новые исследования (Зайцева, Сарычева, 2011. С. 177) внесли не так много добавлений в список находок колец с дополнительной орнаментацией, составленный Т.В. Равдиной и Т.И. Макаровой. Укажем находку из Борисовских курганов в Москве (раскопки 1961 г. Н.Л. Подвигиной), где на лопасти гравирован ромб с косым крестом в центре и три точки на щитке. Это кольцо очень близко кольцу из курганов в Чертаново (Макарова, Равдина, 1992. Рис. 5, 1).

Орнамент “три/четыре точки” (рис. 3, 4) есть на кольцах из 20 пунктов. Это курганы возле д. Чертаново, с. Косино, Мякинино (раскопки А.В. Энговатовой, 2005 г.), курган у д. Ащерино (раскопки 1996 г.), Одинцово 7 и с. Беседы (в публикации В.В. Енукова (1987) эта особенность не отражена) у границ Москвы. Курганные группы в районе Звенигорода: Таганьково, Горышкино 1 (коллекция Звенигородского музея), Волково, Саввинская слобода, селище Таганьково. Этот же орнамент на кольцах из курганов у с. Рождествено на р. Истра, Черневе на р. Банька, Захряпино на р. Руза (Розенфельдт, 1964), Красково Владимирской обл. (картотека Т.В. Равдиной), д. Кривишино (р. Осетр). Кольцо с “тремя точками” было обнаружено в курганном могильнике Хотяжи (Алексеев, 2004. Рис. 7, 16). Еще одно кольцо с теми же “тремя точками” над лопастями (подзорчатыми) обнаружено Б.В. Грудинкиным (1995) на селище Чекалин 2 (левый берег Оки выше устья Жизды).

Кольца с дополнительной растительной орнаментацией найдены в верховьях Дона на Куликовом поле. Это селища Голино 4, Колесовка 5, Устье 2, 3 (Гоняный, 2005).

Таким образом, общее число пунктов находок височных колец с дополнительной орнаментацией достигло 63 (Т.И. Макаровой и Т.В. Равдиной было известно 48).

Можно еще раз поставить вопрос о локализации одной (или одной группы?) мастерских, а именно той, в которой на лопасти наносился “книжный” орнамент и разные геометрические композиции (ромбы с крестами, свастики и пр.), а также “три/четыре точки” над лопастями. Компактная группа таких находок находится на юге современной Москвы (Фили, Матвеевское), особенно в бассейне р. Язвенка – низовьях рек Чертановка и Городня (курганные группы Орехово 2, Зюзино, Волхонка, Борисово, Чертаново, Ащерино, Беседы). Наиболее

показателен и однозначно узнаваем книжный орнамент. Одно такое кольцо, неизвестное Т.В. Равдиной и Т.И. Макаровой, было найдено в могильнике Горышкино 1 (коллекция Звенигородского музея).

Можно предположить несколько вариантов относительно того, где располагалось селище, где велось производство. Во-первых, оно могло находиться в низовьях р. Чертановка и не сохранилось до наших дней, либо возле курганной группы Беседы на Москве-реке. Именно в Беседах было найдено наиболее раннее кольцо “третьей традиции” (см. выше), к которой относятся кольца с книжным орнаментом на лопасти и “тремя точками”. Во-вторых, нельзя полностью исключать того, что производство могло размещаться на селище Мякинино 1. Аргументы “за” Мякинино 1 – наличие следов ювелирного производства на поселении (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 73–75), находка кольца с дополнительным орнаментом “три точки” в одном из мякининских курганов (раскопки А.В. Энговатовой). Аргументы “против” – отсутствие каких-либо следов производства на селище Мякинино 1 именно височных колец, единичность находки в курганном могильнике, отсутствие находок в Мякинино серег с книжным орнаментом. Наконец, район Звенигорода также перспективен для поисков. Именно здесь в курганных группах Иславское, Горышкино, Таганьково, Волково, Саввинская слобода найдены кольца с дополнительным орнаментом.

Ареал продукции этой мастерской весьма велик: это в первую очередь окрестности Москвы, но и Верхнее Москворечье, р. Руза, р. Истра, р. Рожайка (Константиново), и даже отдаленные территории на Оке от устья Упы до низовий Осетра. На востоке – до Юрьев-Польского р-на Владимирской обл. (Красково). На северо-западе – до Великого Новгорода.

Сложнее решить, где располагались мастерские, производившие височные кольца с дополнительным растительным орнаментом. Серия очень близких и сложных по орнаментике колец происходит из четырех пунктов: Успенского, Орехово 1, Прудиш, г. Вязьмы (Равдина, Макарова, 1992. Рис. 7, 8; Арциховский, 1947. Рис. 3). Трудно локализовать эту мастерскую точнее, чем “правобережье среднего течения Москвы-реки”. Нужно отметить, что кольца с дополнительным растительным орнаментом имеют основной орнамент, относящийся к “третьей традиции” (см. ниже), такой же как и на условно выделенной мастерской, наносившей дополнительный книжный орнамент. Более того, в курганах Захряпино на р. Руза и в Таганьково на р. Слезня найдены кольца с растительным орнаментом и “тремя точками”. Это дает основание думать, что кольца и с растительным орнаментом, и с книжным

производились в близких, тесно связанных между собой мастерских. При этом, как уже отмечалось выше, пространственный “разнос” их продукции был велик.

Еще один пример дальних связей – кольца из Захряпино на р. Руза и Никольского на Клязьме с вычурным растительным орнаментом (Макарова, Равдина, 1992. Рис. 7, 3; Розенфельдт, 1964. Рис. 42, 1), вероятно, были сделаны одним мастером, однако, расстояние между находками около 70 км (60–100 км от предполагаемого места производства на правобережье р. Москва).

Редкий орнамент на щитке в виде “бегущей лозы”, легко “узнаваем” и поэтому привлекает внимание. В Московоречье орнамент известен на височном кольце из одного пункта – курганной группы на Биостанции МГУ (Макарова, Равдина, 1992. Рис. 6), расположенной на правом берегу Москвы-реки в 10 км выше Звенигорода. Кольцо очень близкое, возможно, сделанное в той же форме (Макарова, Равдина, 1992. С. 76), найдено в курганах Разсохи на правом берегу Оки в низовьях р. Осетр. В низовьях Осетра располагаются и курганы Кривишино, где также зафиксировано кольцо с лозой на щитке (Зайцева, Сарачева, 2011. Рис. 87). Серия обломков колец с “бегущей лозой” на щитке обнаружена в компактном регионе Верхнего Подонья на селищах Колесовка 5, Устье 2, 3 возле крепости Дубок и выше по течению Дона на селище Голино 4 (Гоняный, 2005. Рис. 42, 12).

Изделия с дополнительным орнаментом “лоза” на щитке относятся к трем разным традициям основного орнамента. Видимо, в верхнедонском регионе происходило смешение традиций. Это наблюдение хорошо соответствует представлениям о том, что верховья Дона были колонизованы населением, пришедшим туда в конце XII в. (Гоняный, 2005).

Логично предполагать, что мастерская, производившая кольца с дополнительным орнаментом “бегущая лоза”, изначально находилась где-то в Московоречье, возможно, в районе Волково – Луцино.

Обнаружение московореческой продукции на Куликовом поле на удалении 300 км к югу очень показательно: впечатляют масштабы расстояний, на которые перемещались украшения (и мастера?).

Кто же производил и носил семилопастные кольца московского типа? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо изложить авторскую гипотезу об истории заселения Московского региона в древнерусское время. Эта гипотеза основана на анализе карты памятников, изучении разных элементов материальной культуры, в том числе керамики.

В X – первой половине XI в. формировались первые очаги славянских поселений в регионе, вероятно, связанные с торговыми путями по Москве-реке и транзитными маршрутами из бассейна Средней Оки на Верхнюю Волгу. Во второй половине XI в. долина среднего течения Москвы-реки и долина ее правого притока р. Пахра (нижнее течение) были колонизованы славянским населением, видимо, пришедшим сюда с юга, из-за Оки. Отдаленной исходной точкой колонизационного движения, возможно, был северянско-радимический ареал. Путь проникновения колонистов в Московоречье не вполне ясен, возможно, они двигались вверх по Москве-реке. Но нельзя исключить и “прямую” дорогу по долине р. Рожайка и затем на Пахру. Численность этого населения равнялась 2–3 тыс. человек, эта группа подразделялась на довольно крупные коллективы, не менее нескольких десятков человек в каждом. В этой группе активно репродуцировался специфический тип височных украшений – кольца “деснинского типа”. В начале XII в. в регион проникает новое население с иными социальной структурой, поселенческо-хозяйственной стратегией, традициями керамического производства (привыкшее делать горшки из беложгущихся глин, сырьевые ресурсы которых имеются на правобережье р. Ока, не употреблявшее в быту горшков-котлов, а использовавшее горшки малых форм). Эта вторая волна колонистов, видимо, также пришедших с юга, стремительно расселилась по малым притокам Москвы-реки и притокам ее притоков. При выборе мест для поселений учитывался такой фактор, как наличие следов предшествующего освоения данного места в железном веке. Склоны долин малых притоков интенсивно распаивались, постепенно зоны освоения поднимались вверх по склонам к водораздельным гребням.

Колонисты “второй волны”, так же как и колонисты “первой волны”, имели сходный с ними женский узор, обязательной принадлежностью которого было наличие специфических височных украшений, что для территории Древней Руси начала XII в. было уже архаизмом. Ремесленники, относившиеся ко “второй волне”, развивали линию лучелопастных височных серег, успешно генерировали новые формы и орнаменты, что делало московореческий регион уникальным сравнительно со всеми соседними сельскими территориями. Примерно 50 лет это развитие продолжалось совершенно свободно. В 1156 г. появился княжеский город Москва, а затем Коломна.

А.В. Григорьев высказал интересную мысль, что рост производства традиционных лучевых височных колец на территории Поочья в конце X в. мог быть “ответом” на давление Руси (2010. С. 226). Возможно нечто подобное происходило в середине XII в. в Московоречье, когда здесь появился княже-

ский город. Видимо, в это время здесь происходил процесс “этнической консолидации”, продолжался рост населения, ширилось “окультуривание” ландшафта малых долин, эволюционно развивались типы украшений. При этом наблюдается явление, очень характерное для начальных периодов контакта “аборигенов” и внешнего рынка. Аборигенам “навязывается” мода носить крупные украшения, требовавшие много металла. Взамен они вынуждены отдавать много своей местной продукции, охотничьей добычи. Именно эти явления известны в XIII–XV вв. в Пруссии, в XVIII–XIX вв. на севере Западной Сибири и в Северной Америке и т.д. Украшения жителей Подмосковья начиная с середины XII в. стремительно растут в размерах. Видимо, население региона обладало достаточными ресурсами для покупки дорогого металла. На этом этапе начинается активная “экспансия” продукции ремесленников, проживавших на подмосковных селищах (а может быть, и формирование новых ремесленных центров), на юг, в бассейн Угры, на правобережье Оки. Вероятно, контакты с этим регионом были интенсивными в течение всего XII – начала XIII в. как с исходной территорией колонизации, сырьевой базой керамического производства.

Набор украшений жителей москворецкого региона ни в коем случае нельзя трактовать как “украшения вятичей”, в чем автор полностью согласен с Т.В. Равдиной. Такая трактовка избыточно упрощенная и противоречит географии и хронологии археологических находок и летописных упоминаний вятичей. В XII–XIII вв. Москворечье выступает как регион, где происходило интенсивное развитие набора украшений, в том числе развитие форм наиболее яркого украшения всего набора – семилопастных колец. Генерирование новых типов вещей осуществлялось в мастерских, локализованных в пределах бассейна Москвы-реки. Здесь же продукция находила наиболее массовый спрос.

Видимо, формирование набора украшений косвенным образом отражало процесс новой этнической консолидации, возникновение новой этнической группы. К вятичам X–XI вв. этот процесс прямого отношения не имел, хотя, вероятно, глубокие генеалогические корни москворецкого населения и восходили (частично?) к вятичам. Для обозначения семилопастных колец целесообразно вернуться к более “этнически нейтральной” и корректной терминологии, предложенной В.И. Сизовым, – “височные кольца московского типа”.

Мы располагаем лишь двумя летописными упоминаниями москворецкого населения в XII – начале XIII в.: москвяне (1175 г.) и москвичи (1238 г.). Эти слова можно трактовать как экзоэтнонимы.

Автор благодарит М.И. Гоняного, О.Н. Заидова, А.В. Лазукина, О.Л. Прошкина, С.С. Ширинского и Н.Е. Чалых за предоставленные сведения о новых находках височных колец.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В.* Группа памятников древнерусского времени у д. Хотяжи // Археология Подмосковья. Вып. 1 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 177–192.
- Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930. 125 с.
- Арциховский А.В.* Царицынские курганы // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. № 7 / Ред. А.В. Арциховский. С. 77–81.
- Бадер О.Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. № 7 / Ред. А.В. Арциховский. С. 88–167.
- Гоняный М.И.* Археологические памятники района Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. / Ред. А.К. Зайцев. М.: ГИМ, 2005. С. 95–162.
- Григорьев А.В.* Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археол. сб. / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2010. С. 219–226.
- Грудинкин Б.В.* Отчет об археологических разведках в 1995 г. в Калужской и Тульской областях. Архив ИА РАН. Р-1. 1995.
- Енуков В.В.* Беседские курганы // СА. 1987. № 3. С. 190–201.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело “земли вятичей” во второй половине XI–XIII в. М.: Индрик, 2011. 402 с.
- Макарова Т.И., Равдина Т.В.* Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА. 1992. № 4. С. 68–82.
- Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. М.: Наука, 1987. 184 с.
- Равдина Т.В.* Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь / Ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 136–142.
- Равдина Т.В.* Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. 1975. № 3. С. 218–223.
- Равдина Т.В.* Семилопастные височные кольца // Проблемы советской археологии / Ред. В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, Б.Г. Петерс. М.: Наука, 1978. С. 181–187.
- Равдина Т.В.* Погребения с монетами X–XI вв. на территории Древней Руси. М.: Наука, 1988. 150 с.
- Розенфельдт Р.Л.* Захряпинские курганы XII–XIII вв. на р. Рузе // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 103–105.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 803 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сизов В.И.* О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т.н. московского типа // Археологические известия и заметки. 1895. № 6. С. 177–188.
- Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3. С. 110–127.

СОБОР НА ПАШНЕ: КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И ПАХОТНЫЙ ГОРИЗОНТ ПОД ЦЕРКОВЬЮ БОРИСА И ГЛЕБА В КИДЕКШЕ

© 2014 г. Н.А. Макаров*, С.В. Шполянский**, А.В. Долгих***,
А.С. Алешинская*, Е.Ю. Лебедева*

*Институт археологии РАН, Москва

**Государственный Исторический музей, Москва (shpol@yandex.ru)

***Институт географии РАН, Москва

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, белокаменные храмы, селища, спорово-пыльцевой анализ, археоботанические остатки, погребенные пахотные горизонты.

The article considers the developing history of the territory on the Nerl River in the village Kideksha where in 1152 one of the first white-stone cathedrals of the Northern-Eastern Rus (the Church of Boris and Gleb) was built up by Iurii Dolgorukii. The choice of this place for the church's construction was connected with the special status of Kideksha as a Knyazh residence, probably erected on the place of the earlier administration center. However, the strong culture layers fracturing in the church yard did not give the opportunity to check this hypothesis for a long time. A culture layer, covered with building layer of 1152, was examined during the excavations in 2011. Based on the archaeological data, the results of morphological research of profiles and scientific analyses of the soil, the analysis of spores and pollen and archaeobotanic materials, it is possible to reconstruct some stages of the territory development. Till the end of the 1st millennium AD and during not less than a thousand and a half years there was the process of forming sod-podzol under the wood on the native the Nerl River valley side. Single fragments of the textile pottery of the 1st millennium BC evidently reflect the short-lasting period of the settlement in the beginning of the 1st millennium BC or seasonal economic activity. At the end of the 1st millennium AD on the rock terrace a fixed medieval settlement appeared. Based on the finds of the carbonized macro remains, preserved in the culture layer, it is suggestible that the citizens of the settlement were involved in agriculture and the dominate crop was barley. Not later than the second half of the 10th century the settlement was abandoned. The forming of meadow soil on the culture layer was in progress on the place of the settlement. According to the composition of the pollen in spores and pollen specters, the surrounding landscape was open at that time. Not less than a hundred years after the plough, which was accompanied by vegetation burning, has been formed on the meadow part. The Church of Boris and Gleb was built by Iurii Dolgorukii on a farm field.

Реконструкция первоначального облика урочищ, в которых возводились средневековые храмы, их природных особенностей и характера освоения в период, предшествующий возведению церковных построек, исключительно важна для прояснения предыстории становления сакральных ландшафтов средневековой Руси; выявления факторов, определивших пространственное положение культовых сооружений в период утверждения христианства и становления церковной организации (Макаров, 1998. С. 17–35; Макаров и др., 2001. С. 199–216; Александровский и др., 2008. С. 187–205). К сожалению, состояние храмовых построек XII–XIII вв. и современных ландшафтов, в которых они находятся, редко дает возможность получить материалы, достаточные для полноценной характеристики палеосреды в этих точках в момент строительства церквей.

Древнейший облик этих урочищ воссоздается в большей мере на основании церковных преданий и априорных представлений о том, где должны были сооружаться первые каменные храмы.

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше (рис. 1) – один из пяти белокаменных храмов, возведенных Юрием Долгоруким в Ростово-Суздальской земле, и единственный среди них, построенный не в городе, а в пригородном поселении. Церковный двор в с. Кидекша находится в 4 км от валов Окольного города Суздаля. Выбор этого места для строительства одного из древнейших на северо-востоке Руси каменных храмов исследователи связывали с особым статусом Кидекши как княжеской резиденции, возникшей, возможно, на месте более раннего административного центра (Воронин, 1961. С. 67–71). Летописи, однако, не дают непосредственных

Рис. 1. Церковь Бориса и Глеба в с. Кидекша. Вид с севера.

указаний на особое значение Кидекши как центра княжеской власти. Она редко упоминается в летописных текстах, в основном, в связи с постройкой и ремонтами храма и погребением в нем сына Юрия Долгорукого Бориса и членов его семьи (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 67). Представление о том, что в Кидекше располагался загородный двор суздальских князей, находившийся на месте “становища”, где встречались благоверные князья Борис и Глеб, “егда в Киев хожаху Борис от Ростова Глеб же от Мурома”, основывается на поздних источниках – Книге Степенной царского родословия (1908. С. 192) и сочинении суздальского историографа Анании Федорова (2012. С. 127–129). В этой ситуации обсуждение вопроса о причинах выбора участка на коренном берегу Нерли вблизи устья р. Каменка для строительства монументальной храмовой постройки требует, прежде всего, ясного понимания того, что представляли собой местность и находившееся здесь поселение при Юрии Долгоруком и в более раннее время. Археологические работы, проведенные в 2011 г. в ц. Бориса и Глеба в Кидекше и рядом с ней, позволили изучить культурные напластования и древние пахотные горизонты, подстилающие горизонт строительства собора, и исследовать состав почв, палеоботанические остатки и спорово-пыльцевые спектры. Благодаря этим работам впервые была получена возможность представить предысторию одной из знаковых точек на исторической карте Северо-Восточной Руси и природный контекст в момент строительства храма.

Участок коренного берега р. Нерль, на котором располагается ц. Бориса и Глеба, привлекал археологов с середины XIX в. Интерес, естественным

образом, был связан с предполагаемой локализацией здесь загородного двора суздальских князей. Однако настойчивые попытки выявить объекты, интерпретирующиеся как археологические следы княжеской резиденции, не приносили результатов. Более того, долгое время безрезультатными оставались и сами поиски непо потревоженных культурных напластований, по которым можно было бы судить о характере освоения участка в XI–XII вв. Первые и самые значительные по объему раскопки вблизи ц. Бориса и Глеба в Кидекше были предприняты в 1851 г. А.С. Уваровым, заложившим серию траншей как внутри церковной ограды, так и за ее пределами, в том числе, на мысах коренной террасы р. Нерль (рис. 2). Судя по “Плану Владимирской губернии Суздальского уезда части села Кидекши 1851 года”, документирующему эти раскопки, из альбома “Суздаль. Планы и карты. 1851–1852”¹ (ГИМ. Отдел картографии. Фонд I гр. № 65 397. ТО № 3662), внутри церковной ограды была вскрыта площадь не менее 1000 м², в том числе около 600 м² – непосредственно у собора, с севера, востока и юга (рис. 2; 3). В 1933, 1941 и 1948 гг. небольшие раскопки в соборе и вокруг него проводились А.Д. Варгановым, в 1935 г. три шурфа были заложены у церкви Н.Н. Ворониным. Более продуктивными оказались полевые работы В.В. Седова, заложившего в Кидекше девять шурфов площадью от 1 до 16 м² и поставившего ряд зачисток в обнажениях. Исследования были продолжены в 1985–1988 гг. Т.А. Чуковой, заложившей на площадке 14 шурфов и разведочных раскопов общей площадью более 150 м² (Сабурова и др., А-1986. Л. 43–63; Чукова, А-1988) (рис. 2; 3).

Все исследователи отмечали, что культурный слой вокруг церкви сильно разрушен погребениями, строительной и хозяйственной деятельностью, в большинстве шурфов древнерусская круговая керамика встречена вместе с поздней. Вещевой инвентарь, происходящий из шурфов и разведочных раскопов, небогат, включает наиболее распространенные категории находок: ножи, стеклянные браслеты, костяные гребни, стеклянные бусы (Седов, 1961. С. 76). По наблюдениям В.В. Седова, основная масса средневековой керамики из шурфов 1957 г. датируется XII–XIII вв., круговая керамика XI в. немногочисленна. Сопоставление полевой документации, составленной разными исследователями, показывает, что часть шурфов Н.Н. Воро-

¹ Указание на то, что в альбом включены чертежи двух первых лет раскопок во Владимирской губернии, не соответствует действительности: все планы и карты фиксируют памятники, исследовавшиеся в 1851 г., что в большинстве случаев отмечено на самих чертежах.

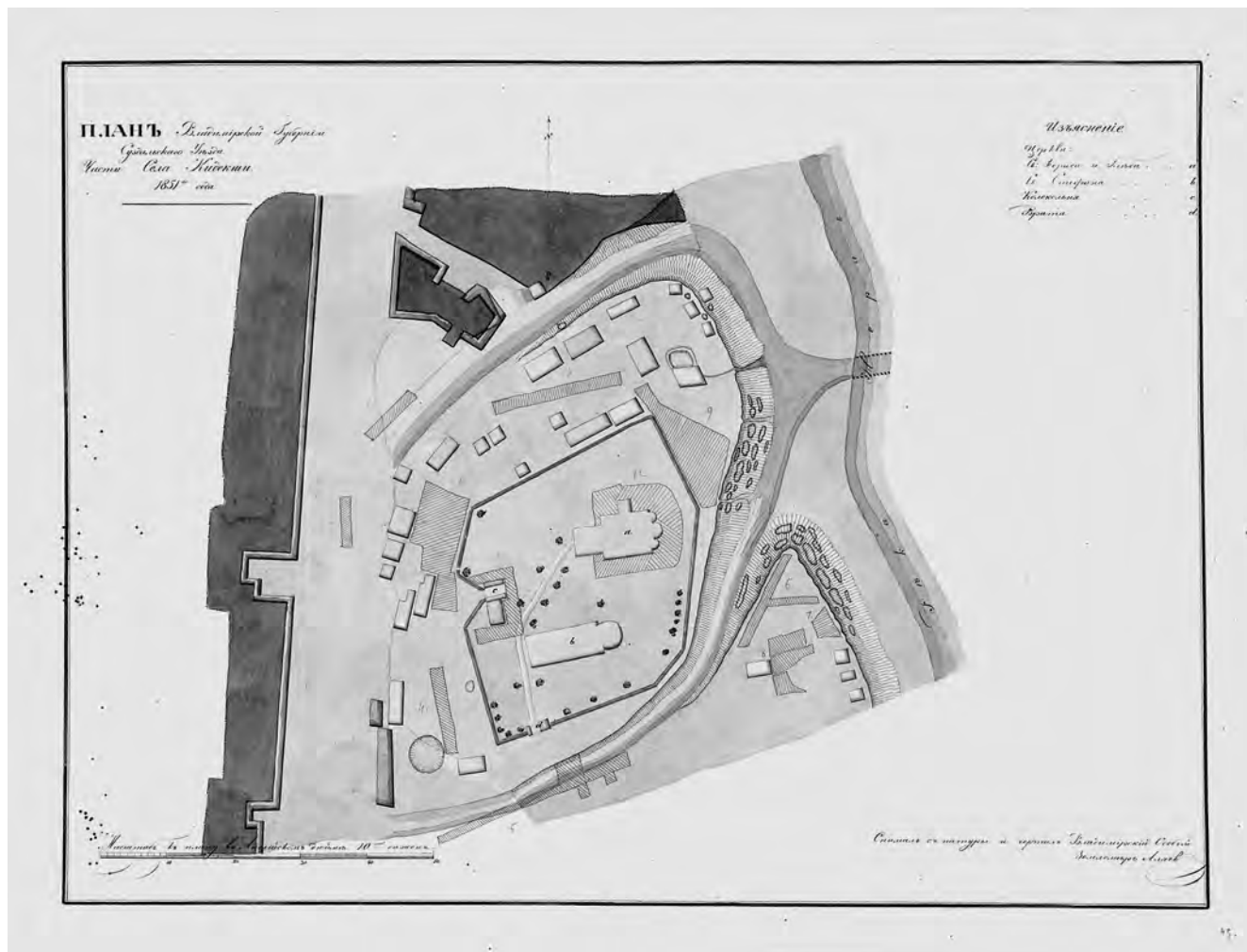

Рис. 2. “План Владимирской губернии Суздальского уезда части села Кидекши 1851 года” из альбома “Суздаль. Планы и карты. 1851–1852” (ГИМ. Отдел картографии. Фонд I гр. № 65 397. ТО № 3662).

нина, В.В. Седова и Т.А. Чуковой была заложена на участках, которые ранее уже вскрывались раскопками А.С. Уварова (рис. 3). Культурный слой с керамикой XII–XIII вв. был зафиксирован В.В. Седовым в юго-восточной части села, на участке, отделенном от церковного двора оврагом. Находки плитфы в культурном слое послужили основой для предположения о том, что белокаменному собору Юрия Долгорукого в Кидекше предшествовал храм начала XII в., инициатором строительства которого был Владимир Мономах. Серьезные аргументы в пользу этой гипотезы дали раскопки Т.А. Чуковой 1987–1988 гг., когда у апсид белокаменного храма были вскрыты культурные напластования со скоплениями плитфы (1991. С. 142, 143). Высказано мнение, что княжеская резиденция в Кидекше существовала уже во времена Владимира Мономаха (Археологическая карта России, 1995. С. 266, 267). Присутствие сетчатой керамики среди находок в

шурфах (Чукова, А-1988. Л. 2) подтолкнуло к предположению о существовании на месте церкви дьяковского городища (Археологическая карта России, 1995. С. 265, 266).

Среди историков и археологов прочно укоренилось мнение, что княжеский двор Юрия Долгорукого в Кидекше был защищен земляными валами. Белокаменный храм, таким образом, находился на городище. Аргументируя эту точку зрения, Н.Н. Воронин ссылался на сообщение Анании Федорова о планах Юрия устроить на берегу Нерли “крепость городовую” и на спутанные известия Супрасльской летописи о сооружении “города Кидешки”².

² “А Кыдекшанскую церков постави Борис Михальковичъ сын брата Андреева [и] Всеволожа [и] сына город Кидешку той же Городец на Волзе” (Западнорусские летописи. Супрасльский список, 1907. Стб. 2). Отмечая спутанный характер этой записи, Н.Н. Воронин все же полагал, что он “поддается разъяснению” (1961. С. 68).

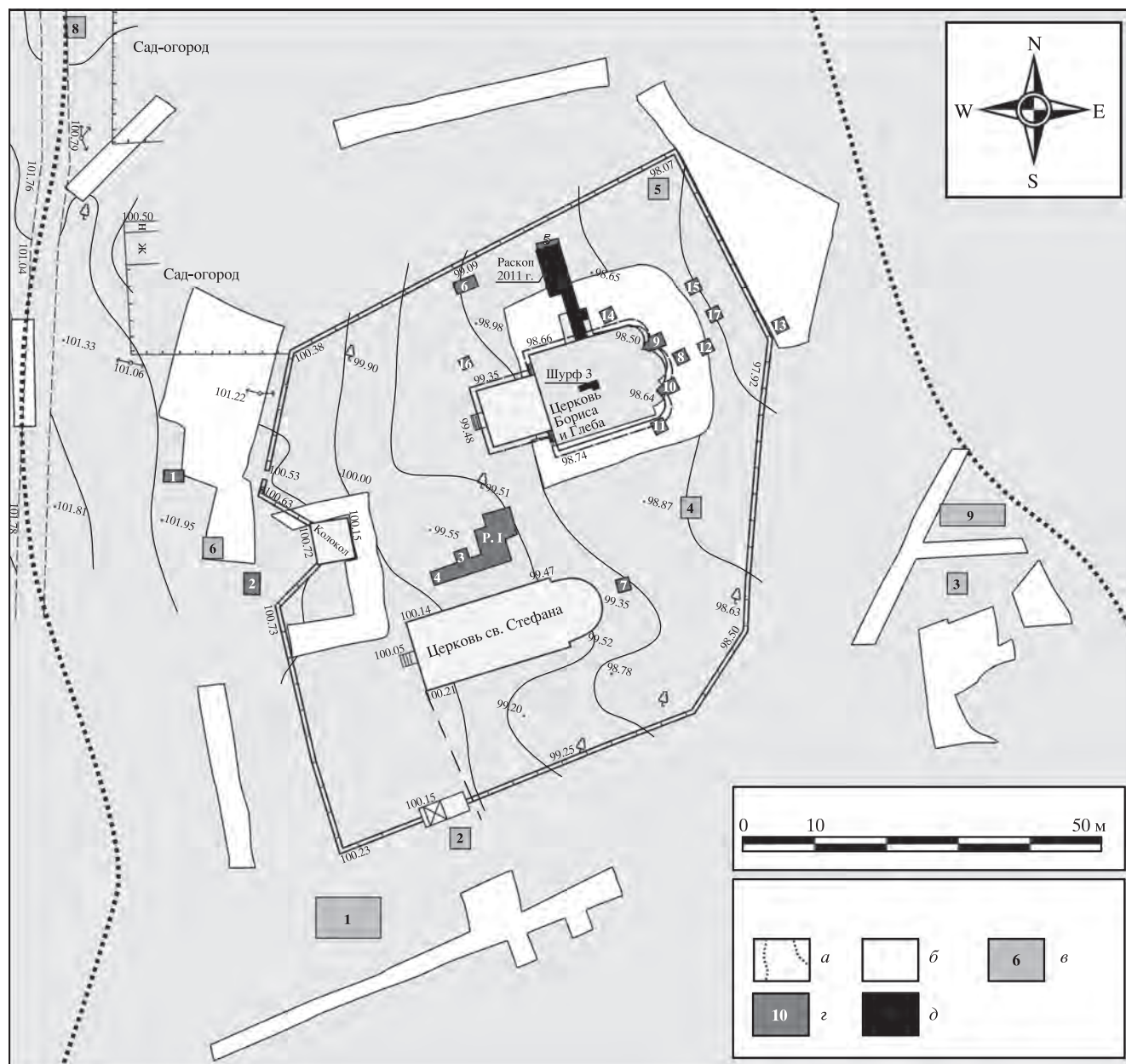

Рис. 3. Средневековое поселение Кидекша. Церковный двор и прилегающий участок. План с раскопами разных лет. Условные обозначения: *a* – границы распространения культурного слоя; *б* – раскопы А.С. Уварова 1851 г.; *в* – шурфы В.В. Седова 1959 г.; *г* – шурфы и раскопы Т.А. Чуковой 1985–1988 гг.; *д* – раскопы и шурфы Суздальской экспедиции ИА РАН 2011 г.

Исследователь отмечал, что “От валов, окружавших когда-то княжескую резиденцию в Кидекше, не сохранилось почти ничего” (Воронин, 1961. С. 68), но указывал на материалы полевых работ А.Д. Варганова, выявившего следы деревянных конструкций, в которых, предположительно, можно видеть остатки рубленых стен на участке к северо-западу от собора. Однако Т.А. Чукова справедливо отметила, что документальные свидетельства этих раскопок не сохранились. Схематический план городища, воспроизводившийся впоследствии в ряде

публикаций, был снят П.А. Раппопортом. Он писал, что “валы очень плохой сохранности, местами они совершенно спажаны, однако общая конфигурация городища прослеживается все же достаточно ясно” (1961. С. 15, 16). В.В. Седов, публикуя материалы раскопок в Кидекше 1959 г., рассматривал памятник как полукруглое городище с почти полностью распаханными валами (1961. С. 75, 76). В 1988 г. Т.А. Чукова прорезала предполагаемый участок вала траншеей 24×2 м и выявила остатки невысокой сильно разрушенной насыпи. В настоящее время

следы валов на территории села не читаются. Следует отметить, что в местной топонимической традиции участок, на котором находится храм Бориса и Глеба, не идентифицировался как городище. Нет никаких упоминаний об остатках “града” в Кидекше в “Историческом собрании...” Анании Федорова, который прямо указывает, что Юрий Долгорукий отказался от планов устройства здесь крепости “остави то свое начинание” (2012. С. 127–130). Нет упоминаний о городище и в полевой документации А.С. Уварова, который вел раскопки в Кидекше в ту пору, когда земляные валы должны были быть хорошо заметны. Вероятно, следует признать, что вопрос о существовании земляных укреплений в Кидекше неясен, имеющаяся документация не позволяет однозначно утверждать, что белокаменный храм находился внутри укрепленной площадки.

Полевые работы Суздальской экспедиции ИА РАН 2001–2008 гг. существенно изменили представления о характере и размерах средневекового поселения, на территории которого находится ц. Бориса и Глеба (Макаров и др., 2004. С. 19–34; 2005. С. 196–214). Обследование 2001 г. показало, что средневековая Кидекша – селище площадью около 16 га, охватывающее значительную часть современного села. Оно вытянуто широкой полосой длиной около 600 м вдоль берега р. Каменка и почти на 400 м – по возвышению правого берега р. Нерль (рис. 4). На всей этой территории отмечены выходы культурного слоя, насыщенного круговой керамикой XII–XV вв. и пережженными печными камнями. Участок средневекового культурного слоя у церкви, где ранее закладывались шурфы и раскопы, представляет собой лишь часть обширного поселения. Присутствие лепной средневековой и древнерусской круговой керамики с S-видным профилем, время бытования которой в Суздальском Ополье не выходит за рамки начала XII в., зафиксировано лишь в юго-восточной части поселения, на участке к югу от церковного двора. Раскопками 2008 г. исследован участок культурного слоя толщиной 0.3–0.4 м на площади более 300 м² в восточной части селища, в нижней части склона пологой надпойменной террасы (рис. 4). В раскопе была выявлена плотная (по-видимому, усадебная) застройка средневекового села, расчищены подпольные ямы жилых построек, собрана керамика и более 300 находок, основная масса которых относится ко второй половине XII – XIV в. Среди найденных на этом участке в 2008 г. вещей следует отметить бронзовый кронштейн от хороса XII–XIII вв., возможно, являвшийся частью убранства Борисоглебского храма (Шполянский, 2011. С. 34–48).

В 2011–2012 гг., внутри храма и к северу от него, Суздальской экспедицией ИА РАН были проведены охранные раскопки, связанные с сооружением в церкви системы вентиляции. Руководство работами осуществлял Вл.В. Седов. Раскопки проводились внутри основного объема, в местах размещения вентиляционных каналов – до уровня их залегания, и на месте размещения вентиляционных агрегатов и воздухопроводов у северной стены – до материка (рис. 3).

В церкви было заложено 10 траншей и 5 шурфов общей площадью около 87 м², изучены культурные напластования XII–XX вв. На большей части раскопанной площади разбиралась только верхняя свита слоев мощностью до 0.8 м, представлявшая собой слой, сформировавшийся при реставрации храма в середине XVII в. Только в двух случаях культурные напластования, достигавшие мощности 1.58 м, были разобраны до уровня материка: при повторном вскрытии шурфа 1994 г., заложенного В.П. Глазовым, и при вскрытии шурфа 3, размещенного в центре основного объема церкви. Шурф 3 был заложен с целью получения наиболее полной информации о стратиграфии и сохранности культурных напластований, относящихся ко времени строительства храма и предшествующих времени его возведения.

В результате работ внутри храма было выявлено несколько уровней полов, расчищены остатки белокаменного престола церкви, остатки конструкции соли и кирпичного мощения пола. В центре храма расчищен омфалий – округлый в плане плоский камень диаметром менее 1 м, выявлены скрытые ранее фрагменты фресок, украшавшие храм второй половины XII в., собрано значительное (более 9500) количество обломков фресок, найденных при разборке культурных напластований в переотложенном состоянии.

Находка престола, омфалия, оснований алтарной преграды и уровня первоначального пола (подходившего к фрескам и одновременного им) дает возможность составить представление о первоначальном внутреннем убранстве храма середины XII в. (Седов, 2011).

Площадь раскопа, располагавшегося к северу от церкви, напротив портала, составляла 50 м². Он был вытянут в направлении С–Ю в виде траншеи протяженностью 16 и шириной 2–4 м (рис. 3). На этом участке была исследована часть приходского кладбища с. Кидекша. Вскрытые в пределах раскопа погребения (49) можно отнести к XVIII – первой половине XIX в. Важным обстоятельством, раскрывающим характер использования прицерковной территории до начала функционирования кладби-

Рис. 4. Средневековое поселение Кидекша. Условные обозначения: *а* – границы распространения культурного слоя селища; *б* – предполагаемая линия вала; *в* – раскопы А.С. Уварова 1851 г.; *г* – шурфы В.В. Седова 1959 г., шурфы и раскопы Т.А. Чуковой 1985–1988 г. и раскопы Суздальской экспедиции ИА РАН 2011 г.; *д* – современная застройка села.

ща, является находка подпола жилой постройки XVI – начала XVII в. (яма 1). На вскрытой в 2011 г. площади, в северной ее части, зафиксирован один из шурфов Т.А. Чуковой, а в центральной – поисковая траншея А.С. Уварова 1851 г. Небольшой участок у северной стены храма, находившийся в пределах внутреннего объема небольшого притвора, возведенного в XVIII в., не использовался для захоронений.

Культурный слой дособорного времени: стратиграфия и находки. Не потревоженный позднейшими перекопами культурный слой, перекрытый строительным горизонтом, связанным с сооружением храма 1152 г., был обнаружен на двух участках: в шурфе 3 внутри храма, в центральной его части, на площади около 3 м² и в раскопе у северной стены церкви, во внутреннем объеме северного притвора, сооруженного в 1780 г. и разобранного при реставрации храма Н.П. Сычевым, на площади чуть менее 7 м². На обоих участках под слоем известки и белокаменной крошки выявлен слой темно-коричневой, почти черной супеси толщиной от 10–12 до 32 см, насыщенный лепной керамикой и фрагментами

костей животных (рис. 5). Ценность этих напластований определяется не только их географией, но и общим характером средневековых поселений Суздальского Ополя, культурный слой которых сильно переработан распахкой и почти никогда не дает возможности выделить четкие стратиграфические горизонты с узкими археологическими датами.

В шурфе 3 (рис. 5, 1) известковая проливка перекрывала мощный слой светло-серой известки с включениями мелкого белокаменного бута, который представлял собой строительный горизонт, сформировавшийся при возведении Борисоглебской церкви в 1152 г. Его мощность составляла 0.5–0.6 м, при этом в составе строительного горизонта выделялись два уровня, незначительно различавшиеся между собой по цвету известки. Граница между этими горизонтами читалась нечетко. Под слоем светло-серой известки по всей площади шурфа была открыта плотная темно-коричневая гумусированная супесь, содержащая фрагменты средневековой лепной керамики. Мощность слоя составляла 0.30–0.32 м. Он перекрывал материк – плотную супесь охристого цвета, переходящую в

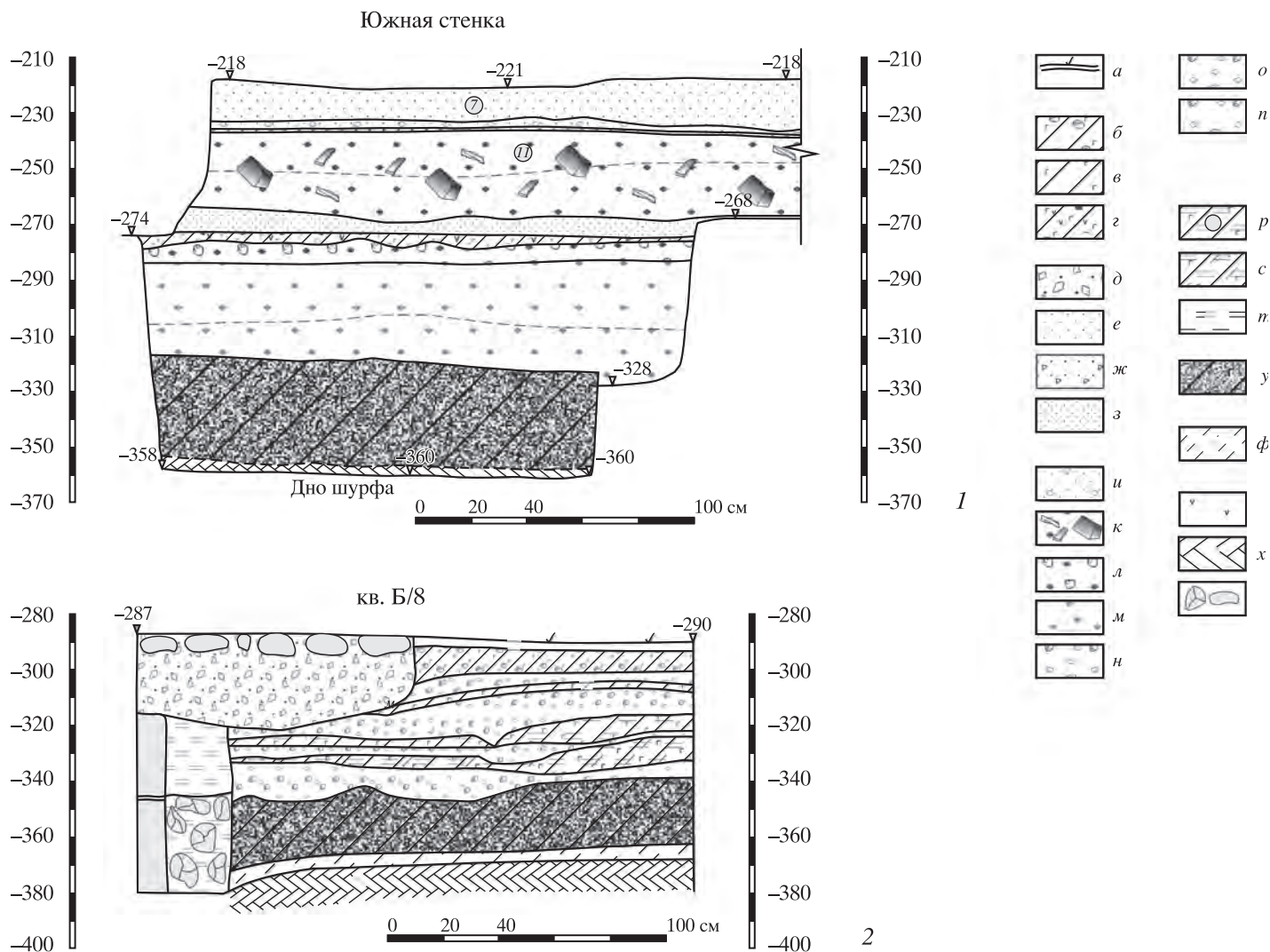

Рис. 5. Церковь Бориса и Глеба в с. Кидекша: 1 – южный профиль шурфа 3; 2 – часть профиля западной стенки раскопа, расположенного у северной стены церкви, с культурным слоем поселения, перекрытым строительным горизонтом середины XII в. Условные обозначения: *a* – дерн; *b* – темно-серая гумусированная супесь с белокаменной крошкой; *в* – темно-серая гумусированная супесь; *г* – темная серо-коричневая гумусированная супесь с включениями глины, угля и извести; *д* – слой щебня и песка; *е* – желтый мешаный песок; *жс* – желтый песок с известковой крошкой (подсыпка под пол из белокаменных плит); *з* – рыжевато-желтый песок (подсыпка под кирпичный пол); *и* – мешаная известь со светло-коричневым песком; *к* – серая известь с кусками белокаменных блоков, фрагментами фресок и бересты (подсыпка под пол XVII в.); *л* – известковая проливка с галькой; *м* – светло-серая известь (строительный горизонт); *н* – светло-серая известь с белокаменной крошкой (слой разрушения притвора); *о* – светло-серая известь с крошкой (слой строительства притвора); *п* – мешаный слой, состоящий из темно-серой гумусированной супеси и желто-бурого суглинка; *с* – темно-серая гумусированная супесь с комками желто-бурого суглинка и включениями белесой супеси; *т* – желто-бурый суглинок; *у* – темно-коричневая и черная гумусированная супесь (культурный слой дособорного времени); *ф* – белесая супесь (подзол); *х* – материк.

легкий суглинок. В западной части шурфа его прорезала столбовая яма диаметром 0.32 м и глубиной 0.51 м, присутствие которой в заполнении серой извести свидетельствует о том, что она относится ко времени сооружения храма. Из гумусированного слоя в шурфе 3 происходит 128 фр. лепной керамики: 117 – неорнаментированных стенок, 1 фрагмент донца (рис. 6, 15), 8 венчиков (рис. 7, 4, 11; 6, 1, 3, 4, 17) (один из них орнаментирован вдавленными палочками по краю (рис. 7, 4), 1 фрагмент сковородки

с бортиком (рис. 6, 10). Подавляющее большинство фрагментов (77) имеет грубую шероховатую поверхность, 46 – заглаженную, 5 – подлощенную. Из этого же слоя происходит венчик сосуда с сетчатой поверхностью, орнаментированный сквозным проколом (рис. 7, 7).

В раскопе к северу от ц. Бориса и Глеба непогрешенный культурный слой с лепной керамикой, предшествующий строительству, был зафиксиро-

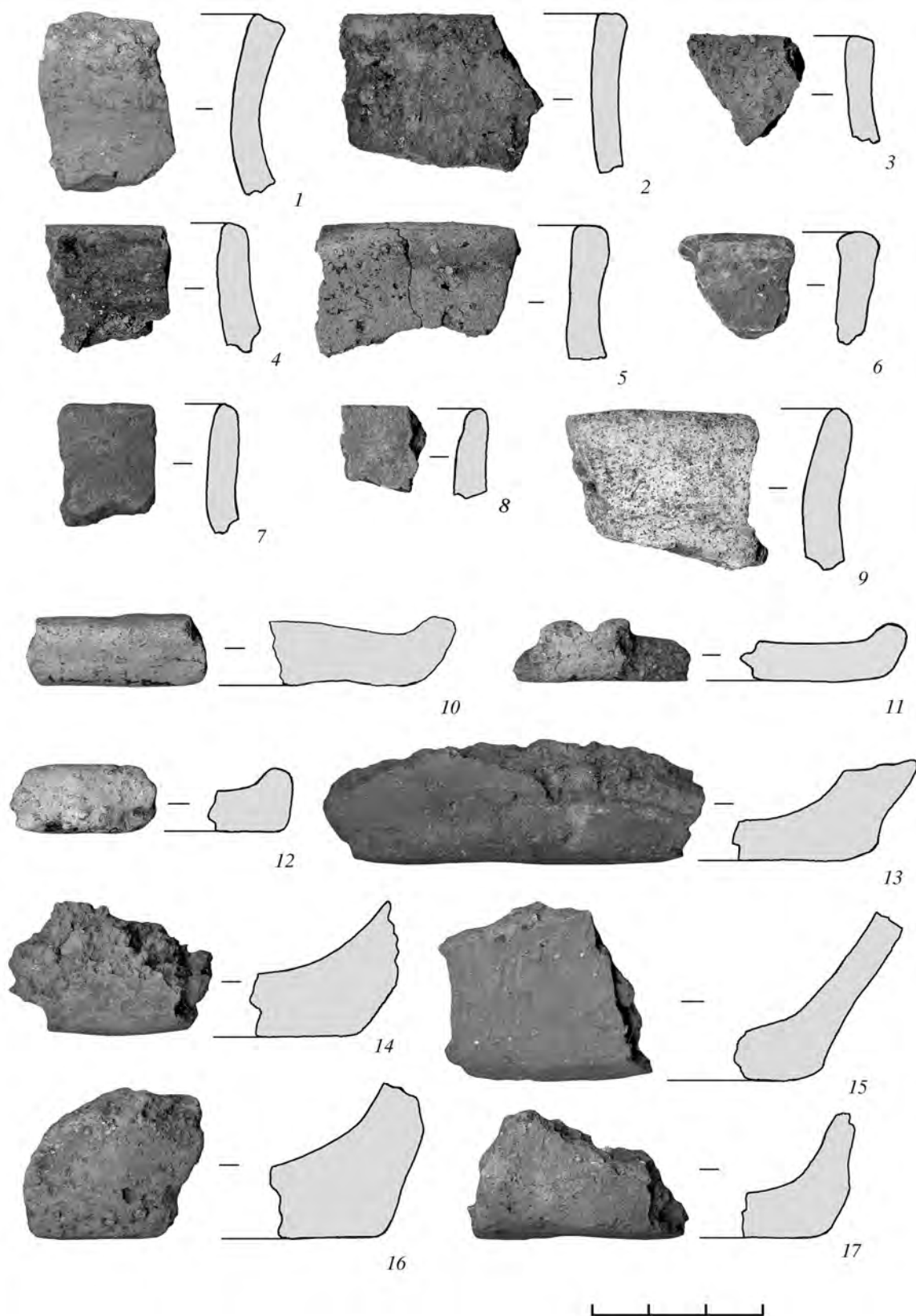

Рис. 6. Церковь Бориса и Глеба в с. Кидекша. Лепная керамика из культурного слоя поселения, перекрытого строительным горизонтом середины XII в. 1, 3, 4, 10, 15, 17 – шурф; 2, 5–9, 11–14, 16 – раскоп к северу от храма.

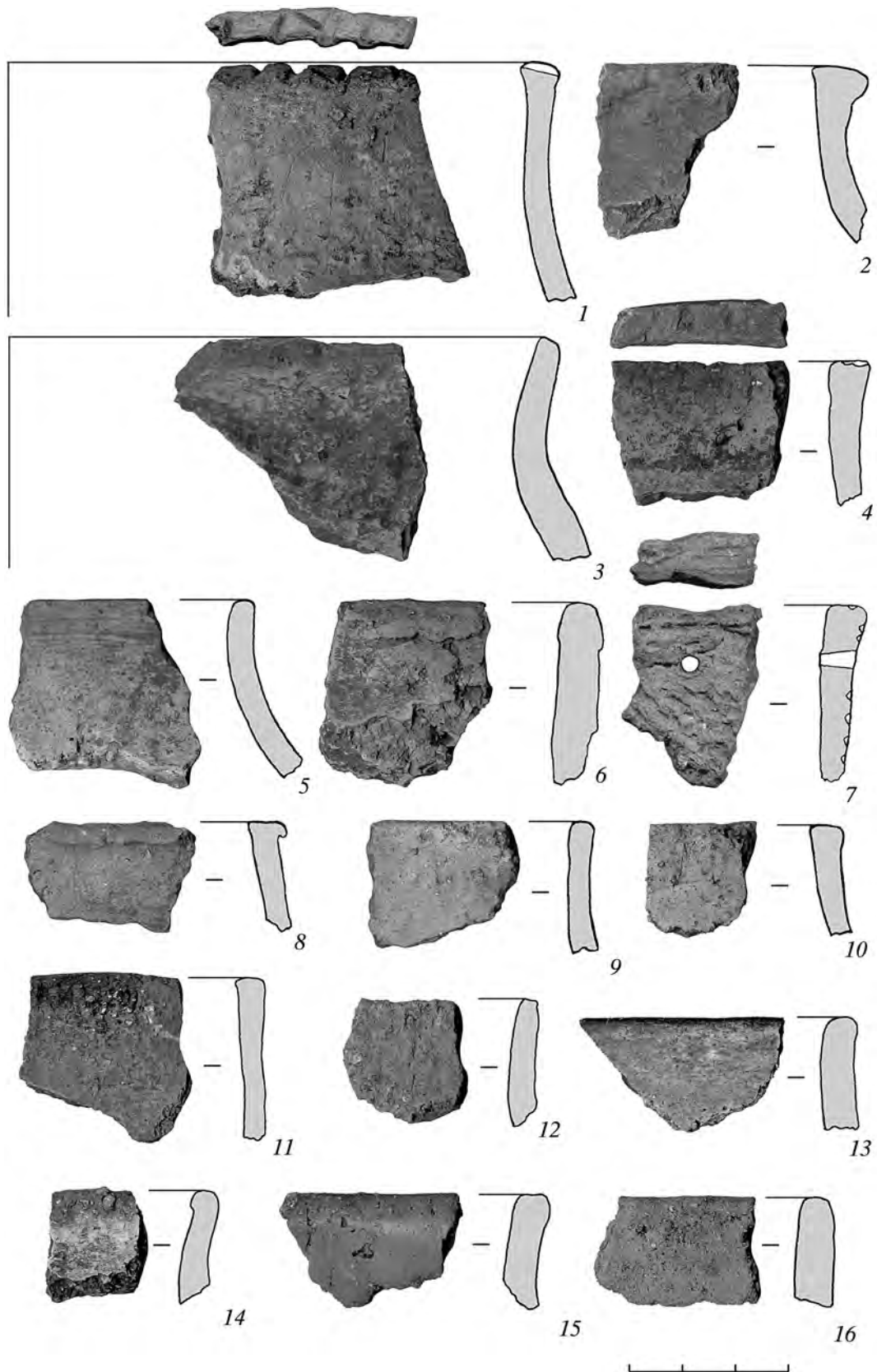

Рис. 7. Церковь Бориса и Глеба в с. Кидекша. Лепная керамика из культурного слоя поселения, перекрытого строительным горизонтом середины XII в. 1–3, 5, 6, 8, 9, 12–16 – раскоп к северу от храма; 4, 7, 11 – шурф 3.

Рис. 8. Церковь Бориса и Глеба в с. Кидекша. Часть профиля раскопа у северной стены храма с культурным слоем поселения, перекрытым строительным горизонтом середины XII в.

ван непосредственно у портала, на участке, прилегающем к основному объему церкви. Он четко прослеживается в южном профиле раскопа, непосредственно под фундаментом церковного здания, сложенным из валунных камней, скрепленных известковым раствором, в части восточного профиля и в западном профиле под свитой слоев строительного мусора, представленной чередующимися прослойками светло-серой извести с белокаменным боем и мешаной темно-серой гумусированной супеси с включениями материкового желто-бурого суглинка. Профиль западной стенки раскопа наиболее выразительный: здесь под дерном была зафиксирована серия прослоек светло-серой извести, разделенных мешаным слоем темно-серой супеси с включениями желто-бурого суглинка (рис. 5, 2; 8). Очевидно, эти прослойки могут быть соотнесены с ремонтами церкви. Самая нижняя из них, толщиной 0.25 м непосредственно у стены и постепенно сужающаяся к северу, представляет собой горизонт строительного мусора, сформировавшийся при строительстве храма середины XII в. Она перекрывает слой темно-коричневой (почти черной) гумусированной супеси мощностью до 0.3 м. Нижняя граница этого слоя неровная, с хорошо фиксируемыми гумусовыми затеками в материковое основание,

представленное светло-серой (белесой) плотной супесью. Судя по характеру границы, нижняя часть почвенного горизонта не затронута средневековой распашкой, подрезками и перекопами. В верхней части культурного слоя, на глубине 0.12–0.17 м, от верхнего уровня его залегания, в его структуре были отмечены следы горизонтального среза почвенного горизонта, читавшиеся как ровная прерывистая граница. Это указывает на то, что верхняя часть гумусированного слоя с лепной керамикой до возведения церкви подвергалась распашке. В культурном слое собрано 454 фр. лепной керамики: 416 – неорнаментированных стенок, 31 – венчиков и 7 – донец.

Лепная керамика сильно измельчена распашкой. Подавляющее большинство фрагментов (367) имеет грубую шероховатую поверхность, 207 – заглаженную, 9 – подлощенную, тесто содержит крупные и средние зерна дресвы. Два фрагмента принадлежат сосудам с сетчатой поверхностью. Реконструкция форм сосудов затруднена, очевидно, большинство фрагментов принадлежит горшкам, в том числе округлобким, два обломка принадлежат сковородкам с бортиками (рис. 6, 11, 12). В коллекции 19 фр. прямых вертикально поставленных венчиков с прямо срезанным или немного оттянутым наружу

верхним краем (рис. 7, 1, 2, 6, 8–10, 12–16). Четыре венчика отогнуты наружу, с косо срезанным, прямым или немного скругленным краем (рис. 7, 3; 6, 1). Все фрагменты неорнаментированные, за исключением одного, украшенного оттиском плоской палочки по краю венчика (рис. 7, 1).

Среди керамических форм, представленных в коллекции, нет хроноиндикаторов, на основании которых возможно узкое датирование культурного слоя, перекрытого горизонтом строительства храма. Ближайшие аналогии лепным сосудам с прямым и отогнутым венчиком из Кидекши мы находим в керамических комплексах X – начала XI в. в Суздале (Лапшин, 1991а. С. 130–139. Рис. 1, 1, 2, 4, 5; 2, 9–11; 3, 1, 2, 11) и на селище Гнездилово (Лапшин, 1991б. С. 120–129. Рис. 1, 1–3, 7; 2, 3), на селище Весь 5 подобная керамика широко представлена в культурном слое второй половины IX – X в. (Макаров и др., 2010. С. 113–141). Вероятно, лепная керамика подобных типов вошла в обиход в Суздальском Ополье несколько ранее. Однако, судя по материалам раскопок селища Кибол I, для керамического комплекса третья четверть I тыс. н.э. характерны другие формы (Лапшин, 2012. С. 96–99. Рис. 3). Для датирования “дособорного” культурного слоя важны находки фрагментов сковородок с бортиками, которые вышли из обихода в Суздальской земле не позднее рубежа X–XI вв. Существенно также отсутствие в культурном слое, промытом на металлических ситах, стеклянных бус и бронзовых украшений, получивших в Суздальском Ополье широкое распространение в X в.

Почвенные исследования. В ходе почвенных исследований были заложены две колонки – в шурфе внутри храма (южный профиль) и в раскопе у северного портала (кв. Б-7 (снаружи храма), западный профиль). Каждая колонка характеризует основные стратиграфические уровни и горизонты, связанные как с функционированием храма, так и с эпизодами, предваряющими его строительство. Приведем почвенно-морфологические описания колонок.

Колонка 1: Под полом храма слой мощностью 40 см, связанный со строительством храма. Ниже – погребенная почва с культурным слоем, содержащим лепную керамику, предшествующую строительству храма.

AUur 0–30 см: гумусовый горизонт, вмещающий культурный слой с лепной керамикой (переработан почвообразованием). Темно-серый, влажный, слабоуплотненный, легкий суглинок, бесструктурный с тенденцией к горизонтальной делимости, включения углей, граница – ровная, переход – постепенный.

AEL 30–40 см: переходный горизонт, состоящий из переработанного почвообразованием культурного слоя, гумусового и элювиального горизонтов исходной почвы. Серый со светло-бурым, влажный, слабоуплотненный, легкий суглинок, бесструктурный, граница – ровная, переход – постепенный.

EL 40–50 см: подзолистый горизонт исходной почвы. Светло-бурый, влажный, слабоуплотненный, супесь, бесструктурный, железисто-марганцевые конкреции, граница – языковатая, переход – резкий.

BT 50–(60) см: иллювиальный горизонт исходной почвы. Бурый, влажный, плотный, средний суглинок, ореховатая структура, железисто-марганцевые конкреции.

Колонка 2: Описывается погребенная под слоями строительства храма исходная почва.

Pur 0–15 см: пахотный горизонт, вмещающий культурный слой с лепной керамикой (переработан почвообразованием). Темно-серый, влажный, слабоуплотненный, легкий суглинок, бесструктурный с тенденцией к горизонтальной делимости, включения углей, граница – ровная, переход – заметный.

Aur 15–25 см: переходный горизонт, состоящий из переработанного почвообразованием культурного слоя с лепной керамикой и гумусового горизонта исходной почвы. Серый со светло-бурым, влажный, слабоуплотненный, легкий суглинок, бесструктурный, граница – ровная, переход – ясный. На границе с нижележащим горизонтом отмечаются кротовины с темно-серым материалом вышележащего горизонта (пахотный + гумусовый).

EL 25–40 см: подзолистый горизонт исходной почвы. Светло-бурый, влажный, слабоуплотненный, супесь, бесструктурный, железисто-марганцевые конкреции, червеходы (заполнение темно-серым материалом вышележащих горизонтов), граница – языковатая, переход – резкий.

BT 40–85 см: иллювиальный горизонт исходной почвы. Бурый, влажный, плотный, средний суглинок, ореховатая структура, железисто-марганцевые конкреции, граница – ровная, переход – постепенный, ниже – переходный горизонт к материнской породе.

Исходная почва – дерново-подзолистая лесного генезиса. Верхняя часть профиля имеет антропогенные нарушения (перемешивание с материалом культурного слоя, распашка). Исходную мощность культурного слоя, сформировавшегося до строительства храма, сложно реконструировать, поскольку при строительстве часть материала была перемещена (мощность сохранившейся гумусовой

Таблица 1. Результаты физико-химических анализов (Кидекша)

Горизонт, глубина, см	pH _{водн}	CaCO ₃ , %	C _{орг} , %	P ₂ O ₅ , %
Колонка 1				
AUur 5	8.00	0.04	3.25	0.44
AUur 15	7.95	0.04	3.54	0.51
AUur 25	7.65	0.40	2.04	0.33
AEL 35	7.75	0.00	0.65	0.16
EL 45	8.05	0.40	0.18	0.06
BT 60	7.90	0.00	0.27	0.13
Колонка 2				
P 5	8.20	0.04	2.08	0.21
P 10	8.25	0.04	2.13	0.23
AUur 20	8.35	0.04	1.61	0.18
AU 25	8.40	0.11	0.58	0.08
EL 30	8.30	0.04	0.17	0.05
BT 50	8.10	0.04	0.26	0.17
BC(t) 90	8.15	0.09	0.29	0.13

части профиля внутри храма – 30 см, тогда как снаружи – 15). Профиля внутри и снаружи храма отличаются не только мощностью гумуса. Снаружи храма отмечается наличие пахотного горизонта, мощностью до 15 см, характерное для раннего средневековья. Важно, что пахотный горизонт появился уже после образования культурного слоя, содержащего лепную керамику. Следы распашки не найдены в разрезе в центральной части храма. Но здесь диагностика затруднена в связи с тем, что гумусовая толща мощностью 30 см гомогенна, в ней не выделяются отдельные подгоризонты и слои. Такое отмечалось ранее и на других средневековых памятниках Центральной России, где пахотные горизонты было сложно диагностировать на мощных темных горизонтах культурных слоев.

Между стадией накопления культурного слоя и строительства храма выделяется природная стадия почвообразования под луговой растительностью длительностью не менее 100 лет. Кротовины и червеходы с темным гумусовым материалом в срединных горизонтах исходной почвы свидетельствуют о луговом генезисе. Во время этого этапа происходила гомогенизация верхней части профиля, включающей культурный слой с лепной керамикой, формирование гумусового горизонта по культурному слою. Данный горизонт имеет достаточно высокое содержание органического углерода с учетом диагенеза – 3.25 или 5.2% гумуса (табл. 1), на макро- уровне отчетливо выражены обломки углей до 0.5 см в диаметре. Этот гумусовый горизонт AUur по механическому составу сильно не выделя-

ется по сравнению с нижележащими горизонтами (за исключением иллювиального горизонта BT, имеющего природные особенности) (табл. 2). Высокие концентрации фосфора – до 0.51% (табл. 1), кальция – в оксиде CaO до 1.9%, цинка – до 94 мг/кг, брома – до 6 мг/кг (табл. 3; 4) свидетельствуют об активной хозяйственной деятельности во время накопления культурного слоя. Повышенные содержания меди и цинка позволяют предположить обработку металлов в ближайшей округе от исследованных профилей.

Наличие карбонатов кальция в профиле почвы связано с их миграцией из строительных горизонтов. Повышенное содержание фосфора в верхней части профиля необходимо соотносить с активным поступлением бытового мусора в период формирования культурного слоя (табл. 1).

По механическому составу гумусовый горизонт AUur в колонке 1 и пахотный горизонт P в колонке 2 имеют близкий легкосуглинистый состав, что является дополнительным фактом их общего происхождения из культурного слоя (табл. 2). Нижележащие горизонты имеют характерный максимум физической глины и ила в иллювиальном горизонте BT, что связано с природными особенностями почвообразования под лесом.

Палинологический анализ образцов из культурного слоя под храмом. Для палинологического анализа были отобраны 7 образцов из шурфа 3 внутри храма и 14 – из западной стенки раскопа у северного портала. Последние отбирались непрерывно и оказались более насыщенными пылью, чем образцы из шурфа 3 в храме Бориса и Глеба.

Слой темной гумусированной супеси, перекрытый слоем строительного мусора, маркирующим возведение храма, при исследовании под микроскопом оказался насыщен огромным количеством мельчайших угольков и золы, которые и придавали ей темный, почти черный цвет.

Образцы из траншеи и разреза содержали немного пыльцы и спор, а в образцах из слоев, подстилающих гумусированный суглинок, пыльца и споры отсутствуют (табл. 1; 2).

В целом спорово-пыльцевые спектры обоих разрезов выглядят довольно однородно (табл. 1; 2). Во всех исследованных образцах в общем составе преобладает пыльца травянистых растений (до 70%), пыльца древесных пород составляет в среднем около 20%, споры – 10–15%.

В составе древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) и ольхи (*Alnus*). Во всех образцах в небольшом количестве присутствует пыльца липы (*Tilia*) и дуба (*Quercus*).

Таблица 2. Результаты гранулометрического анализа (Киденша)

Горизонт, глубина, см	Гигро-влаги, %	Процентное содержание фракций, % (размер частиц, мм)						Физи-ческая глина, %	Слой
		1.0–0.25	0.25–0.05	0.05–0.01	0.01–0.005	0.005–0.001	<0.001		
Колонка 1									
AUr 5	2.28	11.04	35.09	34.43	8.06	4.01	7.37	19.44	Суглинок легкий
AUr 15	2.47	12.05	35.08	33.14	8.37	4.39	6.97	19.73	»
AUr 25	1.72	9.63	34.45	32.97	9.56	5.62	7.77	22.95	»
AEL 35	0.67	10.73	44.61	25.33	7.93	5.96	5.44	19.33	»
EL 45	0.30	10.52	51.89	23.55	6.22	3.01	4.81	14.04	Супесь
BT 60	1.20	6.64	39.55	26.85	4.45	6.84	15.67	26.96	Суглинок легкий
Колонка 2									
P 5	1.70	10.68	35.81	30.23	8.96	6.91	7.41	23.28	»
P 10	1.74	10.71	33.52	30.33	10.79	6.43	8.22	25.44	»
AUr 20	1.34	10.75	38.37	31.54	8.64	4.66	6.04	19.34	»
AY 25	0.60	11.48	39.43	28.69	5.99	6.24	8.17	20.40	»
EL 30	0.29	12.28	52.18	23.91	3.33	3.49	4.81	11.63	Супесь
BT 50	2.18	3.70	30.87	28.01	6.06	2.74	28.62	37.42	Суглинок средний
BC(t) 90	3.04	0.13	3.87	45.05	5.94	8.38	36.63	50.95	Суглинок тяжелый

Таблица 3. Валовой химический состав (макроэлементы, %) (Кидекша). Колонка 2

Горизонт, глубина, см	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃
P 5	1.82	1.18	6.86	75.01	0.51	0.09	1.88	1.90	0.65	0.19	2.36
P 10	1.44	1.18	6.97	74.16	0.43	0.12	1.91	1.92	0.68	0.24	2.49
AUr 20	1.73	1.12	7.34	77.04	0.36	0.12	1.87	1.55	0.71	0.23	2.26
AY 25	1.90	0.95	7.32	77.38	0.13	0.07	1.97	0.97	0.66	0.05	2.01
BT 50	1.98	2.32	12.91	69.74	0.27	0.09	2.27	0.91	0.86	0.06	4.65

Таблица 4. Валовой химический состав (микроэлементы, мг/кг) (Кидекша). Колонка 2

Горизонт, глубина, см	Ni	Cu	Zn	Br	Pb	Rb	Sr	Y	Zr	Nb
P 5	16	33	90	6	12	60	110	21	306	9
P 10	20	29	94	6	16	62	102	20	316	8
AUr 20	15	20	54	6	10	56	101	20	306	10
AY 25	15	14	27	–	11	51	106	18	297	10
BT 50	30	12	51	–	16	77	105	23	329	11

Среди травянистых растений доминирует пыльца разнотравья, среди которого в большом количестве встречается пыльца иван-чая из семейства кипрейных (*Onagraceae*). Присутствие пыльцы этого растения в таком большом количестве отмечается в спектрах очень редко. Иван-чай – растение-пионер, чаще всего первым появляется на месте пожарищ, за что и получило в народе название “пожарная трава”. Помимо этого в образцах обнаружено большое количество мельчайших угольков, при этом более

крупных угольков, которые остаются при сжигании деревьев или кустарников, в слое очень мало. Часто встречается темная, обожженная и даже лопнувшая пыльца.

Помимо пыльцы иван-чая довольно часто встречается пыльца подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) и астровых (*Asteroideae*), в том числе василька (*Centaurea*). Из разнотравья также отмечена пыльца семейств крестоцветных (*Brassicaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), яс-

нотковых (*Lamiaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), родагорец (*Polygonum*).

Кроме пыльцы разнотравья, во всех образцах присутствует пыльца злаков (*Poaceae*) (20–30%).

В группе споровых обнаружены споры зеленых (*Bryales*) и сфагновых (*Sphagnum*) мхов, плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), режы – споры гроздовника (*Botrychium*), папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*).

Однородность спорово-пыльцевых спектров на протяжении всего разреза может объясняться сильным перемесом данного слоя, что могло происходить при регулярной его распашке. Наиболее достоверным представляется вариант сжигания стерни с последующей распашкой. Возможно, пахота производилась не каждый год, и тогда поле зарастало иван-чаем. Но не исключено, что иван-чай рос по окраине полей.

Палеоботанические материалы из культурного слоя. Археоботанические образцы получены путем флотации двух почвенных проб стандартного объема (10 л каждая), отобранных в раскопе у северного портала храма, в культурном слое, перекрытом строительной прослойкой середины XII в.

Все образцы содержали древние карбонизированные растительные макроостатки: зерна, семена и колосовые фрагменты культурных злаков, семена диких растений и др. Всего в двух образцах было выявлено 116 различных макроостатков. Сохранность находок может быть оценена 2–2.5 (реже 3) баллами по пятибалльной шкале. Обращает на себя внимание сильная фрагментация материала. Достаточно сказать, что среди культурных растений лишь пять зерен были целыми, остальные представлены фрагментами, часто сильно деформированными. Фрагментация носит как современное (связанное со сбором образцов), так и древнее происхождение.

Из 116 макроостатков более половины – 71 экз. (61.2%) – относится к культурным растениям, 19 (16.4%) – к сорным. Значительная часть макроостатков (26 экз. или 22.4%) помещена в категорию “прочие”, представленную неопределимыми карбонизированными объектами различного происхождения. Часть из них могла быть и фрагментами сильно деформированных зерновок злаков.

До видового уровня удалось определить только 13 зерновок культурных злаков. Из них основную часть составляет ячмень (*Hordeum vulgare*) – девять зерновок (в том числе и реконструированных по фрагментам); присутствуют также пленчатая пшеница двузернянка (*Triticum dicoccum*) – одна зерновка; голозерная мягкая пшеница (*Triticum*

aestivum s.l.) – одна зерновка; рожь (*Secale cereale*) – одна зерновка; овес (*Avena sativa*) – одна зерновка. Из 25 колосовых фрагментов 24 принадлежат *Triticum dicoccum* и 1 – *Hordeum vulgare*. Также среди макроостатков присутствует один неопределимый фрагмент семени бобового (*Fabaceae*). В обоих образцах в небольшом количестве зафиксированы также фрагменты соломы.

Что касается диких растений, то в образцах было найдено 19 карбонизированных диаспор, из них – 5 семян маревых (*Chenopodiaceae*), 4 зерновки злаков (*Poaceae*), в том числе и фрагментированные, 4 семени представителей семейства гвоздичных (*Caryophyllaceae*), из которых 2 отнесены к роду (*Silene* sp.) и 2 не определены до рода в силу плохой сохранности, также 2 семени подмаренника (*Galium* sp.), 1 семя паслена черного (*Solanum nigrum*), 1 семя мелкосеменного бобового (*Fabaceae*) и 2 – неопределимых диаспор.

Естественно, что мы не вправе проводить агроботаническую интерпретацию материалов, полученных всего из двух образцов. Однако следует отметить, что практически на всех ранних (VII–X вв.) поселениях Суздальского Ополя ячмень, как в Кидекше, занимал весьма заметное место среди археоботанических находок – от 18 до 38%.

Обсуждение результатов. Основываясь на археологических данных, результатах морфологического исследования профилей и физико-химических анализов почв, анализе спорово-пыльцевых и археоботанических материалов, можно реконструировать несколько этапов освоения участка коренного берега Нерли, предвещающих строительство ц. Бориса и Глеба.

До конца I тыс. н.э., в течение не менее 1500 лет, на рассматриваемом участке происходило формирование дерново-подзолистых почв под лесом. Первые следы освоения человеком коренной террасы – единичные фрагменты сетчатой керамики I тыс. до н.э., найденные в шурфах и раскопе на церковном дворе и в шурфе внутри храма, очевидно, отражают непродолжительное заселение участка в начале I тыс. до н.э. или сезонную хозяйственную активность. В конце I тыс. н.э. на коренной террасе возникло стационарное средневековое поселение. Судя по отсутствию в культурном слое стеклянных бус и металлических украшений, присутствие которых характерно для напластований X в., поселок появился до этого времени, в IX в., а может быть, и ранее. В результате формирования культурного слоя гумусовый горизонт исходной почвы был разрушен, верхняя часть исходного гумусового горизонта перемешалась с культурным слоем, богатым органическим материалом. В период существова-

ния поселка происходит накопление культурного слоя мощностью не менее 30 см. Основываясь на находках карбонизированных макроостатков, отложившихся в культурном слое, можно полагать, что жители поселка занимались земледелием, преобладающей культурой был ячмень.

Для культурного слоя конца I тыс. н.э. характерно повышенное содержание органического углерода, фосфора, кальция, цинка, брома и др., что указывает на высокую хозяйственную активность во время бытования поселения. Однако никаких археологических находок, документирующих ремесленное производство в этот период, в раскопах не обнаружено.

Не позднее второй половины X в. поселение было заброшено. Антропогенная седиментация сменилась природным почвообразованием, на месте поселения происходит формирование луговой почвы по культурному слою, стирание слоистости, гомогенизация отложений. Судя по составу пыльцы в спорово-пыльцевых спектрах, окружающий ландшафт в этот период был открытым. Спустя не менее 100 лет на луговом участке сформировалась пашня, устройство которой сопровождалось выжиганием растительности, возможно, периодическим выжиганием стерни. Хотя определить длительность использования участка в качестве пахотного поля по имеющимся данным затруднительно, ясно, что распашка территории была многократной и продолжалась, как минимум, несколько лет.

Таким образом, ц. Бориса и Глеба была построена Юрием Долгоруким на пахотном поле, устроенном на месте давно запустевшего к тому времени поселения. Возможно, именно это поселение дало начало историческому с. Кидекша: в процессе развития его местоположение и границы территории, занятой постройками, смещались. Ко времени строительства храма на площадке, отведенной для строительства, не было ни княжеского двора, ни рядовых усадеб, ни более ранних церковных построек. Очевидно, участок с застройкой XI – первой половины XII в. находился к югу от церкви. Поскольку в раскопе 2008 г. на южном склоне коренной террасы, обращенном к устью р. Каменка, культурный слой XI – начала XII в. не выявлен, он мог занимать площадь не более 1.5–2 га.

Новые материалы не дают простого ответа на волновавший многих исследователей вопрос о причинах и обстоятельствах выбора Кидекши для строительства одного из первых белокаменных храмов. Сегодня ясно, что местоположение церкви на берегу Нерли не было задано уже сложившейся пространственной организацией княжеской территории. Но отсутствие археологических следов

административного центра X – первой половины XII в. под собором, возведенном в 1152 г. в Кидекше, еще не означает, что его строительство не имело предыстории в оформлении здесь одного из центров княжеского управления Суздальской землей. Она могла быть более сложного характера, возможно, ее удастся прояснить полевыми работами на тех участках поселения, которые остались незатронутыми раскопками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Владимирская обл. М.: ИА РАН, 1995. 379 с.
- Александровский А.Л., Александровская Е.И.* Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 223 с.
- Александровский А.Л., Еришова Е.Г., Кочанова М.Д., Лаврушин Ю.А., Стиридонова Е.А., Чернов С.Э., Энговатова А.В.* Исследование погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 г. и опыт реконструкции коренной растительности // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: ИА РАН, 2008. С. 187–206.
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. XII столетие. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 583 с.
- Дергачева М.И.* Археологическое почвоведение. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 227 с.
- Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений / Под ред. С.А. Сычевой, Н.Б. Леоновой. М.: НИА–Природа, 2004. 107 с.
- Западнорусские летописи. Супрасльский список // ПСРЛ. Т. XVII. Стб. 2 / Под ред. С.Л. Пташицкого, А.А. Шахматова. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907.
- Иванов И.В.* Почвоведение и археология // Почвоведение. 1978. № 10. С. 17–28.
- Карта почвенно-географического районирования СССР. М 1:8000000. М.: ГУГК, 1986.
- Карта почвообразующих пород Европейской части СССР. М 1:400000. М.: Изд-во МГУ, 1968.
- Классификация и диагностика почв России. М.: Почв. ин-т им. В.В. Докучаева, 2004. С. 341.
- Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. XXI. СПб.: Типография Александрова, 1908. С. 192.
- Латишин В.А.* Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991а. С. 129–138.
- Латишин В.А.* Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991б. С. 120–129.
- Латишин В.А.* Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 4. М.; СПб., 2012. С. 95–100.

- Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. С. 67.
- Макаров Н.А.* Сельские приходы XV–XVII вв. и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 17–35.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М.: Изд-во “Языки русской культуры”, 2001. 496 с.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В.* О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздаlem // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 113–141.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В.* Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. 2004. № 1. С. 19–34.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В.* Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005 / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. С. 196–215.
- Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л., 1961 (МИА; № 105). 242 с.
- Руководство по изучению палеоэкологии разновозрастных культурных слоев древних поселений (полевые исследования). М.: ИГ РАН, ИА РАН, 1998. 78 с.
- Сабурова М.А., Чукова Т.А., Лапшин В.А., Мошенина Н.Н.* Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 г. Т. II. Исследования в округе г. Суздаля // Архив ИА РАН. Р-1. № 11 963.
- Седов В.В.* Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине // КСИА. 1961. Вып. 86. С. 73–77.
- Седов В.В.* Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, 2011: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=185&zid_nws=9.
- Федоров Анания.* Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Текст / Исследов. рукоп. текстов, общая подгот. издания С.П. Гордеев. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2012.
- Чукова Т.А.* Раскопки на городище с. Кидекша // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: Сб. науч. тр / Отв. ред. М.В. Седова. М., 1991. С. 140–147.
- Чукова Т.А.* Отчет о раскопках в с. Кидекша Суздальского р-на Владимирской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13 381.
- Шполянский С.В.* Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздаlem // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 3. М.; СПб., 2011. С. 34–48.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ
НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПЕТРОГЛИФОВ ПЕГТЫМЕЛЯ

© 2014 г. Е.Г. Дэвлет

*Институт археологии РАН, Москва
(eketek@yandex.ru)*

Ключевые слова: *петроглифы, наскальное искусство, Чукотка.*

Petroglyphs of the northernmost in Asia rock art site were created on the Kaikuul Bluff which stretches along the Pegtymel river some 40–50 km from the coast of the East Siberian Sea. Numerous petroglyphs are located on sandstone vertical cliffs, on separate stones and in a small shelter. The vast majority were pecked, there were also figures with the elements of abrasion and engraving. The field research in 2000-s by the team from the Institute of Archeology Russian Academy of Sciences has added considerably to the rock art collection from Northern Asia. There were identified more than 350 panels, they have been recorded. An innovative aspect of the research was the traceological program involving the study of petroglyphs' techniques and the material of the tools used for their pecking. By the result of the Pegtymel experiments the main diagnostic feature distinguishing pecking pits left by a stone punch tool from the iron tool traces was the quick change of the work area of a stone tool, the pecked traces showed a dynamic transformation from the sub-rounded or sub-quadrangular pits to the linear elongated ones. Another important feature of the use of stone tools was the wide entrance hole and the lack of sharp drops between the peaks and depressions. Comparison of the experimental stone tools reference materials with the rock art demonstrated that only a small part of the petroglyphs had comparable pecking.

В 2000-х годах экспедицией Института археологии РАН на Чукотке проводилось полевое изучение самого северного в Азии памятника наскального искусства. Основное скопление локализуется на скальных выходах Кайкуульского обрыва по правому берегу р. Пегтымель в 40–45 км от ее впадения в Восточно-Сибирское море. Заполярное местонахождение было обследовано и опубликовано Н.Н. Диковым (Диков, 1969, 1971, 1992; Dikov, 1999), позднее сведения о нем были дополнены усилиями других специалистов (историю вопроса см. Дэвлет и др., 2006, 2009; Петроглифы Пегтымеля, 2007). Наскальное искусство циркумполярной зоны, в которой не столь уж много изображений на скалах, неизменно привлекает внимание исследователей (Шумкин, 2009; Bland, 2010; Gjerde, 2010).

Петроглифы в пределах Кайкуульского обрыва распределены неравномерно, условно выделенные 12 скоплений петроглифов порою разделены протяженными участками скал, на которых изображения не выявлены. Петроглифы группируются на трех уровнях массива – верхнем, среднем и нижнем, береговая линия динамично меняется в зависимости от уровня воды, так что периодически некоторые

плоскости могут быть доступны лишь с воды, а отдельные камни затоплены.

Некоторые из наиболее примечательных участков скального массива имели потенциал публичного обзора изображений. Такими возможностями для осмотра обладает большинство плоскостей с многофигурными композициями, хотя склоны Кайкуульского обрыва в целом не изобилуют площадками, где могли бы сосредоточиться сравнительно многочисленные группы людей. Уникальная сцена представлена на торце лежащей на берегу массивной плиты. Помимо многочисленных фигур оленей центральное место занимает сюжет добычи особого оленя, отмеченного символом в виде круга с точкой в центре (рис. 1, 5). Среди сотен пегтымельских изображений северных оленей подобная фигура отмеченного “небесного животного” единственная. Камень, на торцевой грани которого древний мастер выбил данную группу, вероятно, привлекал внимание необычной формой, напоминающей песочные часы; удобно и его местоположение на берегу. Все это могло придавать ему особое значение в глазах создателей петроглифов. К сожалению, вода, периодически поднимающаяся выше этого камня, унич-

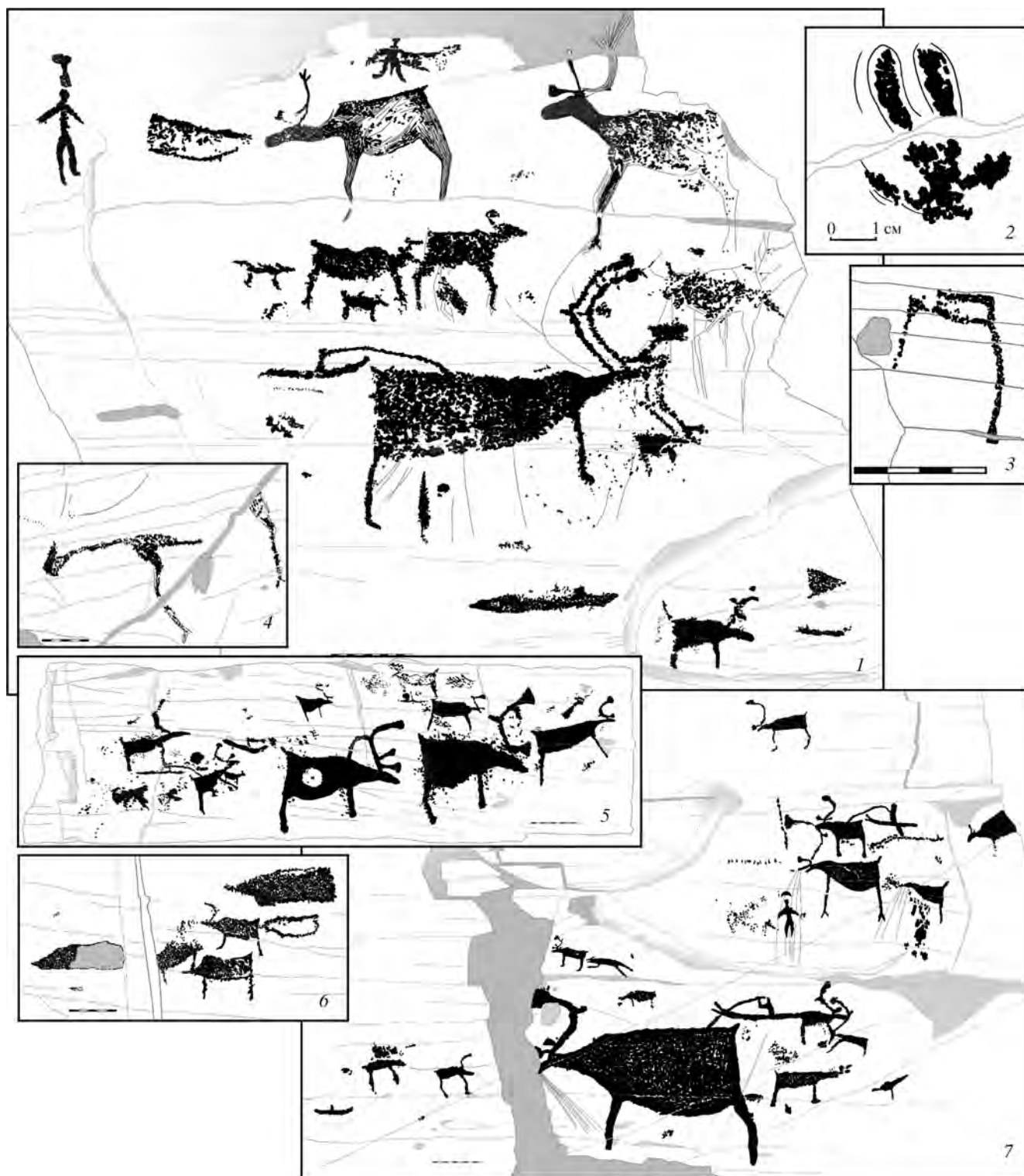

Рис. 1. Эскизы и многофигурные композиции (1–7) в наскальном искусстве Чукотки, Пегтымель.

тожила все следы возможных происходивших близ него действий.

Выбор плоскости, по-видимому, диктовался различными факторами. Некоторые плоскости с изображениями умышленно скрыты в расщелинах.

Отдельные сцены удивляют своей локализацией: нанести их, сидя на крохотном, расположенном на высоте карнизе можно только из личной доблести. Сложность подхода, размеры петроглифов и потенциал их публичного обзора ничтожно малы

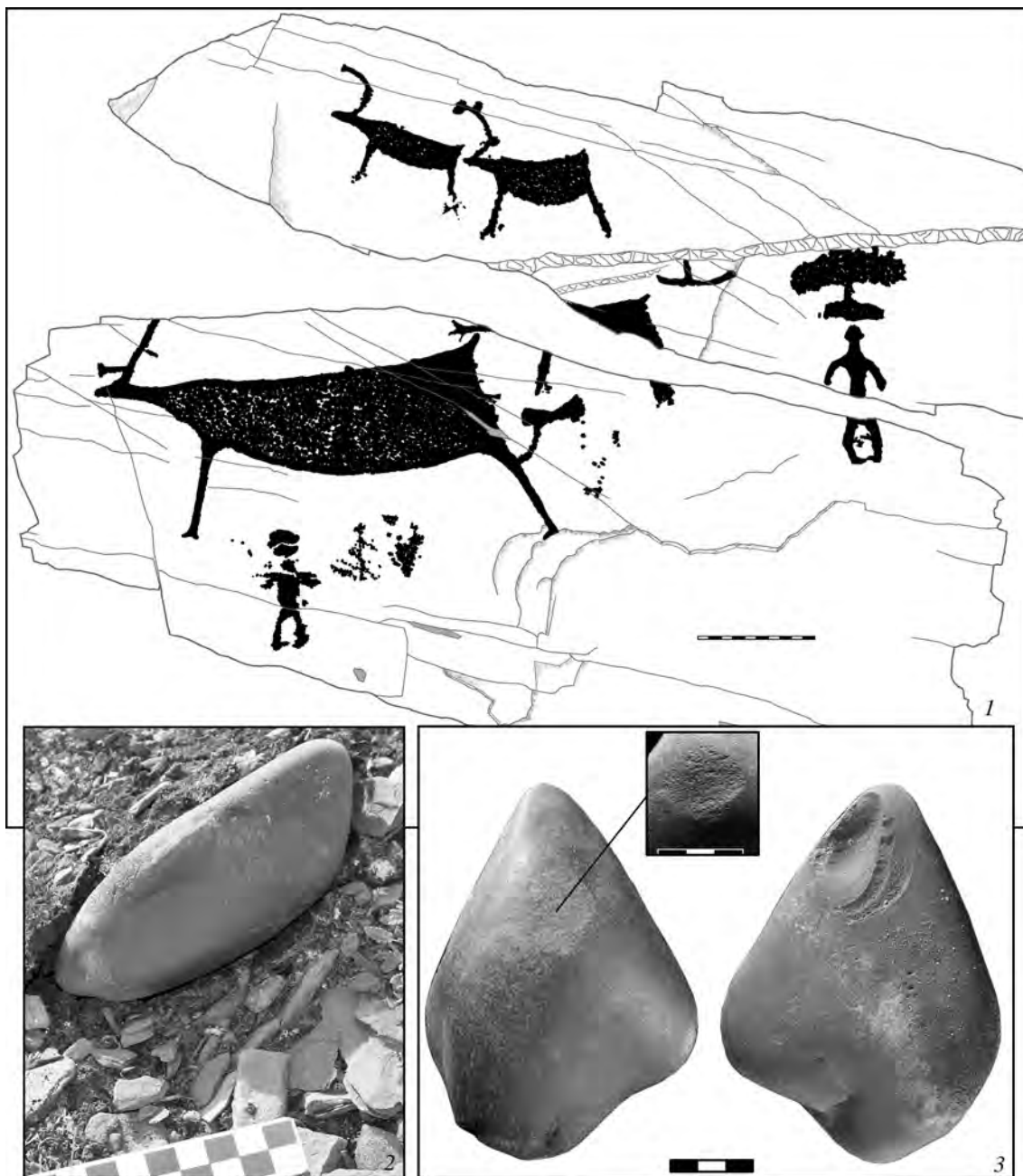

Рис. 2. Совмещенные изображения на двух фрагментах разрушившейся плоскости (1); каменный ударник, обнаруженный вблизи петроглифов (2, 3). Пегтымель.

по сравнению с предпринятыми усилиями. Такие сцены не сводятся к изображению добычи оленя на переправе, в них могут быть представлены волки, отдельные лодки, сцены морской охоты и другие мотивы.

Выделить центральную часть и периферийные группы однозначно не представляется возможным, всего на Кайкуульском обрыве насчитывается 12 скоплений, еще 2 пункта расположены ниже по течению реки. Анализ иконографии и техники петроглифов не дает оснований утверждать, что

именно с удачно расположенных участков началось освоение скал Кайкуульского обрыва. Предположение не находит подтверждения ни в степени патинизации петроглифов, ни в наблюдениях относительно сосредоточения сходных по стилю изображений. Подобная схема развития комплекса привлекательна, но излишне прямолинейна (Головнев, 2000). Если считать центральными участки скал с наиболее сложными композициями, мощной концентрацией изображений, то следует отметить, что они перемежаются более простыми по исполнению

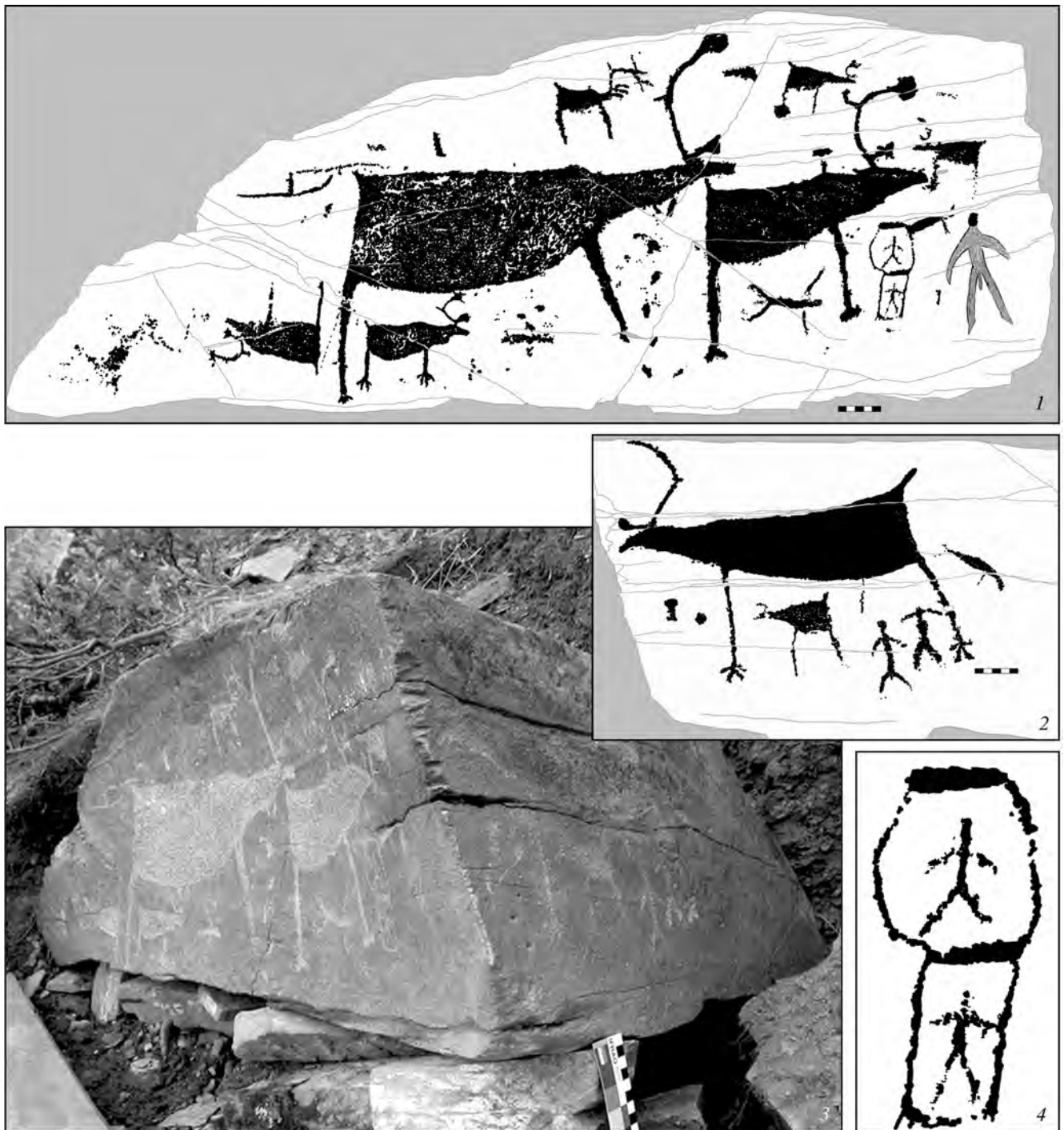

Рис. 3. Петроглифы на смежных гранях камня (1), среди них изображение жилой конструкции (4). Фигура крупного оленя на правой грани (2, 3) была переработана. Пегтымель.

группами петроглифов, в которых трудно признать прототипы или, напротив, неумелые подражания.

Помимо вертикальных скальных плоскостей, использованных для нанесения большинства петроглифов, на Кайкуульском обрыве немало изображений на отдельно лежащих камнях. Как правило, это различной величины фрагменты разрушивше-

гося скального массива. Есть примеры локализации петроглифов на камнях, которые уже приняли стабильное положение и, можно полагать, что изображения выполнялись с учетом ориентировки, границ, фактур, а также и других характеристик граней. Однако зафиксированы и смещенные природными процессами плиты различного размера,

на них изображения могут быть перевернуты или иначе изменить положение. Например, расположение концентрации компактно локализованных камней в скоплении III указывает на то, что они некогда составляли вертикальный скальный выход, на котором была представлена сложная композиция. Фрагменты этой плоскости документируются теперь во фрагментах (рис. 2, 1). Совмещение двух из них позволяет воссоздать часть исходной картины (Дэвлет и др., 2012. Рис. 156–161).

В IV скоплении выявлено три камня, два из которых перевернуты. Камни имеют необычную подтреугольную форму, композиции локализуются на двух гранях (рис. 3; 4). Обращенные вверх поверхности были обильно покрыты лишайником и мхом, прикрыты ветками разросшегося кустарника и засыпаны грунтом. Положение камней на склоне заставляет предполагать возможные преднамеренные манипуляции с ними. Подобные объекты наиболее важны для реконструкции пространственной структуры комплекса. Помимо использованных для создания изображений вертикальных скальных выходов и отдельных камней, был освоен и небольшой грот, в котором документируется немало выбитых и гравированных петроглифов, следов заточки металлических орудий, а также археологический материал, который может быть связан с эпизодами создания изображений (Диков, 1971).

Образы и сюжеты петроглифов Пегтымеля гомогенны в силу особенностей хозяйственно-культурного типа и природно-географической специфики региона. Анализ сюжетов показывает, что на удаленном от побережья памятнике представлены как картины быта обитателей тундры, так и виды промыслов, связанных с приморским типом адаптации населения Арктики (Devlet, 2012; Дэвлет, 2014). Как и в мелкой пластике (Тишков, 2008), тема тундры и моря неразрывно переплелась в искусстве петроглифов, набор мотивов весьма ограничен. Доминирующий зооморфный образ – северный олень, профильные силуэтные изображения этих животных, одиночных и в стаде, численно преобладают. Чаще других повторяется сцена охоты на плывущего оленя с каяка (рис. 1; 5; 6, 2). В большинстве вариантов охотник из одноместной лодки поражает животное гарпуном, реже копьем на длинном древке, подобные сцены могут быть представлены одиночно или быть включенными в более сложные сюжетные композиции.

Стилистический анализ позволил Н.Н. Дикову выделить пять изобразительных канонов и соотносимых с ними изображений, которые он датировал от II тыс. до н.э. Предложенная типология изображений оленей (“стиль оленьих силуэтов”) группи-

ровала известный исследователю статистически обработанный массив петроглифов в хронологической последовательности от реалистичных к более схематизированным (Диков, 1971. Рис. 27; Dikov, 1999. Fig. 27). Н.Н. Диков случаи перекрытия изображений, выполненных в разной технике, рассматривал как хронологические маркеры. Новый массив данных (полевыми исследованиями корпус петроглифов Пегтымеля увеличился, по крайней мере, в 3 раза) существенно меняет предложенную корреляцию мотивов (Дэвлет, 2009, 2010). Точкой отсчета для построения хронологии петроглифов Пегтымеля на основе местных реалий материальной жизни для Н.Н. Дикова стало изображение, трактовавшееся как поворотный гарпун, однако расцененный им как изображение стабилизатора гарпуна элемент является фрагментом группы: линию рогов крупного изображения северного оленя перекрывает силуэт многоместной байдары, с которой ведется преследование кита. Из-за наложения изображений рог оленя практически примыкает к хвосту кита (рис. 6, 1) – он и был принят за изображение стабилизатора (Devlet, 2008). В настоящее время среди пегтымельских петроглифов зафиксированы многочисленные сцены охоты с гарпуном, однако изображения так называемых крылатых предметов, или стабилизаторов, не выявлены.

Отметим, что при изучении петроглифов Пегтымеля сомнения вызывала сама возможность нанесения многих из них орудиями из кварца, поэтому особое внимание было уделено изучению технико-технологических аспектов локальной традиции наскального искусства, предпринята попытка трасологического исследования изображений.

Наскальные изображения Пегтымеля представлены на песчаниках и алевролитах исключительно петроглифами, признаки возможного использования пигмента не обнаружены. Помимо завершенных одиночных и входящих в группы изображений выявлено немало эскизов, незавершенных фигур (рис. 1, 1, 3, 4, 6; 7). Петроглифы локализуются преимущественно на вертикальных скальных выходах песчаника с плотной патинизированной поверхностью. В подавляющем большинстве случаев использовались среднезернистые плоскости, но есть единичные случаи, когда задействованы скальные полотна с мелкой зернистостью, а также грубозернистые. Плоскости, характеризующиеся особенностями скальной корки, ее окрашенностью, наличием включений, спецификой фактуры, очертаний и локализации, привлекали особое внимание. Примером может служить одна из основных групп петроглифов Пегтымеля, выполненных в технике глубокой выбивки, в верхней части обрыва.

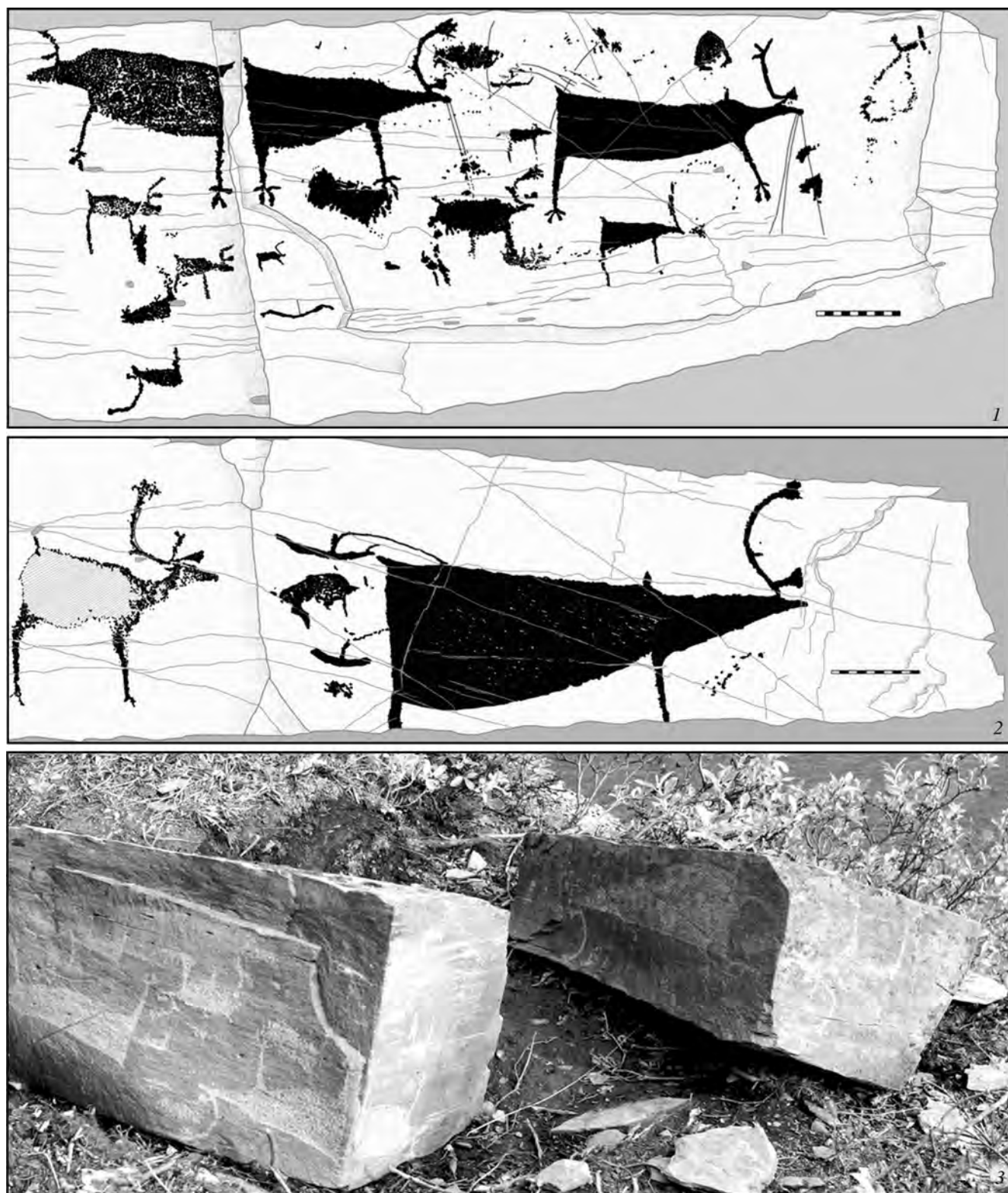

Рис. 4. Оползни и обрастатели скрывали в скоплении IV два перевернутых камня (3) с петроглифами на смежных гранях (1, 2), Пегтымель.

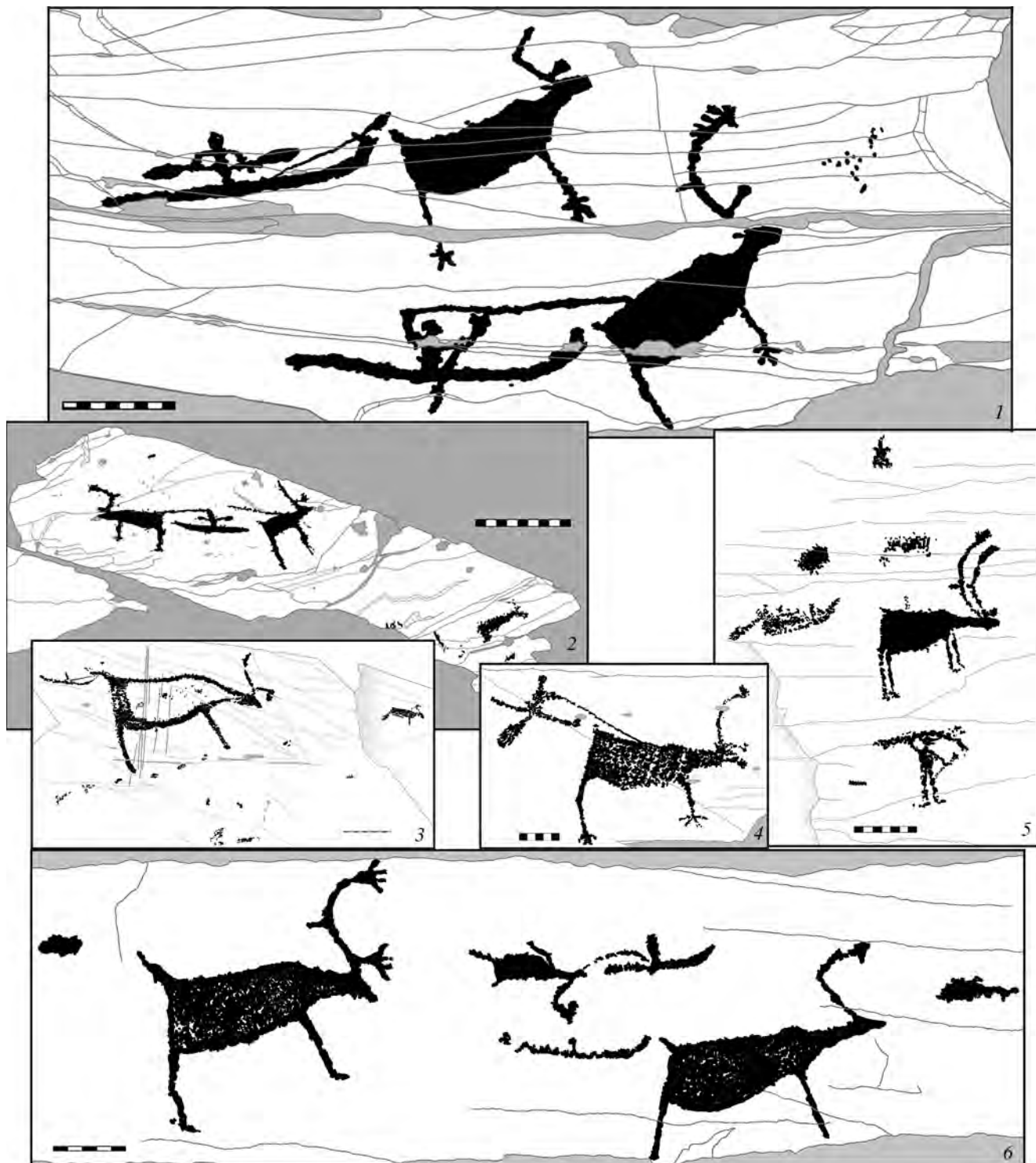

Рис. 5. Сцены охоты на оленя с лодки (1–6), Пегтымель.

Особенность ярко окрашенной грубозернистой скалы, с кристаллами, заключается и в ее специфическом растрескивании, в результате чего выделилась эффектная подтреугольная плоскость, на которой показаны картины жизни, связанные с приморской адаптацией населения, а также в наличии около нее

удобной площадки – все это делало участок весьма притягательным (рис. 8).

На Пегтымеле в целом большинство изображений нанесено многообразным по глубине и плотности пикетажем, на некоторых мастерски выполненных фигурах различаются выбивка

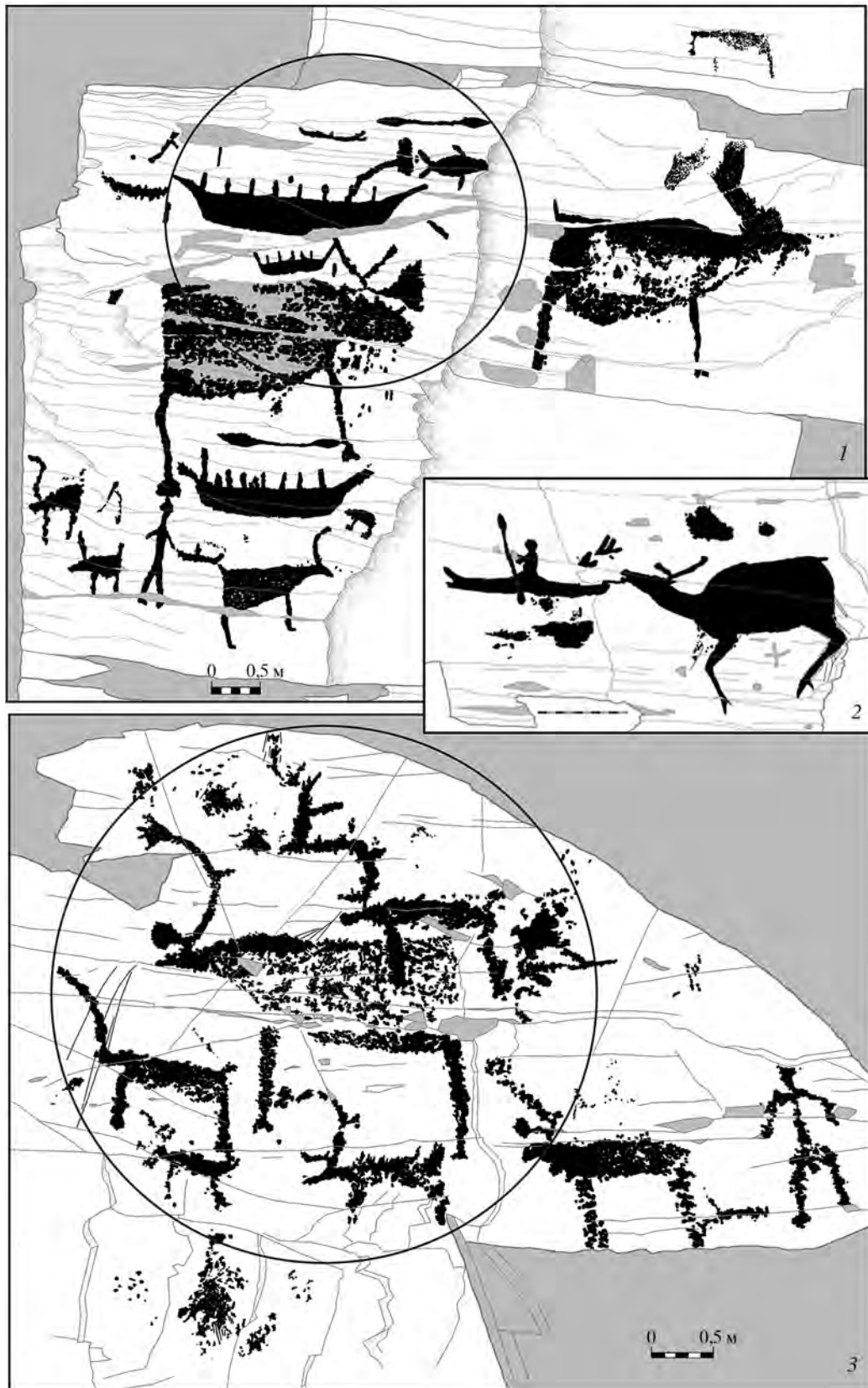

Рис. 6. Многофигурная композиция с палимпсестом (1), сцена транспортировки оленя (2) и группа изображений, в числе которых выполненные каменным инструментом (3), Пегтымель.

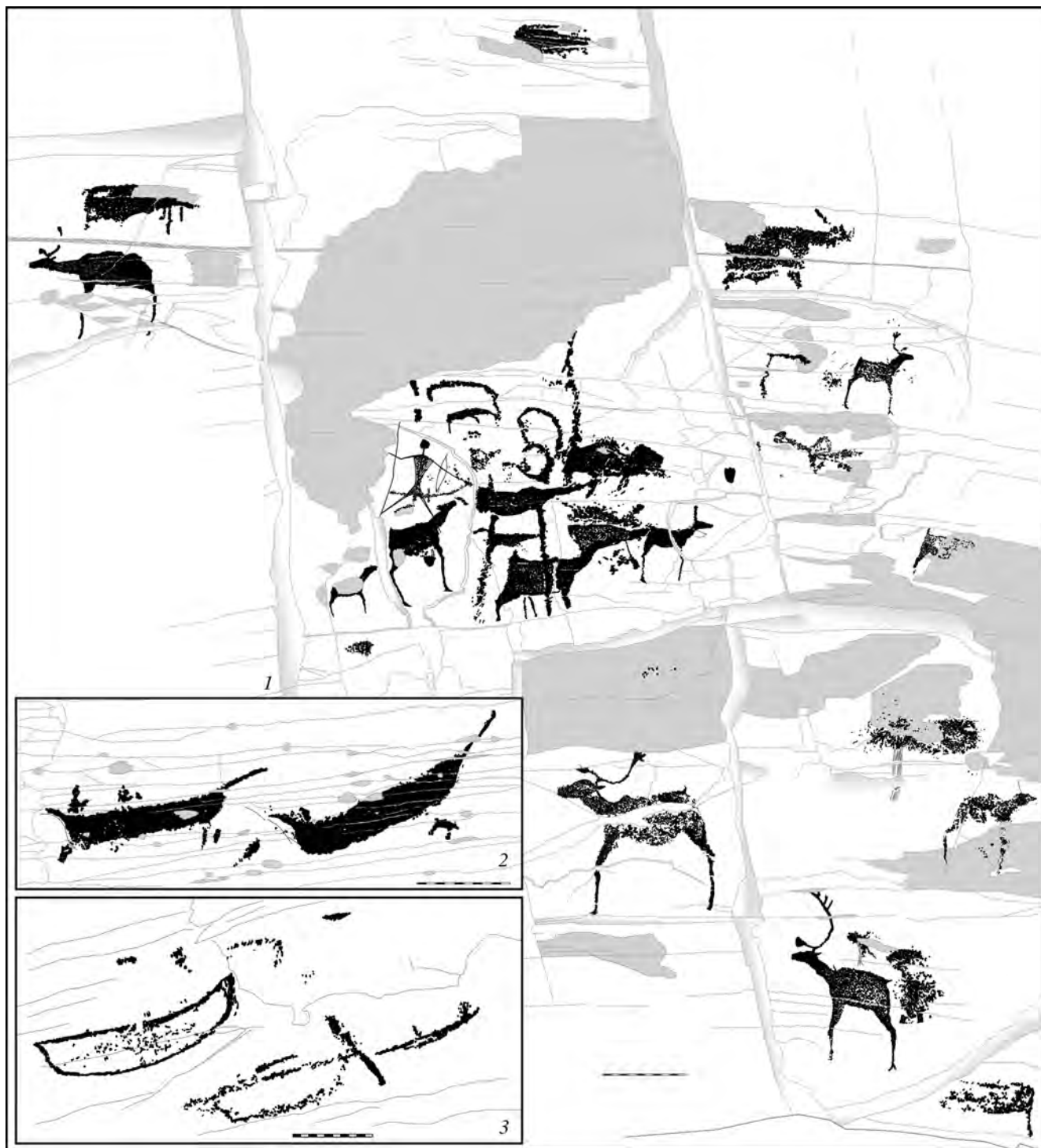

Рис. 7. Многофигурная композиция (1) и группы петроглифов, включающие завершенные и незавершенные изображения (2, 3), Пегтымель.

инструментом перпендикулярно плоскости и удлиненные следы ударов, нанесенные под углом, которые могли имитировать шерсть при изображении животных. Контур пикетированных фигур зачастую проработан углубленным желобком. Завершенные изображения нанесены силуэтом, все экземпляры,

которые могут быть приняты за контурные изображения с частичным заполнением, относятся или к незавершенным (рис. 5, 3), или выполнены с применением пришлифовки: в отдельных случаях контур корпуса остается выбитым, а корпус слегка затертым.

Рис. 8. Изображения (1, 2) на верхнем ярусе Кайкуульского обрыва (скопление IV), Пегтымель.

На некоторых петроглифах отчетливо прослеживаются процарапанные тонкие линейные наброски контура будущего изображения – так автор делал разметку, которую затем предстояло заполнить выбивкой (рис. 1, 1, 2; 7, 3). Некоторые группы демонстрируют соседство завершенных изображений и набросков. Серия примеров иллюстрирует последовательность выполнения фигуры (чаще всего оленя). Представлены экземпляры с полностью проработанным контуром корпуса, внутреннее пространство заполнено пикетажем, но конечности не проработаны. Есть и варианты альтернативных по-

следовательностей: выбивка начинается со спины, с ноги или рогов животного, но работа не завершена (рис. 1, 3, 4). Некоторые группы демонстрируют соседство полностью оформленных изображений с набросками, так и не доведенными до конца. Значительное число набросков, эскизов, незавершенных фигур является интересной особенностью памятника, есть примеры и последующего “уничтожения” образов: своеобразные расчески, царапины нанесены поверх групп петроглифов. Этими необычными нефигуративными линиями некоторые из плоскостей с изображениями покрыты цели-

ком, также они могут быть связаны с отдельными участниками композиций. Это не столько изобразительный прием, сколько своего рода свидетельство переиспользования объекта (Головнев, 2009). Сюжетно перекрытые расчесами группы включают сцены с участием антропоморфов в грибообразных головных уборах, а также композицию с попарно обращенными друг к другу оленями (Дэвлет, Гиря, 2011. Рис. IV).

Петроглифы Пегтымеля не велики по размеру, наряду с полноформатными фигурами представлены и аналогичные им по стилю и сюжетам миниатюрные изображения, выбитые металлическим инструментом типа толстой иглы или шила.

На Кайкуульском обрыве зафиксированы многофигурные группы, которые могли формироваться и не одновременно: на одной плоскости соседствуют изображения, выполненные в разной технике, имеющие разные стилистические характеристики и состояние сохранности. Все же в некоторых группах можно предполагать преднамеренное композиционное решение и хорошо сбалансированное сочетание деталей. Примером может служить упомянутая выше сцена с отмеченным оленем на торце крупной плиты в прибрежной зоне (рис. 1, 5). Олень с солярным символом в центре корпуса занимает центральную позицию. В сложных композициях могут быть представлены преднамеренно неполные парциальные изображения – таким приемом, по-видимому, автор стремился передать перспективу: из-за помещенных на переднем плане корпусов животных видны лишь спины и головы расположенных на заднем плане. Как предварительно задуманные композиции могут быть трактованы многие плоскости с петроглифами. Большинство из сцен носит промысловый характер, но немало и сцен преследования хищниками копытных.

Имеются примеры перекрытия изображений, при этом в большинстве случаев продолжительность временных интервалов, разделяющих эпизоды рисования, остается неизвестной. В отличие от многих местонахождений, где палимпсесты связаны с различными хронологическими периодами, на Пегтымеле они могут быть результатом скорейшего “перерисовывания” отдельных деталей уже начертанного.

Для документирования, исследования и создания резервных копий петроглифов была задействована технология снятия силиконовых матриц и оттисков с предварительной защитой скальной плоскости при помощи разделительного слоя. В дальнейшем по силиконовым матрицам и оттискам изготавливались из различных материалов отливки в позитивном рельефе. В результате приме-

нения этой технологии расширились возможности изучения особенностей техники нанесения изображений (Кочанович, Дэвлет, 2006). Например, по силиконовой матрице и по отливке, выполненным с одного из подтреугольных камней, удалось обнаружить, что представленная на правой его грани фигура крупного оленя изначально выглядела иначе и была более грацильной (рис. 3, 2, 3). По-видимому, что-то не устроило художника в соотношении персонажей, и он увеличил корпус оленя. Несмотря на многочисленные разновременные полевые наблюдения, ни при каком освещении, ни в солнечную, ни в пасмурную погоду не удавалось достоверно документировать этот случай корректировки изображения.

Методика выполнения контактных силиконовых оттисков фрагментов поверхностей со следами пикетажа позволила получить материал для последующего анализа следов на макро- и микроуровне. Для изучения рельефа пикетажа фрагмент петроглифа и примыкающей естественной скальной поверхности покрывался апробированным в реставрации смываемым защитным слоем, участок копировался на силиконовую пасту, защитный слой смывался водой. С негативного оттиска затем выполнялась гипсовая отливка, точно воспроизводящая позитивный рельеф камня с изображением (Гиря, Дэвлет, 2010, 2012). Копии следов пикетажа – полноценные документы, сохраняющие информацию о характере изучаемой поверхности, об орудиях, которыми нанесены петроглифы.

В предпринятом исследовании существенное внимание уделено изучению техники выполнения изображений и материала орудий, которыми они могли быть нанесены, поскольку возможность выполнения многих из них орудиями из камня, как уже сказано выше, вызвала сомнения. Предпринята попытка разработки критериев, диагностирующих, были ли изображения на скалах сделаны каменными или металлическими инструментами. Задача применить сложившиеся в трасологии методики и подходы к материалу наскального искусства (Семенов, 1957; Семенов, Щелинский, 1971) была реализована в сотрудничестве с канд. ист. наук Е.Ю. Гирей, ИИМК РАН.

Местный кварц, выходы которого отчетливо видны на Кайкуульском обрыве, представлялся Н.Н. Дикову наиболее вероятным материалом для изготовления орудий, которыми нанесены петроглифы Пегтымеля. Кварц был использован для выполнения экспериментального пикетажа на поверхности отдельных блоков песчаника. В результате получена серия следов выбивки, а также зафиксированы изменения, которые происходили с кварце-

вым орудием при прямом пикетаже и при работе с использованием ударника. Конец кварцевого орудия практически сразу начинал видоизменяться, следы ударов получались разнофигурные, подправленное орудие менялось с той же интенсивностью. На месте проведения эксперимента оставалось множество фрагментов кварца. Ударник, которым служили местные гальки, приобретал следы использования – на локальной площадке возникали характерные следы работы по камню. Аналогичное орудие, которое заманчиво связать с выполнением изображений, было обнаружено в верхней части обрыва, между I–II скоплениями петроглифов и стоянкой, частично раскопанной Н.Н. Диковым (рис. 2, 2, 3). Галька подтреугольной формы имеет характерные следы сработанности, возникающие в результате применения в качестве ударника при работе по каменному посреднику (Дэвлет, Гиря, 2011. Рис. XIII). Однако основания для ее соотнесения с выполненными поблизости петроглифами все же не бесспорны.

Сравнение материалов экспериментов с каменным орудием и наскальных изображений Пегтымеля показало, что лишь незначительная часть петроглифов демонстрирует сопоставимые следы выполнения. Это, как правило, отдельные нефигуративные пятна в композициях, а также некоторые со стилистической точки зрения довольно грубо нанесенные изображения, наличие которых можно объяснять не столько относительной хронологией, сколько индивидуальной слабой подготовленностью того, кто взялся за создание рисунка – многие из них так и остались незавершенными (рис. 6, 3).

Иначе выглядит основной массив петроглифов, которые в подавляющем большинстве выполнены неглубоким одинаковым по размеру пикетажем. Согласно проведенным экспериментам подобные стандартизированные следы могли быть получены лишь при работе металлическим инструментом. Орудие из 7%-ной оловянистой бронзы сминалось при первых же ударах, ударами орудия из железа получены эталонные следы, практически тождественные зафиксированным на выбитых петроглифах Кайкуульского обрыва.

Основной диагностирующий признак, отличающий следы ударов, оставленные каменным орудием-посредником, от следов работы орудием из железа – быстрое изменение рабочей части каменного инструмента, следы от которого динамично трансформируются от подокруглых или подквадратных к вытянутым линейным. Другой важный признак применения каменного орудия – широкое входное отверстие и отсутствие резких перепадов между пиками и депрессиями. Существенное отличие по-

лучают орудия-ударники, которые применялись с посредником из камня или металла, четко читаются следы сработанности (концентрация выбоин и грубых царапин) исключительно на тех на ударниках, которыми работали с каменным посредником. При работе с посредниками из металла или каменными теслами в роговых рукоятях подобные следы не образуются.

Использование каменных орудий для пикетажа должно было бы дать значительное количество чешуек и отщепов, которые потенциально могли сохраниться перед плоскостями с изображениями в том случае, если они не исчезли под действием природных сил. С учетом последнего обстоятельства для шурфовки была выбрана площадка перед вертикальной плоскостью с петроглифами. В результате промывки грунта из шурфа размерами 4 м² были добыты многочисленные фрагменты кварца, которые при дальнейшем изучении под микроскопом не выявили следов антропогенного расщепления или иного использования. Дальнейшие исследования подкрепили уверенность, что композиция на данной плоскости выполнена металлическими инструментами (Дэвлет, Гиря, 2011. Рис. VIII).

Таким образом, при исследовании техники выполнения петроглифов Пегтымеля был привлечен разнообразный круг источников: для выявления орудий и их фрагментов вблизи плоскости с петроглифами выполнена упомянутая выше шурфовка с промывкой материала и его последующее трасологическое изучение; разработаны специфические приемы и методы наблюдения, документирования и анализа следов орудий, примененных для нанесения петроглифов. В результате целенаправленных экспериментально-трасологических работ на Кайкуульском обрыве были отработаны приемы создания стабильного косонаправленного освещения, необходимого для достоверного определения контуров и особенностей изображений, расположенных на вертикальных скальных поверхностях, а также следов орудий, которыми они были выполнены (Гиря, Дэвлет, 2010).

Анализ материала показывает, что большинство изображений нанесено в технике пикетажа с использованием ударника по металлическому посреднику, однако известны немногочисленные фигуры, выполненные каменным инструментом. Помимо пикетажа находили применение шлифовка и гравировка, использовались эскизы и разметка. На завершенных вариантах петроглифов преобладает силуэтное заполнение. Приемы выполнения во многом зависели от мастерства художника. Сюжетные вариации в наскальном искусстве Чукотки весьма ограничены, но петроглифы Пегтымеля

имеют сложную хронологию. В рамках данного исследования вне стилистических сопоставлений и реконструкций удалось опереться лишь на транслогическое определение металлических инструментов, которыми выполнены многие выбитые изображения. В массиве петроглифов Кайкуульско-го обрыва различаются несколько изобразительных пластов, синхронность или диахронность которых еще предстоит продемонстрировать.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №13-01-00322а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г.* Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Урал. истор. вестн. Екатеринбург, 2010. №1 (26). С. 107–118.
- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г.* Об исследовании техники выполнения изображений на скалах // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1 (35). М.: Магнитогорск; Новосибирск, 2012. С. 158–178.
- Головнев А.В.* Пространственный анализ петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 185–188.
- Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
- Диков Н.Н.* Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов // Этногенез народов Северной Азии. Матер. конф. Вып. 1. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1969. С. 125–127.
- Диков Н.Н.* Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 134 с.
- Диков Н.Н.* Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 44–49.
- Дэвлет Е.Г.* Петроглифы Пегтымеля: застывший миф // Чукотка в прошлом и настоящем / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 11. М: НИИЦентр, 2009. С. 258–267.
- Дэвлет Е.Г.* Новое в исследовании наскального искусства Северной Евразии // III Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 180–208.
- Дэвлет Е.Г.* О работах по археологическому изучению наскального искусства Чукотки // Тр. Отд. истор.-филол. наук РАН 2008–2013 / Ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2014. С. 315–344.
- Дэвлет Е.Г., Гиря Е.Ю.* “Изобразительный пласт” в наскальном искусстве и исследовании техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011 (Тр. САИПИ; Вып. VII). С. 186–201.
- Дэвлет Е.Г., Кочанович А.В., Миклашевич Е.А., Слободзян М.Б., Дзени С., Антитина Е.Е.* Пегтымельская тетрадь. М.: ИА РАН, 2006. 62 с.
- Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н.* Новейшие полевые исследования петроглифов Чукотки // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. М., 2009. № 3 (56). С. 213–223.
- Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н.* Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. (Тр. САИПИ; Вып. IX). С. 203–282.
- Кочанович А.В., Дэвлет Е.Г.* Об изготовлении резервных и выставочных копий петроглифов Кайкуульского обрыва // Пегтымельская тетрадь. М.: ИА РАН, 2006. С. 47–50.
- Петроглифы Пегтымеля. СПб.: Антарсат, 2007. 167 с.
- Семенов С.А.* Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (МИА; № 54). 240 с.
- Семенов С.А., Шелинский В.Е.* Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // СА. № 1. 1971. С. 19–30.
- Тишков В.А.* Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости. М.: Индрик, 2008. 159 с.
- Шумкин В.Я.* Новые уникальные петроглифические комплексы Лапландии // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 95–105.
- Bland R.* Another Look at the Pegtymel’ Petroglyphs // Arctic Anthropology. 2010. V. 47. № 2. P. 22–31.
- Devlet E.* Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // Rock Art Studies. News of the World III. Oxbow, UK, 2008. P. 120–137.
- Devlet E.* Rock art studies in Northern Russia and the Far East // Rock art studies. News of the World. IV. Oxbow, UK, 2012. P. 124–148.
- Dikov N.N.* Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel’). Anchorage: U.S. Dept. of the Interior, National Park Service, Shared Beringian, 1999. 172 p.
- Gjerde J.M.* Rock Art and Landscapes: Studies of Rock Art from Northern Fennoscandia: Ph.D. diss. Tromsø: UiT the Arctic University of Norway, 2010. 505 p.

КРАСКА В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

© 2014 г. Ю.Н. Есин*, Ж. Магай**, Э. Руссельер***, Ф. Вальтер***

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан (esin2006@yandex.ru)

**Музей доисторической антропологии Княжества Монако, Монако

***Лаборатория молекулярной и структуральной археологии (UMR 8220)

Университета Пьера и Марии Кюри, Париж

Ключевые слова: Центральная Азия, Минусинская котловина, эпоха бронзы, окуневская культура, каракольская культура, наскальное искусство, краска.

The article is devoted to the use of paint in the rock art of the Okunev culture of the Minusinsk basin at the Northern-Eastern outskirts of the Central Asia in the second half of the 3rd – the beginning of the 2nd millennium BC. A new classification of painting has been developed which taking into consideration the technological role of paint in creating a visual image (individual or supportive role) and its color (monochromatic, red or black, or dichromatic). The dichromatic compositions, existence of which in the Okunev culture was unknown earlier, have been studied and reconstructed for the first time. It has been discovered as a result of laboratory research of paint tests that the main pigment of red color was hematite (three tests) and one sample contained a large amount of ochre. In all samples the pigment was mixed with grains of crystal. The black color (two tests) consists of charcoal (which in prospective gives an opportunity to date straightly the monuments of the Okunev rock art, and also the studying of the used wood species), and its laying probably was being made by rubbing. Using black and red colors in the Okunev culture rock art and the presence of dichromatic images have the closest analogues in the Karakol culture art of Altay. The similarity can also be seen in the style, especially with Early Okunev culture images. This similarity is of such a level that two variants of one picture tradition can be discussed.

На территории Центральной Азии памятники наскального искусства – один из важнейших типов археологических источников. В абсолютном большинстве случаев изображения здесь нанесены выбивкой, вырезаны или прошлифованы на скалах и стелах. Значительно более редко и малоизучено использование краски. Данная статья посвящена использованию краски в одной из ключевых изобразительных традиций этого региона – окуневском искусстве второй половины III – начала II тыс. до н.э. Окуневское искусство связано с одноименной археологической культурой и локализовано в южной части бассейна р. Енисей, в границах Минусинской котловины между хребтами Западного, Восточного Саяна и Кузнецкого Алатау. К этому времени здесь относятся более 40 памятников на скалах и около 500 каменных стел, плит, скульптурных изображений с образами антропоморфных персонажей, различных животных, ритуальных атрибутов и др. (Леонтьев и др., 2006; Есин, 2010б).

В окуневском наскальном искусстве известны как отдельные изображения, так и целые компо-

зиции, выполненные краской. Вместе с тем время, прошедшее с момента создания этих росписей, негативно повлияло на их сохранность. Порой визуально в обычных условиях на поверхности камня потерявшая яркость краска почти незаметна, и требуется опыт, чтобы обнаружить ее следы. Неслучайно до середины XX в. в литературе нет сведений о присутствии краски на стелах, связанных с окуневской культурой. Ситуация изменилась лишь после обнаружения ряда стел в курганах окуневской культуры, где пигмент сохранился лучше (Липский, 1961. С. 274; Вадецкая, 1965. С. 3; 1980. С. 55, 59). При этом факты существования хронологически близких росписей красной краской на скалах Минусинской котловины стали известны раньше: первые зарисовки вводятся в научный оборот уже в середине XIX в. (Корнилов, 1854. С. 635).

Нанесенных краской изображений окуневской культуры на сегодняшний день значительно меньше, чем выполненных в иной технике. Однако, возможно, такая ситуация – лишь следствие их большей уязвимости по отношению к различным внешним

факторам. Сохранность нанесенного краской изображения напрямую определяется его защищенностью от воздействия воды и ветра. На скалах лучшей сохранностью обладают росписи, защищенные от атмосферных явлений отрицательным наклоном скальной плоскости или навесом, а среди стел и плит – найденные в курганах, т.е. защищенные слоем земли и камней. Иногда консервации краски способствует образующаяся на камне корочка кальцитовых отложений, но она же затрудняет ее обнаружение. Кроме того, сохранность красочных изображений, видимо, зависит также от свойств самой краски и характера каменной поверхности. Например, одни изображения, даже находившиеся в погребениях, расплываются пятнами, теряют четкий контур, а другие, несмотря на то что находились под открытым небом, сохраняются лучше.

В сложных случаях для того, чтобы зафиксировать наличие краски на камне, может быть использована фотосъемка в лучах синего света (Есин, 2010б. С. 109). Также изучению нанесенных краской изображений может помочь использование естественного или искусственного увлажнения камня, делающее рисунок ярче и контрастнее (Есин, 2012. С. 69). Схожий с увлажнением эффект позволяет получить более безопасная для сохранности памятника фильтрация красного цвета на цифровой фотографии, доступная во многих графических редакторах (Миклашевич, Солодейников, 2013).

Несмотря на широкое применение краски, специальные исследования, посвященные ее составу и способам использования в окуневском наскальном искусстве, ранее не проводились. Как правило, в публикациях упоминался лишь сам факт наличия краски на изучавшемся памятнике и ее цвет. Только Н.В. Леонтьев (Леонтьев и др., 2006. С. 14) и Е.А. Миклашевич (2003–2004. С. 22, 23) предпринимали краткие обобщения. Цель данной статьи – восполнение имеющегося пробела.

Цвета пигментов и варианты их использования. К настоящему времени надежно зафиксировано использование в окуневском наскальном искусстве краски двух цветов: красного и черного. Наиболее распространена красная краска, оттенки которой на разных памятниках могут варьироваться. Черная краска встречается редко и пока зафиксирована только на стелах, плитах и черепахах из погребений. Она менее стойкая, чем красная, хуже сцепляется с камнем, и после извлечения плиты из земли и высыхания ее остатки могут быстро осыпаться и выветриваться. Для выявления следов этой краски требуется особое внимание в ходе полевых работ. В литературе имеется упоминание о возможном наличии белой краски на одной из плит могильника

Верхний Аскиз I (курган 1, мог. 8) (Ковалев, 1997. С. 87). Однако проверить это предположение в ходе повторного обследования плит, проведенного спустя более 15 лет после раскопок, не удалось – пигмент не был обнаружен. Вещество белого цвета имеется на поверхности скалы по бокам выбитого лика (и отчасти на нем самом) на южном склоне горы Тепсей. По своей структуре этот лик сопоставим с раннеокуневскими (Есин, 2010а. С. 69). Но это, очевидно, не искусственно нанесенная краска, а естественные кальцитовые отложения, образовавшиеся на поверхности красновато-коричневого песчаника в результате стекания воды с расположенного выше склона горы. При этом, однако, нельзя исключать, что наличие здесь белого натека могло быть одной из причин выбора данного места для создания антропоморфного образа (Есин, 2010б. С. 112).

С точки зрения используемых цветов все известные в настоящее время в окуневском наскальном искусстве росписи можно разделить на две группы: монохромные и бихромные. В свою очередь монохромные росписи тоже представлены двумя вариантами: красная краска того или иного оттенка; черная краска.

Однако порой помимо цвета у этих изображений имеются также иные существенные признаки технологического характера, поскольку часто фиксируется взаимосвязь росписи с другими приемами нанесения рисунков. Поэтому еще один критерий для классификации, который обязательно должен учитываться, – самостоятельная или несамостоятельная роль росписи в создании изображения. С этой точки зрения по материалам наскального искусства эпохи бронзы Центральной Азии можно выделить три варианта росписей.

Самостоятельные – когда краска играет полностью самостоятельную роль на изобразительной поверхности (такие изображения можно назвать нарисованными). К этому же варианту относятся те случаи, когда нанесению краски предшествовало создание эскиза будущего рисунка при помощи резных линий, имевших лишь вспомогательное значение (например, две фигуры из погребения каракольской культуры в с. Беш-Озек, Республика Алтай (Кубарев, 2009. С. 26. Рис. 121, 6)).

Несамостоятельные – когда краска наносилась поверх предварительно выбитого, отшлифованного или вырезанного изображения на какой-либо поверхности или даже покрывала все изделие (такие изображения можно назвать раскрашенными). В отличие от первого варианта краска здесь наносилась на уже созданное изображение или какой-то его элемент, поэтому с технологической точки зре-

ния играла роль дополнительного средства усиления выразительности образа. При этом, как и в первом варианте, цвет краски может быть различным. Например, среди силуэтно выбитых и шлифованных антропоморфных фигур эпохи бронзы с памятника Кандзянь Шимэньцзы (уезд Хутуби, Синьцзян) имеются как полностью раскрашенные красной краской, так и сочетающие раскраску тела в красный цвет с раскраской лица или всей головы в белый (Ваувер, 2012. Р. 135).

Комбинированные с другими приемами нанесения изображений, когда одни элементы образа выполнены краской, а другие – в иной технике, и разные технические приемы, фактически, равноправны. Иначе говоря, нанесение краски играет самостоятельную роль, но уже не для всего изображения, как в первом варианте, а лишь для отдельных его элементов. Пример такого варианта – рисунки на некоторых плитах могильника Каракол в Республике Алтай, у которых черные и красные элементы нанесены краской, а белые – выскабливанием поверхности камня, причем выскабливаемые элементы сами по себе еще не образуют всего изображения (Кубарев, 2009. Рис. 32–38). С точки зрения последовательности использования разных приемов можно отметить, что в одних случаях краску наносили после выскабливания части изображения: раскрашивали некоторые уже выскабливаемые части антропоморфной фигуры – верхнюю часть туловища; рисовали поверх выскабливаемого и частично размеченного фона контур и детали лица; самостоятельно рисовали краской “лучи” на голове и “острия” в руках, а в других случаях выскабливание проводилось после нанесения краски (Кубарев, 2009. Рис. 34, 36). Другой показательный пример комбинированного исполнения изображений представлен на упомянутом памятнике Кандзянь Шимэньцзы. Здесь у некоторых антропоморфных фигур (предположительно женских) поверх выбитого и шлифованного туловища в области груди красной краской самостоятельно нарисованы горизонтальные повязки с ляжками (Ваувер, 2012. Р. 135).

Из трех выделенных вариантов использования краски в окуневском наскальном искусстве пока надежно зафиксированы только первые два. В первом варианте краска используется для нанесения контуров или силуэта какого-либо образа непосредственно на поверхности камня без предварительной выбивки, гравировки или шлифовки. Такие рисунки есть как на скалах, так и на стелах и плитах. В абсолютном большинстве для таких изображений использована красная краска. Изображения красной краской, нанесенные на поверхность без предварительной выбивки, зафиксированы на пли-

тах из таких погребальных памятников окуневской культуры, как Верхний Аскиз I, Черновая VIII, Тас-Хаззаа, а также на некоторых стелах, до сих пор стоящих в степи (Ах тас возле с. Казановка). Тематика росписей различна: это орнамент в виде косяной сетки, антропоморфные и зооморфные образы, “солярные” знаки. На одной из плит могильника Черновая VIII сохранился лик, нарисованный черной краской; обрывки монохромных черных линий отмечены также на плитах из могильника Верхний Аскиз I. Самостоятельный вариант создания красочных рисунков более типичен для скал, чем для стел – среди нанесенных краской изображений на скалах он абсолютно доминирует.

Второй вариант – это окрашивание предварительно выбитых, а затем, часто, еще и шлифованных изображений. Такой вариант фиксируется как среди изображений на скалах, в частности у ряда петроглифов Шалаболинской писаницы, некоторые из которых несомненно принадлежат к окуневскому времени, так и на стелах. При этом наиболее характерен он для стел, особенно найденных в курганах, где краска сохранялась лучше. К их числу принадлежат находки из могильников Верхний Аскиз I, Черновая VIII, Тас-Хаззаа и др. Но он же фиксируется и на целом ряде столбообразных стел, найденных в степи.

В рамках второго варианта в настоящее время можно выделить две группы окуневских росписей.

Монохромные, причем пока зафиксировано использование краски только красного цвета. Абсолютное большинство группы составляют изображения, у которых раскрашены выбитые желобки (передают контур изображения и отдельные его элементы: глаза, рот и др.).

Бихромные, использующие краску сразу двух цветов – красного и черного. Все двухцветные росписи пока известны только на стелах из двух окуневских курганов: кургана 1 могильника Уйбат-Чарков (Усть-Абаканский р-н Республики Хакасия, расположен на правом берегу р. Уйбат возле пос. Чарков, раскопки И.П. Лазаретова, 2009 г.) и кургана 14 могильника Итколь II (Ширинский р-н Республики Хакасия, западный берег оз. Иткуль, раскопки А.В. Полякова, 2010 г.). Здесь зафиксировано полное окрашивание стел (включая выбитые желобки изображения) красной краской, поверх которой желобки затем окрашивались черной краской, т.е. с помощью красной краски закрашивался силуэт всей стелы и представленного на ней образа, а черной выделялся контур образа и его детали. Достоверно пока зафиксировано всего три случая бихромных росписей в окуневском искусстве.

Фрагмент стелы из кургана 1 могильника Уйбат-Чарков, найденный среди плит покрытия мог. 1 (рис. 1). На широкой стороне плиты возле одного из краев выбита окружность с ямкой в центре. Между кругом и противоположным концом плиты нанесены две слабо заметные линии. Их концы теряются под выбитыми лунками. Вдоль той стороны плиты, где расположена окружность, сохранилась узкая полоса ярко-красной краски. Этой краской была окрашена вся плоскость камня. Поверх красной краски желобок окружности и ямка у нее в центре были окрашены черной краской. Красновато-коричневый песчаник, 44 × 49 × 9.5 см.

Три фрагмента стелы из того же кургана, использованные в нижнем ярусе каменного покрытия мог. 11 (рис. 2). Изображение расположено на широкой стороне плиты (в погребении было обращено лицевой стороной вниз). Сохранилась нижняя часть крупного антропоморфного лика с изображением рта, ноздрей и дугообразно выгнутых горизонтальных линий. По бокам лика сохранилось по три элемента в виде изображенного контуром рога быка или раздвоенного змеиного языка. Двумя вертикальными, изогнутыми вверх линиями обозначен контур верхней части туловища персонажа. Изображение на стеле первоначально было намечено резными линиями, затем выбито. Стела полностью (со всех сторон) покрашена красной краской, после чего желобки рисунка прокрашены черной краской. В области груди персонажа сохранился фрагмент небольшого изображения, стилистически сопоставимого с уже описанным, которое выбито, очевидно, позднее основного образа. Значительная

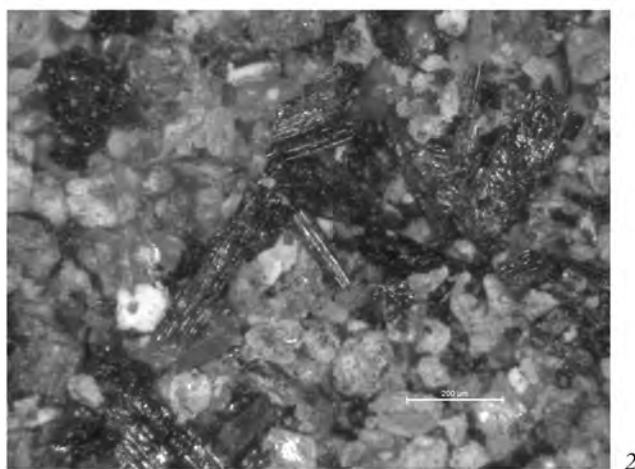
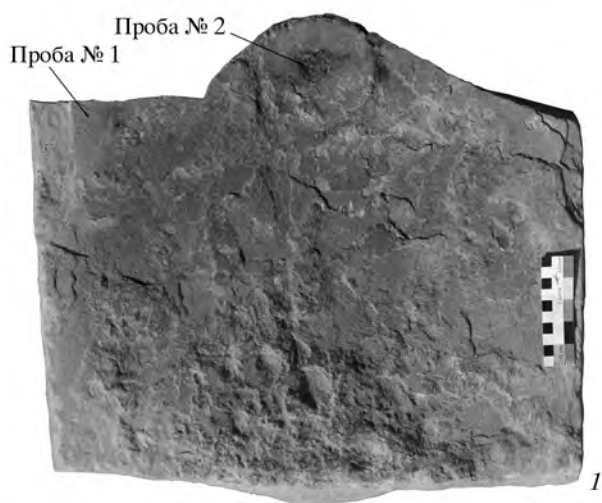

Рис. 1. Фрагмент стелы (1) из кургана 1 могильника Уйбат-Чарков и макрофотография пробы № 2 (2).

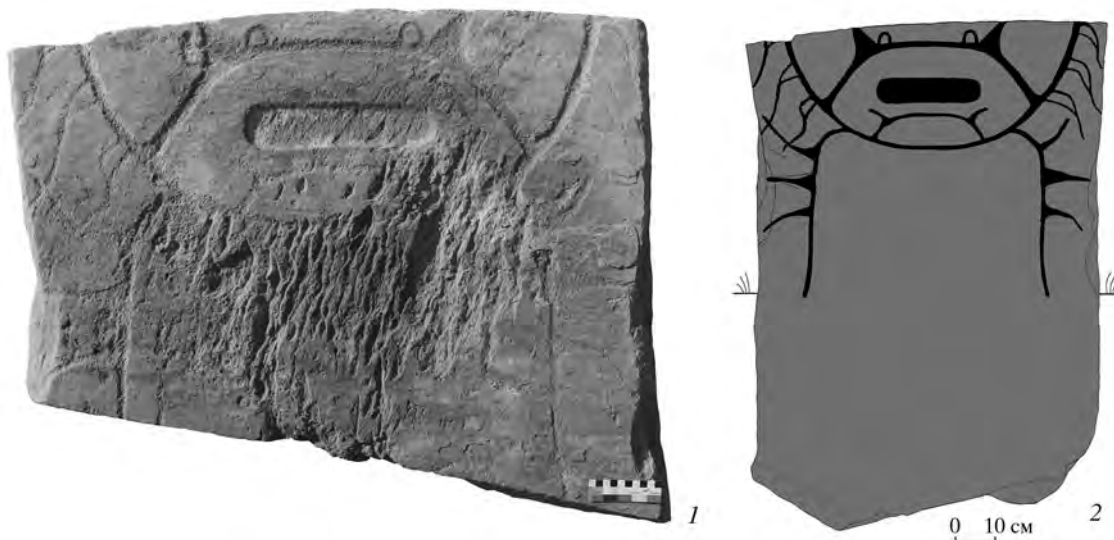

Рис. 2. Фрагмент стелы (1) из кургана 1 могильника Уйбат-Чарков и реконструкция (2) первоначального облика и раскраски сохранившейся части стелы (поверхность стелы окрашена красной краской, а выбитые желобки – черной).

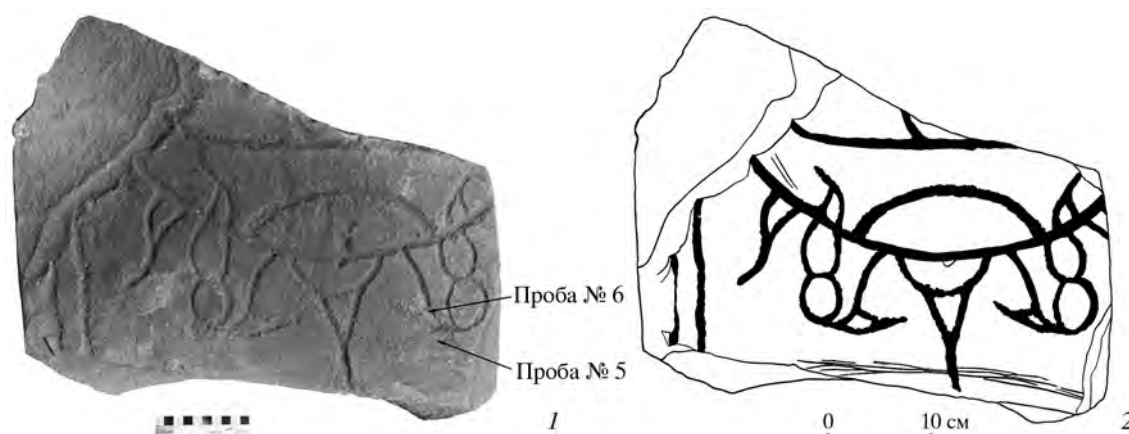

Рис. 3. Фрагмент стелы из кургана 14 могильника Итколь II. Фото (1) и прорисовка (2).

часть лицевой стороны стелы пострадала от осыпания поверхностной корки. Красновато-коричневый песчаник, 120 × 90 × 14 см.

Фрагмент стелы из кургана 14 могильника Итколь II, найденный среди плит покрытия каменной гробницы в центральной части кургана. Основное изображение расположено на широкой стороне плиты (рис. 3). Сохранилась нижняя часть контура антропоморфного лика с примыкающими к нему изображениями. Выше контура изображены дуга на месте подбородка и фрагмент крупного горизонтального овала рта. Ниже контура лика изображена открытая пасть хищника с длинным змеиным языком и большими клыками. Линии первоначально были нанесены глубокой выбивкой, затем прошлифованы. Стела со всех сторон была окрашена красной краской. Внутри выбитых и прошлифованных желобков местами сохранилась черная краска. Коричнево-серый песчаник, 48 × 38 × 7.5 см.

Представляется, что выявленный на трех стелах способ раскраски с использованием сразу двух цветов был распространен в окуневском искусстве намного шире, но редко сохранялся из-за низкой стойкости черной краски. Его открытие стало возможно лишь в результате специального изучения стел из курганов окуневской культуры, проводившегося непосредственно в момент раскопок. Можно предполагать именно этот вариант раскраски у целого ряда стел со следами полного окрашивания красной краской. Как показало исследование, в том числе с использованием фотосъемки в лучах синего света, таких стел, несущих следы полного окрашивания красной краской, достаточно много. Среди них есть как стелы с изображением на одной широкой плоской грани, так и столбообразной формы с объемными образами. В частности, именно этот вариант раскраски наиболее вероятен для одной из самых известных окуневских стел с изображением

“солнцеголового божества”, найденной в окрестностях улуса Анхаков (Есин, 2009. Рис. 5, 1). Такой специфичный признак, как сплошная выбивка нижней половины лица этого образа и ее вероятное окрашивание черной краской, находит интересные параллели среди изображений “солнцеголовых” персонажей на стенках гробниц каракольской культуры: у одной “красной” фигуры нижняя половина лица закрашена черным цветом, а у другой, показанной с помощью выбивки и гравировки, она тоже выделена углублением (Кубарев, 2009. Рис. 88, 124). Раскраску того же типа можно предполагать еще у двух окуневских стел с “солнцеголовыми” персонажами, на которых сохранились следы красной краски за пределами выбитых желобков. Это стелы из окрестностей с. Полтаков на юге Хакасии (Савинов, 2012. С. 81. Фото на вклейке) и в пос. Шира на севере республики (Есин, 2009. Рис. 1).

Третий, комбинированный вариант исполнения изображения, возможно, представлен на одной из гранитных стел с р. Уйбат. У нее красной краской покрашена поверхность лика, все элементы которого образованы желобками, при этом в желобках, передающих элементы внутренней структуры лика, краска не зафиксирована. По предположению Н.В. Леонтьева, они не раскрашивались, а использовался их собственный светло-серый цвет (Леонтьев и др., 2006. С. 14. № 76). Однако такое оформление пока единично, поэтому окончательный вывод об отнесении его к третьему или второму варианту раскраски возможен после дополнительной проверки и подтверждения другими материалами.

В процессе исследования помимо графической реконструкции облика первоначальной раскраски памятников окуневского искусства были созданы реконструкции на основе специально созданных полноразмерных муляжей подлинных памятников. Муляжи были изготовлены благодаря помощи спе-

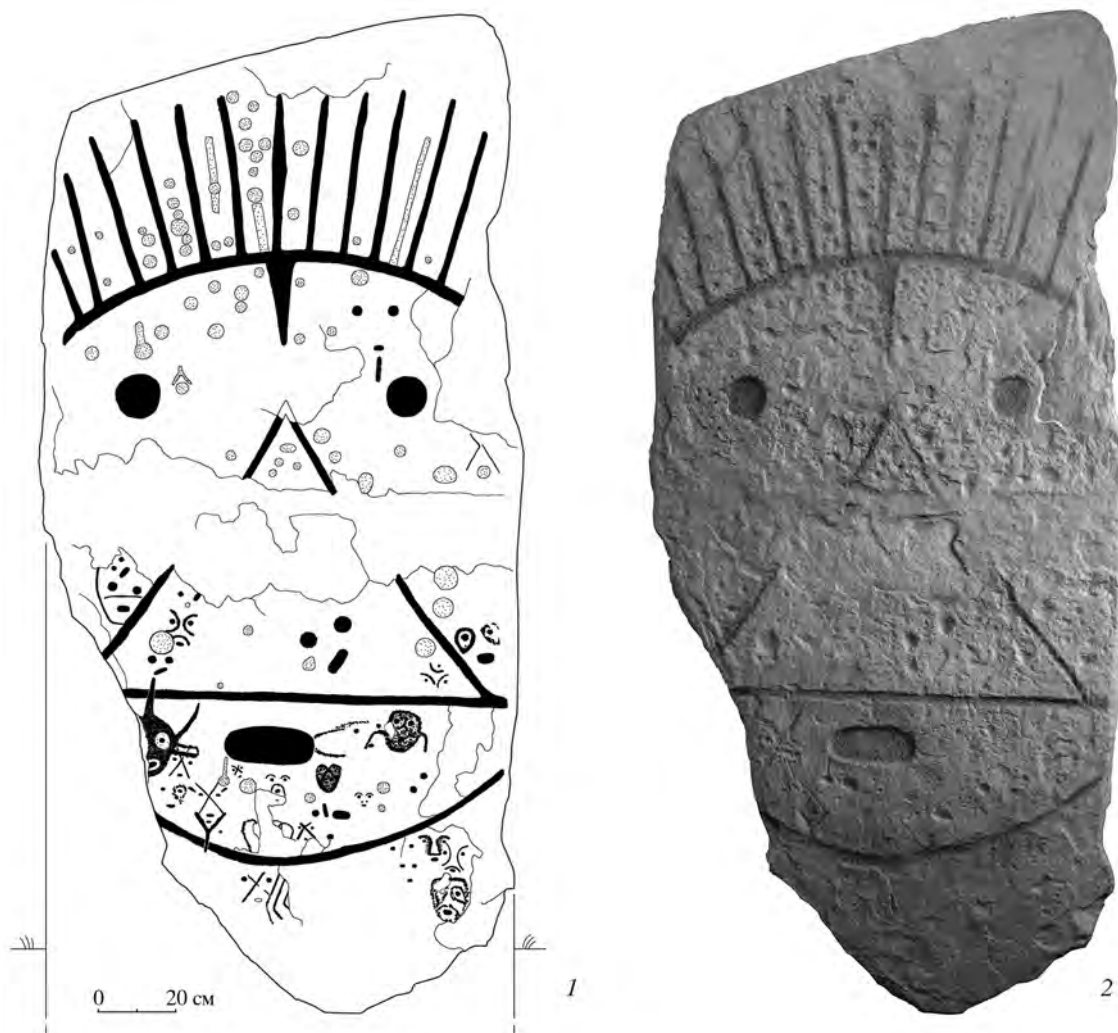

Рис. 4. Фрагмент стелы из окрестностей с. Полтаков. Прорисовка (1) и муляж (2) с предполагаемой реконструкцией раскраски (поверхность стелы окрашена красной краской, а выбитые желобки основного образа – черной; многочисленные лунки и небольшие антропоморфные лики – вторичные изображения, наносившиеся на поверхность стелы в ходе ее последующего ритуального использования).

циалистов Музея доисторической антропологии Княжества Монако по технологии, разработанной Р. Давидом (David, 1986). Копии двух стел и скульптуры яйцевидной формы отлиты из полисинтетической смолы в силиконовых формах, а затем раскрашены. Изготовленные муляжи позволили с наибольшей полнотой визуализировать реконструированный первоначальный облик нескольких памятников окуневского искусства (рис. 4, 5).

Анализ вариантов использования краски (по имеющимся материалам) с учетом локализации изображений на территории Минусинской котловины, типологии антропоморфных изображений, типологии погребальных сооружений окуневской культуры, в которых некоторые из них найдены, позволяет сделать ряд выводов культурно-хронологического плана.

В территориальном отношении разные варианты раскраски присутствуют в различных частях Минусинской котловины и, следовательно, были присущи окуневской культуре в целом.

Самостоятельные и несамостоятельные монохромные росписи присутствуют среди изображений, связанных с разными иконографическими типами и хронологическими группами окуневского искусства.

Несамостоятельные бихромные росписи пока обнаружены только на стелах из курганов раннего этапа, по типологии И.П. Лазаретова (1997. С. 36), окуневской культуры. Этот же вариант раскраски предположительно мог быть использован на некоторых стелах с антропоморфными образами раннего иконографического облика, черной краски не

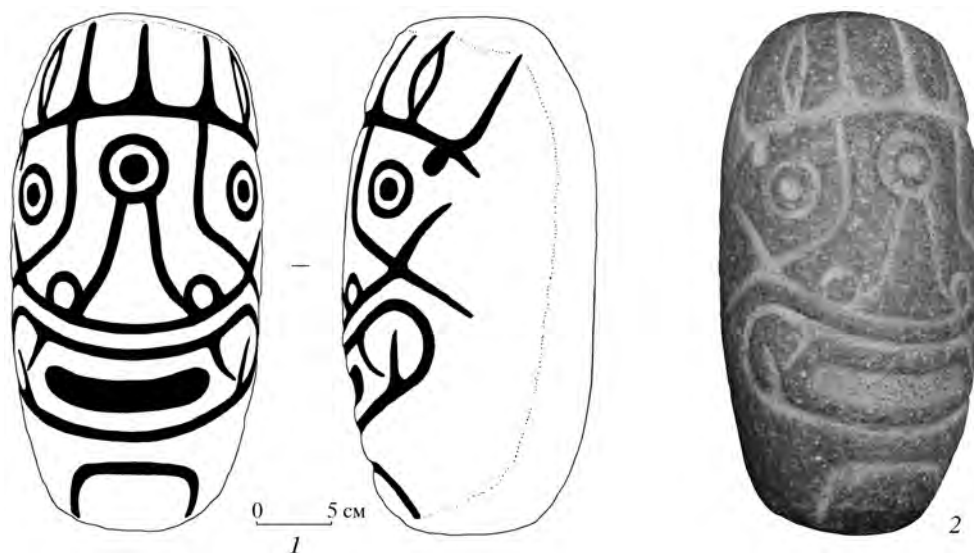

Рис. 5. Находка с р. Уйбат. Прорисовка (1) и муляж (2) с реконструкцией раскраски (выбитые желобки окрашены красной краской).

сохранивших, но со следами раскраски в красный цвет всей поверхности стелы.

Состав краски и способы ее нанесения. В литературе красную краску, используемую во второй половине III – начале II тыс. до н.э. на стелах и скалах Минусинской котловины, обычно называли охрой (см., например: Липский, 1961. С. 274; Вадецкая, 1980. С. 55, 59; Миклашевич, 2003–2004. С. 22–24). Однако это определение никогда не было подтверждено соответствующими анализами и требует проверки. Предположения о составе черной краски не высказывались.

Опыт изучения других изобразительных традиций демонстрирует существование различных приемов нанесения пигмента на поверхность камня (Дэвлет, 2002а. С. 50–53). Важнейший критерий их классификации – физическое состояние красителя, который может наноситься либо в жидком (той или иной консистенции), либо в сухом виде. По мнению, высказанному Н.В. Леонтьевым, в окуневском искусстве использовались оба способа, и выбор зависел от назначения рисунка. Это предположение было сделано на основе сравнения сохранности краски различных памятников. Он предположил, что для нанесения рисунков на плиты, которые не предназначались для длительного использования под открытым небом, применялась сухая краска и краска, разведенная на воде. Такие рисунки быстро оплывали, даже находясь в погребениях. В других случаях для обеспечения большей стойкости пигмента его могли разводить на сукровице (прозрачный компонент крови, получаемый после ее отстаивания). Именно этим, по мнению Н.В. Леонтьева, можно было бы объяснить, почему на отдельных

окуневских стелах, остающихся в степи, следы красной краски, несмотря на 4000 лет под открытым небом, прослеживаются достаточно хорошо, хотя цвет ее стал довольно бледным (Леонтьев и др., 2006. С. 14). Предположение исследователя о возможном использовании для разведения краски не только воды, но и сукровицы основывалось на этнографических сведениях о североамериканских индейцах, которые использовали именно сукровицу, когда хотели, чтобы краска долго держалась, не смывалась водой и не выцветала от времени (Волков, Руденко, 1910. С. 195). Существует также мнение о возможном использовании “окуневцами” для разведения краски жира (Максименков, 1980. С. 25). Вместе с тем современный опыт изучения древних росписей естественно-научными методами довольно редко подтверждает использование в наскальном искусстве органических связующих. Кроме того, он показывает другие возможные причины стойкости краски, которые часто зависят от размера фракций красящего вещества – чем они мельче, тем краска лучше закрепляется на поверхности камня и дольше сохраняется (Дэвлет, 2002б. С. 136, 137). Возможность использования “окуневцами” связующих жидкостей для разведения краски требует проверки.

Определенные предположения о способе нанесения краски в окуневском искусстве можно сделать, анализируя особенности самих изображений: ширину линий, толщину слоя и др. Ранее, при изучении Джойской писаницы, художником В.Ф. Капелько было высказано предположение, что наносить рисунки на скалу могли при помощи пальцев. Главный аргумент этой гипотезы – соответствие

средней ширины линий рисунков (1,5–2 см) средней ширине указательного пальца человеческой руки (Леонтьев, 1976. С. 128). Эта же гипотеза, которая кажется вполне вероятной, подразумевает, что для нанесения пальцами сухая краска должна быть разведена при помощи воды или другой (органического происхождения) жидкости. Аналогичным образом, при помощи пальцев, разведенную жидкостью краску могли наносить и в желобки выбитых на поверхности камня линий. Для окрашивания всей поверхности стел тоже наиболее вероятно использование жидкой краски. С учетом большой площади окрашивания оно могло быть выполнено рукой или с помощью какого-то инструмента.

Для изготовления жидкой краски необходим измельченный пигмент, который легко разводить. В этом контексте немаловажно, что среди материалов окуневской культуры есть инструменты для растирания пигмента. В частности, в могильнике Черновая VIII, курган 8, мог. 21 найдены использовавшиеся для этой цели две плитки и пестик (Максименков, 1980. С. 25). Порой и сами куски красного пигмента были положены в могилу с умершим. Особенно интересен наполненный ими керамический сосуд из того же погребения, что упомянутые выше инструменты для растирания (Максименков, 1980. С. 10). Оттуда же происходит роговой “ритон” (имел емкость глубиной 10 см при диаметре широкой части 5 см), который, по мнению Г.А. Максименкова, мог использоваться для хранения красной краски (1980. С. 24). Более вероятным представляется, что предмет мог использоваться для разведения измельченного пигмента и временного хранения краски в процессе создания какого-либо изображения (емкость такого размера удобна для макания пальцем и перемешивания с его же помощью находящейся внутри краски). Г.А. Максименков связывал все эти находки с существовавшей практикой нанесения раскраски на кожу людей (документируется следами краски на черепахах), однако вряд ли стоит ограничивать их возможное применение только этим, игнорируя широкое использование краски на стелах, найденных в том же могильнике. В качестве еще одного варианта емкости для разведения краски и обмакивания пальца или другого инструмента в процессе создания изображений могло использоваться фигурное изделие из рога лося, найденное в мог. 9 кургана Разлив X (Пшеницына, Пяткин, 2006. Рис. 6, 5). На внутренней части этой емкости обнаружен толстый слой красной краски, а внешняя оформлена в виде головы зверя с выделенным ухом и открытой пастью.

Наряду с использованием жидкой краски в ряде случаев возможен и иной способ создания изобра-

жений – прочерчивание сухим и твердым куском пигмента, как карандашом. При этом способе ширина линий тоже вполне могла соответствовать ширине пальца. Кроме того, такие “карандаши” удобны для нанесения более тонких линий, подобных некоторым образцам на плитах гробниц каракольской культуры. Подтвердить существование этого способа могли бы находки кусков пигмента, пригодных для такого использования. Например, сработанные от употребления твердые кусочки пигмента найдены в Каповой пещере на Урале (Scelinsky, Sirokov, 1999. S. 83; Житенев, 2012. С. 311, 312). Небольшие твердые куски минерала красного цвета, которые могли использоваться для нанесения изображений, были найдены также в северо-западных предгорьях Алтая на поселении эпохи бронзы Колыванское I в слое с материалами конца III – начала II тыс. до н.э. (раскопки Ю.П. Алехина). Среди материалов окуневской культуры такие находки пока отсутствуют. Поэтому выявить использование сухого способа создания изображений может помочь лишь изучение частиц самой краски и следов ее нанесения на изобразительную поверхность.

Для проверки существующих гипотез, изучения химического состава окуневских красок и их структуры было отобрано шесть проб: четыре – красной краски и две – черной. Поскольку на памятниках окуневского искусства, находящихся под открытым небом, частицы краски плотно интегрированы с поверхностью камня и получить их образцы очень сложно, пробы для анализов были взяты со стел из погребений (курган 1 могильника Уйбат-Чарков и курган 14 могильника Итколь II), где красочный слой имел достаточную толщину, и из-под кальцитовый корки каменной скульптуры из окрестностей с. Устинкино (Орджоникидзевский р-н Республики Хакасия).

Исследование проб проведено в Лаборатории молекулярной и структуральной археологии (UMR 8220 – LAMS) при Университете Пьера и Марии Кюри (Париж). В ходе исследования использованы бинокулярный микроскоп и видеомикроскоп Leica DVM 2000, проведены анализы методом флуоресценции рентгеновскими лучами и методом микродифракции рентгеновскими лучами (применен микрофокусный источник CuK α с многослойной оптикой в Centre de Recherche et de Restauration des Musées de France (C2RFM), Париж).

Приведем краткое описание фрагментов стел и скульптуры, с которых взяты пробы и результаты их изучения.

Образцы краски красного (проба № 1) и черного (проба № 2) цветов получены с фрагмента стелы из кургана 1 могильника Уйбат-Чарков (рис. 1, 1), най-

денного среди плит покрытия мог. 1. Анализ краски красного цвета показал ее гомогенность. Она состоит из гематита Fe_2O_3 . Образец также содержал большое количество кальцита $CaCO_3$ и кварцита SiO_2 , которые, вероятно, попали в краску из грунта. Черная краска состоит из фрагментов древесного угля длиной в несколько сотен микрометров, структура которых хорошо распознается с помощью микроскопа (рис. 1, 2). Размер и вид фрагментов наводят на мысль, что при раскрашивании использован целый твердый кусок древесного угля и он не был предварительно измельчен.

Образец краски красного цвета (проба № 3) получен из желобка контура антропоморфного лика в средней части скульптуры фаллической формы из с. Устинкино (Леонтьев и др., 2006. № 225). Предмет найден на пашне в окрестностях села. В средней его части изображен антропоморфный лик с тремя глазами, разделенный горизонтальными линиями на три яруса. Выше лика нанесено три пары овальных лунок, изображающих ноздри, глаза и уши зверя, раскрытая пасть с клыками которого показана на боковых сторонах верхней части скульптуры. Желобки изображения покрашены красной краской. Краска сохранилась благодаря тому, что была перекрыта коркой известковистых отложений. Серый камень, 44×14 см. Пигмент определен как гематит. В пробе также присутствуют кальцит и небольшое количество кварца.

Образец краски красного цвета (проба № 4) получен с фрагмента стелы из кургана 1 могильника Уйбат-Чарков. Изображение расположено на широкой стороне плиты, один край которой скруглен. Возможно является фрагментом верхней части стелы со скругленным верхом. Сохранившиеся элементы изображения, вероятно, принадлежат наголовью антропоморфного лика. Линии изображения выбиты и прошлифованы. В нескольких местах на поверхности плиты видны отчетливые пятна краски малинового оттенка. Возможно это следы окрашивания всей поверхности стелы. Красновато-коричневый песчаник, $41 \times 30 \times 9$ см. Анализ показал, что красный пигмент достаточно тонкий, представлен скоплениями крупинок. Он определен как гематит, в пробе смешан с частицами песчаника стелы и очень похож на образец из пробы № 1.

Образцы краски красного (проба № 5) и черного (проба № 6) цветов получены с фрагмента стелы из кургана 14 могильника Итколь II (рис. 3). Красная краска представлена в виде компактных блоков довольно большого размера. Вероятно, стелу покрывал однородный и достаточно толстый ее слой. Исследование краски проведено двумя методами: погружением в смолу, чтобы исследовать

стратиграфию, разделить пигмент и крупинки кварца; экстракцией тонкой фракции краски в этаноле с использованием ультразвука для лучшей характеристики красного. Изучение стратиграфии образца позволило обнаружить на поверхности краски белый осадок (известняк) – следствие выветривания. Общая толщина красного слоя – примерно 300 μm . Состав краски – охра, смесь гематита и глины с примесью большого количества крупинок кварца. Черная краска состоит из фрагментов древесного угля длиной в несколько сотен микрометров.

В целом, проведенный анализ использования краски в искусстве окуневской культуры позволил расширить имевшиеся знания об этой изобразительной традиции. Разработана новая классификация росписей в наскальном искусстве данной культуры, основанная на учете технологической роли краски в создании визуального образа (самостоятельная или вспомогательная роль) и ее цвете (монохромный: красного либо черного цвета, или бихромный). Впервые изучены и реконструированы бихромные композиции, существование которых в окуневском искусстве ранее не было известно.

Главным используемым пигментом красного цвета был гематит, а один образец (проба № 5) содержал большую долю охры. Во всех случаях пигмент смешан с крупинками кварца, которые могли иметь либо естественное происхождение (в случае с охрой), либо попали в пробы с поверхности камня и из грунта. Черная краска состояла из древесного угля, а ее нанесение, вероятно, осуществлялось путем натирания куском. Более крупный размер частиц черной краски по сравнению с красной объясняет ее меньшую стойкость, так как такой размер частиц не способствует надежному сцеплению с поверхностью камня. Следы органики, которая могла бы выступать в качестве связующего вещества для частиц пигмента, в ходе анализа не обнаружены.

Вместе с тем следует учитывать, что установленные факты, возможно, не исчерпывают всех способов приготовления и использования краски создателями окуневского искусства, так как изученная выборка проб не охватывает пока всего разнообразия оттенков и вариантов применения краски, известного по материалам окуневской культуры. Не исключено, что изучение состава красок, применявшихся на скалах, в росписях лиц людей, изделий из кости и рога, в будущем может дать новую информацию об этом искусстве. Весьма важен установленный факт использования для получения черной краски древесного угля, что открывает в перспективе возможности прямого датирования памятников окуневского наскального искусства, а также изучения использованных пород деревьев.

Еще один вывод заключается в наибольшей эффективности изучения краски на материалах из курганов непосредственно сразу после их обнаружения в ходе раскопок.

Использование красной и черной красок в наскальном искусстве окуневской культуры и наличие бихромных изображений находит ближайшие аналогии в искусстве каракольской культуры Алтая. У некоторых изображений на каракольских плитах есть еще и белые элементы, но они создавались выскабливанием поверхности камня без использования белой краски. Возможно об аналогичном приеме можно говорить и применительно к окуневскому искусству, поскольку выбитые и прошлифованные линии, если они не раскрашивались, имели очень светлый, почти белый цвет (независимо от породы камня). Очень важно, что сходство одновременно наблюдается как в цветах красок, так и в стиле изображений. При этом наибольшее сходство каракольского искусства прослеживается с ранне-окуневскими образами. Степень этого сходства такова, что можно говорить о двух территориальных вариантах одной изобразительной традиции.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00322а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вадецкая Э.Б.* Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965. 21 с.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 37–87.
- Волков Ф.К., Руденко С.И.* Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб., 1910. С. 155–200.
- Дэвлет Е.Г.* Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Науч. мир, 2002а. 256 с.
- Дэвлет Е.Г.* Росписи на скалах: состав пигментов и цветовая палитра // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002б. С. 134–140.
- Есин Ю.Н.* Стела с изображением “солнцеголового” божества на реке Туим в Хакасии (к 120-летию экспедиции на Енисей Общества древностей Финляндии под руководством И.Р. Аспелина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 85–94.
- Есин Ю.Н.* Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010а. С. 53–73.
- Есин Ю.Н.* Тайна богов древней степи. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2010б. 184 с.
- Есин Ю.Н.* Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 67–75.
- Житенев В.С.* Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 306–314.
- Ковалев А.А.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.
- Корнилов И.П.* Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледения и путешествий. Т. 3. М., 1854. С. 605–658.
- Кубарев В.Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.
- Лазаретов И.П.* Окуневские могильники в долине р. Уйбаг // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Леонтьев Н.В.* Наскальные рисунки Коровьего лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 11. Вып. 3. С. 128–136.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Липский А.Н.* Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. АН СССР, 1961. С. 269–278.
- Максименков Г.А.* Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.
- Миклашевич Е.А.* Некоторые новые материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестн. САИПИ. Вып. 6-7. Кемерово, 2003–2004. С. 17–27.
- Миклашевич Е.А., Солодейников А.К.* Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Пишеницына М.Н., Пяткин Б.Н.* Курган Разлив X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 82–94.
- Савинов Д.Г.* Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Baumer C.* The History of Central Asia: The Age of the Steppe Warriors. L.: I.B. Tauris, 2012. 372 p.
- David R.* Utilisation des techniques de moulage en Paleontology humaine et en Prehistoire: Diplome d'Etudes Doctorales. Paris: Muséum national d'Histoire naturelle, 1986. 274 p.
- Ščelinskij V., Širokov V.* Höhlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 172 S.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ ВЫБИТЫХ ПЕТРОГЛИФОВ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

© 2014 г. Л.В. Зоткина

Новосибирский государственный университет
(*lidiazotkina@gmail.com*)

Ключевые слова: *наскальное искусство, трасология, петроглифы, Минусинская котловина.*

The purpose of this paper is to throw the light on the questions of petroglyph implementation. The research is concentrated on the sites of Minusinsk basin and on the petroglyphs which were made with picking techniques. Some problems of technological investigations are covered here including the methodological side. The subject of rock art fixing and the same way as 3D reconstruction and photogrammetry are also broached. But the paper is mostly concentrated on some results of experimental and traceological study of Minusinsk basin petroglyphs and on correlation of technological and artistic components in the local rock art.

Масштабное целенаправленное изучение памятников наскального искусства на территории Северной и Центральной Азии послужило фундаментом для формирования отдельной области исследований в отечественной археологии. Благодаря работам многих поколений ученых, в особенности А.П. Окладникова, М.А. Дэвлет, В.Д. Кубарева, Н.В. Леонтьева, А.И. Мартынова, В.И. Молодина, Б.Н. Пяткина, Д.Г. Савинова, Я.А. Шера и др., заложены основы представлений о важнейших регионах наскального искусства, стилистических особенностях локальных традиций в определенные хронологические периоды, сформировались ключевые приемы исследования наскальных изображений (Окладников, 1947, 1972, 1974, 1980а; б; 1984; Хороших, 1947; Окладников, Мартынов, 1972; Подольский, 1973, 1988; Дэвлет М.А., 1976, 1998; Окладников, Молодин, 1978; Шер, 1980; Савинов, 1984, 1994; Пяткин, Мартынов, 1985; Кубарев, 1988; Молодин, Черемисин, 1999; Леонтьев и др., 2006; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2011). Техника нанесения изображений всегда была одним из важнейших аспектов в изучении наскального искусства. Поскольку в наскальных традициях Северной и Центральной Азии петроглифы (изображения, выполненные за счет удаления части скальной поверхности) преобладают над нарисованными пигментами (росписями), то интерес именно к технологии создания петроглифов наиболее актуален (Дэвлет Е.Г., 2002. С. 37–75), хотя для прямого датирования изображений пигменты все еще имеют большой потенциал (Дэвлет Е.Г., 1999).

На способ выполнения петроглифов обращали внимание практически все исследователи, посвятившие свои труды изучению наскальных изображений (Грязнов, Шнейдер, 1929. С. 41–45; Грязнов, 1933. С. 77, 82; Окладников, Мартынов, 1972. С. 165, 166, 175–177; Окладников, 1974. С. 40, 53, 56; 1980а. С. 53; 1980б. С. 6; 1984. С. 7, 21, 54, 58; Кубарев. 1988. С. 37, 40–43, 46, 47; Дэвлет М.А., 1998. С. 234, 235). Предпринимались попытки систематизировать описания техники выполнения петроглифов, характеристики особенностей исполнения образов, проследить развитие технических приемов в наскальном искусстве, обращалось внимание и на различия следов, оставленных в результате выполнения изображений каменными и металлическими орудиями (Киселев, 1930; Окладников, 1974. С. 42; Шер, 1980. С. 67, 174; Дэвлет М.А., 1998. С. 23).

В последние годы в отечественной науке все больше внимания обращается на комплексный характер технологического аспекта в изучении петроглифов, на привлечение возможностей трасологии и эксперимента (Гиря, Дэвлет, 2010, 2012; Дэвлет, Гиря, 2011, 2012). На современном этапе данные о технологии наскальных изображений могут быть получены посредством экспериментально-трасологической методики (Черемисин и др., 2013).

Эксперимент в археологии направлен на установление причинно-следственных связей на основе изучения свойств материалов, которые в природе устойчивы и неизменны. Данные, полученные

экспериментальным путем, используются для понимания поведенческих стратегий людей в прошлом. Любой эксперимент в археологии модельный, так как исследователь не имеет прямого контакта с объектом изучения – историческим прошлым, и вынужден использовать современные копии древних вещей (модели) для воспроизведения технологических процессов, аналогичных древним (Гиря, 1991. С. 124). Эксперимент может подтвердить возможность осуществления определенного технологического процесса в конкретных условиях с использованием тех или иных материалов. Экспериментальное исследование включает два уровня: выявление наиболее общих возможностей обработки материалов; уточнение конкретных технологических характеристик, фиксируемых на археологическом материале. В результате наиболее успешно завершенных экспериментальных исследований получают идентичные археологическим следы или морфологические характеристики экспериментальных образцов.

В петроглифоведении эксперимент направлен на выявление особенностей технических приемов (например, был ли применен прямой или опосредованный пикетаж); общих характеристик орудий, использовавшихся для нанесения изображений (например, вес, наличие рукояти и пр.); особенностей рабочей части инструментов; характера расположения орудия в процессе работы и других технологических особенностей выполнения петроглифов. В качестве предмета изучения технологического аспекта в наскальном искусстве выступают следы, образующие петроглифы, так называемые следы изготовления (Семенов, 1957. С. 17). Технологическая характеристика петроглифов не может быть конечной целью исследования, а лишь его этапом. Для возможности экстраполяции полученных в результате экспериментов данных на изучаемый археологический материал необходимо специальное трасологическое изучение следов, образующих петроглифы.

Таким образом, экспериментально-трасологическое исследование как вообще в археологии, так и в петроглифоведении включает в себя изучение источника; воспроизведение технологических процессов, способствовавших в древности формообразованию изучаемого объекта и появлению следов на нем; а также трасологическое обследование, по результатам которого устанавливается степень подобию экспериментальной модели изучаемому процессу или бытовавшему в прошлом объекту.

Процедура трасологического изучения петроглифов отличается некоторой спецификой по сравне-

нию с функциональным анализом древних орудий и проводится в два этапа. В полевых условиях фиксируются общие, легко определяемые признаки, в основном характеристики следов пикетажа в плане. В камеральных условиях уточняются метрические параметры выбоин и морфологические особенности рельефа пикетированной скальной поверхности в профиле. Е.Ю. Гирей и Е.Г. Дэвлет разработаны критерии трасологического изучения следов, образующих выбитые петроглифы, которые представляют характеристику плотности расположения выбоин (редкий, плотный, сплошной пикетаж); расположения следов (линейный, плоскостной пикетаж); общей глубины выбивки (по сравнению с естественной скальной коркой); формы выбоин в плане (от наиболее часто встречающейся округлой до подквадратной, подтреугольной, а также аморфных очертаний).

Обращалось также внимание на стабильность формы выбоин и регулярность их контуров в плане, на ширину линий пикетажа, регулярность границ пикетированной поверхности и наличие следов ударов, выступающих за пределы изображения (Гиря, Дэвлет, 2010). Все перечисленные характеристики могут быть зафиксированы на первом этапе исследования, на втором этапе в лабораторных условиях уточняются уже установленные признаки, но главное – характеристики рельефа пикетированной поверхности в профиле. В настоящее время это осуществляется либо по объемным копиям с использованием метода “теневого сечения”, или на основе цифровых трехмерных реконструкций (Дэвлет, Гиря, 2011; 2012. С. 188; Зоткина, 2012).

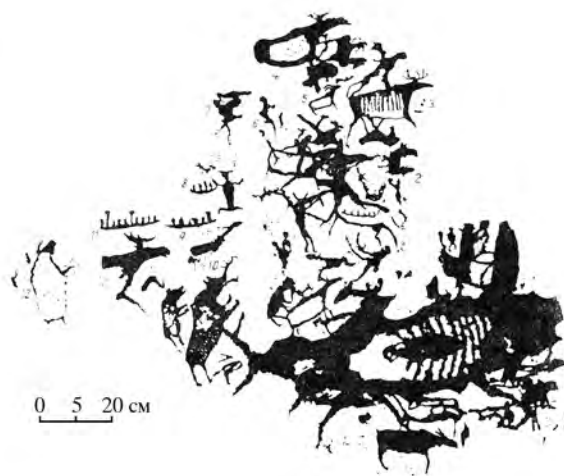
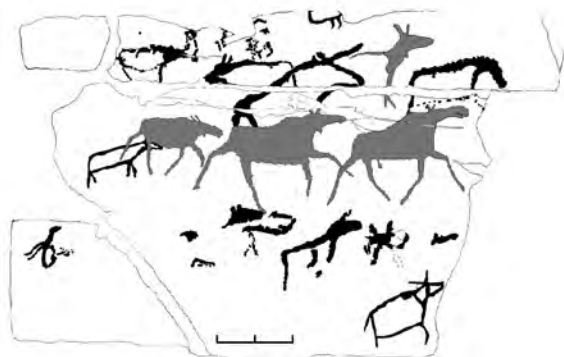
В последние годы быстрое развитие цифровых технологий открывает новые возможности в области фиксации образцов наскального искусства, в том числе и наиболее подверженных разрушению участков. Применение метода облачной фотограмметрии представляется на данный момент наиболее оптимальным инструментом для объемной фиксации не только общего вида изображений, но и макрофрагментов, наиболее информативных для трасологического исследования. Кроме того, совершенствование компьютерных технологий и возможностей программного обеспечения позволит в будущем улучшать качество и информативность трехмерных реконструкций наскальных изображений, полученных на основе цифровых фотографий, сделанных сегодня.

На территории Минусинской котловины в 2010–2013 гг. было предпринято трасологическое изучение выбитых наскальных изображений на Шалаболино, Малой Боярской писанице и на Сулеке I, а

также хранящихся в музеях Минусинска и Абакана плит с выбитыми изображениями из окуневских (эпохи бронзы) закрытых погребальных комплексов. Трасологические изыскания сопровождались экспериментальной программой исследований с применением орудий, выполненных из камня и металла (Зоткина, 2013). В результате экспериментальных разработок по моделированию различных технологических процессов, связанных с получением следов выбивки, удалось установить, что кремневые орудия слишком хрупки для выполнения пикетажа по минусинским песчаникам. Если следы работы каменными орудиями из хрупкого сырья фиксируются на материале локальных петроглифов, то подобные примеры единичны. Наиболее оптимальными для работы по местной горной породе оказались орудия из сырья со средней твердостью и большой вязкостью, например из метаморфизо-

ванного песчаника. Установлено, что инструменты из меди совершенно непригодны для выполнения пикетажа, большинство орудий из современных бронз, задействованных в экспериментальных сериях, также продемонстрировали свою неэффективность. Следы, полученные благодаря применению закаленных стальных инструментов, обладали сходством со следами, образующими петроглифы.

Таким образом, удалось определить, что металлические орудия, использовавшиеся для нанесения изображений путем пикетажа на минусинских песчаниках, должны были обладать высокой износостойкостью. Этот факт не исключает возможности применения бронзовых орудий в древности, однако указывает на высокое качество металлов, использовавшихся для выполнения петроглифов. Эти наблюдения, сделанные на минусинских песчаниках, совпали с полученными ранее результатами экспе-

3

4

Рис. 1. Площадки Шалаболинской писаницы участков 4 (1–3) и 6 (4). 1 – пл. 20; 2 – пл. 26; 3 – пл. 8 (по: Заика, 2007; Заика и др., 2008); 4 – пл. LVI-67 (по: Вяткина, 1949).

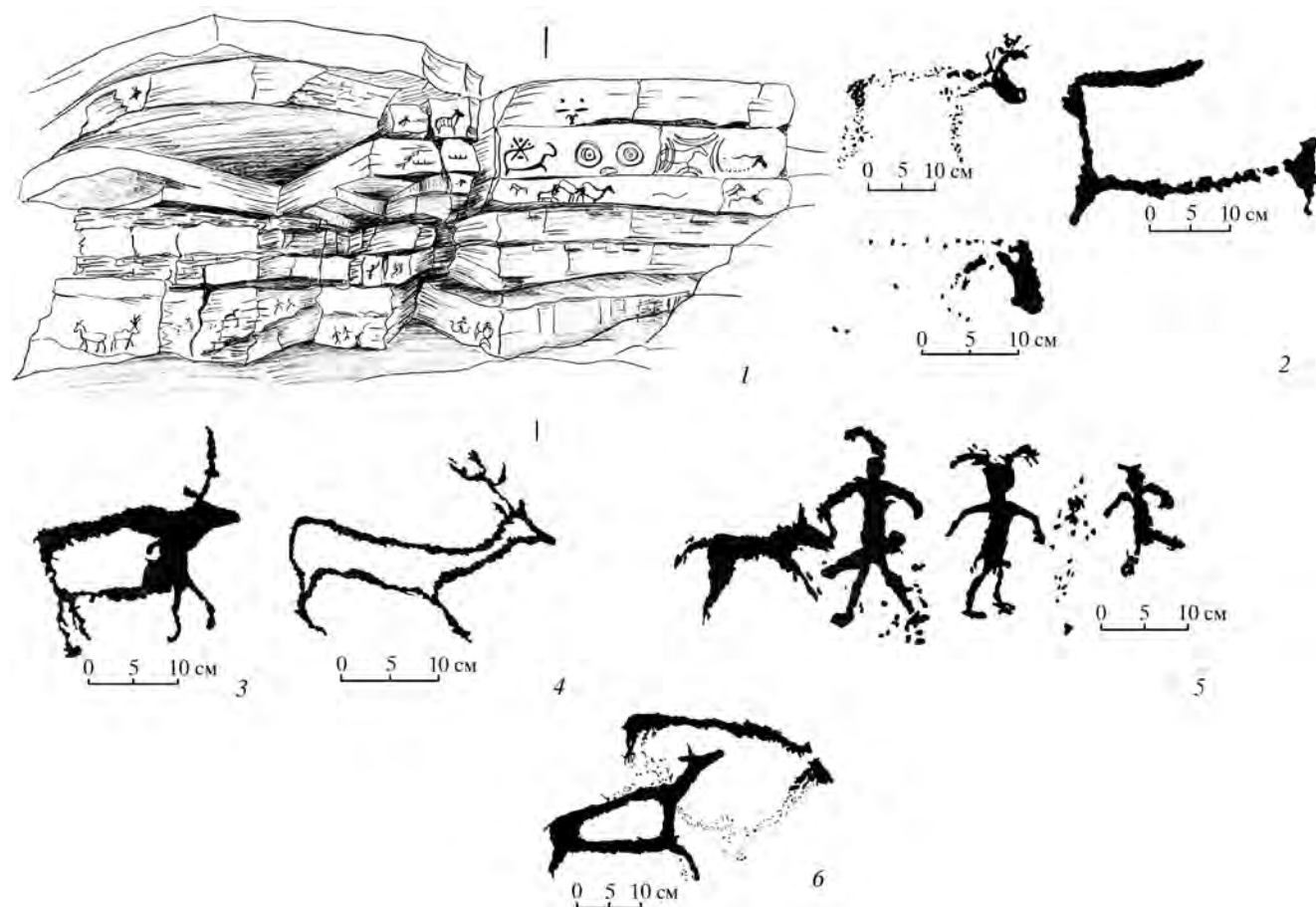

Рис. 2. Петроглифы Шалаболинской писаницы участков 1а (1, 2), 4 (3–5), 6 (6). 1, 2 – пл. 7 и 8 (по: Заика, 2007; Заика и др. 2008); 3 – пл. LVI-35; 4 – пл. LVI-53; 5 – пл. LVI-57; 6 – пл. LVI-74 (по: Вяткина, 1949).

риментального пикетажа для песчаника Чукотки (Дэвлет, Гирия, 2011; Devlet, 2012).

Проведенные на памятниках наскального искусства Минусинской котловины эксперименты показали, что наиболее велика вероятность использования металлических орудий в виде стержней с заостренной рабочей частью, угол заточки при этом должен быть острым. Могли также применяться металлические орудия в виде зубила. Во втором случае для пикетажа могли быть задействованы и вершина, и грань рабочей части орудия, о чем свидетельствуют археологические следы. Удалось зафиксировать, что тонкие немассивные стержни вряд ли использовались для прямого пикетажа (они практически не оставляют заметных следов), тем не менее они достаточно эффективны в качестве посредников для выбивки. Крупные массивные металлические инструменты позволяют получить следы, схожие с археологическими, при использовании их как в опосредованном, так и в прямом пикетаже.

Трасологический осмотр экспериментальных образцов и наскальных изображений, а также сопос-

тавление результатов по ряду обозначенных выше критериев позволили выделить характеристики следов пикетажа, указывающие на технологические особенности их выполнения. Часто встречающееся упорядоченное расположение выбоин относительно друг друга, четкие очертания контуров выбоин, стабильность формы и метрических параметров следов пикетажа – все эти признаки в комплексе указывают на применение опосредованной техники выбивки.

Прямой пикетаж определяется, напротив, по бессистемному расположению выбоин относительно друг друга, по нестабильным метрическим показателям и форме следов, что связано с меньшей степенью контроля над силой ударов и областью ее приложения в процессе выбивки. Наличие выбоин за пределами относительно четких границ пикетированной поверхности или нечеткий контур выбивки, т.е. отсутствие ярко выраженной линии, очерчивающей пределы распространения следов пикетажа, также указывают на применение прямой техники. На материалах петроглифов Минусинской

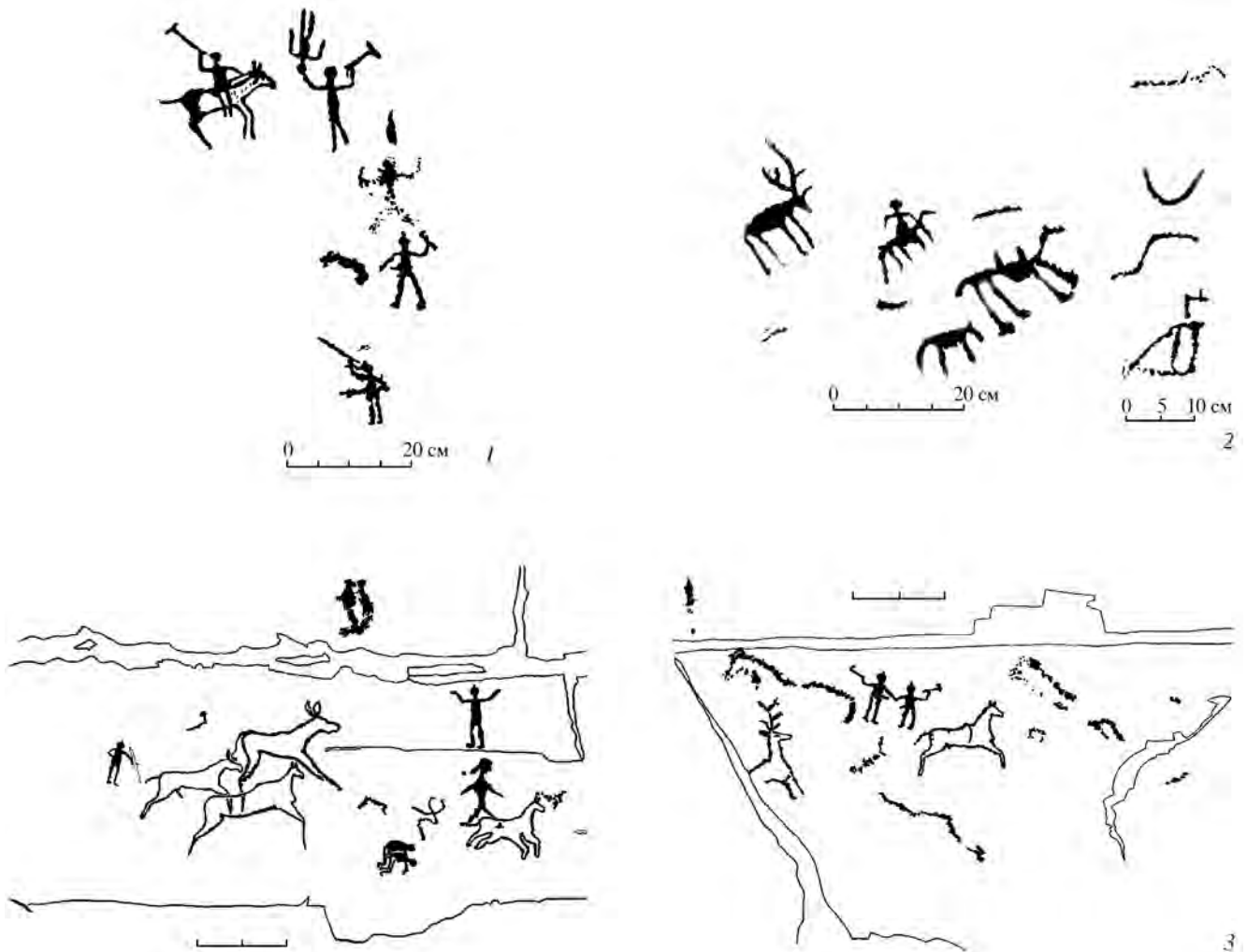

Рис. 3. Плоскости Шалаболинской писаницы участка 4. 1 – пл. LVI-22; 2 – пл. LVI-38, 39 (по: Вяткина, 1949); 3 – пл. 7а, б (по: Заика, 2007; Заика и др., 2008).

котловины часто фиксируется сочетание техник прямого и опосредованного пикетажа при выполнении одного изображения.

К признакам следов пикетажа, выполненного металлическим орудием, относятся регулярные очертания краев выбоин в плане. Подокруглая форма лунок пикетажа (как в плане, так и в профиле) также часто указывает на применение металлического инструмента (форма выбоин может варьировать в зависимости от морфологических особенностей рабочей части орудия и степени ее износа). Один из наиболее важных показателей, свидетельствующих о применении металлического инструмента, – соотношение метрических показателей: глубины лунки к ее размеру в плане. Равенство этих характеристик или превышение размеров выбоин в профиле над размерами в плане указывает на большую проникающую способность рабочей части орудия. Пос-

кольку такая особенность может быть свойственна только хорошо заостренному металлическому инструменту, этот метрический показатель в ряде случаев позволяет дифференцировать материал орудия, которым был выполнен пикетаж (Гиря, Дэвлет, 2010. С. 113).

В большинстве случаев нерегулярные края выбоин, аморфные в плане и профиле очертания, а также превышение размеров отдельных лунок в плане над их глубиной указывают на использование для пикетажа орудий из камня. Изделия из хрупкого сырья (кремень, кварцит с большим содержанием кварца и т.д.) могут оставлять весьма специфические следы, так как в процессе пикетажа в результате скалывания мельчайших чешуек неизбежно разрушается рабочая часть орудия. Кардинальная смена очертаний получаемых следов происходит из-за регулярного изменения конфигурации рабоче-

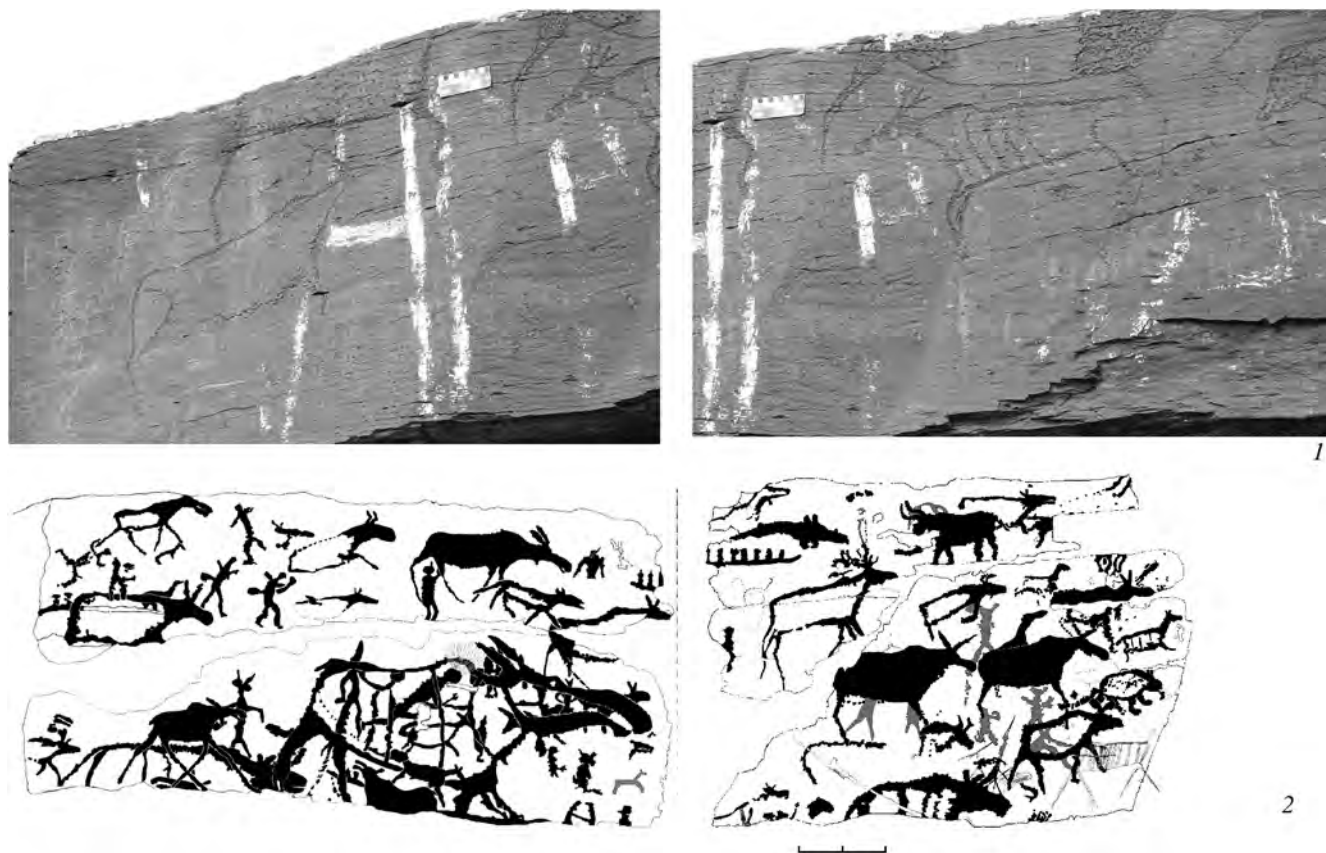

Рис. 4. Шалаболинская писаница. 1 – пл. участка 2а, верхний ярус (фото автора); 2 – плоскости 10а, б участка 4 (по: Заика, 2007; Заика и др., 2008).

го элемента орудия. При использовании орудий из вязких пород, более износоустойчивых при пикетаже, изменение рабочей части происходит иначе, не за счет скалывания, а в результате “забивания”, стирания и уплотнения камня. В некоторых случаях, особенно при прямом пикетаже, такие орудия могут давать следы с регулярными контурами, иногда даже округлой в плане формы, так как рабочий элемент приобретает сглаженные очертания, становится прочнее и стабильнее. Таким образом, именно сочетание комплекса признаков позволяет установить материал и форму рабочей части орудия, а также особенности технического приема, использовавшегося для выполнения петроглифов.

На территории Минусинской котловины с позиций экспериментально-трассологической методики изучены все изображения нескольких плоскостей первого, четвертого и шестого участков Шалаболинской писаницы, по нумерации А.Л. Заика (Заика, 2007; Заика и др., 2008), а также петроглифы Малой Боярской писаницы и Сулека I. На перечисленных выше памятниках наскального искусства изображения, выполненные с помощью каменных

орудий, чаще представлены на материалах Шалаболинской писаницы (рис. 1). Петроглифы, выбитые посредством каменных орудий, довольно компактно локализованы на двух примыкающих друг к другу плоскостях первого участка Шалаболино (рис. 2, 1, 2), зафиксированы на четвертом (рис. 1, 1–3; 2, 3–5), а также на шестом (рис. 1, 4; 2, 6) участках. Петроглифы, выполненные металлическими инструментами, на этих участках практически не выявлены, хотя в целом они преобладают в массиве изученных изображений Шалаболино (рис. 3; 4). Это может указывать на неравномерность распространения технологических особенностей, связанных с использованием каменных орудий, в пределах Шалаболинской писаницы.

Трассологическое изучение выбитых изображений с Шалаболинской, а также Малой Боярской и Сулекской I (рис. 5) писаниц показало, что для нанесения петроглифов в большинстве случаев использовались металлические орудия. Среди большого разнообразия выявленных технологических особенностей выполнения петроглифов с помощью металлических инструментов выделены четыре

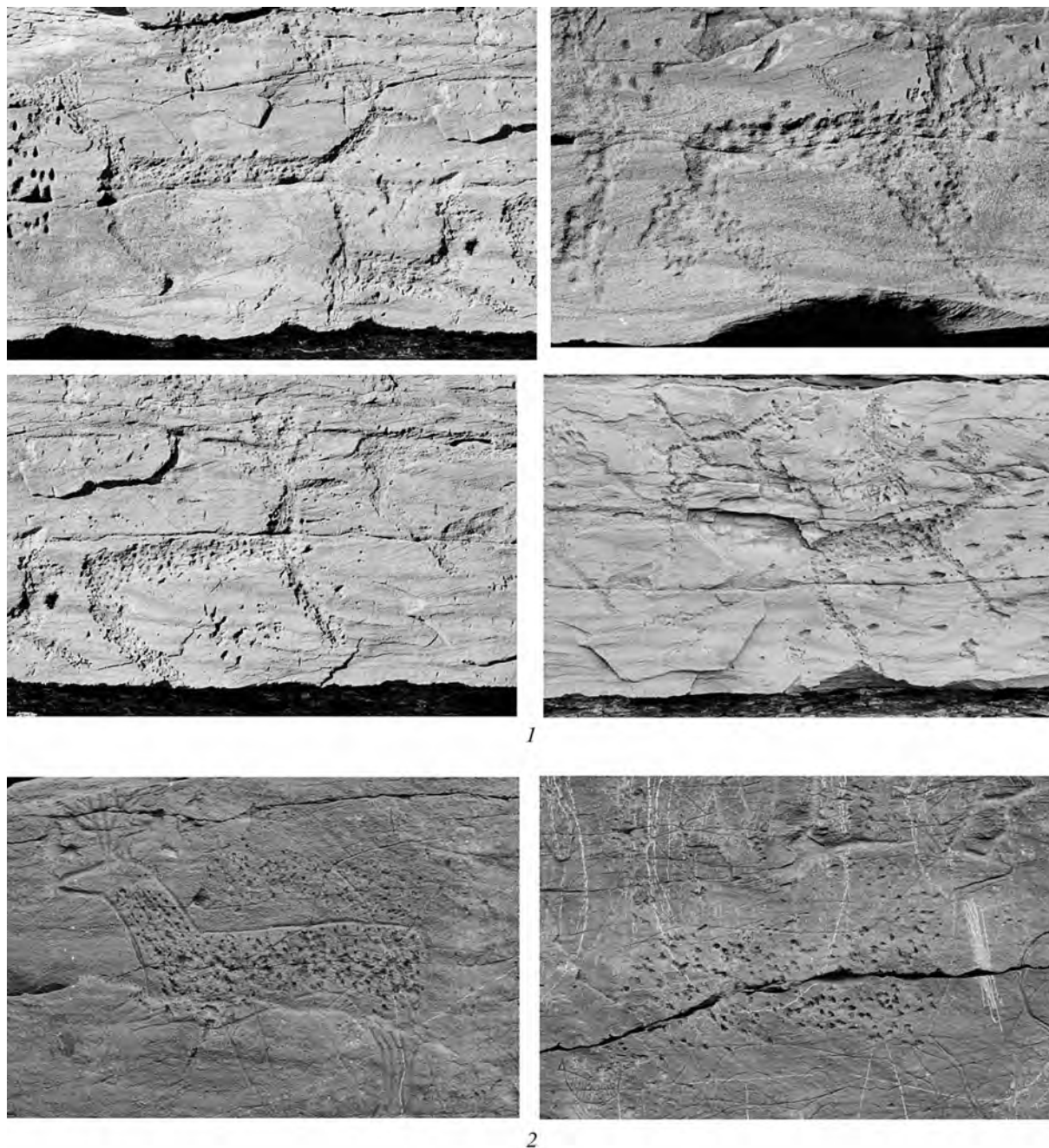

Рис. 5. Зооморфные изображения Малой Боярской (1) и Сулекской I (2) писаниц. 2 – фото автора.

основные группы изображений (технологические типы) по характеру орудий и технических приемов их нанесения:

- прямой пикетаж металлическими орудиями с заостренной/скругленной рабочей частью;
- прямой пикетаж металлическими орудиями с подтреугольной рабочей частью и рабочим элементом наподобие зубила;
- опосредованный пикетаж металлическими орудиями с заостренной/скругленной рабочей частью;

– опосредованный пикетаж металлическими орудиями с подтреугольной рабочей частью и рабочим элементом наподобие зубила.

К отдельной технологической группе можно отнести представленные на Малой Боярской писанице выбоины опосредованного пикетажа, нанесенного массивными металлическими орудиями (рис. 6). Сочетание техник пикетажа и гравировки по контуру – специфическая и довольно распространенная технологическая комбинация для Сулека I (рис. 5, 2).

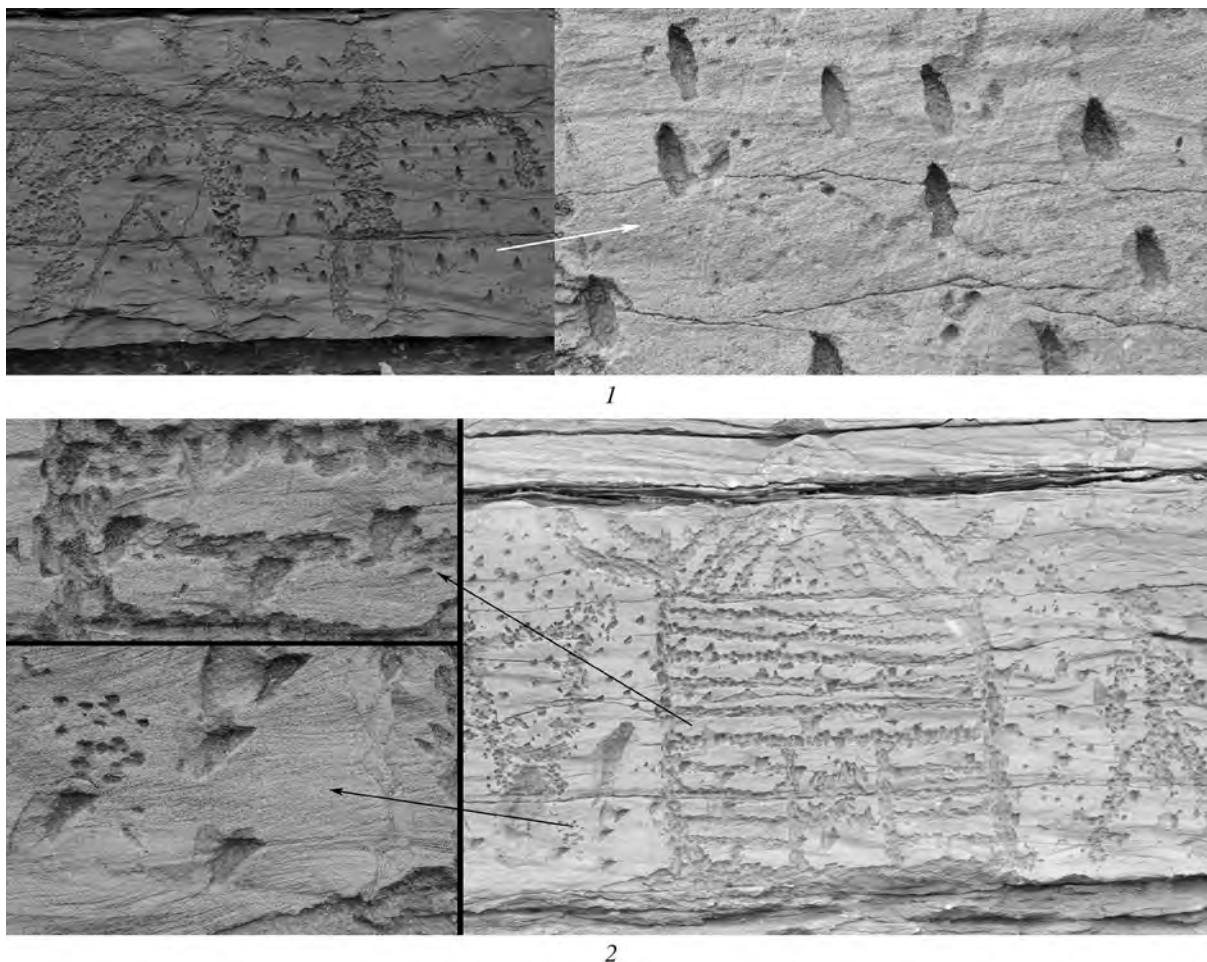

Рис. 6. Петроглифы Малой Боярской писаницы. 1 – антропоморфное изображение, перекрытое крупными выбоинами; 2 – изображение дома и крупные выбоины пикетажа (фото автора).

Разнообразие технических приемов, применявшихся древними художниками, указывает на возможность выявления определенных традиций и предпочтений в выборе средств создания петроглифов. Развитие такого подхода предполагает рассмотрение технологических особенностей выполнения наскальных изображений как одного из выразительных средств в наскальном искусстве, формирующих стилистику, наряду с художественными приемами передачи образов. Прделанные эксперименты и трасологические исследования, дальнейшее расширение источниковой базы в рамках региона, привлечение широкого круга аналогий, а также адаптация методики технолого-трасологического исследования к задачам изучения не только пикетажа, но и других техник выполнения петроглифов могут открыть новые возможности комплексного рассмотрения выразительных средств в наскальном искусстве и перспективы уточнения

культурно-хронологической принадлежности петроглифов.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-21-08002.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вяткина К.В.* Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 417–484.
- Гиря Е.Ю.* Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // СА. 1991. № 3. С. 115–129.
- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г.* Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Урал. истор. вестн. Екатеринбург, 2010. № 1 (26). С. 107–118.
- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г.* Об исследовании техники выполнения изображений на скалах // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1 (35). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2012. С. 158–178.

- Грязнов М.П.* Боярские писаницы // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7. С. 41–45.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929. С. 63–93.
- Дэвлет Е.Г.* О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений // РА. 1999. № 2. С. 77–85.
- Дэвлет Е.Г.* Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Науч. мир, 2002. 240 с.
- Дэвлет Е.Г., Гиря Е.Ю.* “Изобразительный пласт” в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Тр. САИПИ; Вып. VII). С. 186–201.
- Дэвлет Е.Г., Гиря Е.Ю.* Трасологическое исследование петроглифов Среднего Енисея // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Ред. А.П. Древянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012. С. 60–65.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.* Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М.: ИА РАН, 2011. 382 с. (Электронный ресурс. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2011/Devlet.pdf. Дата обращения: 25.05.2012).
- Дэвлет М.А.* Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 36 с.
- Дэвлет М.А.* Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 288 с.
- Заика А.Л.* Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 3. Красноярск: КГПУ, 2007. С. 24–38.
- Заика А.Л., Березовский А.П., Матвеев В.Е., Тихтерев А.С.* Результаты исследований Шалаболинской писаницы в 2007 г. // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. Красноярск: РИО КГПУ, 2008. С. 46–51.
- Зоткина Л.В.* Петроглифы Шалаболинской писаницы: технологический аспект // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 59–71.
- Зоткина Л.В.* Экспериментальное моделирование как метод изучения наскального искусства (к историографии проблемы) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 59–66.
- Киселев С.В.* Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // Тр. секции археологии РАНИОН. Т. 5. М.: 1930. С. 91–100.
- Кубарев В.Д.* Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2006. 236 с.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.* Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.
- Окладников А.П.* Писаницы около поселка Свирского на Ангаре // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 22–25.
- Окладников А.П.* Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства: Пещерные росписи Хойт-Цэнкерагуй (Сэнгри-агуй), Западная Монголия. Новосибирск: Наука, 1972. 76 с.
- Окладников А.П.* Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 168 с.
- Окладников А.П.* Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980а. 140 с.
- Окладников А.П.* Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Сомон (гора Тэбш). Л.: Наука, 1980б. 232 с.
- Окладников А.П.* Петроглифы Средней Катунь. Новосибирск: Наука, 1984. 111 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.* Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Наука, 1972. 257 с.
- Окладников А.П., Молодин В.И.* Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бии) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. 207 с.
- Семенов С.А.* Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (МИА; № 54). 240 с.
- Подольский М.Л.* О принципах датировки наскальных изображений // СА. 1973. № 3. С. 265–275.
- Подольский М.Л.* “Душа быка” на окуневских стелах // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: ХАКНИИЯЛИ, 1988. С. 159–169.
- Пяткин Н.Б., Мартынов А.И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 192 с.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г.* Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры // Памятники древнего и средневекового искусства. СПб., 1994 (Проблемы археологии; Вып. 3). С. 123–136.
- Хороших П.П.* Писаницы Алтая // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 26–34.
- Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А., Лбова Л.В., Женест Ж.-М., Плиссон Ю., Кретан К.* Исследование технологических особенностей наскальных изображений Горного Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 г. Т. XIX / Ред. В.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 362–368.
- Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Devlet E.* Recent rock art studies in Northern Eurasia, 2005–2009 // Rock art studies. News of the World IV / Eds P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 124–148.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

© 2014 г. Н.В. Лобанова

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск (hopelob@yandex.ru)*

Ключевые слова: петроглифы Онежского озера, древняя природная среда, археологические памятники восточного побережья Онежского озера.

This article discusses the topic of interest connected with clarifying the age of the petroglyph of the Lake Onega. Based on the detailed analysis of the natural and cultural environment of the monuments, the author argues common chronological frames of the rock art. It is attempted to follow the stages of its development.

На протяжении уже 165 лет, начиная с открытия, петроглифы Карелии привлекают пристальное внимание исследователей. Свидетельства тому – многочисленные публикации в научных и научно-популярных изданиях (свыше 200), не утихающие споры по поводу их датировки и культурной атрибуции, назначения и интерпретации ключевых образов (Grewingk, 1855; Равдоникас, 1936; 1937а, б; 1938; Линеvский, 1939; Брюсов, 1940; Лаушкин, 1959, 1962; Савватеев, 1970, 1996; Наскальные изображения..., 1977; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005). В последнее десятилетие проводилось целенаправленное полевое изучение петроглифов Онежского озера и низовьев р. Выг (Лобанова, 2003, 2005, 2007, 2010, 2013). В ходе работ совершенствовались методы их поиска и документирования, ежегодно пополнялся корпус петроглифов, уточнялись сведения о природной и культурной среде времени их создания. Новые материалы в той или иной степени расширили круг источников, дали возможность более глубокого и полного осмысления связанных с ними наиболее актуальных научных вопросов. Основная цель данной статьи – уточнить хронологию и периодизацию наскального искусства восточного побережья Онежского озера на основе анализа и систематизации всех собранных к настоящему времени сведений. Безусловно, автор не претендует на окончательное разрешение проблемы – она слишком сложна и требует дополнительных комплексных работ с участием специалистов разных направлений, в первую очередь представителей естественно-научных дисциплин.

Корпус петроглифических источников Карелии достаточно велик, степень сохранности памятни-

ков сравнительно хорошая, что связано с высокой прочностью древнейших кристаллических пород – гранитоидов. В соответствии с данными на 2013 г. на восточном берегу Онежского озера насчитывается 24 пункта (или группы) с изображениями (рис. 1), а общее число отдельных фигур более 1200. Они разбросаны по оконечностям мысов и прибрежных островков на протяжении 20 км вдоль берега. Онежские петроглифы в кругу аналогичных памятников заметно выделяются. В них чаще всего нет прямого отражения человеческой активности, что типично для беломорских наскальных “полотен” (Савватеев, 1970). Образы Онежских петроглифов более сложные, рожденные фантазией и своеобразными местными традициями. Композиций немного, чаще всего взаимосвязь рисунков улавливается слабо. Можно выделить пять базовых “сюжетов”: птицы, знаки, антропоморфные, лесные животные, лодки. Образ водоплавающей птицы, прежде всего лебедя, – самый востребованный и, видимо, особо почитаемый населением восточного побережья (более 40% от всех идентифицированных фигур). Подобной доминанты нет больше нигде в наскальном искусстве Северной Фенноскандии. Проблема датировки Онежских петроглифов поднималась в работах первых исследователей (Земляков, 1936; Равдоникас, 1936, 1938; Линеvский, 1939; Брюсов, 1940), однако оснований для убедительных выводов тогда не было. Касаясь их абсолютного возраста, одни исследователи пытались найти близкие аналогии на наскальных объектах других территорий, зачастую очень отдаленных (Равдоникас, 1936; Hallström, 1960; Формозов, 1969), или сравнивали петроглифы с рисунками на саамских бубнах, с мелкой кремневой пластикой

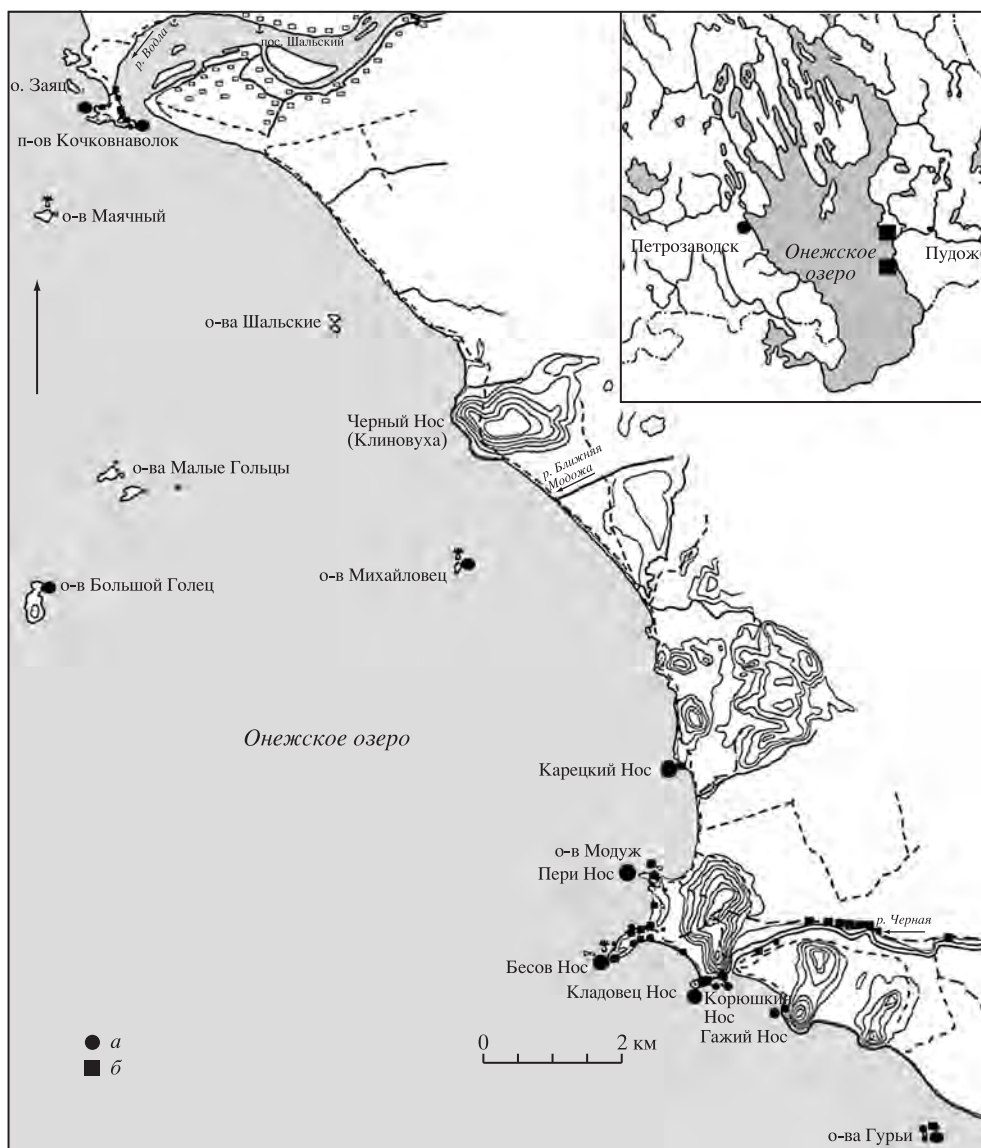

Рис. 1. Схема расположения петроглифов и других археологических памятников эпох мезолита – средневековья на восточном побережье Онежского озера. Врезка: Онежское озеро с двумя пунктами расположения петроглифов (п-ов Кочковनावолок на севере и окрестности мыса Бесов Нос на юге). Условные обозначения: *a* – места расположения наскальных рисунков; *b* – археологические памятники.

(Замятнин, 1948). Некоторые археологи опирались преимущественно на археологические материалы выявленных по соседству с петроглифами поселений (Брюсов, 1947. С. 23; 1952. С. 110; Савватеев, 1970, 1996; Панкрушев, 1978). В Скандинавии получила распространение датировка по высотным данным над современным уровнем моря. Выяснилось, что существует определенная корреляция между сюжетно-стилистическими особенностями наскальных рисунков и высотой их расположения (Helskog, 1999). Для петроглифов Онежского озера датировка по высотным данным в меньшей степени пригодна, так как все они занимают сравнительно узкий диапазон высот у самого уреза воды. Кроме

того, восточное побережье находилось в послеледниковое время в зоне относительного равновесия, поэтому благоприятные возможности для выбивок на прибрежных скалах появлялись в разные периоды голоцена, начиная со среднеатлантического времени (Девятова, 1986. С. 14–37).

В 1990-е годы было предложено рассчитать возраст Онежских петроглифов по следам микроэрозии на выбивках разного времени: древних, средневековых и современных (Bednarik, 1992. Р. 288). Автор пришел к заключению, что знаменитое изображение Беса можно отнести ко времени между 4800 и 4000 гг. до н.э. К сожалению, этот метод и основанные на нем выводы весьма неубедительны, так как

непонятно, каким образом определялась скорость изменения микроэрозии на Онежских скалах, могла ли она быть постоянной на таком значительном протяжении времени (не менее чем 6 тыс. лет).

Чаще всего Онежские петроглифы датируют в довольно широких хронологических пределах, связывая с двумя эпохами – неолитом и энеолитом. Высказывалось мнение, что вопрос о датировке петроглифов Карелии вообще не вызывает особых споров (Формозов, 1969. С. 126). Основанием для выводов служили археологические находки ближайших стоянок и стилистический анализ изображений. Первым о возможности прямой связи петроглифов с окружающими их поселениями упомянул А.Я. Брюсов (1940. С. 207–211). Он высказал предположение, что сходная ямочно-гребенчатая керамика, обнаруженная на мысах у петроглифов и на р. Черная, принадлежала одним и тем же людям, которые жили постоянно выше по течению реки, а на мысы приходили для совершения культовых обрядов на петроглифах. Значимость соседних стоянок для датировки наскальных рисунков осознавал и В.И. Равдоникас (1936, 1938). Но в то время материалы соседних с петроглифами памятников были еще скудны и не систематизированы, отсутствовала разработанная шкала их относительной и абсолютной хронологии (Лобанова, 1993).

В 1960–1970-е годы эта территория была обследована Г.А. Панкрушевым и Ю.А. Савватеевым более тщательно. Выявлены и частично раскопаны мезолитические поселения с жилищами, а также стоянки эпох неолита – раннего металла. Исследователи ставили задачу выявить стоянки, предшествовавшие петроглифам, синхронные им и возникшие позже. С памятниками наскального творчества связывалась культура с ямочно-гребенчатой керамикой, которую относили (в соответствии с принятой тогда датировкой) к середине III – началу II тыс. до н.э. (Савватеев, 1983. С. 108, 109). С 1981 по 1997 г. раскопки памятников вблизи Онежских петроглифов проводились отрядами под руководством Н.В. Лобановой и В.Ф. Филатовой, в том числе с участием археологов из Норвегии, Швеции и Финляндии (“Онежский проект”). Были открыты 19 новых поселений и могильник, раскопано более 20 памятников. Для некоторых из них получены серии радиоуглеродных и спорово-пыльцевых дат для разных эпох, изучены жилищно-хозяйственные комплексы.

К началу XXI в. века накопился обширный фактический материал по археологии, палеоботанике и палеогеографии (Савватеев, 1970; Девятова, 1976, 1986; Savvateyev, 1977; Демидов и др., 2001). Существенные изменения произошли в датировке

всех культурных типов каменного – железного веков (Косменко, 2003; Тимофеев и др., 2004), все это позволяет представить эпоху петроглифов Карелии, характер и динамику природных процессов этого времени более детально и обоснованно. Эта территория была хорошо освоена еще с эпохи мезолита. Тщательный анализ культурного и природного контекста Онежских наскальных изображений дает возможность поместить их в реальные временные рамки.

На восточном побережье Онежского озера известно более 60 археологических памятников от мезолита до раннего средневековья (Археологические памятники Карелии, 2007; Лобанова, Филатова, 2007). В них нередко выявлены разновременные перемешанные комплексы находок в одном культурном слое. Ряд поселений эпох бронзы и железа размыт. Самые масштабные исследования были проведены на неолитических и мезолитических поселениях. Раскопки проводились практически рядом со всеми группами петроглифов (как материковых, так и островных). Однако следует напомнить, что сама по себе близость к наскальным рисункам древних поселений еще не свидетельствует об их прямой связи. Для ее выявления необходим тщательный всесторонний анализ всех археологических и палеогеографических данных. Теперь, когда имеются более глубокие знания о наскальных изображениях, об окружающих и расположенных вдали от них поселениях, о древней природной обстановке, можно обобщить имеющуюся информацию и уточнить возраст петроглифов и особенности той культурной среды, в которой они создавались.

Обследование территории показало, что она в древности была заселена неравномерно. Люди предпочитали селиться на длительное время только вблизи устьев рек и на удобных песчаных террасах выше по течению, а также по берегам небольших бухт в основаниях некоторых мысов (рис. 1). На прибрежных маленьких островах, скалистых оконечностях мысов и на широких излучинах берегов между ними выявлены местонахождения предметов и отдельные небольшие со скудным инвентарем поселения, возможно, связанные с посещениями петроглифов. Обнаружены следы неолитического могильника (Кладовец). С севера участок ограничивает п-ов Кочковнаволок в устье р. Водла с поселениями Усть-Водла I–V и местонахождением Лебединый Нос I. Затем на протяжении 11 км памятники отсутствуют, несмотря на обилие на этом участке мысов и довольно уединенных бухт. Вновь они появляются на мысу Карецкий Нос (местонахождение изделий из кремня) и в 4 км южнее на мысу Пери Нос, где зафиксированы следы двух

поселений. В 1 км в том же направлении на мысу Бесов Нос известно уже девять объектов (Бесов Нос I–III, IIIa, IV–VI, VIa, VII, VIII). Самая крупная группа из 12 поселений находится в 1 км к югу на мысу Кладовец Нос (Кладовец I–II, IIa, III–IX). В 1 км южнее, в устье р. Черная на мысе Корюшкин Нос, выявлены четыре частично разрушенные стоянки (Черная Речка V, VII, VIII, XV), далее на юг – еще одна на мысу Гажий (Гажий Нос I). Два полуразрушенных водами озера поселения располагаются на островках Большой Гурий и Малый Гурий в 2.5 км к западу от континентального берега. Всего, таким образом, здесь зафиксировано 43 памятника. На этом участке побережья они размещаются на высоте от 0.3 до 6.5 м над современным урезом воды.

Самые крупные поселения по площади, мощности слоев с культурными остатками и количеству вещественных материалов, присутствию жилых и прочих сооружений, очевидно, длительного функционирования, находятся по берегам р. Черная и в глубине мысов у их оснований. На оконечностях мысов и островах они, скорее всего, сезонные, пригодные для коротких остановок лишь в теплый период года. Представлены и такие стоянки, которые могли быть сезонными, но функционировавшими неоднократно и долго. Вероятно, они тоже могли иметь отношение к петроглифам.

Поселения допетроглифического периода – эпохи мезолита, сравнительно хорошо изучены на восточном берегу Онега. Их не менее 10, большинство из них долговременные, с жилищными впадинами. Топография этих ранних памятников, расположенных на высоте 3.5–8 м над водой, отражает одну из трансгрессивных фаз озера первой половины атлантического периода. Тогда прибрежные скалы, впоследствии заполненные рисунками, находились еще под водой и обнажились, вероятно, лишь на рубеже ранне- и позднеатлантического времени (Девятова, 1986. С. 13; 1988).

Неолитические памятники с ямочно-гребенчатой керамикой разных фаз ее развития – самый заметный и яркий пласт древностей на восточном побережье Онежского озера. Основные из них, наиболее полно исследованные, существовали в течение нескольких сотен лет и располагаются на удалении от берега озера выше по течению рек Водла и Черная (Лобанова, 1984). На побережье они не столь многочисленны и выразительны, однако имеют свои отличительные особенности. Непосредственно на берегах озера неолитические материалы с ямочно-гребенчатой керамикой выявлены на 27 памятниках. Относительно долговременные поселения, судя по количеству инвентаря, размещались в устье

рек Черная и Водла (Черная Речка III, Усть-Водла III) и у основания мыса Кладовец Нос (Кладовец IIa) на высоте от 1 до 2.5 м над современным урезом воды. Памятники на оконечностях мысов вблизи петроглифов и примыкающие к обрывистым песчаным берегам между мысами, в ряде случаев под дюнами, вероятнее всего, относятся к числу сезонных разного, возможно, специализированного назначения. Можно полагать, что они имели прямое отношение к наскальным рисункам. Об этом свидетельствует их топография, своеобразный состав инвентаря, его немногочисленность. Культурный слой стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, как правило, представляет собой желтый или оранжевый песок с пепельным оттенком, охристые включения отсутствуют. Такие сооружения, как кострища, очаги и ямы, расчищены в небольшом количестве, следы наземных жилых построек не выявлены. Среди находок широко представлены обломки посуды (в том числе развалы сосудов в хозяйственных ямах), каменный инвентарь обычно невелик, часто содержит обломки изделий.

С культурой ямочно-гребенчатой керамики раннего этапа развития связан, по всей вероятности, могильник Кладовец. Его культурный слой залегал отдельными линзами ярко-красного охристого песка на разной глубине от современной поверхности. Раскопаны 11 линз овально-вытянутой в плане формы со средними размерами 2 × 0.8 м и толщиной 0.2–0.3 см. Они имели ориентацию преимущественно по линии З–В с некоторым отклонением к северо-востоку или северо-западу. Выявлены детали погребального обряда: небольшие ритуальные костры рядом с охристыми линзами и ямки также рядом с ними или на дне. Одно из таких кострищ датировано первой четвертью IV тыс. до н.э. (средняя календарная дата с учетом калибровки 4730±200 до н.э.). Находки, обнаруженные в могилах, в основном связаны с поселениями разного времени на мысе Кладовец Нос. К погребальному инвентарю, вероятно, можно отнести сланцевый топор, залегающий на дне одной из могильных линз в небольшой ямке. Характер данного памятника подтверждают находка кальцинированной фаланги человеческого пальца (Савватеев, Верещагин, 1978) и пыльцевые колонки, показывающие резкое преобладание на этом месте бузины, которая, как известно, часто растет на кладбищах (Девятова, 1986. С. 17).

Ранняя ямочно-гребенчатая керамика также присутствует в небольшом количестве на других памятниках мыса Кладовец Нос (Кладовец I, Ia, Ib, II, III, VII), на мысах Пери Нос и Корюшкин Нос и в значительном числе на поселении Черная Речка III (рис. 2, 1–5, 7, 19–22). Она принадлежит

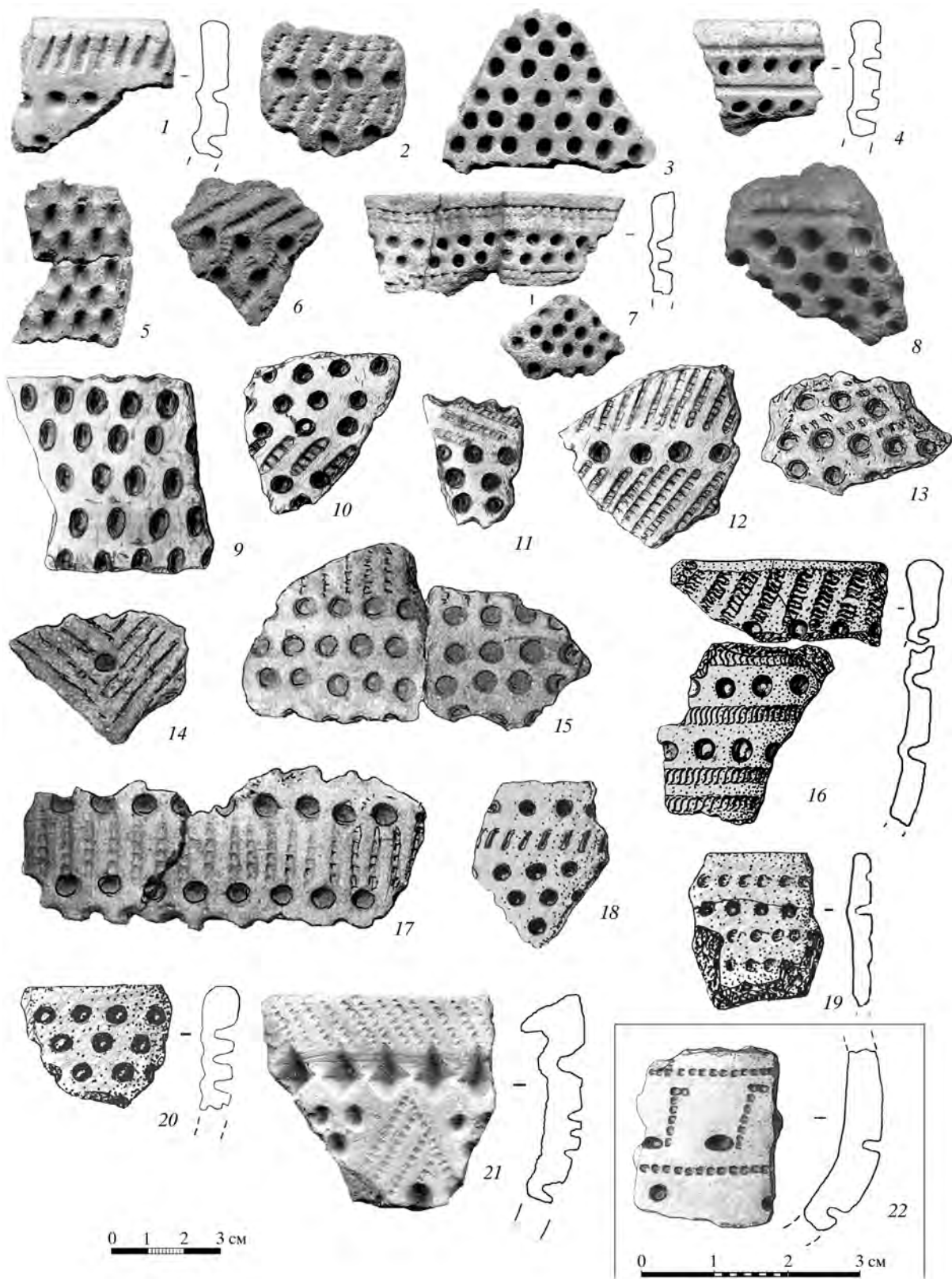

Рис. 2. Ямочно-гребенчатая керамика разных фаз развития, обнаруженная на мысах восточного побережья в непосредственной близости от петроглифов Кладовца, Бесова и Корюшкина Носа, на о. Большой Гурий и п-ове Кочковнаволок. 1–5 – Черная Речка XV; 6, 7 – Пери Нос I; 8 – Усть-Водла I; 9–12 – о. Большой Гурий; 13–15, 17 – Бесов Нос I; 16 – Кладовец III; 18–20 – Кладовец I; 21 – Черная Речка III; 22 – стоянка Черная Речка I, раскопки автора 1988 г.

чаще небольшим или средним по размеру сосудам хорошего обжига, с примесью мелкого песка или хорошо измельченной дресвы. Эту керамику отличают орнаменты, составленные круглыми ямками с округло-коническим дном и торцевыми (часто гладкими) оттисками, поставленными по типу отступающих (рис. 2, 1, 2, 7, 18). Такие элементы обычно покрывают все тулово сосудов. Ямки значительно преобладают в узорах, тогда как торцевые оттиски обычно ставятся в верхней части горшков. Кроме того, представлены сосуды, украшенные одними ямочными элементами (нередко как глубокими, так и поверхностными, сделанными такими же штампами) (рис. 2, 19). Ямки имеют цилиндрическую форму, на дне их – своеобразные бугорки. Срезы подобных сосудов всегда прямые или округлые, утолщенных нет; орнамент на них также отсутствует. Ближайшие аналоги описанной керамики имеются в материалах поселений Черная Речка I, II, III, а также на памятниках оз. Водлозеро и Восточного Прионежья (Лобанова, 1984, 1996; Косменко, 1992; Ошибкина, 1978).

Каменный инвентарь, сопровождающий комплексы этой посуды, крайне малочислен, особенно в числе расположенных рядом с петроглифами памятников. Он включает отдельные скребки, скобели, проколки, редко ножи из кремня, единичные крупные сланцевые формы (желобчатые тесла, топоры), оригинальные поделки типа орнаментов из обожженной глины, подвески, скульптурные формы. Упомянем также серию из семи оригинальных каменных сооружений этого же времени, раскопанных на мысе Кладовец Нос (Лобанова, Филатова, 2007. С. 110). Они представляют собой двурядные цепочки из параллельно уложенных небольших камней (без следов воздействия огня) длиной 2–2,5 м, ориентированных по линии З–В, иногда с небольшими отклонениями. Назначение их до сих пор не выяснено, аналоги на территории Карелии и сопредельных областях неизвестны. Не исключается культовый характер таких сооружений.

Следующая фаза развития ямочно-гребенчатой керамики представлена слабо, за исключением п-ова Кочковнаволоок. В орнаментах сосудов этого времени (рис. 2, 6, 10–17) чаще используются гребенчатые штампы в сочетаниях с ямками, появляются веревочные оттиски (Лобанова, 1996).

Поздненеолитические материалы многочисленны, особенно на поселениях Кладовец III и Черная Речка III. Небольшое количество фрагментов такой посуды обнаружено у оконечностей мысов Кладовец и Бесов Нос, у основания Кладовца. Керамика обычно толстостенная, с крупной примесью

кварцевой дресвы или иногда с дресвой и небольшой органической примесью, орнаментирована оттисками гребенчатого штампа, ямками круглой или ромбической формы, в редких случаях теми и другими одновременно (рис. 2, 5, 9, 21); на одном фрагменте – изображение лебедя (рис. 2, 22). Каменных изделий, соотносимых с развитым и поздним неолитом, крайне мало, обычно это маловыразительные обломки.

Для ранней ямочно-гребенчатой керамики восточного побережья имеется серия радиоуглеродных дат, полученных в основном на поселениях по берегам р. Черная, и одна дата из могильника Кладовец. Все они указывают на последнюю четверть V – первую половину IV тыс. до н.э.; в соответствии с калибровочной поправкой это конец VI – первая половина V тыс. до н.э. (Тимофеев и др., 2004).

Для развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой имеется одна дата из нижнего уровня культурного слоя поселения Кладовец IX – вторая половина IV тыс. до н.э. (календарный возраст с учетом калибровки – конец V тыс. до н.э.). Комплексы сходного характера обнаружены в северной части бассейна Онежского озера (п-ов Оровнаволоок) и в низовьях р. Выг (Лобанова, 2004). Полученные для них радиоуглеродные даты хорошо согласуются с упомянутой датой памятников мыса Кладовец Нос.

Нет радиоуглеродных дат для поздненеолитических комплексов восточного побережья, тем не менее хронологические рамки данного пласта древностей ограничиваются, вероятнее всего, самым концом атлантического времени – периодом до раннесуббореальной трансгрессии. Таким образом, памятники эпохи неолита на восточном побережье Онежского озера укладываются в рамки V тыс. до н.э. Хотя этот период был наиболее благоприятным для проживания людей, тем не менее обращенные в открытое озеро скалистые мысы и песчаные обрывистые берега, открытые западным и северо-западным ветрам, мало подходили для постоянного круглогодичного обитания. Здесь было удобно останавливаться на краткий промежуток времени. Не случайно крупные поселения, как уже говорилось, с мощным культурным слоем, богатым вещественным инвентарем, кострищами, каменными очагами и хозяйственными ямами, со следами легких наземных или углубленных жилищ (на позднем этапе неолита) выявлены вдали от открытого озера, на песчаных надпойменных террасах речных берегов.

Энеолитическое время представлено на 14 памятниках восточного побережья в смешанных разновременных культурных слоях. Как правило, эти находки немногочисленны и включают фрагменты

керамики с примесью асбеста или органики (или же асбеста и органики вместе) в тесте. Каменный инвентарь можно вычленивать по характерным признакам, установленным в редких случаях по материалам из “чистых” комплексов и только там, где количество керамики более или менее представительное. Эти памятники (с асбестовой и пористой посудой) существовали уже в суббореальное время, видимо, несколько позже максимума мощной трансгрессии, произошедшей приблизительно в начале III тыс. до н.э. (или с учетом калибровки около 6 тыс. л.н.). Материалы позволяют говорить о заметном уменьшении численности населения на восточном побережье по сравнению с предшествующими эпохами. Причины этого неизвестны. Возможно, это было связано с ухудшением природно-климатических условий в суббореале. Прибрежная зона стала гораздо менее привлекательной для человека, во всяком случае, площадки здесь осваивались на короткое время.

Таким образом, согласно палеогеографическим данным, наиболее благоприятные условия для создания Онежских петроглифов сложились во второй половине атлантического времени (6.5–5.1 тыс. л.н.), поскольку еще в начале V тыс. до н.э. (здесь и далее приведены некалиброванные данные) уровень воды в Онежском озере был выше современного на 4 м и постепенно снижался (Девятова, 1986). Археологические материалы этого времени присутствуют на восточном берегу Онежского озера. Это комплексы со сперрингс и ранней ямочной керамикой, датируемые в пределах конца V – начала IV тыс. до н.э. (Лобанова, 1993. С. 39–49). Именно в это время, скорее всего, и стали появляться первые наскальные рисунки. Выше уже отмечалось, что сперрингс в данном районе не относится к раннему типу и вполне может быть синхронизирована с ранней ямочной посудой. Заметим, что она не известна на площадках в непосредственной близости к наскальным рисункам (за исключением о. Большой Гурий).

В самом конце атлантического времени, ближе к концу IV тыс. до н.э., произошло повышение уровня воды (Девятова, 1986. С. 13. Рис. 6). Предполагается, что оно не было очень сильным и длительным, однако люди стали реже появляться у скал с рисунками, многие из которых если и не были затоплены, то, во всяком случае, были доступны только в тихую погоду. Памятников этого времени немного: Кладовец II (комплекс развитого неолита), Бесов Нос I, Усть-Водла III. Возможно, в это время в большей степени функционируют петроглифы Кочковнаволока, где они занимают заметно более высокие уровни. Стиль рисунков немного

поменялся или развился в сторону увеличения размеров, большей контурности и общего схематизма. Отмечается также резкое уменьшение числа мотивов петроглифов.

Завершающий этап функционирования наскального комплекса, по-видимому, связан с поздним неолитом (рубеж IV–III – начало III тыс. до н.э.). Керамика с ромбо- и круглоямочным орнаментом обнаружена в небольшом количестве на Кладовце и Корюшкином Носе близко от петроглифов, а также в устье р. Водла (Лобанова, 1995a, b). Однако стационарные поселения зафиксированы только в двух пунктах – Кладовец II и Черная Речка III – в нескольких сотнях метров от наскальных изображений. Расположение их на низких береговых террасах говорит о вновь изменившейся природной обстановке – иссушении климата и регрессии водоема. Наиболее удобными для выбивок стали нижние участки скал.

Из сказанного следует, что неолитические памятники, расположенные на мысах поблизости от наскальных изображений, скорее всего, имели к ним непосредственное отношение, были весьма кратковременны, так как пребывание на них людей было связано в основном с петроглифами. Неолитический могильник на мысе Кладовец Нос, возможно, также был важной частью сакрального пространства наряду с наскальными рисунками.

Автор данной статьи не поддерживает распространенное среди ученых мнение о том, что традиция выбивок на скалах началась с Бесова Носа (Савватеев, 1996; Столяр, 2001). Здесь, у оконечности мыса, в 30 м от петроглифов в скальной ложбинке, чуть прикрытой небольшим слоем песчаных отложений, обнаружены материалы эпохи среднего неолита, в целом слабо представленные в данном микрорайоне. Керамика и каменный инвентарь производят впечатление хронологически единого комплекса и могут датироваться приблизительно концом IV тыс. до н.э. или чуть более ранним временем. Керамика первой половины IV тыс. до н.э. обнаружена на Пери Носе I, Кладовце I и III, на Корюшкином Носе (стоянки Черная Речка V, VII, XV). Находящиеся вблизи этих находок петроглифы все выбиты на низких высотных отметках над урезом воды (не более 1 м, чаще ниже). Скорее всего для выбивок впервые стали использоваться удобные скальные поверхности ближе к устью реки – на мысах Кладовец и Гажий Нос, несколько позже или почти одновременно на Пери Носе (рис. 3). Заполнение скал рисунками было постепенным. Любопытные находки сделаны недавно в устье р. Черная на мысе Корюшкин Нос. Здесь на низких прибрежных участках находится группа едва заметных

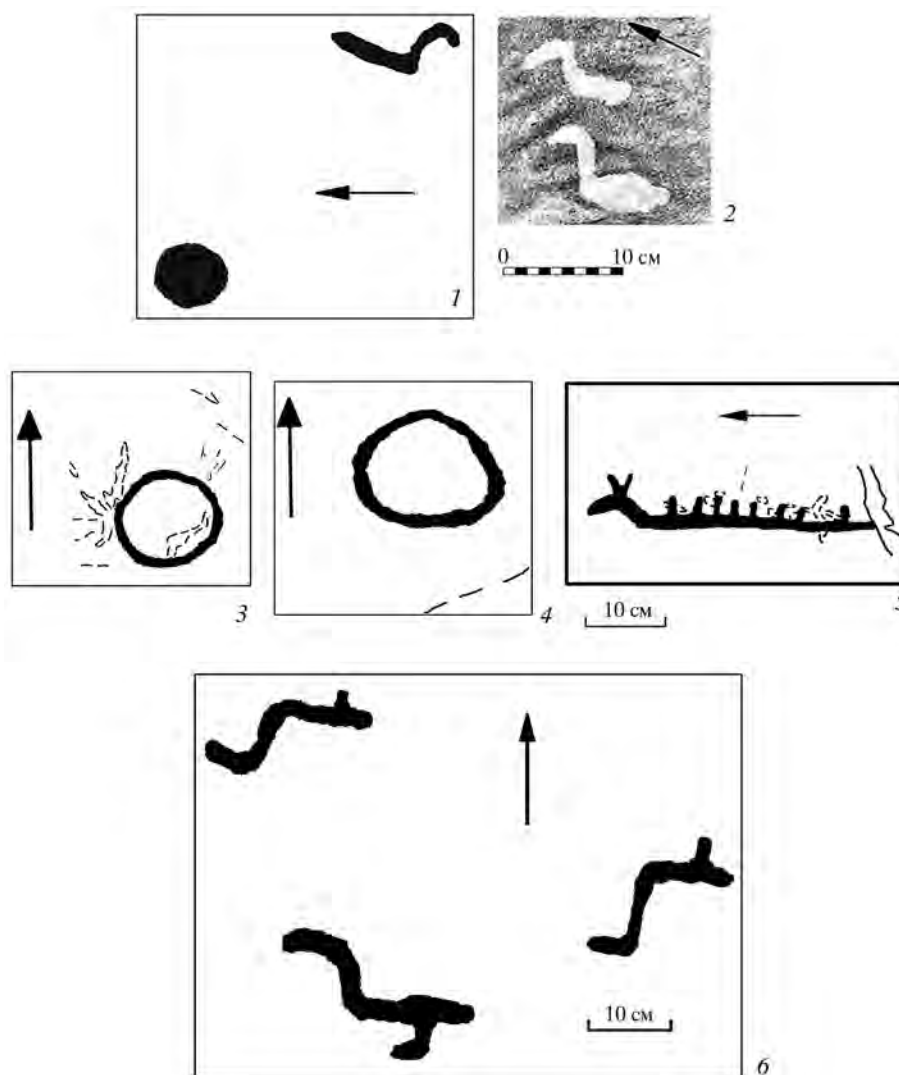

Рис. 3. Петроглифы раннего периода. 1, 2 – мыс Кладовец Нос (группа 3); 3 – о. Михайловец; 4 – Карецкий Нос; 5 – Пери Нос VI; 6 – Гажий Нос (фрагмент скопления II).

наскальных рисунков, выбитых неумело, с грубым и очень слабым рельефом (рис. 4), некоторые из фигур не завершены. Возможно, эта группа петроглифов может отражать начальную стадию наскального искусства Онежского озера. Таким образом, в числе ведущих ранних сюжетов – водоплавающие птицы, лодки, знаки простейших форм, имеющие небольшие размеры (от 7 до 25–30 см).

С течением времени, во второй половине и особенно в конце IV тыс. до н.э. осваивались Карецкий Нос и Бесов Нос (верхний ярус обнаженных скал). Основная часть петроглифов здесь расположена выше 1 м над водой. Примерно тогда же могли появиться и первые наскальные изображения в устье р. Водла (п-ов Кочковнаволок), где они занимают наиболее высокие отметки над уровнем воды – от 1.2 до 2 м (Poikalainen, Ernits, 1998).

Типологическое разнообразие фигур на центральном мысе Бесова Носа (всего более 150) значительно (рис. 5), но один из наиболее распространенных на Онежском озере типов (солярные и лунарные знаки) совершенно отсутствует, что отражает, вероятно, определенный этап развития наскального комплекса, связанный главным образом с развитым неолитом. Большое число мотивов и самих петроглифов Карецкого и Бесова Носа говорит в пользу их более длительного существования, чем во многих других местах (в первом пункте, возможно, почти на всем этапе существования наскального комплекса, а во втором петроглифы стали появляться чуть позже). Длительность традиции также подкрепляется и высотной разницей размещения изображений: люди всегда стремились выбивать петроглифы ближе к урезу воды, где не могли закрепиться лишайники. На Карецком Носе

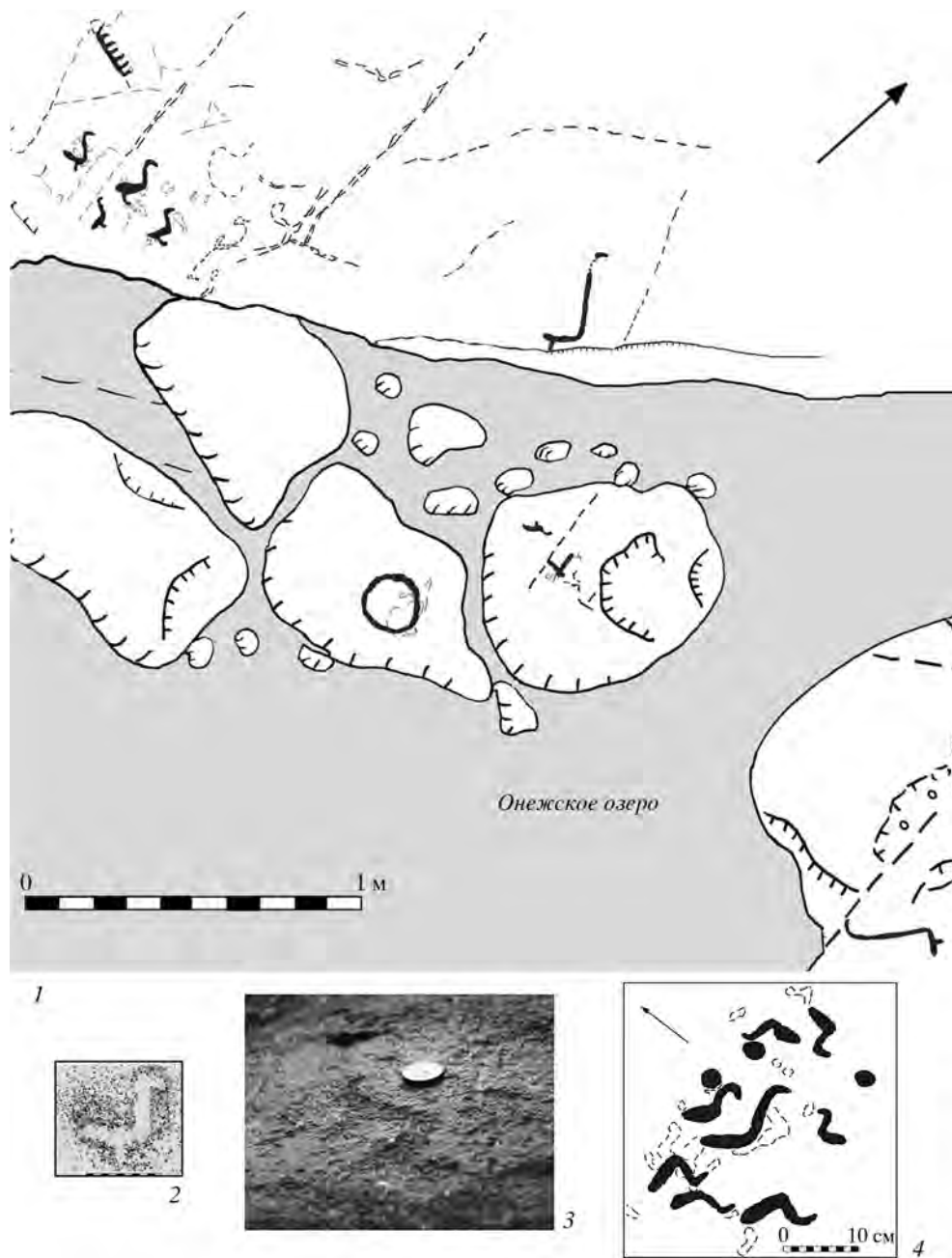

Рис. 4. Новые петроглифы мыса Корюшкин Нос. 1 – скопление I; 2, 3 – обособленное изображение птицы № 11 (графитная копия и фото); 4 – скопление II (изображения № 12–22).

максимальная разница между самым низким и самым высоким петроглифами – 2.57 м, на западном мысе Бесова Носа – 1.66, на Пери Носе III – 1.52. В среднем, разница составляет почти 1 м.

Знаменитая “триада” (фигуры “беса”, налима и выдры длиной более 2 м) выбита в центральной части Бесова Носа (рис. 5). По мнению одних исследователей, именно они положили начало освоению наскального комплекса данного мыса (Линевский, 1939. С. 110–112; Савватеев, 1996. С. 145, 146;

Stoliar, 2004. Р. 21–25), другие считают их более поздними (Равдоникас, 1936. С. 88; Брюсов, 1940. С. 107). Проведенное автором тщательное исследование крупных изображений показало, что они могли перекрыть более ранние фигуры. Их фрагменты в некоторых случаях удалось проследить (например, внутри туловища “беса”) (рис. 5, № 120).

Петроглифы п-ова Кочковनावолок существовали позднее, чем многие группы восточного берега, и более короткий промежуток времени. Все они рас-

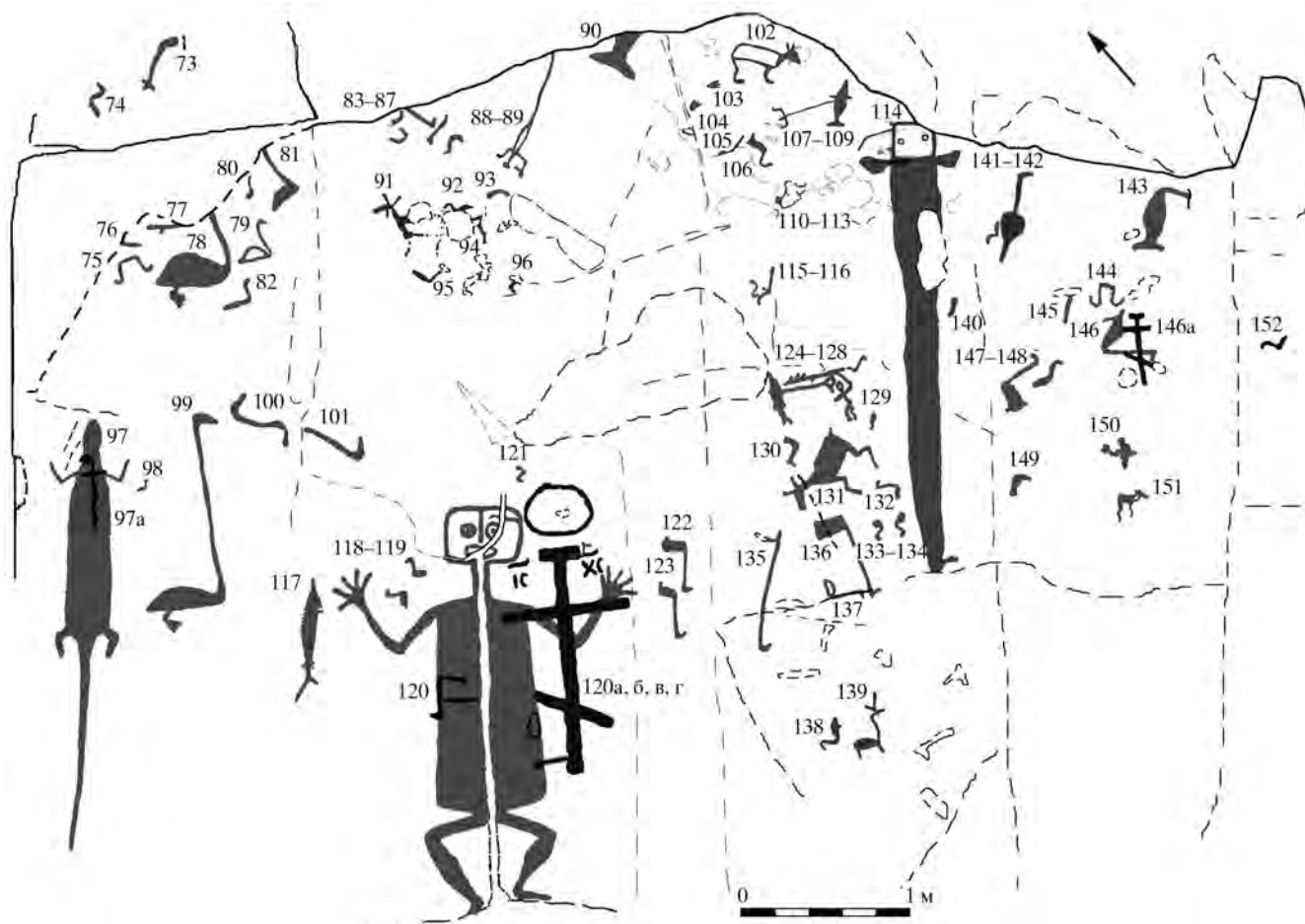

Рис. 5. Мыс Бесов Нос. Центральное панно западной группы (нижняя часть).

полагаются на небольших островах рядом с устьем. Группа петроглифов Лебединый Нос (группа А, см. Poikalainen, Ernits, 1998) с максимальным количеством фигур и гигантским 4-метровым лебедем (рис. 6) можно рассматривать как северный центр наскального комплекса, подобно южному центру на мысе Бесов Нос. Отсюда и могло начаться распространение петроглифов в другие группы (В, С, Е). В целом большая часть петроглифов Кочковнаволока отличается крупными размерами (в среднем 1, максимально 4 м в длину), контурным стилем и значительной геометризацией образов. Второй по популярности на петроглифах Онежского озера мотив – солярные и лунарные знаки – здесь не представлен. Крайняя северная точка распространения подобных знаков ограничивается о. Михайловец. Антропоморфные фигуры, столь типичные для южной части Онежского петроглифического комплекса, есть только в группе А Лебединого Носа. Видимо, эти обстоятельства свидетельствуют о постепенном изменении стиля петроглифов и угасании традиции наскальных выбивок.

Таким образом, тематика и стилистика фигур п-ова Кочковнаволока в целом, несомненно, продолжает общую изобразительную традицию, но продолжительность существования наскального комплекса здесь была заметно короче, чем в южной части (в районе Бесова Носа). На полуострове представлена более поздняя стадия развития наскального комплекса, что хорошо документируется и археологическими данными. Разница в высоте расположения фигур над урезом воды тоже меньше – приблизительно 1.3 м (в южной части – до 2.5 м). Самые нижние фигуры Кочковнаволока находятся на 1 м выше самых низких фигур в районе Бесова Носа.

Совокупность полевых наблюдений, археологических и палеогеографических данных позволяет предположить, что низко расположенные над урезом воды рисунки относятся к числу наиболее древних. Наскальную традицию завершают петроглифы п-ова Кочковнаволока. Вероятно, в дальнейшем детальный анализ сюжетно-стилистических особенностей петроглифов даст дополнительные сведения о “внутренней стратиграфии” того или

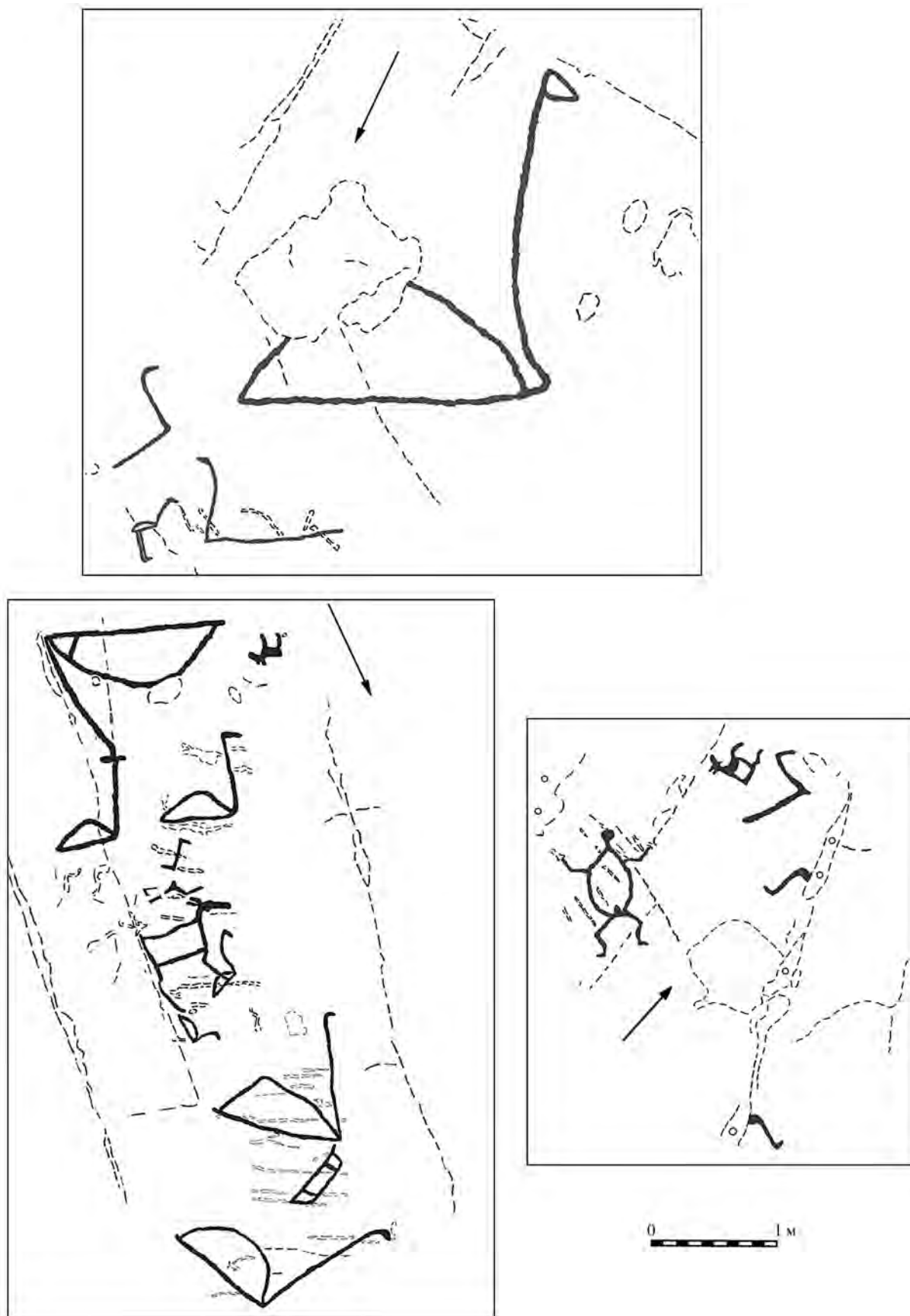

Рис. 6. Петроглифы поздней стадии, п-ов Кочковнаволок, Лебединый Нос (группа А).

иногое наскальное полотно, что позволит выявить процесс изменений изобразительной деятельности создававших их людей.

Прервать традицию выбивок могли раннесуббореальная трансгрессия и глобальное похолодание 4800–4900 л.н., которое, по оценкам исследователей, длилось около 300 лет. Предполагают, что трансгрессия была довольно мощной (2–3 м). Скалы с изображениями погрузились под воду на несколько сотен лет – приблизительно до середины III тыс. до н.э. Появившееся в это время на восточном побережье малочисленное население эпохи энеолита (с асбестовой и пористой керамикой) вряд ли возобновило эту традицию. Скорее всего, она была уже утрачена, хотя многие наскальные рисунки и были доступны для обозрения.

Таким образом, продолжительность функционирования Онежского наскального святилища можно оценить примерно в тысячу лет (не исключено, что и меньше) в отличие от большинства аналогичных памятников Северной Фенноскандии и др. территорий, где длительность традиции – три и более тысячелетий (Simonsen, 2000; Lahelma, 2008; Колпаков, Шумкин, 2012). Скорее всего, носители неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой всех фаз ее развития стали авторами и почитателями петроглифов (приблизительно 6,2–5 тыс. л.н., а с учетом калибровочных поправок это последняя четверть VI – первая четверть IV тыс. до н.э.). Время существования наскальных изображений низовьев р. Выг также в целом можно соотносить с Онежскими петроглифами. Круг сюжетов, представленных в обоих комплексах, близок, отмечены случаи взаимовлияния и явных контактов создателей наскальных полотен (Лобанова, 2007, 2013). Эти и ряд других признаков позволяют говорить об общей мировоззренческой основе и культуре населения, а также о хронологической близости Онежских и Беломорских (им будет посвящена следующая статья автора) петроглифов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск: КарНЦ, 2007. 199 с.
- Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940 (Тр. ГИМ; Вып. 9). 320 с.
- Брюсов А.Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сб. Петрозаводск, 1947. С. 8–34.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.
- Герман К.Э., Демидов И.Н., Колканен А.М., Лаврова Н.Б., Мельников И.В. Палеоэкологические условия голоцена и освоение человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестн. Петрозаводск, 2001. № 6. С. 241–251.
- Девятова Э.И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л.: Наука, 1976. 122 с.
- Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск: КФ АН СССР, 1986. 108 с.
- Девятова Э.И. Палеогеография и освоение человеком территории Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1988. С. 7–18.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства. М.: “Алетейа”, 2005. 472 с.
- Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // СА. 1948. № 10. С. 85–123.
- Земляков Б.Ф. Неолитические стоянки восточного побережья Онежского озера // Тр. Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Т. 9. Сер. археол. Ч. 1. М., 1936. С. 133–141.
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб.: ИИМК РАН, 2012. 423 с.
- Косменко М.Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. 221 с.
- Косменко М.Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменного, бронзового и железного века) // РА. 2003. № 4. С. 25–35.
- Лаушкин К.Д. Онежское святилище. 1. Новая расшифровка петроглифов Карелии // Скандинавский сб. Таллин, 1959. С. 83–111.
- Лаушкин К.Д. Онежское святилище. 2. Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сб. Таллин, 1962. С. 177–298.
- Линевский А.М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.
- Лобанова Н.В. Неолитическая стоянка Черная Речка I // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1984. С. 120–136.
- Лобанова Н.В. К вопросу о датировке наскальных изображений побережья Онежского озера (по материалам ближайших археологических памятников) // Вестн. Карел. краевед. музея. Петрозаводск, 1993. Вып. 1. С. 39–49.
- Лобанова Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 81–104.
- Лобанова Н.В. Электронная база данных по петроглифам Карелии // Тез. докл. 9-й междунар. археолог. конф. Европейской ассоциации археологов. СПб., 2003. С. 30.

- Лобанова Н.В.* Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 253–264.
- Лобанова Н.В.* Беломорские петроглифы: открытия XXI века // Мир наскального искусства. М.: ИА РАН, 2005. С. 163–164.
- Лобанова Н.В.* Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 127–135.
- Лобанова Н.В.* Проблемы документирования петроглифов Карелии // Тр. Карел. науч. центра РАН. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 4–23.
- Лобанова Н.В.* Антропоморфные образы в наскальном искусстве Северной Фенноскандии // Тр. Карел. науч. центра РАН. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 3–15.
- Лобанова Н.В., Филатова В.Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. Рукопись монографии. Петрозаводск, 2007. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6.
- Наскальные изображения на территории СССР. Указ. лит. 1693–1975 гг. / Сост. Р.А. Нисканен. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1977. 191 с.
- Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М.: ИА АН СССР, 1978. 229 с.
- Панкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1, 2. Л.: Наука, 1978. Ч. 1. 136 с.; Ч. 2. 163 с.
- Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 213 с.
- Равдоникас В.И.* Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // СА. 1937а. № 1. С. 3–32.
- Равдоникас В.И.* Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. 1937б. № 4. С. 11–32.
- Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 167 с.
- Савватеев Ю.А.* Залавруга. Ч. 1. Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 443 с.
- Савватеев Ю.А.* Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1983. 216 с.
- Савватеев Ю.А.* Наскальные изображения (петроглифы) Карелии // Археология Карелии / Ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 125–148.
- Савватеев Ю.А., Верещагин Н.К.* Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1978. С. 181–215.
- Столяр А.Д.* О генетическом аспекте изучения Онежских петроглифов Карелии // Археология в пути или путь археолога. Ч. 1. СПб., 2001. С. 121–126.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Шукуров А.М.* Радиоуглеродная хронология неолита северной Евразии. СПб.: ИИМК РАН, 2004. 158 с.
- Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 256 с.
- Bednarik R.* A new method to date Petroglyphs // *Archaeometry*. 1992. 34. P. 279–291.
- Grewingk C.* Über die in Granit gerityten Dildergrupprn am Ostufer des Onega-Sees // *Bull. de la Classe des sciences historique, philosophique et politique de l'Academie des Sciences de St. Petersburg*. SPb., 1885. 12. P. 97–103.
- Hallström G.* Monumental art of Northern Sweden from the Stone Age. Nämforsen and other localities. Stockholm, 1960. P. 337–359.
- Helskog K.* The shore connection. Cognitive landscape and communication with rock carvings in northernmost Europe // *Norwegian archaeological review*. 1999. V. 32. № 2. P. 73–110.
- Lahelma A.* A touch of Red – Archaeological and Ethnographic Approaches to interpreting Rock Paintings. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (ISKOS; 15). 276 p.
- Lobanova N.* Economy and mode of life of the Neolithic population on the eastern shore of Lake Onega // *Fennoscandia Archaeologica*. 1995a. XII. P. 103–111.
- Lobanova N.* Petroglyphs of the Kochkovnavolok Peninsula: dating, natural environment and the material culture of their creators // *Perceiving Rock Art: Social and Political Perspectives* / Ed. K. Helskog. Oslo: Novus, 1995b. P. 359–366.
- Poikalainen V., Ernits E.* Rock carvings of Lake Onega. The Vodla region. Tartu: Tahetorn, 1998. 431 p.
- Savvateyev Yu.* 1977. Rock pictures (petroglyphs) of the White Sea // *Boll. del Centro Camuno di Studi Preistorici*. V. XVI. Capo di Ponte, 1977. P. 67–86.
- Simonsen P.* North Norwegian Rock Art // *Myandash. Rock Art in the ancient Arctic* / Ed. A. Kare. Rovaniemi, 2000. P. 8–49.
- Stoliar A.* Oleni Island cemetery and the first petroglyphs at Lake Onega // *Aurinkopeura 2*. Tartu, 2004. P. 15–29.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

© 2014 г. Е.А. Миклашевич

*Кемеровский государственный университет
(elena-miklashevich@yandex.ru)*

Ключевые слова: *наскальное искусство, музеефикация памятников, Хакасия.*

The article considers the experience of the museumification of the rock art sites in the Republic of Khakassia. Recently in the region, full of archaeological sites, the widest museum net in Russia in the open air has appeared. The most of them use the sites of the rock art as the main objects of the exhibition. Each museum is described briefly. The specification of the museumification of different rock art objects is analyzed. The general problems of new open-air museums, achievements and bad points are set out. Recommendations for improving the preservation works and using rock art sites are given.

Хакасия чрезвычайно богата памятниками археологии, среди которых особое место занимают памятники наскального искусства (изображения на скалах и рисунки на курганных и могильных плитах). В этом регионе насчитывается около 50-60 местонахождений наскального искусства; изображения на плитах курганов учету не поддаются, но исчисляются сотнями. Наскальные памятники различны по топографическим особенностям: от крупных комплексов, включающих несколько местонахождений, до состоящих из одной или нескольких плоскостей. Преобладают выбитые и гравированные изображения, но есть также выполненные краской и шлифованные. Хронологический диапазон значителен: от самых ранних изображений, относящихся к V–III тыс. до н.э., до этнографической современности. При сравнительно неплохой изученности наскального искусства Хакасии существующие публикации не отражают его реального богатства. В списки объектов культурного наследия федерального значения включены восемь писаниц Хакасии (Постановление... 1960, 1974). Некоторые памятники (Боярские и Сулекские писаницы, Кызыл Хая, Ошкольская, Оглахты и др.) известны даже на мировом уровне.

Хакасию часто образно называют “музей под открытым небом” из-за обилия визуально определяемых археологических памятников, но настоящих музеев-заповедников еще совсем недавно в регионе не было. В XX в. ни один из памятников не был музеефицирован, они не охранялись и практически не использовались в сфере туризма, предпринимались лишь неудавшиеся попытки в отношении Салбыка,

Сулекской и Боярской писаниц. С середины 1990-х годов началось развитие внутреннего туризма, усилился интерес к памятникам прошлого, начало расти и неконтролируемое их посещение. Более всего пострадали от этого памятники наскального искусства – всегда находятся желающие оставить на скале свой “автограф”. На этом фоне активизировались обсуждения со стороны общественности, исследователей, органов охраны памятников, средств массовой информации о необходимости охраны и спасения археологического наследия Хакасии. Период, когда посетительская нагрузка на памятники возрастала, туристические фирмы активнее использовали наиболее известные из них для экскурсий, и при этом никакие охранные меры не принимались, длился довольно долго. Исключением можно считать создание в 1996 г. Республиканского национального музея-заповедника “Казановка” (Еремин, 2007; 2011а. С. 34–36). Сейчас ситуация в Хакасии изменилась кардинально: по словам Л.В. Еремина, “в последние годы здесь удалось создать крупнейшую в России сеть археологических музеев” (2011б. С. 154).

Музеефикация археологических памятников, начавшаяся по инициативе отдельных энтузиастов и Совета по историко-культурному наследию (Еремин, 2011б. С. 160), с 2009 г. осуществляется при поддержке республиканских властей. Министерством культуры Республики Хакасия была принята и довольно успешно осуществлена целевая программа “Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 гг.”. Одна из идей программы – созда-

Рис. 1. Музей под открытым небом “Малоарбатский писанец”.

ние в каждом муниципальном районе своего музея под открытым небом. На музеефикацию наиболее посещаемых и значимых объектов были выделены субсидии администрациям районов, на которые возлагались задачи сохранения памятников и контроля их посещения. Учитывая специфику региона, музеи под открытым небом в Хакасии специализируются на археологии; причем в большинстве главные объекты показа – памятники наскального искусства. Рассмотрим эти музеи.

Муниципальный музей под открытым небом “Малоарбатский писанец” в Таштыпском р-не действует с 2009 г. как филиал Таштыпского краеведческого музея. Скала с выполненными краской рисунками (личины эпохи бронзы и хакасские тамги нового времени) расположена удобно: недалеко от дороги, на берегу живописного ручейка в окружении деревьев, без подъема в гору и с большой естественной площадкой перед рисунками (рис. 1). Территория музея обнесена оградой, неконтролируемый доступ к памятнику невозможен; у дороги построен домик, в котором днем находится сотрудник музея, выполняющий функции охранника, кассира и экскурсовода. На отдалении на большой поляне расположены реконструированные ритуальные объекты, юрта с предметами традиционного убранства хакасского жилища, сувенирная лавка, гостевая юрта и палаточный лагерь. Музей проводит для посетителей экскурсии к скале с рисунка-

ми, а также знакомит с традиционной хакасской культурой.

Муниципальный музей под открытым небом “Усть-Сос” в Бейском р-не открыт в 2010 г. Это самостоятельное учреждение со штатом из пяти сотрудников, динамично развивающееся, принимающее около 5 тыс. посетителей в год (Концепции..., 2012. С. 122). Особенность территориальной организации его в том, что база музея и центральная экспозиционная площадка находятся в с. Усть-Сос, а другие объекты показа – на значительном удалении. Среди них – многочисленные курганы тагарской культуры, на плитах которых имеются изображения; каменно-земляные валы (*све*) на горах Хызыл-Хая и Кирба; петроглифы на горе Хызыл-Хая; природные достопримечательности. На центральной площадке в с. Усть-Сос расположены помещения в виде юрт: офис музея, столовая, сторожка, баня и гостиница; строятся также выставочные помещения, планируется создать этнографический комплекс с юртами воина, шамана, бая. Экспонируются перемещенное изваяние окуневской культуры эпохи бронзы и копии двух знаменитых стел с раннесредневековыми руническими надписями, найденных у оз. Алтын-Кель. Петроглифы на горе Хызыл-Хая – не основной, но весьма привлекательный для туристов объект показа. Экскурсии осуществляются музеем организованно, на автобусе или на транспорте самих туристов в сопровождении экскурсовода. Самостоятельное посещение памятника возможно, но

Рис. 2. Музей под открытым небом “Усть-Сос”, писаница Хызыл-Хая. Разрушение склона у плоскости с петроглифами в результате интенсивного посещения памятника.

осложняется трудностью его нахождения. Охраны нет. Петроглифы (предположительно I–II тыс. н.э.) сосредоточены на нескольких участках. Наиболее известна плоскость с выразительной многофигурной композицией (Кызласов, Леонтьев, 1980. Рис. 13), включенная в список объектов федерального значения под названием «Петроглиф “Красный камень”» (Постановление..., 1974). Памятник в целом не исследован. Кроме его документирования одной из первоочередных мер должно стать обустройство и укрепление троп, по которым продвигаются вдоль скал посетители. Увеличение посетительской нагрузки уже привело к вытаптыванию дернового слоя и разрушению склона у плоскостей с петроглифами (рис. 2). Этот памятник сохранять в естественном виде невозможно, если использовать для посещения. Нужно расширять смотровую площадку перед главной плоскостью и укреплять ее плитами песчаника, иначе процесс эрозии склона будет только усиливаться.

Музей предлагает экскурсии на многие другие объекты, например писаницу Папальчиха. Можно рекомендовать включить в маршруты и плиту на горе Хан Обаазы с изображениями эпохи бронзы: быками, ямочными углублениями, желобками “для стока крови” (Appelgren-Kivalo, 1931. S. 21. Abb. 250; Савинов, Миклашевич, 2000).

В Орджоникидзевском р-не в 2010 г. создан филиал Муниципального музея в с. Копьево под названием «Музей под открытым небом “Сулек и Сундуки”» (Концепции..., 2012. С. 122, 123; Еремин, 2011а. С. 84–88). Эти два памятника находятся на значительном расстоянии друг от друга, имеют различную структуру, разный опыт туристического использования, поэтому с самого начала идея объединить их в рамках одного филиала оказалась нежизнеспособной. Первым в 2011 г. начал действовать “Музей-заповедник под открытым небом Сундуки”, а в 2012 г. заработал и “Филиал-музей заповедник Сулек” (именно так обозначены названия на вывесках музеев). В настоящее время происходит переоформление обеих частей филиала в самостоятельные учреждения, подведомственные районному управлению культуры, молодежи и спорта.

Музей под открытым небом *Сундуки* включает в состав объектов показа природные и археологические памятники: горную гряду Сундуки с живописными геологическими образованиями, многие из которых трактуются как древние обсерватории (Ларичев, 2003), а также петроглифы и курганы. Основная площадка – гора Первый Сундук, где посетителям демонстрируют геологические объекты, представляя их как созданные руками человека.

У подножия горы расположилась богатая “инфраструктура”: администрация, экскурсоводы, продажа сувениров, напитков и продуктов питания, прокат верховых лошадей, кемпинг. Территория обнесена оградой и охраняется. Популярность комплекса велика, туристов давно привлекают хорошо “раскрученные” объекты. С созданием музея появилась возможность вести учет посетителей: так, за второе полугодие 2011 г. Сундуки посетило более 10 тыс. человек (Концепции..., 2012. С. 123).

Интереснейший памятник наскального искусства конца I тыс. до н.э. – начала н.э. находится на горе, называемой Четвертый Сундук (Ларичев, 1985, 2000, 2003). Он расположен за пределами охраняемой территории. В музее можно заказать экскурсию на памятник или посетить его самостоятельно. Рядом расположился самодельный частный “экскурсионный центр”, не имеющий отношения к музею, но предлагающий услуги экскурсовода и сувениры. Кроме того, постоянно приезжают многочисленные группы, организуемые туристическими фирмами. Петроглифы Четвертого Сундука расположены двумя компактными группами на нижних ярусах горы, удобны для показа благодаря большой естественной площадке перед скальными выходами (рис. 3). Они представляют большой научный интерес по своим сюжетам (наиболее известна сцена с изображениями воинов-лучников на лыжах) и весьма зрелищны. На плоскостях – многочислен-

ные следы снятия копий (остатки красок, мела, силиконовой массы и т.д.); экскурсоводы постоянно прикасаются руками к петроглифам и, эксплуатируя “эзотерические” сюжеты, предлагают посетителям прикладываться к скале всем телом для “подпитки энергией”. Необходимо проведение реставрационных мероприятий по расчистке от загрязнений и укреплению скальных блоков, а также обустройство территории с целью ограничения непосредственного доступа посетителей к петроглифам.

На следующей горе – Пятом Сундуке – представлены не менее выразительные наскальные рисунки той же эпохи, но даже перспективы музеефикации у них нет: они находятся на территории Ширинского р-на, поэтому не могут входить в музей-заповедник Орджоникидзевского р-на. На памятник экскурсантов водят те же самодельные экскурсоводы, которые располагаются у Четвертого Сундука. Они провели некоторое обустройство территории (выложили тропинки), естественно, безо всякой концепции и плана.

Сулекская писаница – одна из самых знаменитых достопримечательностей Хакасии, объект федерального значения (Постановление..., 1960). Вообще под названием “Сулекские писаницы”, или “Сулек”, объединяется целый комплекс местонахождений наскального искусства (Миклашевич, 2004а. С. 27). Центральное из них (Сулек I) извест-

Рис. 3. Музей под открытым небом “Сундуки”. Петроглифы на горе Четвертый Сундук, вид на основное скопление плоскостей и площадку перед ними.

Рис. 4. Музей-заповедник “Сулек”. 1 – общий вид на Сулекскую писаницу и административно-экспозиционные юрты рядом с ней; 2 – Сулекская писаница, фрагмент (изображения верблюдов и рунические знаки повреждены посетительскими надписями); 3 – тот же фрагмент скалы на эстампаже А.В. Адрианова 1909 г.

но под названиями “Сулек Писаная гора” или “Сулекская писаница”. Этот памятник имеет долгую историю изучения и обширную библиографию. Здесь есть несколько плоскостей с разновременными рисунками, в том числе большая многофигурная плоскость, получившая известность благодаря руническим надписям и высокохудожественным гравированным рисункам эпохи раннего средневековья (Appelgren-Kivalo, 1931. Abb. 77).

Сулекская писаница легкодоступна, расположена на невысоком холме, рядом с оживленной автодорогой. Неудивительно, что она всегда привлекала внимание посетителей, многие из которых оставили свои автографы поверх древних рисунков. Первые надписи появились на скале в дореволюционный период, но особенно памятник пострадал во второй половине XX в., когда многочисленные вандалы начали выдалбливать свои имена крупными глубокими буквами. Это уничтожило значительные по площади фрагменты рунических надписей и тончайших гравированных рисунков (рис. 4, 2). Существовавшие надписи провоцировали следующих

посетителей на создание новых. Ситуация стала катастрофической в начале XXI в., когда, при полном отсутствии охраны, памятник всюду рекламировался в туристских путеводителях и Интернете и неконтролируемый поток туристов становился все более интенсивным. Общественностью Хакасии и археологами неоднократно поднимались вопросы неотложного спасения памятника путем организации его охраны и реставрации. В последние годы ситуация сдвинулась с мертвой точки¹.

В 2008 г. Совет по историко-культурному наследию подготовил проект музеефикации памятника (Еремин, 2011а. С. 85), и постепенно началось его воплощение в жизнь администрацией района. Руководителем управления культуры, молодежи

¹ К сожалению, это произошло слишком поздно для городища. В Перечне объектов культурного наследия федерального значения рассматриваемый объект обозначен как “Сулекское городище и писаница” (Постановление..., 1960). Отсутствие охраны привело к тому, что в 2009 г. городище, стена которого сложена из плит песчаника, было уничтожено бульдозером фирмой, занимающейся заготовкой камня. Это преступление осталось безнаказанным.

и спорта В.Н. Янгуловым был составлен общий проект “Популяризация культурного наследия, развитие культурного туризма и музейного дела в Орджоникидзевском районе на 2010–2013 гг.”, в котором определялись и мероприятия по музеефикации Сулека. Начиная с 2012 г. осуществляется круглосуточная круглогодичная охрана памятника. Недалеко от скалы с петроглифами обустроена территория (рис. 4, 1), на которой разместились юрты, предназначенные для продажи сувениров, жилья охранников и экскурсовода, музейной экспозиции, а также информационный стенд, место для стоянки транспорта, мусорные баки, туалеты. До этой зоны от трассы проложена грунтовая дорога, территория музея частично огорожена. Доступ к памятнику свободен, желающие могут оплатить экскурсию. За туристами без экскурсовода присматривает охранник. В “музейной” юрте развернута экспозиция, посвященная сказителю П.В. Курбижекову и традиционному быту хакасов. В планах музея – постройка гостевых юрт, создание летнего выставочного павильона и информационных щитов (Концепции..., 2012. С. 129). На самом памятнике никаких мер по обустройству маршрута или смотровых площадок не предусматривается; плоскости с петроглифами расположены очень удобно, по одному ярусу, вдоль достаточно широкой и давно утоптанной тропы. Экскурсионный маршрут включает осмотр только одного местонахождения – петроглифов Сулека I.

Одна из главных проблем при показе Сулекской писаницы – вандализмские надписи, которыми испорчено большинство плоскостей (но особенно сильно две самые большие многофигурные композиции), отвлекающие внимание посетителей от древних изображений. Во всех планах музейного освоения этого памятника фигурирует обязательная его реставрация, понимаемая в первую очередь как улучшение экспозиционного вида объекта: заделка и маскировка посетительских надписей. Методики заделки вырезанных и выбитых граффити в реставрационной практике разработаны, опробованы и успешно применяются. Обычно рекомендуется полное удаление и маскировка надписей, так как они не только портят внешний вид памятника, но и провоцируют посетителей к нанесению новых. В случае Сулекской писаницы заделка надписей действительно способствовала бы улучшению ее экспозиционного вида. Однако хочется предостеречь от принятия поспешных решений. Памятник, несомненно, нуждается в реставрации, но она должна быть в первую очередь “спасательной”, а не “косметической”. Если же говорить о заделке надписей, то надо иметь в виду, что на главной плоскости ими повреждена слишком большая площадь скальной поверхности и нанесенных на нее рисун-

ков и руники. Не утратит ли памятник аутентичность окончательно, если реставраторам придется реконструировать столь крупные участки утраченных фрагментов?

В качестве возможного варианта решения этой проблемы предложено осуществить реставрацию-реконструкцию не на скале, а на ее факсимильной копии (Миклашевич, 2013). В мировой и отечественной практике уже давно отработана методика изготовления точных объемных воспроизведений наскальных рисунков путем снятия силиконовых матриц-форм с оригинальных объектов и последующей отливки в них копий из прочных материалов (полиуретан, различные камнезаменители и т.п.). Современные составы и методики позволяют изготавливать матрицы без отрицательного воздействия на скальную поверхность, а преимущества получаемых копий-отливок, абсолютно точных, передающих все мельчайшие детали и тончайшие линии рисунков, трудно переоценить. Уже было написано о необходимости создания факсимильной копии главной композиции Сулекской писаницы (Миклашевич, 2004б. С. 35, 36; Миклашевич, Кочанович, 2005. С. 178, 179). Теперь, когда памятник музеефицирован, на копии можно сделать реконструкцию утраченных фрагментов по эстампам (бумажным оттискам), снятым с Сулекской писаницы А.В. Адриановым в 1909 г., когда скала еще не была так обезображена посетительскими надписями (рис. 4, 3). Тем самым можно избежать масштабного вмешательства в оригинал и получить полноценный экспозиционный объект, который посетители смогут рассматривать, трогать руками, копировать на память и т.д.

Другая важная проблема – судьба остальных местонахождений наскального искусства этого комплекса. Они не попали на охраняемую территорию, между тем как имеют не меньшее культурно-историческое значение. Местонахождения Сулек V и VII, например, содержат уникальные сюжетные композиции окуневской культуры эпохи бронзы. Состояние многих плоскостей аварийное, так что хорошо, что эти местонахождения не включены в экскурсионные маршруты. Надо подумать, как сделать возможным знакомство посетителей Сулека I с петроглифами всего комплекса без непосредственного посещения Сулека II–VII (экспонирование копий, фотографий прорисовок в выставочном павильоне) и как обеспечить сохранение всех местонахождений (постепенное расширение охранной зоны и реставрация).

По документам и отчетам существует еще один муниципальный музей под открытым небом – “*Бояры*” (в Боградском р-не), в центре внимания ко-

Рис. 5. Ширинский археологический парк. Грот Проскурякова. Вид изнутри. Справа сверху на стене грота – нарисованные красной краской личины.

тогого находится не менее знаменитый памятник наскального искусства, также федерального значения, Боярская писаница. Планируется, что музей будет охранять и показывать посетителям две самые большие плоскости, известные как Большая и Малая Боярские писаницы. Формально музей создан в 2011 г. как филиал Богградского краеведческого музея, но реально на памятнике пока ничего не происходит.

В Ширинском р-не с 2011 г. действует *Археологический парк* как филиал краеведческого музея в пос. Ши́ра. В его состав входят семь археологических памятников, предлагаемых к показу, среди них два памятника наскального искусства: грот Проскурякова и петроглифы оз. Тус. Строго говоря, пока в число музеев это учреждение зачислить трудно, говорить о музеефикации на данном этапе вряд ли правомерно. Охраняемых территорий нет; консервационные меры не предпринимаются, памятники просто используются как объекты экскурсионного показа. У подножия знаменитого в спелеологическом плане горного массива Тогуз Аз на р. Белый Июс устроено место для организованного отдыха туристов и сбора экскурсионных групп, юрта с сувенирами, автостоянка, кемпинг. Самостоятельное посещение не возбраняется. Грот Проскурякова – первый объект в этом горном массиве, он известен тем, что раскопки в нем выявили очень древние палеонтологические и археологические материалы (Окладников и др., 1975). Личины, выполненные красной краской на стенах грота, относящиеся к окуневской культуре эпохи бронзы (Миклашевич, 2014), были замечены лишь в 1970-е годы, и сейчас именно они привлекают туристов. Тропинка, поднимающаяся вдоль скалы к гроту, и привходовая площадка, с которой открывается красивый вид на

горный массив и реку, ограждены (рис. 5). Этим и ограничивается “музеефикация” грота.

Петроглифы на скалах у оз. Тус входят в список объектов наследия федерального значения; памятник известен гравированными сценами, относящимися к таштыкской культуре середины I тыс. н.э. и эпохе средневековья. Состояние большинства из них аварийное: как и на многих скалах у соленых озер, интенсивно отслаивается скальная корка с изображениями. Под некоторыми плоскостями до сих пор можно найти упавшие пластинки песчаника с фрагментами гравировок. Сколько таких пластинок подобрали посетители, можно лишь предполагать. Полностью памятник не документирован, нуждается в срочной консервации. Более актуально было бы ставить вопрос об ограничении доступа посетителей, а не о включении в состав объектов массового туризма.

В контексте рассматриваемой темы следует упомянуть петроглифы в горах Оглахты – крупнейший в Минусинской котловине комплекс наскального искусства. Здесь известны тысячи наскальных рисунков разных эпох, многие из них уникальны по стилю и сюжетам. Выделено восемь отдельных местонахождений (Советова, Миклашевич, 1999. С. 50), но полностью территория горного массива еще не исследована, скорее всего, их гораздо больше. Вопрос о музеефикации комплекса не ставится, поскольку горный массив Оглахты – один из кластеров Государственного природного заповедника “Хакасский”. Нахождение на заповедной территории способствует сохранности памятника от антропогенных повреждений. С 2011 г. Министерство природных ресурсов и экологии реализует программу по развитию познавательного туризма в заповедниках и национальных парках. Заповедник “Хакасский” признан одним из наиболее перспективных по уровню развития туристического потока. В настоящее время в заповеднике осуществляется оформление визит-центра и обустройство экскурсионной “тропы” для осмотра петроглифов на одном из участков горы Сорок Зубьев (Оглахты IV). Развивающееся в природном заповеднике освоение памятников археологии музеефикацией хотя и не называется, но является ею по сути.

Кроме перечисленных недавно созданных учреждений в республике уже много лет действуют еще четыре музея, связанные с экспонированием памятников древнего искусства.

Хакасский Республиканский национальный музей-заповедник, известный под названием “Казановка”, организован в Аскизском р-не в 1996 г. Он носит по-настоящему комплексный характер, обладая огромной территорией (18.4 тыс. га) с уди-

вительным разнообразием животных и растений, водных и почвенных ресурсов, ландшафтов и геологических отложений, памятников археологии и этнографических объектов. Главная достопримечательность – обилие (более 2 тыс.) и разнообразие археологических памятников: это многочисленные разновременные курганы, поселения, петроглифы, стелы, оросительные каналы, памятники горного дела и металлургии (Еремин, 2011а. С. 47–49). Местонахождений наскального искусства известно не менее десяти, много изображений выявлено и на курганных плитах; все они находятся на охраняемой территории. Деятельность музея-заповедника “Казановка” неоднократно освещалась в литературе инициатором его создания Л.В. Ереминым (2007, 2011а, б). Особо подчеркнем, что получение прибыли от туристической деятельности и рост числа посетителей в задачи учреждения не входят. Приоритетны для него те направления деятельности, которые были обозначены в документах при создании музея-заповедника: “обеспечение целостности исторической среды и прилегающих ландшафтов”, “создание наилучших условий сохранения, изучения и использования ... памятников истории и культуры”; “обеспечение контроля за состоянием и сохранностью памятников”; “организация и проведение научных исследований и комплексного изучения объектов” и т.д. (Еремин, 2011а. С. 36). Как пример для других музеев отметим отношение к памятникам наскального искусства: разработано несколько тематических маршрутов, включающих разные местонахождения (Еремин, 2007); регулируется посетительская нагрузка – каждый сезон в экскурсионные маршруты включается определенный чередуемый набор памятников, так что они периодически получают возможность “отдыхать” от посетителей; продумывается, какие плоскости предназначать к показу, какие – нет; места расположения памятников не афишируются, посещение их возможно только с экскурсоводом (рис. 6); постоянно ведется обследование территории и открытие новых местонахождений; готовится к публикации альбом по памятникам наскального искусства на территории музея.

Музей, предназначенный для хранения и экспонирования курганных плит с изображениями, был основан в 1989 г. в с. Полтаков Аскизского р-на по инициативе Д.Г. Савинова. В 2003 г. он получил статус муниципального и название “Музей наскального рисунка” (что не совсем соответствует его содержанию). Стелларий, как его часто называют, находится на огороженной территории в центре села (рис. 7) и представляет иную форму музеефикации наскального искусства, чем описанные выше: это коллекция перемещенных

Рис. 6. Хакасский национальный музей-заповедник “Казановка”. Экскурсию на одном из памятников наскального искусства ведет Л.В. Еремин.

объектов под открытым небом. Проблемы экспонирования и сохранения плит с петроглифами в Полтакове автором уже рассматривались (Миклашевич, 2011. С. 223–231). Подчеркнем еще раз, что в первую очередь необходимы расчистка плит от лишайника (с периодической биоцидной обработкой), их подъем с земли и оборудование специальных постаментов для экспонирования. В целом уникальный по тематике музей нуждается в разработке комплексной программы управления, реэкспозиции, консервации, документирования и каталогизации.

Петроглифы на курганных плитах *in situ* экспонируются в другом муниципальном музее под открытым небом “Древние курганы Салбыкской степи” в Усть-Абаканском р-не. Он действует с 2007 г. Объекты показа – грандиозные каменные конструкции раскопанных “царских” курганов тагарской культуры Салбык и Барсучий Лог. Центр музея находится на площадке Салбык: это охраняемая огороженная территория, на которой не так давно появилась “инфраструктура”: юрты для сотрудников, для продажи сувениров и билетов. На площадке Барсучий Лог охраны нет, но устроена смотровая платформа, каменные конструкции были частично реконструированы и специально подготовлены к музейному показу сразу после раскопок. На плитах оград обоих курганов имеются наскальные рисунки. Особенно интересны и многочисленны петроглифы Барсучьего Лога (Ковалева, 2013). К сожалению

Рис. 7. Музей под открытым небом в с. Полтаков. Экспонируются курганные плиты и стелы с изображениями, свезенные с мест раскопок в Аскизском р-не.

Рис. 8. Музей “Древние курганы Салбыкской степи”. Петроглифы на плите ограды Большого Салбыкского кургана.

нию, на объекте нет дополнительной информации о рисунках на плитах и этот источник остается “не увиденным” и непонятым посетителями. То же касается и петроглифов на плитах Салбыка, которые за долгие годы со времен раскопок отслоились, покрылись лишайником, испорчены посетительскими надписями, не в последнюю очередь спровоциро-

ванными выдолбленным в 1950-е годы указателем “древние рисунки” (рис. 8).

Упомянем муниципальный музей-заповедник “Хуртуях Тас” в Аскизском р-не, действующий с 2003 г., где основной объект показа – изваяние окуневской культуры, помещенное внутри стеклянной юрты (Горбатов, 2007).

Перечисленные учреждения находятся на разных этапах становления, их руководители имеют разную квалификацию и опыт работы, различны и сами памятники наскального искусства, соответственно, в каждом случае возникают специфические проблемы. Но в целом, за исключением музея-заповедника “Казановка”, где работа налажена давно и осуществляется на высокопрофессиональной основе, для остальных музеев под открытым небом, включающих памятники наскального искусства, можно обозначить следующие общие проблемы.

1. Нацеленность не на сохранение, а на использование памятников. Музеефикация зачастую отождествляется только с туристической эксплуатацией объектов. Между тем во всех научных и государственных определениях этой деятельности на первом месте среди ее задач стоит именно “сохранение”. Российская музейная энциклопедия определяет понятие “музеефикация памятников” как “направление музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого – преобразование недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения, выявления их историко-культурной, научной, эстетической ценности и активного включения в современную культуру (актуализации)” (Каменецкий, Каулен, 2001). В документе Министерства культуры РФ “современный музей-заповедник” определяется “как учреждение культуры, созданное для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической (культурной и природной) среде” (Государственная стратегия..., 2008).

2. Ни на одном памятнике не была проведена профессиональная оценка состояния их сохранности, не прорабатывались возможность посещаемости, оптимальная посетительская нагрузка и т.п. Не разрабатывались и программы сохранения, между тем как все памятники нуждаются в консервации и реставрации, а некоторые находятся в аварийном состоянии. Туристическое использование должно предваряться проведением консервационных мероприятий и подготовкой объектов к интенсивному посещению.

3. Ни на одном памятнике не проводится его изучение и документирование по инициативе музеев. Понятно, что профессиональная квалификация сотрудников не позволяет осуществлять эту работу им самим, но не делается и попыток привлечь специалистов (за исключением заповедника “Хакасский”). При этом некоторые из перечисленных

памятников изучались и продолжают документироваться исследователями наскального искусства, но процесс идет, практически не пересекаясь с музеефикацией.

4. В большинстве случаев памятники наскального искусства, хотя формально и входят в состав музеев-заповедников, фактически под охраной не находятся, продолжают посещаться бесконтрольно и по-прежнему подвержены опасности посетительского вандализма.

5. Экскурсоводы не располагают достаточной информацией о наскальных рисунках, которые представляют публике, и стараются привлечь внимание антинаучными рассказами, легендами (зачастую ими самими и придуманными); на памятниках сооружаются “колодцы желаний”, объекты наделяются сверхъестественными свойствами, им предлагается приносить “жертвоприношения” и т.п. Подлинное культурно-историческое значение памятников остается нераскрытым и непонятым. На объектах отсутствуют научно-вспомогательные и информационные материалы, выставочные экспозиции, которые могли бы лучше раскрыть содержание, дать дополнительную визуальную информацию, облегчить распознавание и восприятие изображений. С этой же проблемой связано стремление “дополнить” памятники наскального искусства какой-то другой тематикой, так как самих петроглифов посетителям “не хватает”. Между тем их можно “оживить” и дополнить экспозициями по наскальному искусству, по истории изучения конкретных памятников, представить материалы по не включенным в маршрут петроглифам и археологическим памятникам других типов и т.д.

6. Руководители музеев, как правило, не имеют представления о мировом опыте музеефикации (и сохранения в целом) памятников наскального искусства: о существующих способах обустройства и оформления территории, организации условий для обзора, регулирования маршрутов, ограничении непосредственного контакта с петроглифами и т.п. Возникающие в этом плане проблемы решаются доморощенными способами, “методом проб и ошибок”, в то время как многие музеи под открытым небом уже давно прошли этот путь и выработали оптимальные способы сохранения памятников наскального искусства в условиях их экспонирования публике. Знакомство с этим опытом позволило бы избежать многих ошибочных решений.

7. Большинство музеев испытывают существенные трудности с подбором кадров нужной квалификации, что связано как с низкой зарплатой, так и отсутствием специалистов.

Необходимо вернуться к разработке концепций каждого музея. Это было поручено сотрудникам музеев, и представленные ими проекты не во всех случаях были одобрены министерством. Что не удивительно, так как научно обоснованная концепция – это сложный документ, который должен разрабатываться профессионалами, причем коллективно, специалистами разного профиля. При выборе способов музеефикации или методов сохранения памятника не существует идеальных решений, принятие оптимальных решений возможно только на коллегиальной основе после всестороннего обсуждения. Для разработки концепций нужно создавать коллективы, включающие исследователей конкретного памятника, специалистов по наследию, музеологов, реставраторов, сотрудников музея, представителей местных органов власти и республиканского министерства культуры и т.д. Желательно организовать “курсы повышения квалификации” для сотрудников музеев – ознакомить их с тем, как осуществляется музеефикация памятников наскального искусства в других регионах, каковы проблемы, с этим связанные, и как они решаются; показать, какое место занимают памятники Хакасии в общемировом наследии. Из практических действий наиболее неотложны оценка состояния сохранности памятников; документирование повреждений; разработка и осуществление консервационно-реставрационных программ; подготовка местных кадров для реставрации; обустройство территорий для минимизации последствий интенсивного посещения; уточнение границ памятников и охранных зон; организация охраны там, где ее еще нет.

Отметим положительные моменты: хорошо осуществляется популяризация памятников и музеев-заповедников, выпущена серия квалифицированно написанных буклетов; высокой оценки и распространения заслуживает опыт изучения и сохранения памятников наскального искусства в музее-заповеднике “Казановка”; позитивно можно оценить обустройство территории и отношение к скале в музее “Малоарбатский писанец”, стремление директора музея “Усть-Сос” включить в сферу действия музея как можно больше объектов, а также искренний энтузиазм администрации Орджоникидзевского р-на в обустройстве музеев “Сулек” и “Сундуки”; создана Ассоциация музеев-заповедников Хакасии, происходит взаимодействие и обмен опытом директоров музеев. В целом активную деятельность по музеефикации объектов археологического наследия в Республике Хакасия можно приветствовать и надеяться, что в скором времени она будет осуществляться в соответствии с мировым опытом в этой области (Lee, 1991; Дэвлет, 1999, 2002; Рогожинс-

кий, 2011; Hygen, 2011) и научно разработанными принципами музеефикации (Каулен, 2012).

Автор выражает признательность В.П. Балахчину, Л.В. Еремину, В.К. Кулимеевой, И.С. Курдюкову, В.В. Непомнящему, В.В. Тараканову, В.Н. Янгулову за консультации по теме исследования и их вклад в дело сохранения и популяризации археологического наследия Хакасии.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-21-08002м.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбатов Л.В.* Анхаковский музей “Улуг Хуртуях тас” // Музеи Аскизского района Хакасии. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. С. 18–20.
- Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ. 2008. (Электронный ресурс: <http://mkrf.ru/dokumenty/583/detail.php?ID=61436>. Дата обращения: 15.01.2014).
- Дэвлет Е.Г.* О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений // РА. 1999. № 2. С. 77–85.
- Дэвлет Е.Г.* Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Науч. мир, 2002. 240 с.
- Еремин Л.В.* Тропюю горных духов. Археологические экскурсии по Хакасскому музею-заповеднику “Казановка”. Красноярск: Платина, 2007. 168 с.
- Еремин Л.В.* Музеи-заповедники Хакасии. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2011а. 128 с.
- Еремин Л.В.* Хакасский “музейный феномен” // Ада чирсуу – Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. Абакан, 2011б. С. 154–162.
- Каменецкий И.С., Каулен М.Е.* Музеефикация памятников // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. М.: Прогресс, Рипол классик, 2001. С. 390–394.
- Каулен М.Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.
- Ковалева О.В.* Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий Лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 91–111.
- Концепции развития отрасли культуры Республики Хакасия до 2020 г. Абакан, 2012.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.* Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
- Ларичев В.Е.* Палеоастрономические аспекты памятников эпохи металла района “Сундуков” // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1985. С. 37–49.
- Ларичев В.Е.* Сцены героического эпоса в наскальном искусстве Сибири скифской эпохи // Древность: историческое знание и специфика источника. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. С. 82–86.

- Ларичев В.Е.* Тагарский героический эпос в образах наскального искусства Северной Хакасии // Древняя культура Северо-Восточной Азии. Археология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 200–235.
- Миклашевич Е.А.* Памятники Минусинской котловины (Республика Хакасия, Красноярский край) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004а. С. 14–28.
- Миклашевич Е.А.* Сулекская писаница в Хакасии: проблемы изучения, сохранения и музеефикации // Новые подходы к изучению, сохранению и устойчивому управлению природным и культурным наследием Сармишсая. Навои, 2004б. С. 32–36.
- Миклашевич Е.А.* Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Тр. САИПИ; Вып. VII). С. 214–232.
- Миклашевич Е.А.* Музеефикация Сулекской писаницы: возможности реконструкции утраченных и поврежденных композиций // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. С. 304–308.
- Миклашевич Е.А.* Наскальные изображения в Гроуте Проскурякова (Хакасия) // КСИА. 2014. Вып. 232 (в печати).
- Миклашевич Е.А., Кочанович А.В.* Объемные копии наскальных рисунков – вред или польза // Мир наскального искусства. М.: ИА РАН, 2005. С. 177–180.
- Окладников А.П., Оводов Н.Д., Рыбаков С.А.* Грот Проскурякова – новая палеолитическая стоянка в Хакасии // Бюлл. Комиссии по изуч. четвертичного периода. 1975. № 44. С. 111–117.
- Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960.
- Постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 04.02.1974.
- Рогожинский А.Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы, 2011. 342 с.
- Савинов Д.Г., Миклашевич Е.А.* Географическая карта эпохи бронзы на горе Холаас // Междунар. конф. по первобытному искусству. Труды. Т. 2. Кемерово, 2000. С. 177–181.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А.* Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47–74.
- Appelgren-Kivalo J.* Altaltaische Kunstdenkmahler. Briefe und Bildermaterial von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 124 S.
- Hugen A.-S.* Management of large rock art landscapes: the cases of Tamgaly (Kazakhstan), Sarmishsay (Uzbekistan) and Gobustan (Azerbaijan) – experiences from a Norwegian point of view // Наскальное искусство в современном обществе. Т. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Тр. САИПИ; Вып. VIII). С. 39–47.
- Lee G.* Rock art and Cultural Resource Management. California: Wormwood Press, 1991. 72 p.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ (РАСКОПКИ 2005–2007 гг.)

© 2014 г. А.П. Медведев

Воронежский государственный университет (APM1950@yandex.ru)

Ключевые слова: эллинизм, Северное Причерноморье, Боспор, Фанагория, некрополь, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь, хронология.

The article analyzes Hellenistic graves of the Eastern necropolis of Phanagoria. The author distinguishes three chronological groups of graves dating back to the late 4th–3rd cc. BC, late 3rd–2nd cc. BC, late 2nd – late 1st cc. BC. It is possible to trace considerable changes in the culture of the Phanagorians – to the degree reflected in the funeral rite and in the content of grave goods. The earliest graves in the Eastern necropolis are dated back to the late 4th – early 3rd cc. BC. Before that this territory was occupied with residential buildings of Phanagorian suburbs. The study of the Eastern necropolis allows us to introduce clarity to the issue concerning the end of the Hellenistic Age in the cultural history of Phanagoria. Considerable changes in mass culture and rites of the Phanagorians were not noticeable since the end of the 1st c. BC. The necropolis preserves almost all the tradition's characteristic for Hellenism. A bunch of important innovations inaugurating a start of the Roman Era in the Phanagorian history might be resulted not earlier than in the epoch of Aspurgus, 2–3 generations after the death of Mithridates.

В 2005–2007 гг. в Фанагории были проведены масштабные раскопки Восточного некрополя отрядом Воронежского государственного университета в составе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН (начальник экспедиции – В.Д. Кузнецов). Было исследовано 120 погребений рубежа IV–III вв. до н.э. – середины V в. н.э. Материалы некрополя Фанагории неоднократно служили объектом хронологических исследований. Раскопки 1937–1940 гг. дали первую документированную серию погребений (Блаватский, 1951). Первый опыт хронологического анализа фанагорийских погребальных комплексов принадлежит М.М. Кобылиной и И.Д. Марченко. Если М.М. Кобылина (1956) рассматривала их в контексте эволюции культуры города Фанагории, то И.Д. Марченко (1956) попыталась выделить основные хронологические группы Восточного некрополя – III в. до н.э., II в. до н.э., I в. до н.э. – II в. н.э., II–III вв. н.э. С хронологическими позициями первых двух следует согласиться, но объединение в одну группу комплексов I в. до н.э. – II в. н.э. сейчас может восприниматься лишь как анахронизм, так как в нее попали и позднеэллинистические захоронения, и погребения раннеримского времени. До настоящего времени эта периодизация не подвергалась верификации. На нее опирались другие исследователи (Коровина, 1987; Даньшин, 1992; Шавырина, 2000; Ворошилова, 2012).

Выборка эллинистических погребений из раскопок Восточного некрополя 2005–2007 гг. включает 24 комплекса. На основе анализа инвентаря их удалось разделить на три хронологические группы (рис. 1).

Раннеэллинистические погребения (рис. 1, 1–11). Открыты только в раскопе 2005 г. Собственно, с них и началась практика погребений в этой части некрополя, так как в V–IV вв. до н.э. на месте будущего “города мертвых” еще располагалось одно из предместий Фанагории (Медведев, 2012. С. 41, 42). Лишь после того, как оно было заброшено, здесь стали совершаться захоронения. По-видимому, раньше городской некрополь находился к западу (Блаватский, 1951. С. 212–214) и югу от города (Кузнецов, 2010. С. 443).

Погребение 19 (рис. 2). Совершено в могиле прямоугольной формы, ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ, размерами – 0.7 × 2 м, дно – на уровне 1.06 м от “0”. Вдоль западной стенки зафиксирована сырцовая кладка в два ряда. На дне лежал скелет женщины 30–39 лет¹ на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ. В изголовье стояла пелика (рис. 2А, 1), в ногах – лекана (рис. 2А, 2). В ней лежала целая скорлупа куриного яйца (рис. 2А, 5). За леканой найдены солонка (рис. 2А, 3) и бронзовое зеркало (рис. 2А, 4).

¹ Здесь и ниже возраст и пол погребенных определен д-ром ист. наук М.В. Добровольской.

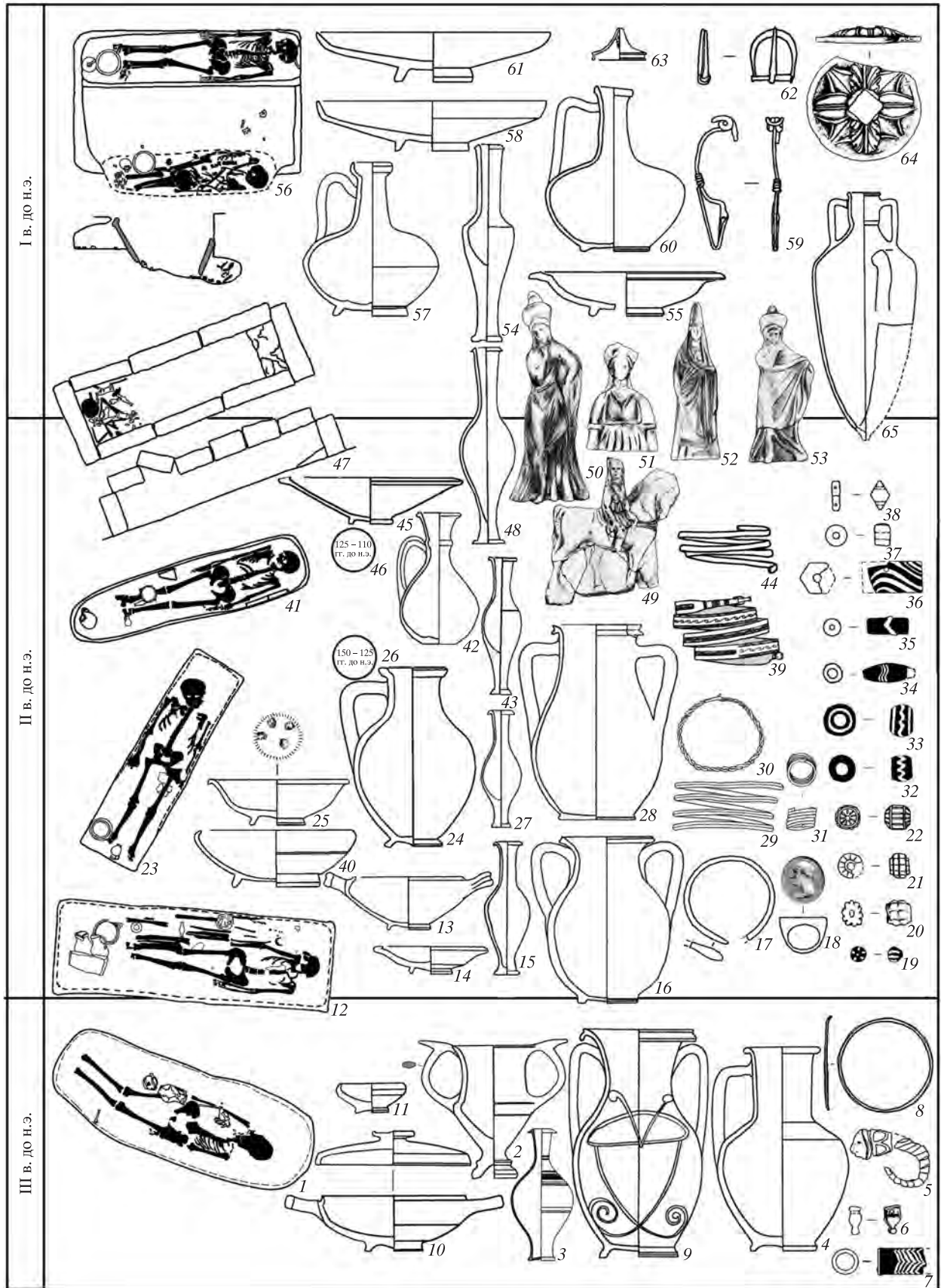

Рис. 1. Хронологическая таблица погребений Восточного некрополя Фанагории эллинистической эпохи.

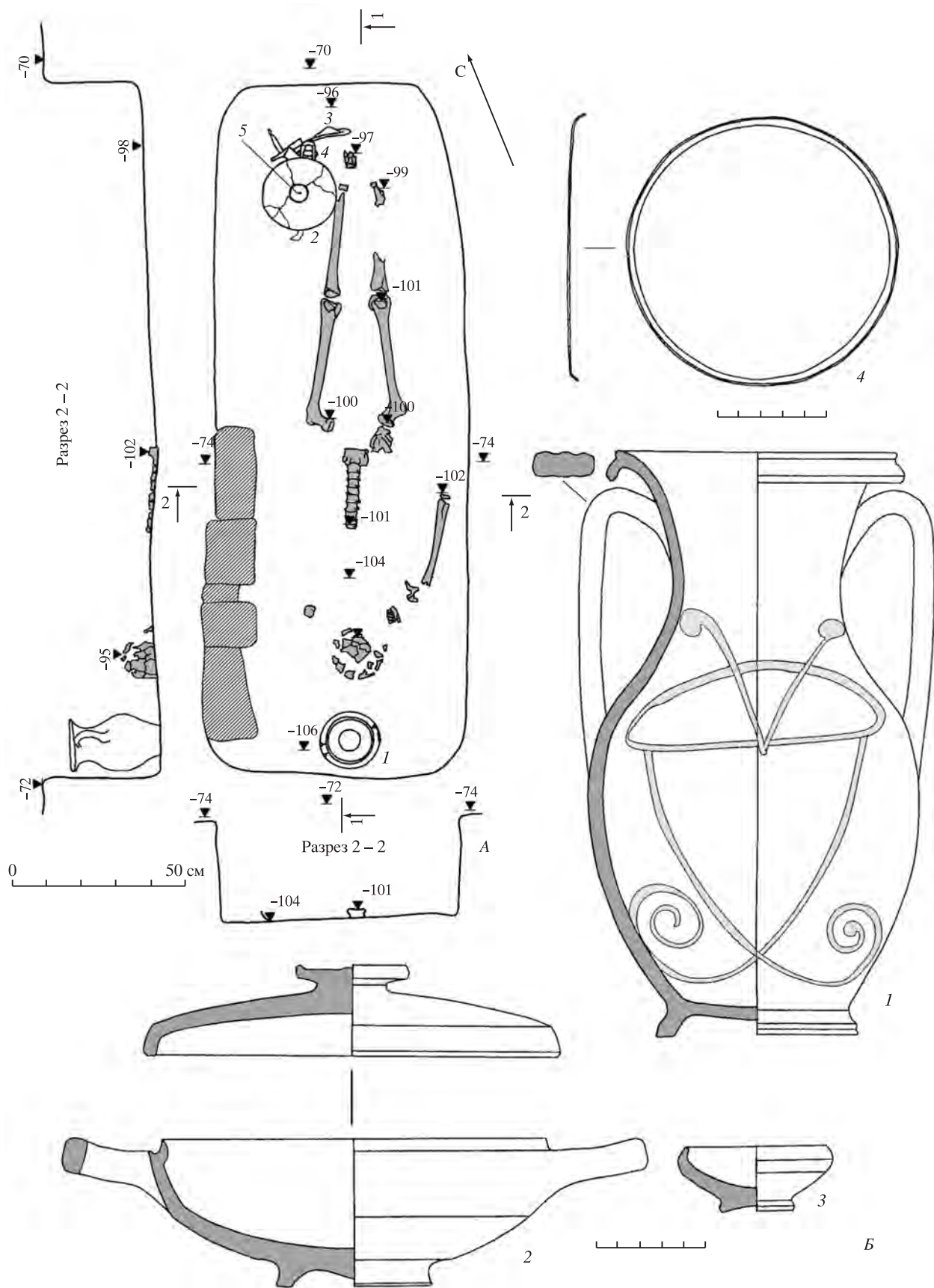

Рис. 2. Погребение 19.

1. Пелика (рис. 2Б, 1). Изготовлена из фанаторийской глины, при обжиге приобрелшей желто-розовую окраску. Высота сосуда – 27,5 см. Одна сторона тулова окрашена в черный цвет, на другую коричневатой краской нанесен знак скарабея, состоящий из овалов и волют. Сосуд принадлежит группе фанаторийских пелик типа I-A (Лимберис, Марченко, 1997. С. 49. Рис. II, 1). Исследователи датируют их в пределах первой половиной III в. до н.э.

2. Красноглиняная лекана (рис. 2Б, 2). Также относится к местной раннеэллинистической керамике.

3. Красноглиняная солонка из той же глины, что и лекана (рис. 2Б, 3).

4. Бронзовое зеркало (рис. 2Б, 4). Имеет тонкий диск, края которого загнуты на обратную сторону под тупым углом к плоскости. Его диаметр – 12,5 см. Ни ручки, ни следов ее крепления на зеркале не сохранилось. И.И. Марченко определяет время бытования таких зеркал в пределах второй половины IV – II в. до н.э. (1996. С. 15, 16. Табл. 2).

5. Яичная скорлупа в лекане (рис. 2А, 5). Одни исследователи связывают подобные находки с орфическим культом (Кастанаян, 1959. С. 238). Но, скорее всего, яйцо в погребении относилось к загробной трапезе (Зубарь, 1982. С. 114).

Набор керамики и, прежде всего, пелика позволяет датировать погребение первой половиной III в. до н.э. Этому не противоречит и датировка зеркал с отогнутым краем, которые чаще встречаются не в скифских, а в раннесарматских погребениях (Скрипкин, 1990. С. 94. Рис. 34, 24).

Погребение 22 (рис. 3). Совершено в грунтовой яме, ориентированной по линии С–Ю. Ее размеры – 0,7 × 2,15 м, глубина – 1,77 от “0”. На дне лежал скелет мужчины 30–35 лет на спине, вытянуто, головой на Ю. Правая рука согнута в локте, кисть находилась под тазовыми костями, левая – прямая. Кости ног слегка согнуты в коленях и завалились направо. Слева от черепа найден развал кувшина (рис. 3А, 1), справа – унгентарий (рис. 3А, 2).

1. Красноглиняный кувшин местного производства (рис. 3Б, 1). Часть горла не сохранилась. Имеет округлое тулово на высоком поддоне, плавно переходящее в широкое горло. К тулову и горлу крепится массивная ручка.

2. Унгентарий (рис. 3Б, 2) изготовлен из краснокоричневой глины. Его высота – 16,4 см. Тулово – раздутое, ножка – выделена, короткая и широкая. Флакон покрыт коричневатым лощением и орнаментирован чередующимися горизонтальными полосами бурого лака и белой краски. На плечиках имеются два дуговидных налета от ложных ручек.

Унгентарий близок типу А (Anderson-Stojanović, 1987. P.108. Fig. 1a) или типу 1 (Марченко, 1996. С. 41, 42. Рис. б).

По унгентарию погребение следует датировать ранним III в. до н.э., на что указывает наличие на его тулове ложных ручек. Подобные флаконы встречаются в ряде комплексов Северного Причерноморья последней четверти IV – первых десятилетий III в. до н.э. (Парович-Пешикан, 1974. С. 108, 109. Рис. 93, 5–7; Брашинский, 1980. С. 139. Кат. 226; Колтухов, 2006. С. 239. Рис. 17, 6; Копылов и др., 2012. С. 118. Рис. 4, 3).

Погребение 23 (рис. 4). Совершено в грунтовой могиле, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ, размерами – 0,65 × 1,77 м, глубиной – 1,56 м от “0”. Женщина 25–29 лет уложена на спине, вытянуто, головой на ВЮВ. Кисти рук прижаты к тазовым костям. Под черепом обнаружены золотые серьги (рис. 4А, 1). У локтя правой руки найдены бусины (рис. 4А, 2, 3). На груди находился унгентарий (рис. 4А, 4). На правой бедренной кости лежал кувшин (рис. 4А, 6), а ниже – канфар (рис. 4А, 7). На тазовых костях найден железный знож (рис. 4А, 8), а в юго-западной части могилы – железный гвоздь от гроба (рис. 4А, 5).

1. Серьги (рис. 4Б, 1). Сильно фрагментированы. Диаметр лучше сохранившегося экземпляра – 2,5 см. Изготовлены из медной проволоки, на которую намотана золотая фольга. Серьги завершаются полыми головками львов, оттиснутыми из тонкой золотой пластины. Голову льва от шеи отделяет кольцо из напаянной золотой проволоки. На шее имеется орнамент в виде полуов из тонкой проволоки. Подобные львиноголовые серьги известны в античных городах Северного Причерноморья, в том числе в некрополе Фанатории. Они принадлежат той же серии, что и знаменитые серьги из пристенного склепа в Херсонесе 1899 г., датированного 300–280 гг. до н.э. (Рогов, 2002. С. 32). К тому же типу относятся серьги из погребения у с. Глинное (Яровой, 2005. С. 324), дата по синопской амфоре – не позже конца III в. до н.э.² Более грубые львиноголовые серьги происходят из Танаиса (Арсеньева, 1977. С. 81. Табл. XXX, 4) и Херсонеса (Стоянов, 2002. С. 192, 194).

2. Бусы (рис. 4Б, 2). Фрагментированная пронизь из глухого черного стекла с перистым орнаментом желтого цвета типа 2716 (Алексеева, 1978. С. 49. Табл. 30, 20–25); подвеска из прозрачного мутно-желтого стекла в виде амфорки (рис. 4Б, 3) типа 193д (Алексеева, 1978. С. 74. Табл. 34, 40). Подобные

² Определение и датировка амфоры – д-р ист. наук С.Ю. Моныхов.

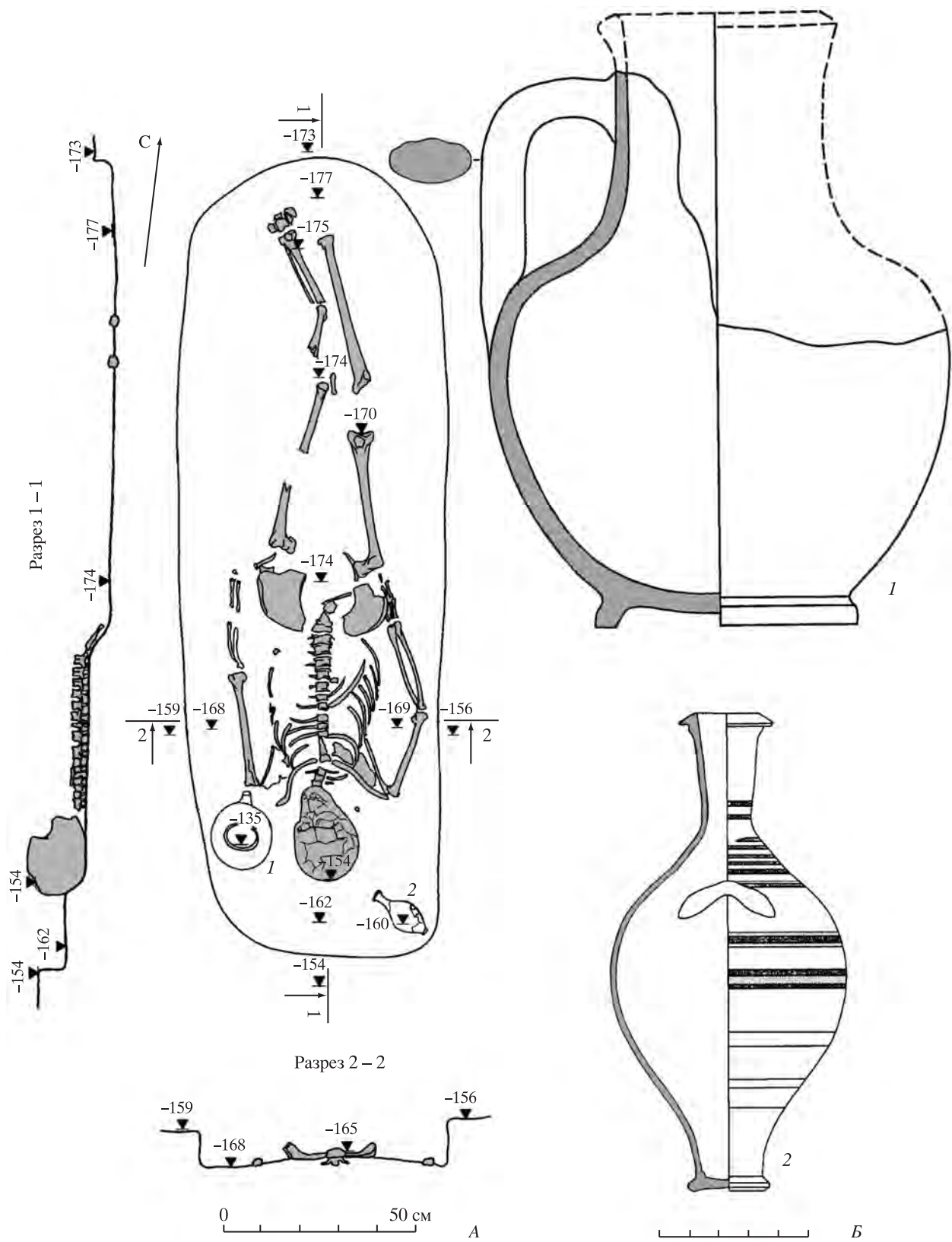

Рис. 3. Погребение 22.

бусы встречались в комплексах от IV до I в. н.э. включительно.

3. Унгвентарий (рис. 4Б, 4). Изготовлен из красной глины, поверхность покрыта серым лощением и горизонтальными полосами бурого лака, чередующимися с полосами белой краски. Высота – 13,8 см. Тот же тип, что и унгвентарий из погр. 22, но без ложных ручек-упоров.

4. Красноглиняный кувшин фанагорийского производства (рис. 4Б, 6).

5. Канфар (рис. 4Б, 7). Имеет стройные пропорции – высокое горло, небольшое тулово и довольно высокий кольцевой поддон. Его ножка и нижняя часть тулова до ручек покрыты красным лаком, выше – черным. Высота – 12,1 см. Он близок типу 23 Афинской агоры, датируемому до 275 г. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 84. Fig. 5, 23), но отличается более вытянутыми пропорциями.

По унгвентарию, канфару и львиноголовым сергам погребение датируется временем раннего эллинизма, скорее всего – началом III в. до н.э.

Все раннеэллинистические погребения совершены в простых грунтовых могилах. Ни подбоев, ни склепов, ни каменных ящиков этого времени не обнаружено. Все погребения представляют ингумации. Как правило, в могиле совершалось индивидуальное захоронение. В двух случаях (погр. 19 и 23) – это женщины, в одном – мужчина (погр. 22). Для погребенных характерна поза на спине, вытянуто, руки слегка раскинуты в стороны, чуть согнуты в локтях, кисти иногда прижаты к тазовым костям. Считается, что для Фанагории, как и для других греческих некрополей, обычной является ориентировка головой на В (Кобылина, 1956. С. 43; Марченко, 1956. С. 104). Однако с раннеэллинистического времени заметна тенденция хоронить головой в южную половину круга. Судя по инвентарю, могилы содержали захоронения рядовых фанагорийцев. В его состав входили кувшины местного производства и привозные флаконы с благовониями, в одном случае – килик. В погр. 19 пелика находилась в изголовье, а лекана и солонка – в ногах погребенной. С этого времени керамический набор из пелики, леканы, солонки и унгвентария станет почти обязательным элементом эллинистических захоронений.

Погребения времени расцвета эллинизма (рис. 1, 12–44). Больше всего в Восточном некрополе открыто погребений II в. до н.э. (8, 15, 49, 56, 60, 62, 74, 109, 110, 113). Приводим описание двух комплексов.

Погребение 74 (рис. 5). Могила прямоугольной формы, ориентирована по линии З–В с незначительным отклонением к Ю, размерами 0,7 × 2,1 м,

дно – на уровне 2,89 м от “0”. В могиле найдены останки двух погребенных.

Костяк 1. Женщина, погребена на спине, вытянуто, головой на ВЮВ. В ногах стояла пелика (рис. 5А, 1), кувшин (рис. 5А, 2), лекана (рис. 5А, 3), в ней находилась тарелка (рис. 5А, 4). Под леканой лежали бронзовый перстень (рис. 5А, 5) и железное шило (рис. 5А, 6), под кувшином – фрагменты бронзового изделия (рис. 5А, 7). К пелике с юга прислонена черепица (рис. 5А, 8). Под ней найден железный нож (рис. 5А, 9). На безымянный палец левой руки погребенной надет железный перстень (рис. 5А, 10), рядом найден другой такой же перстень (рис. 5А, 11). Между бедренными костями находилось железное кольцо (рис. 5А, 12). У правого плеча лежали гагатовые бусы (рис. 5А, 13), слева от черепа – стеклянные бусы (рис. 5А, 14), а у левого плеча – бронзовый пинцет (рис. 5А, 15).

Костяк 2. Находился в северной части ямы. От него уцелела лишь нижняя челюсть и трубчатые кости верхних и нижних конечностей. Они принадлежали подростку, уложенному на спину, вытянуто, головой на В. У колен находились унгвентарий (рис. 5А, 16) и створка раковины (рис. 5А, 17), а между берцовыми костями – солонка (рис. 5А, 18). На месте тазовых костей стояла алебастровая чаша, распавшаяся при расчистке (рис. 5А, 19). На лучевых костях левой руки найдены два бронзовых браслета (рис. 5А, 20), внутри них находились бусы (рис. 5А, 21). Другое скопление бус обнаружено под нижней челюстью (рис. 5А, 22), а восточнее – две сережки (рис. 5А, 23, 24). Между бедренными костями и стенкой могилы лежал бронзовый перстень (рис. 5А, 25).

Костяк 1. Инвентарь:

1. Красноглиняная пелика фанагорийского производства (рис. 5Б, 1).
2. Серолощенный кувшин (рис. 5Б, 2). Тулово – вытянутое яйцевидное, плавно переходит в горло, дно имеет невысокий поддон.
3. Красноглиняная лекана местного производства (рис. 5Б, 3).
4. Красноглиняная тарелка (рис. 5Б, 4) имеет высокий поддон и оттянутый внутрь край венчика.
5. Бронзовый пинцет (рис. 5Б, 9). Длина – 5,1 см.
6. Бронзовый перстень (рис. 5Б, 10). Шинка – массивная, расширяющаяся кверху. На щитке вырезан профиль женщины влево, ее волосы сзади стянуты в пучок. Скорее всего, это портрет египетской царицы Арсиной III. Подобные перстни встречались в Фанагории и ранее (Финогенова, 2001. С. 166).
7. Железные перстни. Один – целый (рис. 5Б, 12), другой – фрагментированный (рис. 5Б, 13).
8. Железное кольцо без щитка (рис. 5Б, 14).

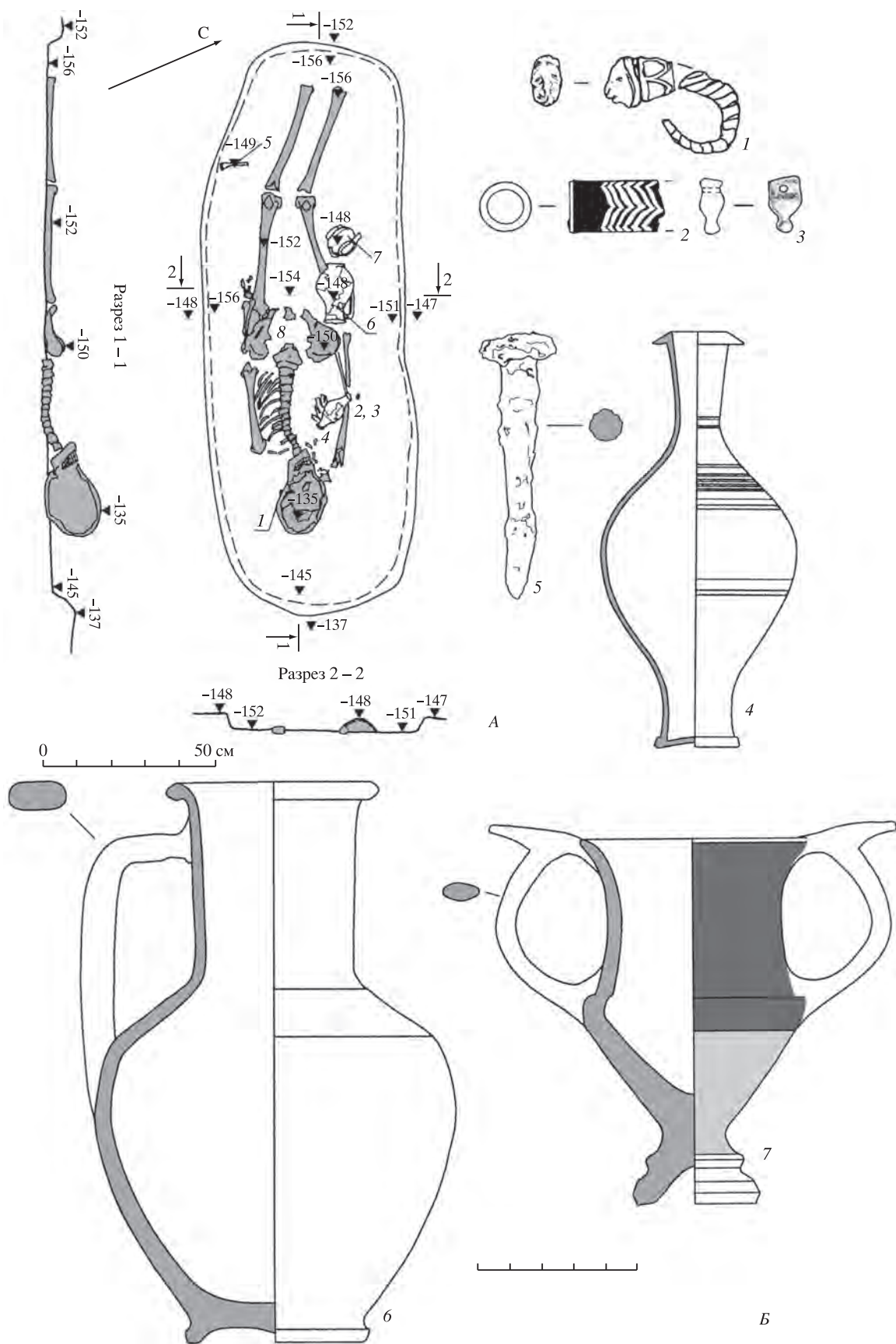

Рис. 4. Погребение 23.

9. Железный нож (рис. 5Б, 17). Лезвие с дуговидно-изогнутой спинкой длиной 8,5 см.

10. Железное шило (рис. 5Б, 16). Сохранился фрагмент остря.

11. Бусы у черепа: стеклянная с внутренней металлической прокладкой типа 1а (рис. 5Б, 18), получившего распространение с эпохи эллинизма (Алексеева, 1978. С. 29. Табл. 26, 2); мелкие округлые из стекла лилово-вишневого цвета с поперечной белой полосой типа 142 – 2 экз. (рис. 5Б, 19), известные в позднеэллинистическое время (Алексеева, 1978. С. 40. Табл. 27, 1); стеклянная биконическая белого цвета (рис. 5Б, 20) типа 102 III–I вв. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 69. Табл. 33, 28); мелкие стеклянные пронизки желтоватого цвета – 17 экз. (рис. 5Б, 21); мелкие гагатовые бочковидные бусы типа 8а – 16 экз. (рис. 5Б, 22), имеющие широкий диапазон бытования (Алексеева, 1978. С. 11, 12. Табл. 20, 30); бисер синего цвета – 23 экз.

Костяк 2. Инвентарь.

12. Красноглиняная солонка на поддоне (рис. 5Б, 5).

13. Красноглиняный веретенообразный унгентарий (рис. 5Б, 6) высотой 13 см. Близок типам В (Anderson-Stojanović, 1987. P.109. Fig. 1b) и 3 классификации И.И. Марченко (1996. С. 42. Рис. 6).

14. Бронзовые браслеты, свернутые в полтора оборота (рис. 5Б, 7, 8). У одного (рис. 5Б, 7) концы расплющены в виде змеиных головок. Диаметр браслетов – 5,5 см.

15. Бронзовый перстень (рис. 5Б, 11). На щитке – овальное углубление для вставки (не сохранилась).

16. Бронзовые серьги (рис. 5Б, 15). Изготовлены из проволоки, свернутой в кольцо, диаметром – 2,3 см. Одна – фрагментированная, вторая распалась.

17. Бусы под браслетом: бочковидно-бугристые из египетской пасты, принадлежавшие разным вариантам типа 19, – 3 экз. (рис. 5Б, 23, 24, 26), зародившегося в III в. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 35. Табл. 5, 45, 46); округлая многоцветного стекла голубого цвета с продольными желтыми полосками (рис. 5Б, 25), близкая типу 190 II в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 43. Табл. 27, 86, 87); круглые стеклянные с металлической прокладкой золотистого цвета типа 1а – 5 экз. (рис. 5Б, 31). Остальные бусы одноцветного стекла имеют широкий диапазон бытования (рис. 5Б, 28–30, 32).

18. Бусы у нижней челюсти: бочковидные из одноцветного стекла с каннелированной поверхностью – 10 экз. (рис. 5Б, 27) относятся к типу 151 (Алексеева, 1978. С. 43. Табл. 33, 55).

Судя по тому, что оба погребения были положены в одну могилу, они близки по времени. Раньше совершено захоронение женщины, после чего меж-

ду ней и северной стенкой могилы было втиснуто тело подростка. Первое захоронение датирует перстень с портретом царицы Арсиной III. В Северное Причерноморье подобные перстни попадали в начале первого десятилетия II в. до н.э. (Неверов, 1974. С. 111, 112. Рис. 18 а, б; 21а). Второе погребение датируется унгентарием второй половиной III – началом II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 41).

Погребение 60 (рис. 6). Совершено в могиле, ориентированной по линии ЮЮВ–ССЗ, размерами – 0,5 × 1,8 м, глубиной – 2,33 м от “0”. Северная часть могилы перекрыла погр. 61, от которого сохранилась только одна черепица (рис. 6А, 13). На дне лежал скелет женщины 35–45 лет на спине, головой на ЮЮВ. Руки – раскинуты, ноги были согнуты в коленях, затем упали, образовав ромб. Слева от черепа обнаружены унгентарий (рис. 6А, 1) и чернолаковая чашка (рис. 6А, 2). Под ней находилась створка раковины с белилами и краской пунцового цвета (рис. 6А, 10). Тут же лежал бронзовый цилиндр, распавшийся при расчистке (рис. 6А, 11). На левой височной кости найдена бронзовая серьга (рис. 6А, 3), а под черепом – фрагмент второй серьги. На шее обнаружена низка бус (рис. 6А, 4). На груди лежали бусины многоцветного стекла (рис. 6А, 5) и бронзовая монета (рис. 6А, 6). В ногах стояли лекана (рис. 6А, 8) и пелика (рис. 6А, 9). Запястье левой руки украшал браслет из бус (рис. 6А, 12), на безымянный палец было надето железное кольцо (рис. 6А, 7).

1. Сероглиняный унгентарий (рис. 6Б, 1) высотой – 10,9 см принадлежит тому же типу, что и унгентарий из погр. 74/2.

2. Чернолаковая чашка на высоком поддоне (рис. 6Б, 2). Лак – плохой с матовым оттенком. Внутри чашки по дну нанесены четыре оттиска штампа в круге из насечек. Высота – 4,2 см. Чашка близка формам № 917–925 эллинистической керамики Афинской агоры (Rotroff, 1997. P. 159).

3. Красноглиняная пелика фанагорийского производства (рис. 6Б, 3).

4. Красноглиняная лекана с крышкой местного производства (рис. 6Б, 4).

5. Пара бронзовых серег с дополнительной провололочной обмоткой (рис. 6Б, 5, 6). Одна сохранилась целиком, другая – во фрагментах.

6. Железное кольцо на левой руке (рис. 6Б, 7) диаметром – 2,3 см.

7. Бронзовая монета: аверс – голова Диониса вправо, реверс – гроздь винограда. ФА. Фанагория, около 150–125 гг. до н.э.³

8. Бусы на шее: пронизь из синего стекла с тремя белыми волнистыми поперечными полосами типа 174 (рис. 6Б, 8), характерна для эллинисти-

³ Определение монет – д-р ист. наук М.Г. Абрамзон.

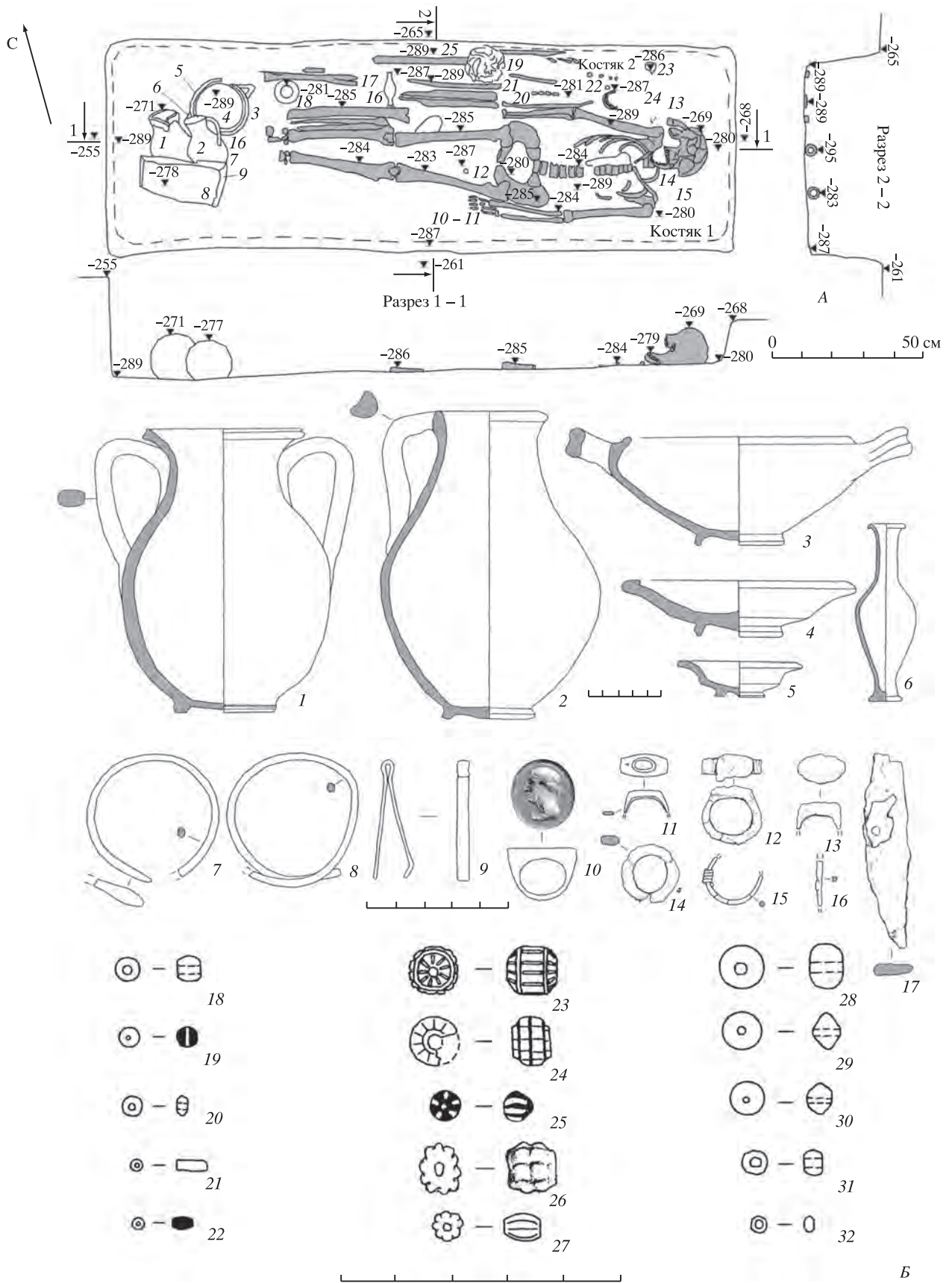

Рис. 5. Погребение 74.

ческого времени (Алексеева, 1978. С. 42. Табл. 27, 48); стеклянные бусы с металлической прокладкой типа 1а – 4 экз. (рис. 6Б, 9); стеклянные короткоцилиндрические бусы с металлической прокладкой и поперечным поясом из бугорков с валиками вокруг отверстий типа 16 – 19 экз. (рис. 6Б, 10), типичны для II–I вв. до н.э. (Алексеева, 1978. Табл. 26, 54); стеклянные пронизи глобоидальной формы с металлической прокладкой типа 7 – 5 экз. (рис. 6Б, 11, 12), также характерные для эллинистической эпохи (Алексеева, 1978. С. 31. Табл. 26, 37, 38); мелкие ребристые бусы из белого стекла (рис. 6Б, 13), близкие типу 149, – 19 экз. (Алексеева, 1978. С. 71. Табл. 33, 54); круглая белая бусина типа 2 (рис. 6Б, 14) и более мелкие бусы того же типа – 23 экз. (рис. 6Б, 15) с широким диапазоном бытования (Алексеева, 1978. С. 63. Табл. 33, 1); белые цилиндрические пронизки типа 56 – 3 экз. (рис. 6Б, 16), известные со II в. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 67. Табл. 33, 13); мелкая белая бусина усеченно-конической формы (рис. 6Б, 18); разноцветный бисер – 3 экз. (рис. 6Б, 19); сердоликовые бочкообразные пронизки типа 36 – 8 экз. (рис. 6Б, 20), поступление которых в Северное Причерноморье началось в III в. до н.э. (Алексеева, 1982. С. 16. Табл. 38, 29); пронизь из гагата типа 8а (рис. 6Б, 17), также известного с III в. до н.э.

9. Бусы на левой руке: бусина голубого стекла с одним рядом бугорков посередине типа 158 (рис. 6Б, 21), датируемая III–II вв. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 72. Табл. 33, 62); ребристые бусы голубого (10 экз.) и белого (10 экз.) (рис. 6Б, 22) цветов типа 149, известного как в эпоху эллинизма, так и в первые века н.э. (Алексеева, 1978. С. 71. Табл. 33, 54); мелкие пастовые бусы белого цвета – 15 экз. (рис. 6Б, 23); бисер белого цвета – 1 экз. (рис. 6Б, 24).

10. Бусы на груди: крупная стеклянная голубого цвета с поперечным белым зигзагом и обрамляющими его желтыми полосами типа 315 (рис. 6Б, 25), датируемого II–I вв. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 52. Табл. 31, 73); с поперечным зигзагом, но без обрамляющих полос (рис. 6Б, 26).

По взаимовстречаемости в этом комплексе унгентария и чернолаковой аттической чашки 225–175 гг. до н.э. погребение можно было бы датировать началом II в. до н.э. Однако фанагорийская монета 150–125 гг. до н.э. указывает на то, что время его совершения было ближе к середине II в. до н.э.

Во II в. до н.э. на раскопанном участке некрополя погребальными сооружениями по-прежнему служили грунтовые могилы, хотя ранее встречались захоронения в каменных ящиках, в черепичных гробницах и склепах (Сударев, 2010. С. 431.

Рис. 7). За исключением широкой могилы для парного погр. 74, одиночные захоронения совершены в обычных узких ямах (рис. 1, 23, 41). Лишь однажды встречено надгробие, провалившееся в могилу (погр. 62). Среди погребений второй хронологической группы преобладали женские – их в четыре раза больше, чем мужских. Чем можно объяснить доминирование женских захоронений, пока неясно. По размерам могилы лишь ограбленное погр. 61 можно квалифицировать как детское. Способ захоронения представлен только ингумациями. В могилах преобладало положение вытянуто, на спине, с руками вдоль туловища и прямыми ногами. Примерно у половины погребенных руки раскинуты в стороны, иногда чуть согнуты в локтях. Головой в восточную половину лежали семь погребенных. Вторую группу составляли захоронения, имевшие южную ориентацию с отклонениями к ЮЗ и ЮВ (шесть). Поэтому нельзя однозначно утверждать, что в эллинистическую эпоху абсолютно преобладала восточная ориентировка.

В погребениях этой хронологической группы представлен набор посуды местного производства: леканы (рис. 1, 13), тарелки (рис. 1, 14), кувшины (рис. 1, 24), пелики (рис. 1, 16, 28). Женские захоронения сопровождали чернолаковые чашки аттического производства (рис. 1, 25, 40) и классические веретенообразные унгентарии (рис. 1, 15, 27). В инвентаре женских захоронений встречаются бронзовые многовитковые браслеты (рис. 1, 29, 39), железные кольца и бронзовые перстни (рис. 1, 18, 31). Большим разнообразием отличаются наборы бус из многоцветного стекла (рис. 1, 19, 32–36), появляются украшения из египетского фаянса (рис. 1, 20–22), чаще встречаются стеклянные бусы с металлической прокладкой. В погр. 109 найдено скопление астрагалов. Получает распространение обычай оставлять в могиле “обол Харона”.

Погребения конца II – третьей четверти I в. до н.э. (рис. 1, 45–65). Эта группа включает девять датированных комплексов: погр. 20 – в косской амфоре; погр. 50 – по монете и набору керамики; погр. 63/2 – его перекрывает захоронение 63/1 начала римской эпохи; погр. 64 – по унгентарию ногайчинского типа; погр. 69 – по пантикапейской монете 125–110 гг. до н.э.; погр. 83 – по подвеске из пантикапейских монет и набору бус I в. до н.э.; погр. 96/1 – по среднелатенской фибуле; погр. 96/2 – по подковообразной пряжке; погр. 98 – по унгентарию и терракотам. Приведем два наиболее показательных комплекса.

Погребение 98 (рис. 7). Каменный ящик, ориентированный по линии ЗЮЗ–ВСВ, размерами – 0.8 × 2.2 м, высотой – 0.5. В западной половине две плиты

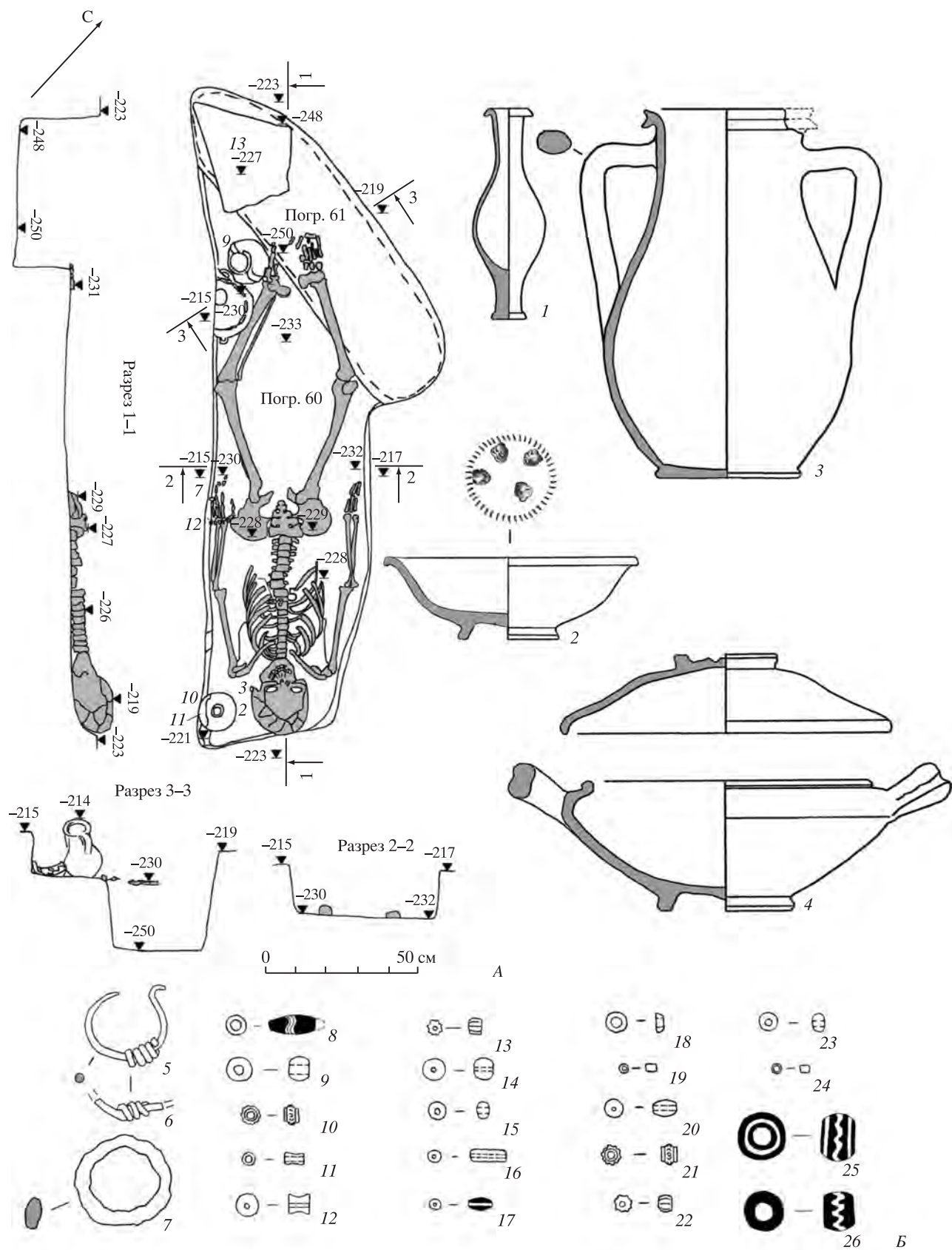

Рис. 6. Погребения 60, 61.

перекрытия были разбиты при ограблении могилы (рис. 7А, а). Грабители сдвинули останки мужчины 30–39 лет к западной стенке ящика (рис. 7А, б). Здесь вперемешку с костями лежали пять терракот (рис. 7А, б, 1–5), унгентарий (рис. 7А, б, 6), фрагменты сосуда (рис. 7А, б, 7) и бронзового изделия (рис. 7А, б, 8).

1. Терракота 1 (рис. 7Б, 1). Женская фигура в позе печали в хитоне, высота – 17 см. На спине – прямоугольное отверстие.

2. Терракота 2 (рис. 7Б, 2). Женская полуфигура в хитоне, высота – 8.8 см. На голове – остроконечная шляпа, сзади на спину спускаются длинные волосы.

3. Терракота 3 (рис. 7Б, 3). Женская фигура в длинном хитоне в высоком остроконечном головном уборе, с которого сзади спускается покрывало, высота – 12.5 см. Руки скрыты под одеждой: правая опущена к бедру, левая согнута в локте и поднесена к груди. На спине фигуры – прямоугольное отверстие.

4. Терракота 4 (рис. 7Б, 4). Односторонняя фигура всадника в мягком седле. Лицо – круглое, плоское, безбородое. На затылке – шапка, из-под которой выбиваются волосы до плеч. На всаднике – короткий подпоясанный кафтан с треугольным вырезом на груди и штаны, на ногах – обувь типа мягких сапожек. Конь изображен в движении слева направо. На его шее выделены ремни сбруи, на щеке заметен округлый налуп, – вероятно, фалар. Высота статуэтки – 11.1 см. Такие терракоты уже находили в Фанагории (Лимберис, Марченко, 1997. С. 49. Рис. VIII, 5; Кошеленко, 2010. Рис. 16). Близкой аналогией является терракота из “Дома Хрисалиска” (Сокольский, 1976. Рис. 58, 7).

5. Терракота 5 (рис. 7Б, 5). Фигура женщины в хитоне и гиматии, на голове – широкополая шляпа с высокой тульей, с которой на спину спускается покрывало, высота – 12.5 см. Правая рука согнута в локте и поднята к подбородку, левая под накидкой отведена в сторону. На спине – прямоугольное отверстие.

6. Сероглиняный веретенообразный унгентарий (рис. 7Б, 6). Высота – 16 см. Он близок типу G классификации В. Андерсон-Стоянович, датированному второй половиной II – серединой I в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 42).

По веретенообразному унгентарию и набору терракот погребение в каменном ящике могло быть совершено от конца II до середины I в. до н.э.

Погребение 96 (рис. 8). Двойной подбой с входной шахтой размерами – 0.9 × 2 м и глубиной – 2.8 м

от “0”. В ней найдены костяное навершие (рис. 8А, 1), бусы (рис. 8А, 2), бронзовые серьга (рис. 8А, 14) и колокольчик (рис. 8А, 3).

Находки на дне шахты:

1. Круглое навершие из кости (рис. 8Б, 1) диаметром 5.8 см; один край отломан в древности. В центре – квадратное отверстие со сторонами 1.2 см. Внешняя поверхность украшена резным изображением двойной розетки. На обратной стороне – концентрические окружности. Имеет близкую аналогию из “Дома Хрисалиска” (Сокольский, 1976. С. 101, 102. Рис. 47, 1).

2. Бронзовый колпачок конической формы (рис. 8Б, 2).

3. Бронзовая серьга в один оборот (рис. 8Б, 3) диаметром 2.8 см. На одном конце сохранились петля застежки и обмотка из тонкой проволоки.

4. Бусы: округлые сердоликовые типа 2а (рис. 8Б, 4), появившиеся еще в эллинистическую эпоху, но известные и в I–II вв. (Алексеева, 1982. С. 15. Табл. 38, 18); округлая из халцедона типа 2а (рис. 8Б, 5), встречающегося в погребениях с IV в. до н.э. по III в. н.э. (Алексеева, 1982. С. 11. Табл. 36, 17); граненые из горного хрусталя – 2 экз. (рис. 8Б, 6); из минерала сиреневого цвета с блестящей поверхностью (рис. 8Б, 7); пастовые желтого (рис. 8Б, 8) и коричневого (рис. 8Б, 9) цветов; стеклянная ребристая с металлической прокладкой типа 10 (рис. 8Б, 10), характерного для I в. до н.э. – I в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 31. Табл. 26, 42); стеклянная с шипами (рис. 8Б, 11), близкая типу 158 (Алексеева, 1978. С. 72. Табл. 33).

В продольных стенках шахты были сделаны два подбоя.

Погребение 96/1 в южном подбое, закрытом закладом из черепиц (рис. 8А) размерами – 0.4 × 1.55 м, содержало останки двух костяков: женщины 30–39 лет, положенной на спину, вытянуто, головой на ВСВ; девочки в возрасте около 14 лет, находившейся ближе ко входу в камеру. Второй скелет лежал с разворотом на левый бок, спиной к закладу. От черепа сохранилась лишь нижняя челюсть, черепная крышка найдена на тазовых костях первого костяка. Ориентировка та же, что и в случае со взрослой женщиной. Рядом с нижней челюстью девочки встречена фибула (рис. 8А, 6). В ногах стояли тарелка (рис. 8А, 4) и лагинос (рис. 8А, 5). У западной стенки могилы находилась россыпь из 32 астрагалов (рис. 8А, 8), среди них – бронзовая игла (рис. 8А, 7).

1. Красноглиняный лагинос местного производства (рис. 8Б, 12) имеет приземистое округлое тулово

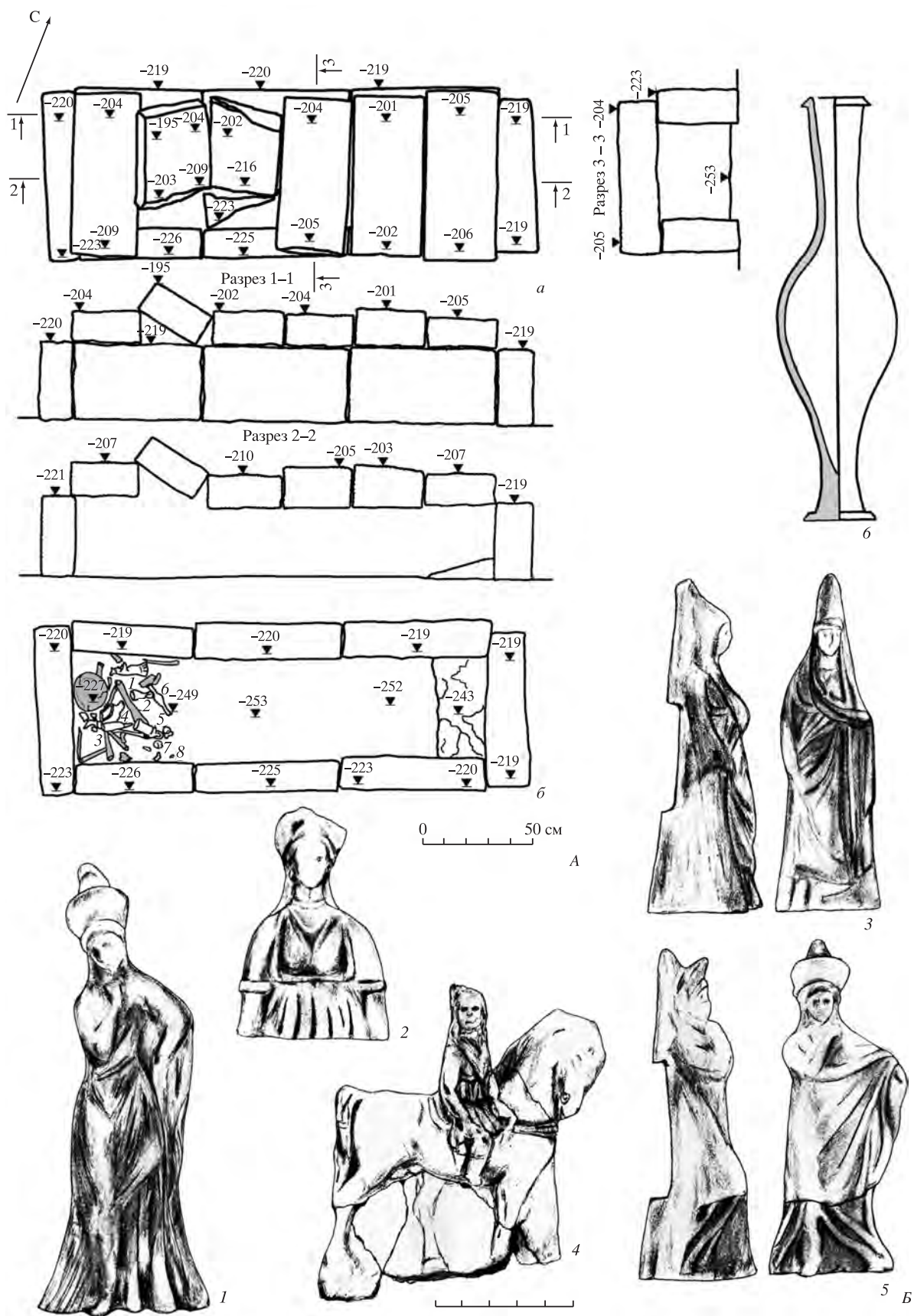

Рис. 7. Погребение 98.

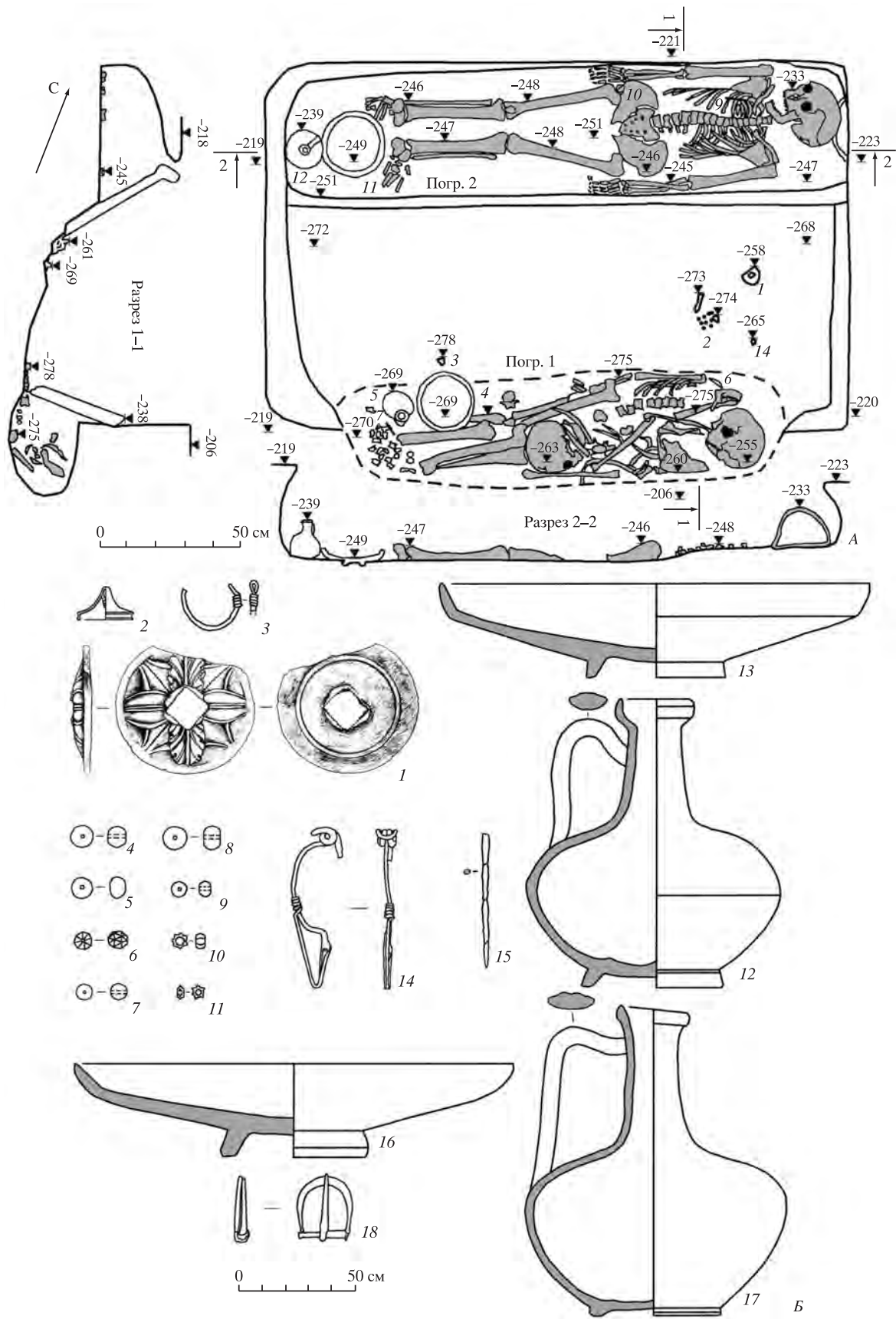

Рис. 8. Погребение 96.

на высоком поддоне, узкое горло с заостренным вертикальным венчиком с перегибом. Ручка – массивная петлевидная.

2. Красноглиняная тарелка на поддоне (рис. 8Б, 13). Ее бортик отогнут и поставлен под тупым углом к тулову. На поверхности местами сохранились следы ангоба.

3. Бронзовая фибула (рис. 8Б, 14). Пружина – четырехвитковая, тетива – верхняя, завязка – посередине дужки в пять оборотов. Спинка – низкая, плавно изогнутая, ее высота – 7,5 см, ножка – подвзаяная, не раскована. Застежка принадлежит группе одночленных фибул среднелатенской схемы. Она близка фибулам так называемого каратобинского варианта (Внуков, Лагутин, 2001. С. 117. Рис. 2, 17).

4. Бронзовая игла (рис. 8Б, 15) сохранилась во фрагментах.

Погребение 96/2 в северном подбое, также закрытом закладом из черепиц (рис. 8А). На двух черепицах имелось клеймо ΙΔΙΟΥΤΙΚΗ, на одной – ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ. В подбое совершено погребение мужчины 40–49 лет на спине, вытянуто, головой на ВСВ, руки – вдоль туловища. На груди найдены фрагменты железной иглы (рис. 8А, 9). Справа под тазовыми костями лежала бронзовая пряжка (рис. 8А, 10), в ногах стояли тарелка (рис. 8А, 11) и лагинос (рис. 8А, 12).

1. Сероглиняная тарелка с черным лощением (рис. 8Б, 16).

2. Сероглиняный лагинос (рис. 8Б, 17). Поверхность покрыта бурым, местами почти черным лощением.

3. Бронзовая подковообразная пряжка с подвижным язычком (рис. 8Б, 18). Ее рамка состоит из дуговидной передней части и стержня, к которому крепится язычок. Появление таких пряжек на варварской периферии связывают с началом распространения римской военной моды. Недавно предложена узкая дата для пряжек этого типа в пределах конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. (Труфанов, 2004. С. 162. Рис. 1).

Погр. 96/1 датирует фибула каратобинского варианта. Время их распространения определяется серединой I в. до н.э. – рубежом н.э. (Пуздровский, 2007. С. 80. Рис. 51, 11). Погр. 96/2 совершено ближе к концу I в. до н.э., на что указывает подковообразная пряжка. Первым совершено погр. 1, затем спустя некоторое время сделан северный подбой для погр. 2.

Среди позднеэллинистических погребений преобладали не женские, а мужские. По-прежнему господствуют ингумации в грунтовых могилах. Но для этого времени известны каменные ящики (рис. 1, 47), подбой с черепичным закладом (рис. 1, 56),

детское захоронение в амфоре (рис. 1, 65). Считается, что подбойные погребения получают распространение в боспорских некрополях в IV–III вв. до н.э. (Сударев, 2010. С. 436). Но в раскопах 2005–2007 гг. ни одного раннего подбоя открыто не было. Особый интерес представляет двойной подбой с закладами из черепиц (погр. 96). Кажется, этот комплекс обозначает важный хронологический рубеж в культурной истории Фанагории, знаменующий финал эллинистической эпохи и наступление времени римского влияния. Разнообразие типов погребальных сооружений Восточного некрополя дополняет детское захоронение в косской амфоре (рис. 1, 65). Аналогичные амфоры с о. Делос и места кораблекрушения у о. Антикифера датируются 70–50 гг. до н.э. (Empereur, Hesnard, 1987. P. 62. Pl. 4. № 20).

Как и ранее усопших хоронили на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и прямыми ногами. Укажем, что ни в одном из исследованных эллинистических погребений не отмечен варварский обычай скрещивать в голенях ноги или помещать одну из рук на нижнюю часть живота, о чем иногда пишут исследователи. По такому признаку, как ориентация заметна тенденция хоронить головой в восточную половину круга (на В – три, на ВСВ – четыре, на ЮЮВ – одно).

Набор погребального инвентаря в основном тот же, что и в предшествующий период. В погребения ставят пелики и леканы, кувшины (рис. 1, 57, 60) и тарелки (рис. 1, 45, 55) местного производства. Встречаются унгентарии веретенообразной формы (рис. 1, 48), но появляются самые поздние флаконы с выделенными плечиками (рис. 1, 54) ногайчинского типа (Зайцев, Мордвинцева, 2007. С. 321, 322). Набор украшений включает железные кольца, многовитковые бронзовые браслеты, бусы из стекла с внутренней металлической прокладкой и многоцветные, из сердолика, халцедона, горного хрусталя – типов, характерных для позднего эллинизма. В составе инвентаря присутствуют наборы терракот. В целом, по материалам некрополя фанагорийское общество эллинистической эпохи, несмотря на существование социальных, имущественных и иных различий, в этнокультурном отношении выглядит весьма гомогенно. Присутствие среди фанагорийского населения каких-либо варваров в материалах эллинистического некрополя не нашло сколько-нибудь заметного отражения.

В заключение следует остановиться на вопросе о финале эллинистической эпохи в культурной истории Фанагории. Начало новой эпохи на Боспоре обычно ведут сразу после завершения митридатовой эпопеи (Кошеленко, 2010. С. 395). Не отрицая значимости последней для истории Боспора, заме-

тим, что по материальной культуре пучок важнейших инноваций, знаменующих наступление новой эры в истории Фанагории, ощущается лишь спустя два-три поколения после гибели Митридата – не раньше правления Аспурга. Кажется, только с этого времени правомерно говорить о наступлении “римской эпохи” в культуре населения Фанагории⁴. И наоборот, практически никаких сколько-нибудь заметных перемен в массовой культуре и обрядности фанагорийцев не ощущается ни в середине, ни даже во второй половине I в. до н.э., когда в некрополе сохраняются практически все традиции, характерные для эллинизма.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 10-01-00343а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975 (САИ; Вып. Г1-12). 94 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Г1-12). 104 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982 (САИ; Вып. Г1-12). 105 с.
- Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 150 с.
- Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 189–226.
- Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980. 268 с.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 118). С. 96–121.
- Ворошилова О.М.* Некрополь Фанагории в I в. до н.э. – V в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт археологии РАН, 2012. 24 с.
- Даньшин Д.И.* Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э. (этнический состав и этнокультурные традиции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт археологии РАН, 1992. 20 с.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика / Отв. ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 319–358.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наук. думка, 1982. 142 с.
- Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и их местные особенности // МИА. 1959. № 69. С. 257–295.
- Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–101.
- Колтухов С.Г.* Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // ДБ. Вып. 9 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: Институт археологии РАН, 2006 С. 228–259.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н., Русаков М.Ю., Панков А.В., Бокша Ю.И.* Работы на Елизаветовском городище в 2009–2010 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2012. С. 114–122.
- Коровина А.К.* Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. Вып. VIII. М., 1987. С. 71–109.
- Кошеленко Г.А.* Религия и культура // Античное наследие Кубани. Т. II / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 417–454.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 430–469.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Studia Pontocausasica. Вып. 3. Краснодар, 1997. С. 46–57.
- Марченко И.Д.* Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 102–127.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1996. 336 с.
- Медведев А.П.* Восточное предместье Фанагории // Проблемы истории и археологии Слободской Украины: Матер. VIII Междунар. конф. / Отв. ред. С.В. Дьячков. Харьков: ООО “НТМТ”, 2012. С. 41, 42.
- Неверов О.Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1. С. 106–115.
- Парович-Пешикан М.Б.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наук. думка, 1974. 217 с.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Рогов Е.Я.* Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 26–42.
- Сапрыкин С.Ю.* О хронологических границах эпохи эллинизма // История: мир прошлого в современном освещении / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 213–234.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
- Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 128 с.

⁴ Разумеется, это не означает, что автор отрицает сохранение на Боспоре эллинистических традиций в других сферах жизни (Сапрыкин, 2008. С. 213–234).

- Стоянов Р.В.* Новый тип погребальных венков из некрополя Херсонеса Таврического // АМА. Вып. 11. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002 / Отв. ред. С.Ю. Монахов. С. 187–194.
- Сударев Н.И.* Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 418–472.
- Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.
- Финогенова С.И.* Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им А.С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 167–177.
- Шавырина Т.Г.* Раскопки Западного некрополя Фанагории // ДБ. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 355–366.
- Яровой Е.В.* Мистика древних курганов. М.: Вече, 2005. 464 с.
- Anderson-Stojanović V.R.* The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // AJA. 1987. V. 91. P. 105–122.
- Empereur J.-Y., Hesnard A.* Les amphores Hellenistiques // Ceramiques Hellenistiques et Romaines. V. II / Eds P. Leveque, J.-P. Morel. Besanson, 1987. P. 10–49.
- Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997 (The Athenian Agora; V. 29). 575 p.

ГОРОДИЩЕ АЛЕКСАНДРОВА ГОРА – ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ V в. до н.э. – XVII в. н.э.

© 2014 г. К.И. Комаров

Институт археологии РАН, Москва

Ключевые слова: *Александрова гора, Клещин, Переславль, Плещеево озеро, А.С. Уваров, П.С. Савельев.*

The Alexandrov Mountain is situated on the spur on the Northern valley side of Lake Pleshcheyevo. It presents the site with the complicated stratigraphy of a cultural layer, consistently deposited in it in different periods of living: 1) the 5th BC – 5th AD; 2) the middle of the 10th – the beginning of the 11th centuries; 3) the middle of the 12th – the beginning of the 13th centuries; 4) the 14th – the beginning of the 17th centuries. The first horizon of the cultural layer belongs to the site of the Dyakovo type. The second and third horizons are more common for boyar country-seats existed here with some time break. Two barrow cemeteries, dated back to the middle of the 10th – the beginning of the 11th centuries and the middle of the 12th – the beginning of the 13th centuries, adjoined to the site, match them. The fourth horizon deposited in the period of the monastery, ruined in the Time of Troubles. The city Kleshin, as Pereslavl the new, has risen of different basis due to the development of feudal public relations in Rus.

Александрова гора расположена на северо-восточном берегу Плещеева озера. Она представляет собой мысовый отрог коренного плато, окружающего озерную котловину. Со стороны озера гора имеет вид массивного холма высотой от подошвы до 30 м, ограниченного с обеих сторон широкими овражными впадинами (рис. 1, *b*). С напольным плато она соединяется относительно пониженной узкой перемычкой длиной около 150 м. Плоская вершина горы образует относительно ровный участок подтреугольной в плане формы площадью около 0.15 га. По местным легендам, на горе стоял терем Александра Невского или располагалось славянское капище – Ярилины плешь. Некоторые историки полагали, что на горе располагался древнерусский город Клещин, предшественник Переславля-Залесского (Воронин, 1951; Третьяков, 1963).

В 1853–1854 гг. площадка горы была исследована П.С. Савельевым, продолжившим начатые в 1851 г. А.С. Уваровым раскопки владимирских курганов. Кроме курганов тогда раскапывались и другие памятники, главным образом городища (Клещино, Александрова гора, Сарское и др.). Результаты раскопок обобщил А.С. Уваров (1871). На этом основании археологические исследования на Владимирщине в 1851–1854 гг. традиция связывает с его именем. А.А. Спицын подверг его работу суровой критике, в особенности методику раскопок и фиксацию материалов (1899. С. 212–215), впоследствии поддержанной Е.И. Горюновой: “Раскопки владимирских курганов А.С. Уваровым и П.С. Савельевым ... в итоге дали лишь хаотическую груду несистематизированных беспаспортных вещей, а

печатная сводка, в значительной части сделанная Уваровым по памяти, не могла служить полноценным источником для исторических выводов” (1961. С. 40). Огульный подход к оценке работ основательницей российской археологии в период ее становления, в принципе непродуктивный, представляется неправомерным. Работа А.С. Уварова, в свое время признаваемая классической, ввела в науку новый широкий круг источников по истории Киевской Руси. Она основана на отчетной документации авторов раскопок, в полном объеме сохранившейся в ОПИ ГИМ (Уваров, 1853–1854) и архиве ИИМК (Савельев, 1853–1854а, б), и сохраняет источниковедческое значение. Об этом однозначно свидетельствуют собственноручные пометки А.С. Уварова на отчетных документах, хранящихся в ОПИ ГИМ. Обращение к подлинным документам о раскопках владимирских курганов показало их достаточную информативность для полноценных исторических выводов (Комаров, 1995; Рябинин, 1988).

Раскопки городища велись “канавами”, т.е. исследовательскими траншеями (рис. 2, *1*), и, видимо, охватили всю площадь (Савельев, 1853–1854б. Л. 19). Канавы копались на глубину от $\frac{3}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ аршин, т.е. от 0.5 до 1.8 м. Вероятно, это соответствовало толщине культурного слоя, который описывался терминами “насыпь”, “насыпной слой”. Канавы глубиной 6–7 аршин копались по склону и, видимо, были попыткой исследовать стратиграфию собственно горы. На черновом наброске стратиграфии у склона городища (разрез Б) показан слой толщиной $4\frac{1}{2}$ аршина – более 3 м (Савельев, 1853–1854а.

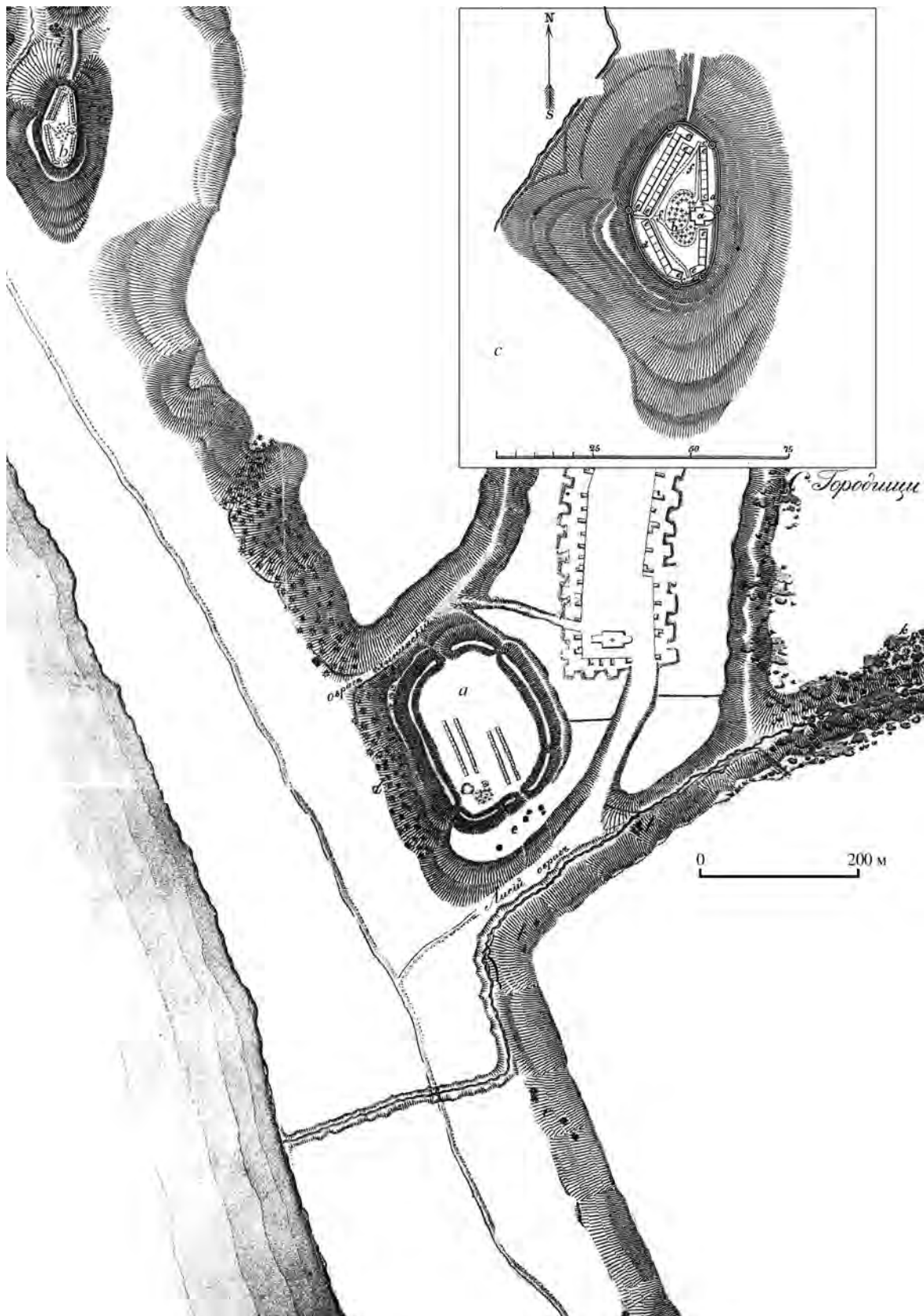

Рис. 1. Александрова гора и городище Клешино. План: *a* – городище Клешино; *b* – Александрова гора; *c* – монастырские постройки, реконструкция П.С. Савельева (1853–18546).

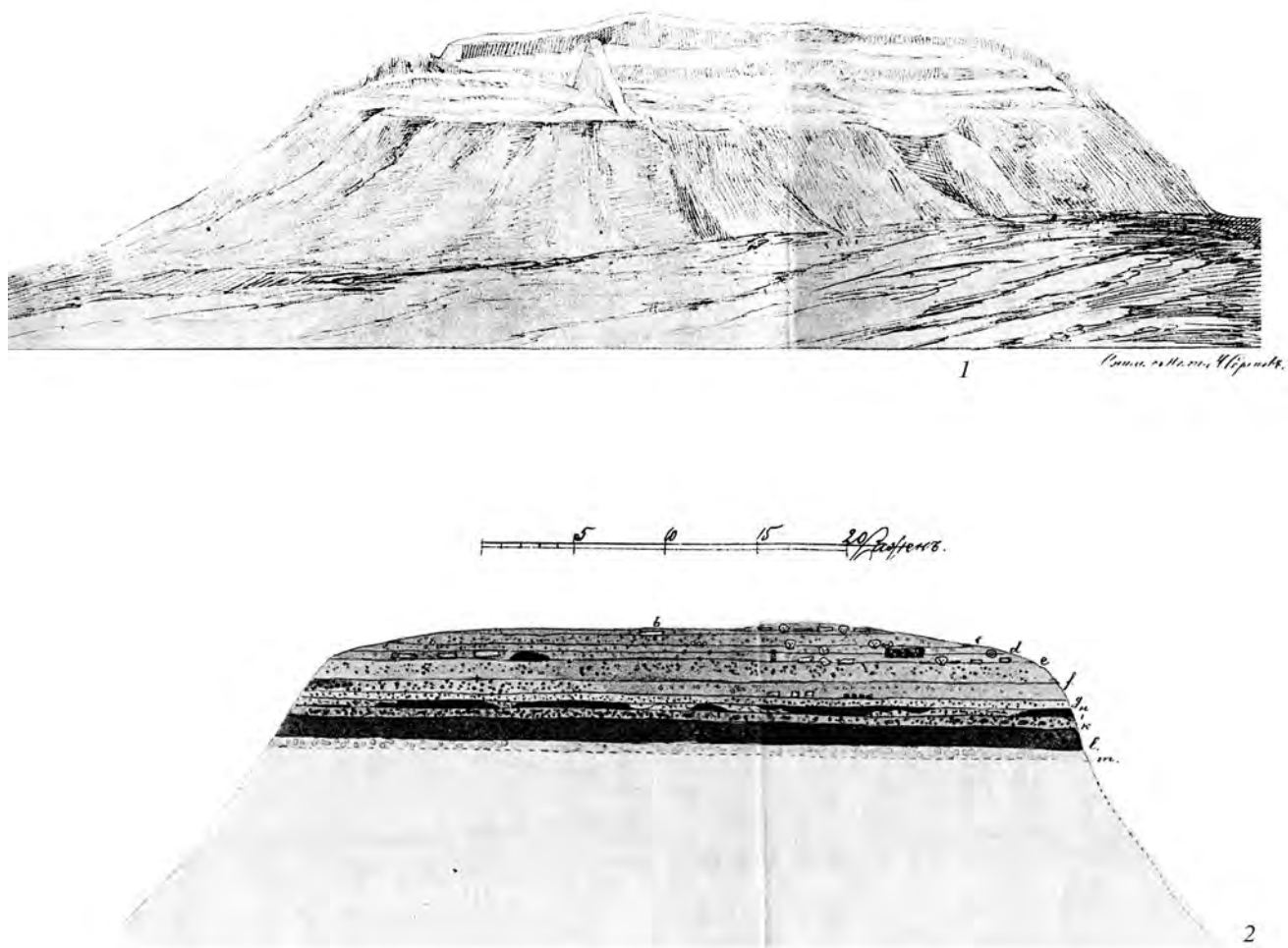

Рис. 2. Александрова гора. 1 – общий вид раскопок; 2 – стратиграфия культурного слоя по П.С. Савельеву (1853–18546).

Л. 23). Возможно, в этом месте было углубление или яма в материке. На разрезе Александровой горы – разрез А (рис. 2, 2) – П.С. Савельев представил подробную стратиграфию культурного слоя (1853–18546. Л. 25). В дневниковых записях приведен перечень находок, собранных при раскопках (далее опись).

Профили культурного слоя показывают сложность его строения. П.С. Савельевым разрез А описан, начиная сверху, следующим образом: *a, b* “насыпь”, скелеты, надгробные плиты (одна 1512 г.), кирпичи¹, бревна, горшок, костяные иглы, бусы, слюда; *c* “насыпь”, скелеты, кубышка с монетами царя Ивана IV; *d* “насыпь”, основания башен и ограды, скелеты, печь с горшками; *e* “насыпь”, угли, бревна, ряд кирпичей, обломки плит, скелеты и разные вещи; *f* “насыпь”, резной крест, монеты царя Ивана III; *g* “насыпь”, обломки плит, кирпичи, монеты русско-татарские и татарские, лезвие кинжала; *h* “насыпь”, щебень, ножи; *i* “насыпь”, угли и кирпичи; *k* “насыпь”, кирпичи, черепки,

ножи небольшие, железная пряжка и ключ, подобные находимым в курганах; *l* “насыпь”, угли; *m* песок – материк.

На карандашном черновом наброске (разрез Б) в культурном слое указана песчаная прослойка, по видимому, стерильная. Описание идет сверху вниз: 1 и 2) желтая земля, песок; 3) черный слой; 4) желтый слой и глина; 5) черный слой; 6) песок; 7) глина; 8) черный слой; 9) уголь.

Оба стратиграфических разреза в принципе сопоставимы. Нижний слой в разрезах А и Б описан одинаково: насыпь, черный слой, угли. Он самый мощный из всех слоев по толщине. При исследовании отвалов прежних раскопок А.Е. Леонтьев отметил обратную, зеркальную стратиграфию: нижний слой оказался верхним. Он состоял из мелкой углистой супеси интенсивно-черного цвета (Леонтьев, 1988. Л. 11, 12). В этом слое содержатся многочисленные обломки сетчатой керамики, зафиксированные также И.В. Дубовым (1979). По находкам из раскопок П.С. Савельева нижний горизонт можно

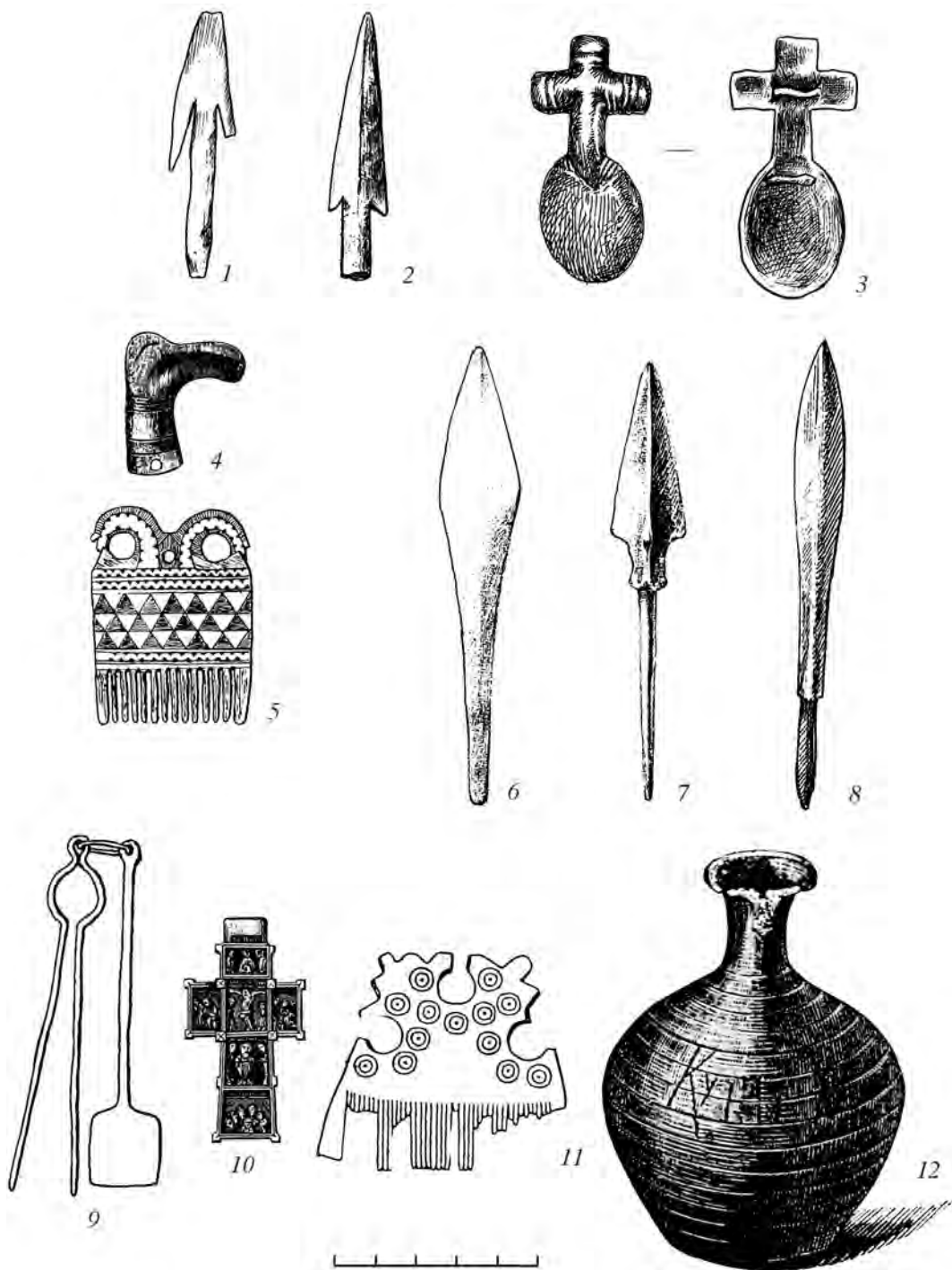

Рис. 3. Александрова гора. Находки в культурном слое. 1, 2, 6–8 – наконечники стрел; 3 – фибула крестообразная; 4 – затыльник рукояти плети; 5, 11 – гребни; 9 – амулет-подвеска; 10 – крестик нагельный резной; 12 – кубышка с монетами Ивана IV. 1, 6–9 – железо; 2, 5, 10, 11 – кость; 3 – биллон; 4 – бронза; 12 – керамика.

датировать V в. до н.э. (черешковые двушипные наконечники стрел из кости и железа (рис. 3, 1, 2); костяные шилья, проколки, гарпун, глиняная фигурка животного) – V в. н.э. (крестовидная фибула с овальным щитком из белого металла (рис. 3, 3), какая-то часть найденных здесь железных ножей и,

вероятно, втульчатый топор, обозначенный в описи (№ 164) теслом). Слои *i*, *k* разреза А сопоставимы со слоями 7 и 8 разреза Б. По А.Е. Леонтьеву, в обратной стратиграфии под слоем черной углистой супеси идет слой темно-серого цвета, местами с бурым оттенком. С ним связана лепная неорнамен-

тированная керамика с примесью мелкой дресвы и песка в тесте и один фрагмент с подлощением. К этому слою можно отнести находки монет Тагиридов и Саманидов 858 и 900 гг., небольшие ножи, “подобные находимым в курганах”, в том числе с “проволочным ободком” (Опись, № 281), ключ в форме лопатки, кресало, огниво, пряжку курганного типа, пинцет, фрагмент глиняного кольца, возможно, каменные формочки для отливки украшений (три целых и обломок), костяной гребень с конскими головками на спинке (рис. 3, 5). Кроме того, в описи (№ 41, 199) отмечены монета медная восточная X или XI в. и подражание саманидской монете X в.

Слой *h* разреза А соответствует слою 5 разреза Б. На последнем он отделен от слоев 7 и 8 песчаной прослойкой, возможно стерильной. По А.Е. Леонтьеву, он состоит из серо-коричневого суглинка В нем содержится гончарная керамика развитых форм, которая датируется не ранее XII в. К этому слою могут относиться бронзовый затыльник рукояти плети (рис. 3, 4), некоторые наконечники стрел (рис. 3, 7), три шиферных пряслица. Затыльник по классификации А.Н. Кирпичникова относится к типу IV, который оформляется к XII–XIII вв. (1973. С. 74). Автор повторил описку А.С. Уварова, назвав местом находки с. Каблуково, но правильно отнес ее к слою городища (см. также опись, № 221). Верхние слои *a–g* разреза А и слои 1–4 разреза Б целиком относятся к монастырскому периоду жизни на городище. Здесь исследованы остатки церковного строения, повторно возобновлявшегося, костяки с нательными крестиками, надгробные плиты и их обломки.

Культурный слой Александровой горы делится на несколько горизонтов, в которых отложились остатки поселений от середины I тыс. до н.э. до начала XVII в. Начальный период жизни на городище представлен нижним горизонтом культурного слоя. По составу аморфный, с большей примесью углей, он относится к раннему железному веку. По отмеченным исследователями предметам инвентаря в целом он датируется V в. до н.э. – V в. н.э. Первоначальное поселение на горе относилось к городищам дьякова типа. Учитывая разный возраст находок, нет уверенности в том, что нижний горизонт культурного слоя составлял единое целое и без перерывов формировался на протяжении тысячелетия.

Слой с находками восточных монет, лепной керамики и некоторых других предметов датируется X в. и отмечает начальный период славянского расселения в крае. Около начала XI в. жизнь на поселении, по-видимому, прекращается и возобновляется не ранее середины XII в. Перерыв отме-

чается отсутствием в находках вещей XI – начала XII в. По наблюдению А.Е. Леонтьева, слой с гончарной керамикой XII в. никак не связан со слоем, содержащим лепную. По его словам, “версия о перерастании мерянского (я бы поправил славяно-мерянского) поселка, с которым, вероятно, связаны дирхемы, в древнерусское городище, а позже и монастырь – не нашла подтверждения” (Леонтьев, 1988. Л. 12). Этот перерыв отмечен ранее по материалам примыкавших к городищу курганных могильников (Комаров, 1995. С. 166).

К древнерусскому поселению на Александровой горе примыкали два курганных могильника, несомненно, с ним связанные. Один из них располагался на противоположном от городища склоне оврага. Он состоял из 34 курганов. Все они содержали погребения по обряду кремации. В 25 курганах отмечены только “жженные кости и угли”. Из девяти инвентарных погребений можно условно выделить три мужских. При них были найдены весы, ключ, наконечники стрелы и копья с двумя ножами, бронзовая изогнутая пряжка – фибула (?). В предположительно парном погребении вместе с двумя железными ножами, шпилькой (булавка с кольцевым навершием), круглой пряжкой были сплавы бронзовых вещей, бус и фрагмент саманидской монеты. В женском инвентаре наряду со сплавами медных украшений и бус в отдельных погребениях отмечены височные кольца-обручи; бронзовые витая гривна, браслеты, перстень; синяя продолговатая бусина, треугольная ажурная подвеска с привесками-бубенчиками, большой бубенчик. Второй могильник из 16 курганов располагался на коренном плато у выхода на него перемычки от площадки городища. В них были погребения по обряду ингумации без вещей. Могильники явно сформировались в разные периоды жизни на городище славянского населения. Первый из них не может датироваться позднее середины X – началом XI в., второй – ранее XII – началом XIII в. (Комаров, 1995).

В свое время Н.Н. Воронин, а за ним П.Н. Третьяков предполагали, что на Александровой горе располагался летописный город Клещин. Приведенные выше данные опровергают это мнение. Как уже указывалось, заселявшаяся площадь Александра городища не превышает 0.15 га. А.В. Куза относит городища площадью до 0.3 га к первой группе и в согласии с В.В. Седовым определяет их как феодальные усадьбы (Седов, 1978. С. 146; Куза, 1996. С. 38–45). В какой-то мере этому соответствует и не совсем обычный для столь малого поселения состав находок. Среди них – предметы торговли: монеты, весы в погребении с кремацией; ремесла: каменные формочки для отливки украшений, булавки с коль-

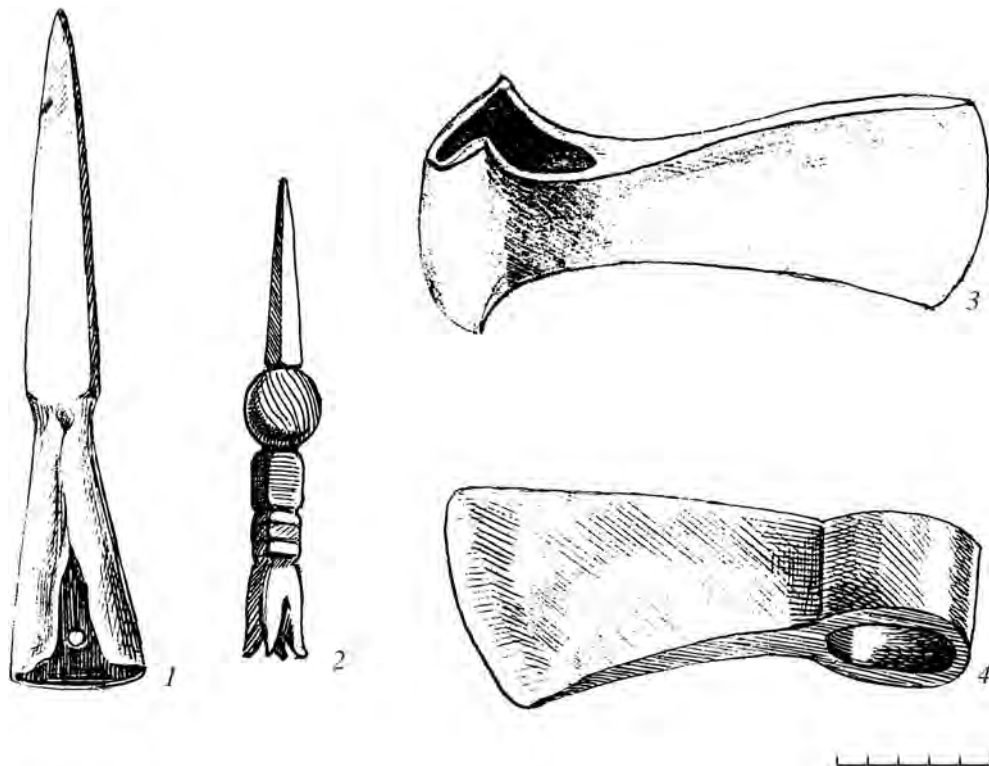

Рис. 4. Александра гора. Железные предметы. 1, 2 – наконечники копий; 3, 4 – топоры.

цевым навершием, обломок ритуального глиняного кольца, а во втором средневековом слое – затыльник или навершие рукояти плети, элемент снаряжения конного воина.

Как показывает обзор сохранившихся археологических данных, жизнь на Александровой горе прекращалась несколько раз. Последнее запустение пришлось на приблизительно 150-летний период: с начала XI до первой половины XII в. В это время в Ростово-Суздальской земле появились первые города. Городское строительство было связано с деятельностью Владимира Мономаха по обустройству своих владений. Любечский съезд 1097 г. закрепил эту землю за Мономашичами. Владимир в 1101–1108 гг. совершает периодические наезды в Ростов, строит укрепленные валами города: Суздаль, Владимир, Переяславль старый – позднее Клещин. Основание Клещина в этот период подтверждается началом функционирования городского некрополя (Комаров, 1995. С. 156–160).

В середине XII в. в условиях обострения внутренней политической обстановки Юрий Долгорукий строит новые города: Юрьев Польской, Дмитров, Коснятин, Кидекшу, Москву, расширяет Владимир-на-Клязьме, а Переяславль переносит на новое место “Юрьи Долгорукий ... градъ Переяславль отъ Клещина перенесе” (ПСРЛ, 1862. С. 196, 197). Город Клещин сохранился в виде окруженно-

го валами городища. Городище расположено при одноименном селе на мысу коренного восточного берега оз. Плещеево высотой около 20 м от основания озерной поймы. Валу его окаймляют овальную в плане площадку размерами 175 × 120 м на оконечности мыса между оврагами Лисий и Глининский. По смыслу известия новый город Юрия наследовал название своего предшественника, а Переяславль старый получил новое имя “Клещин” по древнему наименованию озера. Клещин возник в густо населенной округе (Комаров, 2006), но собственная экономическая его роль практически не заметна. Первоначально он был княжеской крепостью, опорным пунктом его власти и имел преимущественно военно-оборонительное значение в сочетании с некоторыми административными функциями. По классификации А.В. Кузы города подобной площади относятся к типу волостных центров, подчиненных непосредственно Киеву или одной из столиц образовавшихся земель-княжений (1996. С. 70).

На старом месте Переяславль не мог удовлетворять потребностей округи ни по своим размерам, ни по расположению на отдаленном берегу мелководного в прибрежье озера, ни по условиям рельефа, затрудняющего развитие городского посада. Новый город строится на равнине в устье впадающей в озеро р. Трубеж. Заложенный при его осно-

вании Спасо-Преображенский собор достраивается Андреем Боголюбским в 1157–1160 гг. Городская округа теперь включает в себя с одной стороны плодородную окраину Суздальского Ополя, с другой – все Клещинское поозерье с обширными лесами, богатыми рыбными, охотничьими угодьями и сенокосами. Плещеевская волость приобретает самостоятельную экономическую основу. Переяславль становится стольным городом. В 1076 г. утвердившийся во Владимире Михалко Юрьевич сажает в Переяславле младшего брата Всеволода (ПСРЛ, 2001. Стб. 379). Позднее удельным князем здесь сидел сын Всеволода Ярослав и город стал доменом Ярославичей. Город сохранился после татаро-монгольского нашествия и играл заметную роль в истории Московской Руси.

Александрова гора изначально была местом боярской усадьбы, освоившей бывшее городище дьякова типа. Подобную усадьбу в ближайшей округе можно предположить на прибрежном плато к северу от с. Городище близ курганного могильника 12 (Комаров, 1995. С. 140, 167). На Александровой горе в послемонгольское время был основан монастырь, отделение Никитского монастыря. По находкам монеты Джанибека (около 1359 г.) и гривны новгородского типа весом около 179 г время его основания можно отнести к середине XIV в. Находки монет татарских, русско-татарских и Ивана III датированы XV–XVI вв. В верхнем горизонте слоя найдены более 1000 монет Ивана IV в кубышке (рис. 3, 12), надгробная плита с надписью “1512”, бронзовый наугольник евангелия, железные наконечники копий и другие предметы (рис. 4), которые указывают “на формы и стиль изделий XV–XVI века” (Уваров, 1871. С. 658). В этом же слое выявлено много костяных изделий: резных крестиков, гребней и т.п., железный амулет (рис. 3, 9, 10). Один гребень (рис. 3, 11) был найден И.В. Дубовым в отвале раскопа (1977–1978. Рис. 267).

По периметру монастырь был огражден деревянной стеной с шестью башнями. С внутренней стороны к стенам примыкали монастырские кельи (рис. 1, с). Монастырь, судя по кладу с монетами Ивана IV, был разорен в Смутное время начала XVII в. и прекратил свое существование. Легенды о тереме Александра Невского и славянском капище на Александровой горе не нашли своего подтверждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронин Н.Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. 1951. Вып. XLI. С. 5–29.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 94). 264 с.

Дубов И.В. Работы на Плещеевом озере // АО – 1978 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 61.

Дубов И.В. Альбом к отчету о работах Ярославской экспедиции за 1977–1978 гг. Архив ИА РАН, Р-1. № 9147-а.

Киртичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973 (САИ; Вып. Е1-36). 234 с.

Комаров К.И. К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщ. Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль: Содействие, 1995. С. 137–172.

Комаров К.И. Славянские поселения на Плещеевом озере в X–XIII вв. // Археология: история и перспективы. Вторая межрайонная конф. Ярославль, 2006. С. 424–438.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. М.: РГНФ, 1996. 254 с.

Леонтьев А.Е. Отчет о работах Волго-Окской экспедиции в 1988 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 12858.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. 282 с.

Рябинин Е.А. Славяно-мерянские курганные могильники Владимирской земли (по материалам раскопок 1853–1854 гг.) // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси) / Ред. М.В. Седова. М.: ИА РАН, 1988. С. 33–56.

Савельев П.С. Дневники археологических розысканий во Владимирской губернии в 1853–1854 гг. Архив ИИМК. Ф. 8. Д. 4. 1853–1854а.

Савельев П.С. Иллюстративный материал к раскопкам П.С. Савельева во Владимирской губернии в 1853–1854 гг. Архив ИИМК. Ф. 8. Д. 6. 1853–1854б.

Седов В.В. Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 143–149.

Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1, 2. СПб., 1899. С. 117–302.

Третьяков П.Н. Древнерусский город Клещин // Проблемы общественно-политической истории России и славянских земель. М.: Вост. лит., 1963. С. 49–53.

Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. I Археол. съезда. Т. II. М., 1871. С. 633–847.

Уваров А.С. Дневники археологических розысканий во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. № 215.

БЕЛОКАМЕННЫЕ ГЕРБЫ НА БОРОВИЦКОЙ БАШНЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ. РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ОСМОТРА

© 2014 г. Д.А. Петров*, Д.Е. Яковлев**

*Архитектурные мастерские Классика, Москва (dpetrovsv@yandex.ru)

**ФГУП ЦНРПМ, Москва

Ключевые слова: Кремль, Боровицкая башня, герб, двуглавый орел, лев, змий, всадник.

The article presents the results of an external examination of the three limestone blocks with bas-reliefs, installed on the Borovitskaya gatetower of the Moscow Kremlin. Images carved on blocks are of: 1) rider with raised sword in his hand on a galloping horse; 2) vertical shapes of a lion with a sword in his paw and serpent (wyvern), both under two closed (imperial) crowns and two-headed eagles with the three – teeth crowns. As a result, the inspection found that the stone blocks set in the original masonry of 1490.

На наружных гранях Боровицкой башни Московского Кремля и пристройке к ней (1490 г.) находятся резные белокаменные шестигранные изогнутые гербовые щиты с геральдическими изображениями: двуглавый орел под зубчатой короной, всадник, лев с мечом и змий под закрытыми коронами (рис.1; 3).

Судя по фотографиям (рис. 1; 3), пространство между мостом въезда в Боровицкую башню было свободно от деревьев вплоть до 1950-х годов. Боровицкая башня во всех своих деталях (и прежде всего

ее гербы) была хорошо видна, хотя и с достаточно большой дистанции. До момента введения режимного проезда существовала возможность рассмотреть два герба из трех с близкого расстояния. Даже сейчас легко сфотографировать герб со всадником, остановившись у калитки в стене. Вызывает большое удивление то, что за последние 100 лет ни один исследователь не обратил внимания и не попытался изучить гербы. Только замечательный русский архитектор и историк Н.В. Султанов в книге о памятнике Александру II, возведенному им в Кремле в 1890-х годах, заметил о гербах: “Любопытно то обстоятельство, что они уцелели на Боровицких воротах по обеим сторонам въездной арки, куда они были занесены итальянцами, строителями Кремля. Щиты эти по общей форме представляют собою ни что иное, как металлический налобник лошади, и являются, таким образом, остатком рыцарского конского снаряжения” (1898. С. 572). К сожалению, в советское время интересоваться книгой под названием “Памятник императору Александру II в Кремле Московском” никому не приходило в голову, поэтому точное и продуктивное замечание Н.В. Султанова осталось незамеченным, а его предположение – непроверенным. Представляется, что такую проверку стоит предпринять.

Первичная съемка гербов с земли показала, что форма гербовых щитов и изображения на них представляют значительный интерес. По материалам фотофиксации были проведены предварительные разыскания по форме щитов и характеру их оформления, результаты которых опубликованы (Петров,

Рис. 1. Современное состояние. Фото Д.А. Петрова.

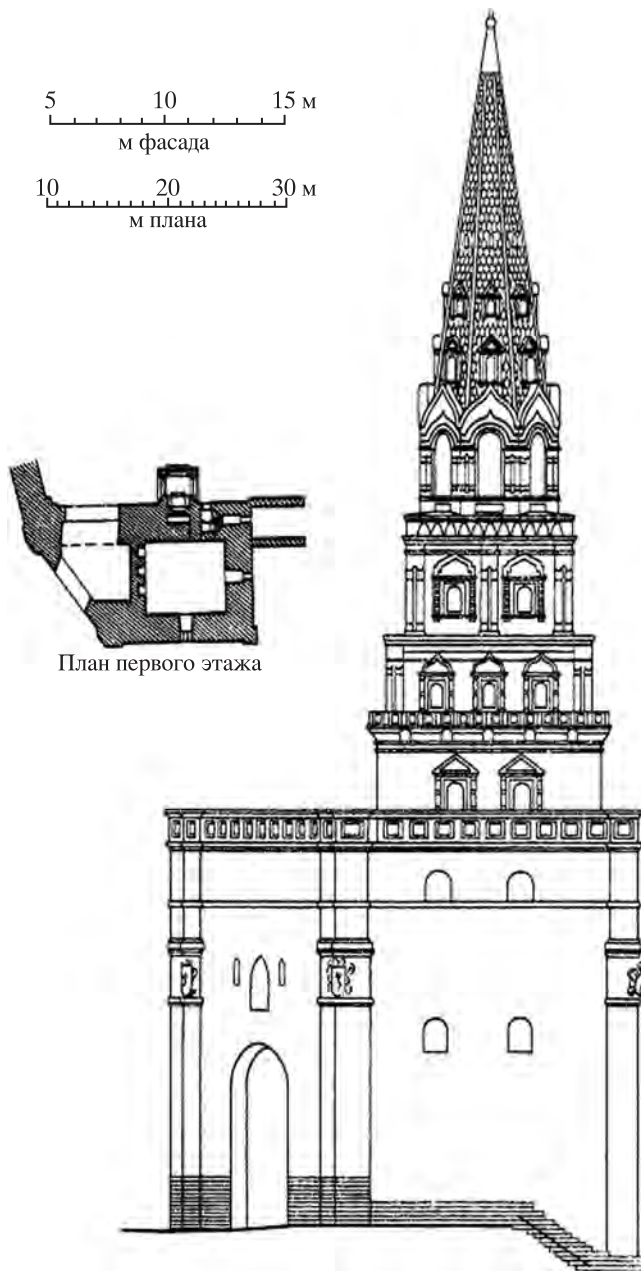

Рис. 2. Фасад Боровицких ворот (по: Бартенев, 1912. Илл. 202).

2012. Р. 3–17; 2013. С. 471–476). Стало понятно, что форма гербовых щитов и их оформление находят полные и прямые аналогии в итальянской геральдике 1460–1500 гг.

Однако иконографический анализ, сделанный по фотографиям с большой дистанции, показал только внешние общие формы гербов и не дал ответов на вопрос о подлинности этих скульптурных изображений, их физическом состоянии, деталях и элементах, невидимых снизу. Возникла очевидная необходимость детальной фиксации в виде архи-

Рис. 3. Вид Боровицких ворот. 1883 г. Отдельный фотоотпечаток. Фото Шерер, Набоглиц и К°.

тектурно-археологических обмеров и тщательного визуального анализа кладок и растворов с близкого расстояния.

Гербы и окружающая их кладка осматривались авторами настоящего сообщения с площадки механического подъемника в течение двух дней (работы осуществлялись рано утром) в октябре 2012 г. Отметим, что скульптура гербов сохранилась по-разному. Боковые гербы – в удовлетворительном состоянии, на них почти нет каверн, повреждения носят локальный характер. Совершенно иная ситуация с центральным гербом – разрушение памятника приняло системный характер, приведший к безвозвратной потере важных деталей; этот рельеф требует немедленного вмешательства реставраторов (рис. 4, в, г).

К сожалению, в первый день установка подъемника непосредственно в проезде ворот действующей государственной резиденции, а во второй – сложность установки машины на покатоном склоне в плохих погодных условиях (дождь и сильный ветер, раскачивавший площадку подъемника на высоте почти 20 м) не позволили перемещать механизм и осмотреть гербы не торопясь, с разных позиций. Удалось провести фотофиксацию, обмер рельефов и визуальный осмотр кладок вокруг каменных

а

б

в

г

Рис. 4. Герб со всадником (а), герб со львом и змием (б), герб со львом и змием, детали (в, г), герб с двуглавым орлом (д), герб с двуглавым орлом, деталь (е). Фото Д.А. Петрова.

блоков. В результате выявлены детали, невидимые с земли. Это объективная информация, позволяющая сделать предварительные выводы, обозначить проблемы и дальнейшие пути изучения.

Герб со всадником (рис. 5, а). Белокаменный блок с гербом установлен на двухгранной угловой

северной пилястре западного фасада между двумя карнизами. Как и у пилястры поверхности блока имеют угол около 120°. Под гербом проходит карниз, состоящий из белокаменного вала и кирпичной полки под ним. Над гербом расположен белокаменный профиль в виде каблучка с полкой. Судя по

д

е

Рис. 4 (Окончание.)

тонкой вытеске каблучка, профиль – первоначальный. Интересно, что в кладку над этим профилем вместе с брусковым кирпичом введены отдельные ряды из плинфовидного “русского” кирпича. Справа и сверху к гербу примыкает тычковая кирпичная

кладка середины XIX в. (приблизительные размеры тычков – 11–12 × 6.5 см), на известковом растворе, снизу и слева – первоначальная верстовая (готическая) кладка из большемерного кирпича конца XV в. (размер в среднем – 29–30 × 14 × 7–7.5 см) и на характерном растворе с включениями крупного темного песка и кирпичной крошки. Несмотря на то что кирпичи и швы тонированы при современных реставрациях, видно, что блок с гербом установлен на растворе XV в. В единовременности кладки и блока убеждает раскладка кирпичей в рядах. Угол лопатки выполнен с перевязкой “тычок–ложок”, что типично для готической системы перевязки XV в. К блоку с гербом, также через ряд, подходят в основном тычки и ложки. Но из-за небольшого расстояния от блока до угла пиллястры ни в одном ряду не удалось выдержать их ровное чередование, и каменщикам пришлось использовать трехчетвертные кирпичи и четверти.

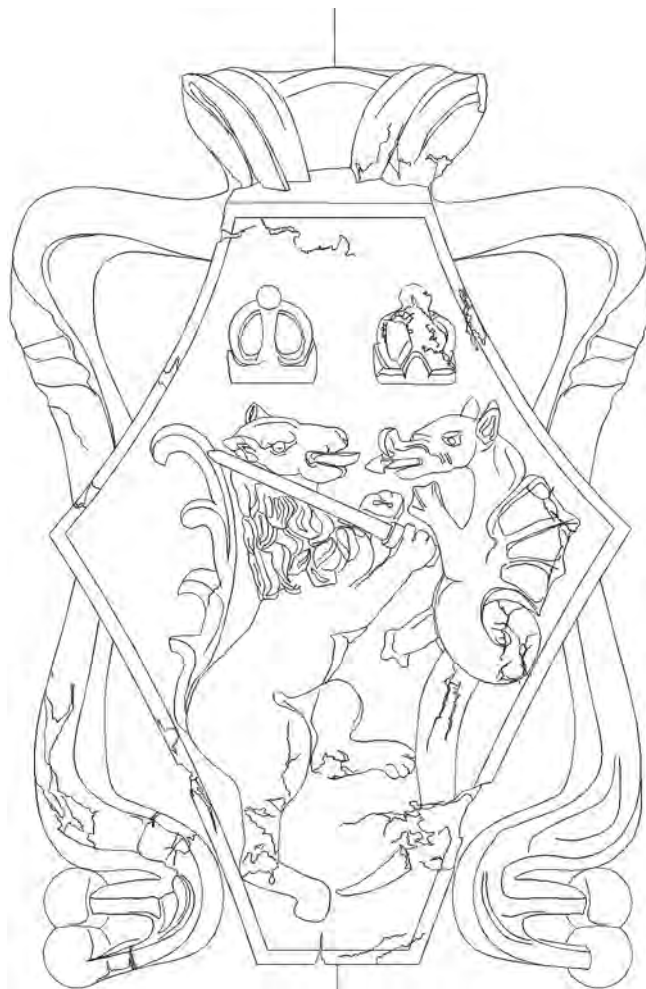
Герб вырезан из прямоугольного блока белого камня. Блок установлен в кладку таким образом, что оставленный при теске рельефа гладкий фон находится заподлицо с кладкой пиллястры башни. Камень, из массива которого вырезан герб, имеет размеры по граням лопатки 35–37 см и высоту – 87–89 см. Над ним, заподлицо с фоном, установлена сравнительно плоская плита (плинт) высотой 15–17 и размерами по граням лопатки около 40 см. Высота щита – 77 см, ширина – 58. Вынос верхнего и нижнего краев щита относительно среднего ребра лопатки составляет 16–17 см. Вынос лент от краев блока также достигает 17 см. Композиция выполнена в технике горельефа настолько высокого, что в нескольких местах фрагменты скульптуры (гербовый щит и ленты) полностью оторваны от поверхности блока. Скульптура и блок покрыты несколькими слоями побелки, причем нижний слой – отчетливый розоватый. Толщина побелки достаточно большая, кажется, что многие тонкие детали рельефа ею скрыты.

Композиция представляет герб, обрамленный лентами. Щит герба имеет шестиугольную форму с параллельными верхней и нижней гранями и боковыми гранями, слегка изогнутыми внутрь. Само поле также имеет изгиб внутрь, с краями, выгнутыми наружу. Нижнее поле гербового щита сильно оторвано от поверхности блока, что хорошо просматривается при взгляде сбоку. По краям щита проходит узкий кант (рамка). На щите помещено изображение всадника на лошади, скачущего справа налево от зрителя. Правая рука всадника поднята как для замаха и держит вытянутый предмет, более всего напоминающий саблю, – короткий, широкий, слегка изогнутый клинок с достаточно округлым

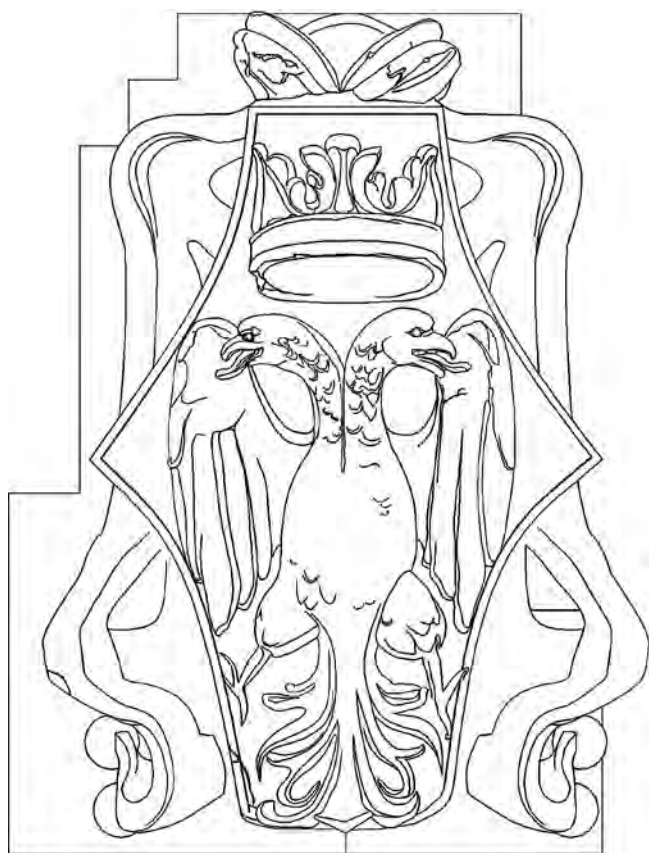
a

0 50 см

б

0 50 см

в

0 50 см

Рис. 5. Герб со всадником (*a*), герб со львом и змием (*б*), герб с двуглавым орлом (*в*). Чертеж.

завершением. Хорошо видна крестовина (гарда). Ладонь всадника не видна (скрыта головой), в его левой руке – поводья. Голова артикулирована достаточно подробно, хорошо видны нос, глазная впадина, борода средней длины. На голове – предмет, напоминающий капюшон или шлем. Одежда похожа на балахон или очень широкий плащ, на ней видны складки. Пропорции фигуры нарушены, ноги очевидно коротки, но хорошо видны стопы (в обуви?) и, возможно, стремяна.

Лошадь скачет аллюром, похожим на карьер, но несуществующим в действительности: ее ноги согнуты и изображены попарно параллельными; дальняя от зрителя пара ног сдвинута относительно передней влево, что выглядит несколько механистично, но придает изображению динамику. Голова лошади опущена, но видны глаз и уши и, хотя поводья не натянуты, показан открытый рот (видны зубы). Изображены грива и, достаточно детально, опущенный хвост. Копыта отмечены. Лошадь скачет по ясно обозначенной земле (позему).

Над верхней гранью герба – симметричные части банта в виде “ушек” и, по-видимому, кольцо. Гербовый щит обрамлен выющимися лентами. Ленты верхней половины герба имеют полукруглую форму, нижней – S-образную. Полукруглая часть оторвана от блока камня, ее держит узкое соединение; S-образная выполнена в настолько высоком рельефе, что резчик смог, изменяя его высоту, придать ленте движение в трех измерениях. Концы лент раздвоены и на них выполнены шарики. На сохранившихся поверхностях лент хорошо видно, что они были вырезаны с показанием очень мелкой складки, а в верхней части отчетливо фиксируется заворот плоскости ленты.

Исполнение рельефа на щите производит двойственное впечатление. Он плоский, но резчик достаточно четко показал пространственные планы (фигура с рукой, корпус лошади, задние ноги) и детали (лицо всадника, морда лошади, хвост, поводья). Контрастно выглядит прием исполнения всей композиции щита и лент в очень высоком рельефе, практически переходящем в круглую скульптуру. Размещенная на переломе пилястры оторванная от объема каменного блока композиция герба динамически очень активна, инертность массы камня почти уничтожена энергичным движением округлых и угловатых линий и поверхностей. В своем первоначальном виде, когда сохранялись детальная обработка лент и фигуры на гербе и не было черных подтеков, композиция смотрелась еще выразительнее.

Герб с геральдическими фигурами (рис. 5, б). Композиция, расположенная справа от ворот, исполнена на прямоугольном каменном блоке высотой – 105 см

и шириной по граням лопатки – 50 см. Как и у герба со всадником фоновые поверхности блока совпадают с гранями лопатки и имеют угол около 120°. Высота щита – 78 см, ширина – 60. Вынос верхнего и нижнего краев щита относительно среднего ребра лопатки составляет 11–14 см. Вынос лент от краев блока достигает 22 см. Блок окружен тычковой кирпичной кладкой середины XIX в. с отдельными современными ремонтными вычинками на цементном растворе. Стоит отметить, что тычковая кладка XIX в. имеется не только на участке пилястры, где установлен герб, но почти вся пилястра перелицована в это время. Сказанное выше о форме щита и лент в целом относится и к этому гербу. Разница состоит в ином исполнении лент. В этом гербе ленты не оторваны от массива блока, но соединены с ним на всем своем протяжении, образуя как бы сплошное ребро. Изображения имеют значительные утраты (правая часть правой короны, внутренняя нога льва, конец хвоста змия) и некоторые их части (правая корона, тело змия, ноги льва, обод гербового щита, ленты) покрыты глубокими трещинами.

На гербе изображены две фигуры. Справа – фантастическое существо со змеевидным телом, один раз свернутым в кольцо (завершение хвоста утрачено), с перепончатыми крыльями, двумя лапами с пальцами (перепонками, когтями?), парой стоячих острых ушей, приоткрытой пастью, откуда высывается язычок в виде стрелки. На голове животного видны ноздри (открытая пасть?) и глаза.

Животное размещено на гербе в вертикальной позе, с поднятой левой лапой и опущенной правой. Голова смотрит влево, туда, куда развернута вся фигура. Фигура зверя смещена вправо, сильнее, чем это необходимо; в результате свернутое в кольцо тело “налезло” на рамку герба. Скульптурное изображение разделено на ясно читающиеся пространственные слои: тело животного свернуто в объемное кольцо, уши и лапы отчетливо определены в объеме относительно головы и тела.

В левой части герба изображен лев в геральдической позе (*lion rampant*). Он развернут вправо, стоит вертикально, обе лапы подняты. В правой лапе держит меч, касающийся плеча. О том, что это именно меч, говорит ободок, отделяющий лапу зверя от вертикального стержня. Правая нога льва стоит вертикально, левая приподнята и касается тела змееподобного существа. Хвост поднят вертикально, на нем показаны три отростка, аналогичных по форме завершению хвоста. Голова зверя смотрит прямо, на ней хорошо видны уши, глаз, открытая пасть с высунутым языком, ноздри, показана грива. Ясно и отчетливо выстроены три плана глубины

(правая лапа и меч, шея и голова, левая лапа), что позволяет достичь эффекта круглой скульптуры.

Над головами животных, в верхней, пустой зоне гербового поля как бы плавают два венца-короны. Они приподняты слишком высоко, и их прямая корреляция с головами нарушена: корона над головой змея, очевидно, смещена налево, в то время как корона над львом находится точно на геометрической оси тела животного. Короны можно описать как круглые ободы с четырьмя зубцами (три из них видны), из которых выходят перекрещивающиеся дуги, увенчанные шишкой в месте пересечения. Под дугами, возможно, показана полусфера.

Герб с двуглавым орлом (рис. 5, в). Третий герб размещен на углу основного четверика Боровицкой башни и обращен к устью р. Яуза и Москва. Как угловой блок имеет угол не в 120°, как два предыдущих, а в 90°. Он несимметричен относительно угла башни. Грань, обращенная к р. Яуза, шириной (по низу) – 54 см, а грань, обращенная к р. Москва, – 41 см. Форма блока – неправильная, примерная высота составляет 95 см. Высота щита – около 78 см, ширина – 58 см. Вынос верхнего и нижнего краев щита относительно среднего ребра лопатки составляет от 13 (внизу) до 18 см. Вынос боковых углов щита от краев блока достигает 23 см. Вокруг блока сохранилась первоначальная верстовая кладка XV в. Несмотря на отдельные реставрационные вычинки, а также позднейшую покраску кирпичей и швов, четко видно, что блок с гербом установлен в кладку одновременно с ней и, следовательно, датируется XV в. В связи с другим положением блока на башне размещение гербового щита отличается от надвратных гербов. Он развернут под углом в 45° к плоскости стены и поэтому кажется более оторванным от нее. Поле щита имеет ту же форму, что и у других гербов. Ленты как в верхней, так и в нижней части отделены от каменного блока. Скульптура имеет утраты (верхняя часть правого банта, части ободка гербового щита).

На щите помещен двуглавый орел под короной. Головы орла имеют длинные, но несомкнутые шеи: разделяющая их борозда прорезана до самого туловища. Головы неодинаковы – правая крупнее и округлее. На головах обозначены глаза; на головах, шеях и туловище показаны перья в виде полукруглых чешуек. Клювы приоткрыты, из них высовываются длинные языки (нижняя часть клюва левой головы отсутствует). Головы (точнее, клювы) орла наложены на крылья.

Крылья орла имеют плавный округлый внешний контур, они приподняты чуть выше голов и сложены; на них деликатно, с помощью борозд, показаны по пять перьев. Слева крылья чуть налезают на

рамку щита. Тело орла напоминает по форме тушку курицы, ноги растопырены и упираются в рамку. Хвост – распушенный, состоящий из 11 разделенных и прочерченных до самого тела птицы перьев; последняя пара значительно длиннее остальных, нижние три пера перекрывают рамку гербового щита. Перья и когти чуть налезают на рамку герба.

Корона над головами орла занимает почти все оставшееся пространство. Она показана так, что хорошо видна внутренняя часть. У короны очень широкий гладкий обод, подчеркнутый двумя (?) валиками (?). Корона имеет три зубца равной высоты: средний, трехчастный по построению, напоминает лист аканта; боковые имеют вид остроугольных треугольников с листовидными пилообразными краями.

Построение и форма лент этого герба аналогичны другим гербам, но иное расположение гербового щита относительно каменного блока в кладке вносит некоторые отличия. Верхние фрагменты лент полностью соединены с каменным блоком, нижние (S-образные) почти наполовину длины висят в воздухе. Ленты не имеют мелких складок, они гладкие, но по краям у них показана кайма.

Невозможно определить, является ли необычное положение крыльев орла (сложенные, но приподнятые на уровень голов) с наложением на них голов особым иконографическим изводом, или это следствие неудачи в организации композиции и желания мастера сделать максимально крупной фигуру орла.

Корона изображена с тремя зубцами, причем ширина зубцов меньше ширины обруча. Это совершенно уникальная форма для изображения корон, так как их принято показывать с выходящими за обруч зубцами. Однако при таком расположении короны в поле щита для боковых зубцов не остается места; похоже, что наложение клювов на крылья имеет ту же причину. Это связано, видимо, с ошибкой в композиционном замысле. Вместе с тем само исполнение деталей рельефа имеет высокое качество.

Есть достаточно оснований полагать, что каменные блоки с гербовыми щитами сохранились *in situ*: в двух случаях они окружены (или соприкасаются) с подлинной кладкой 1490 г., в третьем – нет оснований считать, что кладка была вычинена на всю глубину установки блока.

К сожалению, иконография вопроса появления гербов не решает. Самое раннее известное нам изображение Боровицкой башни с гербами относится, вероятно, к 1840-м годам и принадлежит Й.А. Вайсу (“Вид на Боровицкую башню”. 1852 г. (1840-е годы?), гуашь. ГРМ) (рис. 6) или к 1839 г., когда гербы, видимо, показаны на гравюре А. Дюрана (“Vue generale de Kremlin. 1839”, литография; Durand,

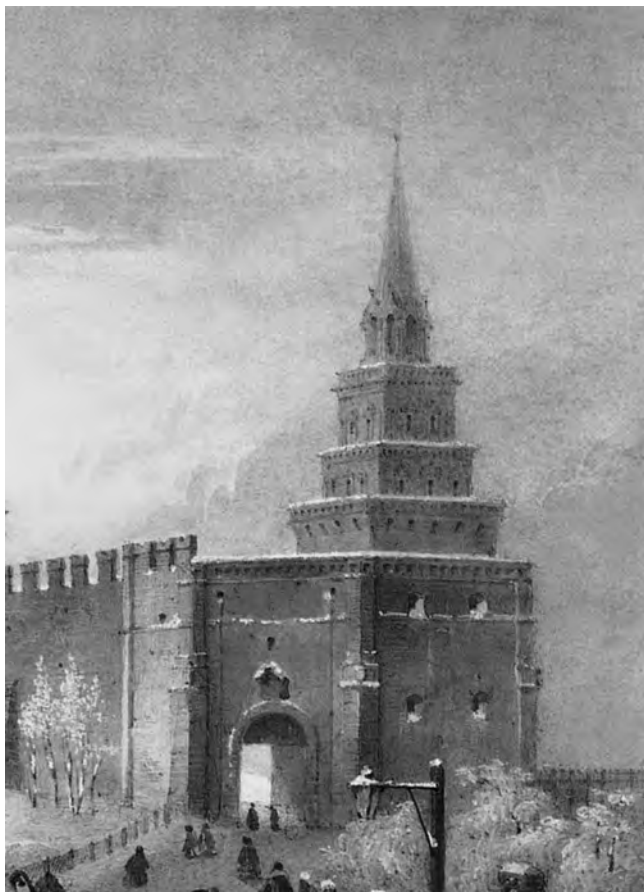

Рис. 6. Й.А. Вайс “Вид на Боровицкую башню”. 1852 г. (1840-е годы?), гуашь. Государственный Русский музей.

1842). На более ранних реалистических видах гербы не показаны в акварелях Дж. Кваренги (“Панорама Московского Кремля. Вид из Замоскворечья”, 1786 г., акварель, ГНИМА; см.: Талепоровский, 1954, илл. между с. 105–109; Пилявский, 1981. С. 2) и Л.Ф. Тишбейна (около 1797 г., ГЭ), картинах и акварелях Ф.Я. Алексеева и его учеников (“Вид московского Кремля со стороны Каменного моста”. Между 1800 и 1810. Варианта: ГРМ. 3291; ГИМ. № 70 156 К–260; ГМП, № 2443; см. Федор Алексеев и его школа, 2004. № 43–45. С. 74, 75), гравюрах О. Кадоля (“Vue du Kremlin Prise du Pont de pierre”; Cadolle, 1825).

На рисунках Ф. Кампорези, Ж. Делабарта и П. Волохова виден только верх башни. Не изображены гербы и на чертеже И.В. Еготова (1815 г.?) (Бартнев, 1912. С. 84, 188) и рисунке 1819 г., рисованном Й. Дитрихом и гравированном К.С. Цеттером (Бартнев, 1912. С. 86). Опубликованные архивные материалы по ремонту стен и башен Кремля (Бартнев, 1912. С. 53–248; Скворцов, 1913; Скопин, 2001. С. 98–104; Троскина, 2001. С. 220–239) не дают информации по интересующему нас предмету.

Русская государственная геральдическая символика окончательно сформулирована и графически закреплена к 1700 г. (Соболева, Артамонов, 1993; Соболева, 2006; Вилинбахов, 1997). Все дальнейшие изменения герба связаны с историческими обстоятельствами и стилистикой каждой эпохи. Поэтому представляется совершенно невозможным появление в XVIII в. герба с орлом в том виде, в каком мы видим его сегодня на Боровицкой башне. Невозможно объяснить и появление в XVIII–XIX вв. других гербов, чьи геральдические фигуры не соотносятся с российской геральдикой. Трудно себе представить в жизни Императорского двора и правительства устройство гербов со случайными фигурами на государственной коронационной резиденции. К тому же нам не известно никаких следов таких работ в документах. При ремонте и перестройке башни в 1805–1817 гг. по указанным выше причинам это, несомненно, вызвало бы обширную переписку и запечатлелось в памяти современников. Соблазнительно связать появление этих гербов с перестройкой башни в 1680-х годах при Федоре Алексеевиче, однако мы не видим никакой возможности, исходя из государственной символики этого периода, аргументированно объяснить причину появления таких гербов над воротами Боровицкой башни.

Надеемся, что исследование каменных гербов Боровицкой башни будет продолжено. Их рассмотрение в комплексе с надписями на Спасской башне и фризе Грановитой палаты с декорацией столба Грановитой палаты может существенно дополнить наши представления о политико-идеологической ситуации в Московском государстве в 1490-х годах.

Приносим благодарность начальнику Управления по охране Кремля ФСО РФ М.А. Филимонову, разрешившему осмотр памятника; заместителю Коменданта Кремля А.Н. Петрову, непосредственно контролировавшему работы, Т.Д. Пановой, сделавшей все, чтобы появилась возможность такого исследования. Работы проводились на средства Д.А. Петрова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартнев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. Т. I. М.: Издание Министерства Императорского Двора, 1912. 259 с.
- Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. СПб.: ГЭ, ГИКМЗ “Московский Кремль”, Государственная Герольдия при Президенте Российской Федерации, 1997. 167 с.

- Петров Д.* Об итальянских гербовых щитах 1490 г. на Боровицкой башне // *Russica Romana. Anno XIX.* 2012. P. 9–33.
- Петров Д.А.* О датировке гербовых щитов 1490 г. на Боровицкой башне Московского Кремля // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Матер. XXV Междунар. науч. конф. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. Ч. II.* М.: ФГБОУ ВПО “РГГУ” Историко-архивный институт. Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин, 2013. С. 471–476.
- Пилявский В.В.* Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник. Л.: Стройиздат, 1981. 212 с.
- Скворцов Н.А.* Археология и топография Москвы. М.: Изд-во “Печатня А.И. Снегиревой”, 1913. 497 с.
- Скопин В.В.* Ремонтно-восстановительные работы по стенам и башням Московского Кремля в XVIII столетии (на основании архивных источников) // *Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. IV.* М.: ЦНРПМ, 2001. С. 98–104.
- Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М.: ИРИ РАН, 2006. 487 с.
- Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М.: Панорама, 1993. 208 с.
- Султанов Н.В.* Памятник императору Александру II в Кремле Московском. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1898. 42 с.
- Талепоровский В.Н.* Кваренги. М.; Л.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1954. 114 с.
- Троскина Н.Д.* Московский Кремль в конце 19 – начале 20 в. // *Архив наследия – 2000.* М.: Российский науч.-исследов. ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2001. 165 с.
- Федор Алексеев и его школа. М.: ГТГ, 2004. 199 с.
- Cadolle Auguste-Jean-Baptiste-Antoine.* Vues de Moscou, dédiées à sa majesté Alexandre Ier, empereur autocrate de toutes les Russies, roi de Pologne. Paris, 1825.
- Andre Durand.* Voyage pittoresque et archéologique en Russie: Exécuté en 1839 sous la direction de M. Anatole de Demidoff. Paris, 1842.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

© 2014 г. А.Р. Канторович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Изучение скифского звериного стиля осуществляется уже более столетия. Первоначально усилия исследователей, начиная с работ Эллиса Хоуэлла Миннза (Minns, 1913), Бориса Владимировича Фармаковского (Фармаковский, 1914), Михаила Ивановича Ростовцева (Ростовцев, 1918; Rostovtzeff, 1922, 1929) и Григория Иосифовича Боровки (Borovka, 1928), были направлены не столько на систематизацию соответствующих изображений или оформляемых/украшаемых ими предметов, сколько на выявление специфических признаков данного художественного направления на фоне различных зооморфных образов, сюжетов и стилей древнего искусства.

Зооморфное искусство скифо-сибирского мира было опознано и выделено его первыми исследователями именно по формальным признакам и изначально было названо “звериным стилем”. Пространственно-временной охват данного термина с накоплением материала постепенно сужался. Первые его исследователи под звериным стилем, в сущности, подразумевали всякое зооморфное искусство, начиная с палеолита (Minns, 1913; Rostovtzeff, 1922, 1929). Учитывая обилие зооморфных образов в палеолите, М.И. Ростовцев квалифицировал звериный стиль как “древнейший стиль декоративного искусства в истории человечества” (Rostovtzeff, 1929. Р. 4). Вместе с тем именно Э.Х. Миннз и М.И. Ростовцев, а также Г.И. Боровка (Borovka, 1928), соотносившие скифо-сибирский анимализм с общемировой традицией зооморфизма, стали первыми, кто выявил отличительные признаки этого художественного направления.

Позднее, по мере прироста материала, было признано, что ко всему мировому зооморфному искусству, существующему как минимум с эпохи верхнего палеолита, термин “звериный стиль” неприменим, как неприменимы термины “человеческий стиль” или “растительный стиль” ко всяким изображениям людей или растений. Как справедли-

во указал Г.А. Федоров-Давыдов, «не просто анимализм определяет особенность скифо-сибирского звериного стиля. “Звериный стиль” на всем протяжении “Великого пояса степей” отличается внутренним единством и общими тенденциями в своей эволюции. Это искусство обладает особым образным строем, специфическим подходом к действительности» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 15).

Таким образом, термин “скифский звериный стиль”, несмотря на узкое его значение, апеллирующее в основном к формальной стороне и не исчерпывающее всего содержания данного искусства, вполне пригоден как конвенциональный и имеющий длительную традицию. В дальнейшем мы будем употреблять этот термин, подразумевая под ним именно определенное художественное направление.

Э.Х. Миннз, впервые обративший внимание на декоративность, условность, изоморфность изображения фактуре украшаемой вещи в качестве специфических черт скифского звериного стиля, еще не предпринял попыток какой-либо систематизации массива изображений этого художественного направления, послужившего всего лишь одной из многих тем его фундаментального труда (Minns, 1913. Р. 261–264).

Отсутствует этот аспект и в почти синхронной статье выдающегося российского антиковеда Б.В. Фармаковского, в рамках которой проблема скифского звериного стиля – лишь один из сюжетов анализа искусства эпохи бронзы и железа юга Восточной Европы. Сконцентрировавшись на поиске истоков скифского звериного стиля Северного Причерноморья, исследователь, рассмотрев изображения данного стиля на фоне древнегреческого искусства, выявил ряд сходных элементов в этих художественных традициях и предложил идею греко-ионийского происхождения скифского звериного стиля (Фармаковский, 1914. С. 29–37).

Решающим шагом не только в идентификации, но и в типологии изображений скифо-сибирского звериного стиля следует считать изданные почти одновременно исследования М.И. Ростовцева и Г.И. Боровки, специально посвященные этому самостоятельному направлению в зооморфном искусстве.

В своей монографии 1929 г. М.И. Ростовцев выявил двенадцать изначальных признаков скифо-сибирского звериного стиля, в число которых вошли: 1) тенденция полного или частичного зооморфного оформления вещи, используемой в быту; 2) украшение вещи фигурами животных или частями этих фигур; 3) примитивная компоновка изображений животных в ряды, колонны и нетипичность антистетических и синтетических композиций; 4) боязнь пустого пространства; 5) “натурализм” в отображении животных; 6) тенденция превращать отдельные части животных (такие, как рога у оленей) в декоративный элемент; 7) трактовка отдельных частей животных в качестве фигур других животных или их частей; 8) изображения животных сводятся к воспроизведению их наиболее типичных частей (например, орла – к клюву, глазу и крылу); 9) предпочтение отображать реальных животных (образы фантастических животных – исключение); 10) специфический репертуарный набор – фауна лесов и гор; 11) полное отсутствие изображения человеческой фигуры; 12) отсутствие растительного орнамента (Rostovtzeff, 1929. P. 28–29).

Эти признаки, по М.И. Ростовцеву, характеризовали прежде всего первую стадию скифской истории¹, но большинство из них, как можно наблюдать на основе имеющегося на сегодняшний день массового материала, присущи и следующим ее фазам (исключая, конечно, 3, 5 и 9 признаки). Исследователь предпринял попытку представить дальнейшую эволюцию скифо-сибирского звериного стиля, стараясь определить для каждой из выявленных им четырех ступеней скифской истории специфические, только ей присущие черты звериного стиля. При этом в качестве объекта исследования выступали локальные группы археологических комплексов.

Что касается остальных обобщающих исследований скифского звериного стиля, осуществленных в 1920–1930-х гг. (Borovka, 1928; Ebert, 1928; Schefold, 1938), то определенная таксономическая

иерархия изображений была предложена лишь в книге Г.И. Боровки. Исследователь выявил, во-первых, более общие “базовые мотивы” (связанные с изображениями целых фигур и частей тела животных), во-вторых, производные от них декоративные сочетания базовых мотивов (сюда же были отнесены и образы фантастических животных, как комбинация элементов реальных животных) и, в-третьих, субъекты зооморфной трансформации тел изображаемых животных (Borovka, 1928. P. 30–31).

Процесс первичной систематизации изображений скифского звериного стиля нашел отражение также в работе К. Шефольда. Автор распределил изображения по отдельным образным группам образов и мотивов (олени, горные козлы, хищники, головы птиц, конечности зверей, головы львов) (Schefold, 1938. S. 33–60). К. Шефольд предпринял пристальное изучение этих образов и мотивов, выявив их парциальную стилистическую эволюцию. При этом в группировке не предусматривалась какая-либо таксономическая иерархия с последующим синтезом данных, на что в качестве существенного недостатка было указано Н.Н. Погребовой (1950. С. 135).

В послевоенное время, по мере роста источниковой базы, началась систематизация памятников скифо-сибирского звериного стиля в рамках отдельных археологических культур и этнокультурных регионов, что предполагало и дальнейшее развитие методов классификации и типологии. Важной вехой на этом пути стала классификация “савроматского” (нижневолжского и южноуральского) звериного стиля, предпринятая К.Ф. Смирновым. Она представляла собой дифференцирование трех базовых тематических групп: изображений хищных птиц, хищников и копытных, разделяемых далее по категориям вещей, которые эти изображения украшали (Смирнов, 1964. С. 216–246). Позднее К.Ф. Смирнов классифицировал репертуар “савроматского” звериного стиля по более конкретным образам (1976. С. 75–85. Рис. 1–5).

Яркий пример классификации и типологии изображений звериного стиля именно как произведений искусства, с наличием иерархии таксономических уровней – осуществленный Н.Л. Членовой анализ тагарского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля (1967. С. 110–165). Исследовательница сгруппировала изображения по отдельным образам (или мотивам, как именуется эту таксономическую группу автор) в соответствии с зоологическим видом или родом животного (отдельный образ составили грифоны). На следующем классификационном уровне образные группы были разделены в соответствии со способом воплощения

¹ По М.И. Ростовцеву, скифская история имеет четыре стадии: А – архаический период конца VII – начала V в. до н.э.; В – переходный, или греко-ионийский период V – начала IV в. до н.э.; С – классический, или пантикапейский период IV в. до н.э.; D – период упадка и новых особенностей и влияний конца IV – начала III в. до н.э. (Rostovtzeff, 1929. P. 24).

образа – полнофигурным или редуцированным. В свою очередь, целые фигуры были дифференцированы сюжетно – по позам. Кроме того, был принят во внимание сюжетный контекст, в котором находились изображения: они разделялись на одиночные и составляющие элементы композиции.

Однако указанный порядок характеристики изображений соблюдался Н.Л. Членовой далеко не для каждого образа. Больше того, сами образы рассматривались на одном уровне с группами “редких мотивов” и “ахеменидских мотивов”, хотя последние, естественно, являются более общими понятиями и сами подразделяются на образы, соответствующие зоологическим видам или родам (Членова, 1967. С. 164–165). Наконец, при анализе тагарских изображений, относимых к VI в. до н.э., группировка по образам вообще не стала базовой, а в основу первичного классификационного деления был положен принцип изобразительного средства: были дифференцированы два основных раздела – круглой скульптуры и рельефа, в свою очередь включающие различные зооморфные мотивы. Такое отсутствие единого принципа классификации, естественно, объяснимо многообразием признаков изображений, однако не дает возможности группировать значения этих признаков с точки зрения общих и частных и, соответственно, описывать и сравнивать их в единой системе.

Наряду с упомянутыми работами К.Ф. Смирнова и Н.Л. Членовой важным опытом локальной систематизации памятников скифо-сибирского звериного стиля являются типологии лесостепного (приднепровско-подонского) и прикубанского вариантов восточноевропейского скифского звериного стиля, осуществленные А.И. Шкурко и Е.В. Переводчиковой в их кандидатских диссертациях (Шкурко, 1975; Переводчикова, 1980) и последующих работах. При этом подход этих исследователей к систематизации изображений принципиально различается.

А.И. Шкурко рассматривает произведения звериного стиля лесостепи Поднепровья и Подонья прежде всего как предметы искусства, продукт определенных изобразительных школ. Он основывает свою работу на образно-стилистической типологии изображений в рамках трех хронологических периодов развития стиля – конца VII–VI, V и IV–III вв. до н.э. (Шкурко, 1975; 2000. С. 306–308). Исследователь осуществил первичную классификацию изображений Лесостепной Скифии, первоначально дифференцировав четыре мегаобраза (копытные животные, хищные звери, птицы, фантастические существа) и отдельный таксон прочих образов. Таксоны (исключая группу фантастических существ) подразделяются на конкретно-видовые подгруппы,

и на данной стадии классификация завершается, сменяясь типологией (Шкурко, 2000. С. 305–306. Табл. 1). Эта типология, в общем учитывающая и сюжетику, строится на базе подробного и всеобъемлющего описания эталонных изображений, сюжетно-стилистические черты которых формируют основу стилистических групп. Типообразующие признаки лишь констатируются в отношении массы остальных изображений без детальной характеристики последних. Прослеживаются развитие и смена стилистических групп, и делаются выводы о направлениях развития стиля в течение каждого из трех периодов – как в рамках определенных образов, так и в целом.

Большинство изображений при этом не получает такой полной характеристики, как те, которые можно назвать эталонными, и их иконографическое и стилистическое многообразие остается “за скобками”. Вероятно, такой подход закономерен и целесообразен в контексте поставленных автором задач, при наличии обширного и относительно единообразного материала лесостепного варианта скифского звериного стиля. Однако для того, чтобы компенсировать многочисленные признаки изображений, вынесенные “за скобки”, автору приходится постоянно прибегать к обобщающим оценочным эпитетам, вводить не всегда, как представляется, достаточно определенные термины “школа”, “манера” и т.д. (Шкурко, 2000. С. 306–307). На это, в частности, обратила внимание Е.В. Переводчикова, подвергнув критике предложенную А.И. Шкурко концепцию двух школ (“саккызско-келермесской” и “скифо-сакской”) в создании изображений оленя (Переводчикова, 1980. С. 114–116).

В свою очередь Е.В. Переводчикова, наряду с выявлением специфики репертуара и изобразительных средств, отличающих звериный стиль Прикубанья, анализирует изображения зверей как знаки – элементы невербального религиозно-мифологического текста. Исследовательница рассматривает прикубанский вариант, равно как и всю совокупность произведений скифо-сибирского звериного стиля как структурно организованный текст (Переводчикова, 1980. С. 10–12). С этой целью описание реализуется исключительно по тем четко акцентированным признакам, значения которых в научной литературе определяют принадлежность изображений к звериному стилю. На основании корреляции с конкретными видами и группами видов изображаемых животных, признаки распределяются по трем уровням, в целом формирующим изобразительную систему скифского звериного стиля:

1) нейтральные (или инвариантные, отличающие звериный стиль как таковой); 2) значимые

для определения трех основных групп животных в скифском искусстве (птицы, хищники, копытные); 3) видообразующие (в зоологическом понимании) (Переводчикова, 1994. С. 41).

В этом ракурсе Е.В. Переводчикова рассматривает изображения трех названных выше основных групп животных, а также синкретических существ (грифонов и др.), т.е. тех же четырех мегаобразов, которые описаны в работах А.И. Шкурко. Используя признаки 2-го и 3-го уровней в качестве классификационных критериев, исследовательница, не декларировав специально иерархическую систему, фактически осуществила классификацию массива изображений прикубанского варианта скифского звериного стиля. Было проведено разделение по двум уровням: во-первых, были выявлены четыре упомянутых выше мегаобраза (в рамках мегаобраза копытных были также дифференцированы конкретные виды) и, во-вторых, различные сюжеты (только для мегаобразов хищников и копытных), определяемые позами, причем на этом же таксономическом уровне рассматривались и редуцированные изображения (Переводчикова, 1995. С. 99–103).

Впоследствии Е.В. Переводчикова успешно применила разработанный ею подход к скифо-сибирскому звериному стилю в целом как к тексту с единичными параметрами (1994). Вместе с тем в силу многообразия значений признаков, выявляемых Е.В. Переводчиковой, ряд из этих значений при корреляции внутри образов остается неучтенным, что компенсируется исследованием модификаций системы во времени. Такой подход, очевидно, нацелен на решение качественно иных семантических задач, нежели в диссертации А.И. Шкурко, однако при нем тем более неизбежно игнорирование определенных признаков изображений.

Особое значение для систематизации изображений скифо-сибирского звериного стиля имели работы Я.А. Шера. В своем обобщающем труде о петроглифах Средней и Центральной Азии, опираясь на обширный материал, исследователь выделил две группы признаков зооморфных изображений: вариативные (отражают содержание образа и соответственно меняются от образа к образу) и инвариантные (“стилистические элементы”, связанные не столько с планом содержания, сколько с планом выражения). На этой основе Я.А. Шер предложил математический алгоритм описания изображений, их типологизации (1980. С. 25–33, 50–59). Хотя исследователь не декларирует иерархию признаков (оба упомянутых выше таксона рассматриваются как равнозначные), эта методика, по сути, позволяет при классификации самих зооморфных изображений двигаться последовательно от разделения

на образы на основании образно-видовых признаков (у Я.А. Шера – вариативных) к разделению внутри образов по сюжетам и, в рамках сюжетов, по стилистическим особенностям изображений на основании собственно стилистических признаков (у Я.А. Шера – инвариантных).

Аналогичный алгоритм классифицирования был предложен в нашей кандидатской диссертации, посвященной звериному стилю степной Скифии (иначе говоря, северопричерноморскому локальному варианту восточноевропейского скифского звериного стиля), и развит в последующих исследованиях (Канторович, 1994; 2002; 2011; 2012а). В этих работах была обоснована иерархия классификационных уровней, исходя из искусствоведческих терминов “образ”, “сюжет” и “мотив”, соотносимых друг с другом как общее и частное. Понятие образа в этой иерархической цепочке является наиболее общим² и имеет два уровня в соответствии с природными коннотациями: надвидовой (копытные звери, хищные звери, птицы и синкретические животные – грифоны и др.)³ и конкретно-видовой (или, как максимум, конкретно-родовой). Следующая ступень иерархии – понятие сюжета (в искусствоведении – конкретное художественное воплощение какого-либо события), в данном случае обозначающее характер действия или бездействия изображаемого персонажа, в первую очередь его позу. Понятие “мотив” было применено прежде всего для обозначения элементов логической оппозиции “полнофигурные – редуцированные изображения”, хотя данный термин имеет в искусствоведении более широкое значение.

На основании этих принципов была создана классификация и типология всех изображений звериного стиля в пределах степной Скифии, опубликованных к тому моменту (около 20 лет назад) (Канторович, 1994). Более подробно эти же принципы были обоснованы недавно в методологической статье (Канторович, 2011) и будут представлены в конце данного историографического обзора.

Очень важную роль в разработке теории классифицирования скифо-сибирского звериного стиля сыграли труды Е.Ф. Корольковой (Чежиной), в которых исследовательница постаралась на основании искусствоведческой терминологии разра-

² Образ понимается нами как специфически присущая искусству форма отражения действительности, раскрывающая общее через конкретное, воздействующая одновременно на мысль и на чувства (Краткий словарь ..., 1959. С. 106).

³ Остальные крупные таксоны биологического царства животных либо находятся на тематической периферии скифо-сибирского звериного стиля и воплощаются крайне редко (как зайцы, рыбы и др.), либо никогда не изображаются.

ботать понятийный аппарат для изучения скифо-сибирского звериного стиля (Королькова, 1996, 2006. С. 145–168). Е.Ф. Королькова тщательно обосновала понятия стиля, художественного направления, иконографии, темы, образа, сюжета, мотива, канона и другие терминологические единицы, базовые для изучения скифо-сибирского искусства. Исследовательница поддержала наше мнение о необходимости четкого разграничения понятий образ, сюжет и мотив и «разделения разных уровней понимания и возможности применения термина “образ”» (Королькова, 1996. С. 21). Вместе с тем Е.Ф. Королькова подвергла критике нашу трактовку термина “образ”, указав, что понятие “образ хищника” слишком расплывчато, а в целом “образ представляется более сложным и многоплановым феноменом, несущим конкретное содержание” (1996. С. 21). Однако, применяя свои теоретические построения на практике, графически экспонируя и словесно характеризуя звериный стиль Нижнего Поволжья и Южного Приуралья скифской эпохи, исследовательница прибегла к той же иерархии описания, которая давно сложилась в литературе и была формализована и проведена в наших работах на материале степной Скифии: сначала разделила массив изображений звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья по образам, затем по позам, т.е., по сути, по сюжетам, после чего, не выявляя конкретные изобразительные типы, фактически обобщенно описала их на широком фоне аналогий из других регионов скифо-сибирского мира (Королькова, 2006. С. 36–83).

Ю.Б. Полидович в своей кандидатской диссертации, посвященной образу хищника в рамках всего скифо-сибирского звериного стиля, собрал обширный материал (1709 изображений из 18 регионов скифо-сибирского мира) и подверг его формально-типологическому и структурно-семиотическому анализу, предварительно обосновав собственные принципы систематизации изображений (Полидович, 2001). Так же, как ранее А.Р. Канторович, исследователь установил такую иерархию уровней классификации, в которой поза животного составляет более высокий таксономический уровень по сравнению с позицией головы. Вместе с тем разделение на группы было проведено Ю.Б. Полидовичем не только по критерию позы, но и по степени реализации образа (оппозиция “полнофигурное – редуцированное”) и степени единичности изображения (оппозиция: “единичное – входящее в многофигурную композицию”). В соответствии с этим исследователь выделил три группы изображений хищника: изображения единичных целых фигур хищников в разнообразных статичных позах (1-я группа), изображения отдельных частей тела хищ-

ника (2-я группа) и сюжетные изображения (3-я группа).

Поддерживая сам принцип классификационной иерархии Ю.Б. Полидовича, при котором поза животного воспринимается как более высокий таксон по сравнению с позицией его головы, нельзя согласиться с классификационным делением более чем по одному критерию при дифференцировании групп. Это является нарушением базового принципа классификаций, состоящего в том, что при одном и том же делении необходимо применять одно и то же основание (Розова, 1986. С. 42). Вероятно, целесообразно не группировать отдельно одиночные изображения хищников и их изображения в многофигурных композициях, как это делает Ю.Б. Полидович, а рассматривать их в рамках единой группы, мысленно обособляя изображения хищников во втором случае, ибо в сценах терзания, преследования, геральдических сценах хищники чаще изображались в тех же канонических позах, что и одиночные звери. То же относится и к другим образам скифо-сибирского звериного стиля.

Далее Ю.Б. Полидович разделяет группы на типы, а типы в свою очередь – на четыре варианта по позиции головы (опущена, поставлена прямо, повернута анфас, повернута назад). На наш взгляд, это вполне правомерное деление может быть упрощено до бинарной оппозиции: голова сонаправлена туловищу – голова так или иначе повернута относительно туловища (туловище в скифском зверином стиле почти всегда отображается в расчете на профильное восприятие).

В работе Е.С. Богданова, также посвященной образу хищника в скифо-сибирском мире, но в пределах Центральной Азии (макрорегиона, включающего, по Е.С. Богданову, территории Южной Сибири, Восточного Туркестана, Забайкалья, Северного Китая и Монголии), также присутствует определенная систематизация (2006. С. 35–45). Осуществлено однократное классификационное деление массива изображений хищника на свернувшихся в кольцо, с одной стороны, и на идущих и припавших к земле, в том числе в сценах терзания и борьбы, с другой. Далее автор анализирует эти типы изображений применительно к тем или иным категориям украшаемых вещей. Кроме того, Е.С. Богданов специально рассматривает изображения обособленной головы хищника, разделяя их на два типа – скульптурные и плоскорельефные (последние разделяются на профильный и фасный варианты) (2006. С. 45). Тем самым реализуется еще одно классификационное деление – на полнофигурные и редуцированные изображения.

Итак, анализ накопленного опыта классификации и типологии изображений, относимых к скифо-сибирскому звериному стилю, приводит к заключению, что характеристика изображений звериного стиля как исторического источника требует подробного их описания с учётом всего многообразия присущих им признаков (насколько это возможно, поскольку их число в принципе бесконечно, как бесконечно познание), как это предусматривает классификация и типология других макрокатегорий археологических источников (вооружения, конского снаряжения, сосудов и т.д.). Однако из-за большей семантической и эстетической нагрузки изображений их описания отличаются значительно большим количеством признаков, что делает необходимым установление четкой иерархии этих признаков в соответствии с антитезой общего и частного.

С учетом этих соображений в последние годы были обоснованы базовые таксономические принципы классификации произведений скифского звериного стиля (Канторович, 2011. С. 34–37). Был сделан вывод, что здесь невозможно механически применить выработанную в биологической науке классификацию животных, основанную на таксономии Карла Линнея и исходящую из природных признаков тех прототипов, которые нашли воплощение в скифском зооморфизме. Во-первых, в искусстве скифо-сибирского звериного стиля отображаются не только реальные, но и фантастические существа. Во-вторых, при изучении скифского искусства систематизируются и описываются не реальные природные особи, а произведения искусства, в которых их природные признаки могли существенно модифицироваться в соответствии с существовавшими в древности представлениями и “народными классификациями”⁴. Эти представления далеко не всегда были истинными, о чем говорит, например, восприятие фантастических животных (грифона и др.) в древнегреческой письменной традиции в качестве абсолютно реальных существ (хотя и живущих на периферии ойкумены), а также и придание реальным образам совершенно чуждых им природных черт.

Ярким примером подобного восприятия, помимо широко распространенных зооморфных трансформаций, могут служить полнофигурные (т.е. семантически несомненные) изображения птиц, наделенных ушами, моделированными с большей или меньшей четкостью (см. подробнее Канторович, 2012б. С. 121–122, рис. 12). Возможно, в качестве

⁴ Об опыте “народных классификаций” животных, растений, почв и т.д. см.: Розова, 1986. С. 178–180; в отношении скифского звериного стиля см.: Переводчикова, 1986; 2009. С. 129–131.

ушей древние мастера могли воспринимать реальные кожные складки в основании головы хищных птиц (в особенности черных грифов), что в сочетании со стремлением художника непременно наделить изображаемое существо явными органами слуха могло стимулировать изображение ушей, не существующих у птиц в природе.

И все же скифский звериный стиль как таковой не появился бы без предварительного наблюдения над реальными животными, в одних случаях непосредственного, в других – через знакомство с произведениями переднеазиатских, древнегреческих, фракийских и других инокультурных мастеров, искусство которых отчасти выступало донором образов, сюжетов и мотивов для скифского зооморфизма⁵.

Н.Л. Членова исключительно емко и точно указала, что звериный стиль есть “изображение определенных животных определенным образом” (Tchlenova, 1962. P. 3). Соответственно классификация должна учитывать “определенность” этих животных, т.е. признакам изображений, так или иначе указывающим на биологический вид (род, семейство) животного должен соответствовать определенный таксон.

Итак, в основе предлагаемой нами классификации лежит иерархия признаков, предусматривающая предварительное диагностирование изображений как относящихся именно к скифо-сибирскому звериному стилю как художественному направлению⁶, а затем последовательное распределение изображений по образным, далее по сюжетным и, наконец, по сюжетно-стилистическим совокупностям.

⁵ Ср. тезис М.И. Стеблина-Каменского об онтологичности природного элемента в формировании и развитии фантастических тем в раннесредневековой скандинавской мифологии (1976. С. 41–42).

⁶ Данные критерии определены в русле описанной выше традиции изучения скифского искусства. Для полнофигурного зооморфного изображения это наличие трех признаков: 1) специфические пропорции: преувеличенность определенных частей тела – органов чувств, движения и поражения (в ущерб остальным), в первую очередь глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопаток, бедер – во всех образных группах, рогов и копыт – у копытных, зубов и когтей – у хищников, клюва и крыльев – у птиц, всех перечисленных деталей (при их наличии) – у синкретических животных; 2) акцентирование определенных анатомических деталей (в первую очередь, глаз, лопаток, бедер, копыт или лап) посредством рельефного выделения, линейного обрамления, намеренной геометризации или зооморфного превращения этой детали; 3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору канонических поз, строго определенному для каждой группы образов и выявленному еще первыми исследователями скифского звериного стиля. Для намеренно редуцированного изображения критерием является обязательное наличие первого и второго признаков.

тям, последние из которых образуют типы и варианты.

Первое основание, или критерий классификационного деления составляют биологические признаки высоких надвидовых уровней, определяющие принадлежность наделенных ими изображений к образным группам, соответствующим надвидовым биологическим таксонам – классам (млекопитающие, птицы) и отрядам (хищники, парнокопытные, непарнокопытные, хищные птицы, гусеобразные и др.). Для звериного стиля эта классификационная единица может именоваться *таксоном обобщенного образа животного*.

Таксон обобщенного образа разделяется на *таксоны конкретных образов животных*. Критерий классификационного деления составляют биологические признаки видовых и низших надвидовых (семейство, род) уровней. Возможна спецификация также таксона синкретических животных, но такое дифференцирование должно производиться, с одной стороны, с учетом нормальных биологических признаков (которые присущи этим изображениям, но в фантастическом сочетании), с другой – исходя из соответствующей письменной традиции (например, данные древних источников об образе грифона).

Таксон образа в соответствии со степенью воспроизведения последнего – полностью или *pars pro toto* – разделяется на *таксон полнофигурных и таксон редуцированных изображений*. Учитывая особую популярность в скифском зверином стиле редуцированных изображений – как первичных, так и вторичных (элементы зооморфных превращений, в первую очередь, голова птицы), данное дифференцирование представляется необходимым.

Следующий уровень классифицирования полнофигурных воспроизведений конкретного образа – сюжетный – предполагает их деление по позам, каковые определяются взаиморасположением трех основных компонентов всякой фигуры – ног, туловища и головы (в скифском зверином стиле это относится к изображениям млекопитающих, тогда как для определения позы птиц важнее учет позиции крыльев относительно туловища).

Вариация позиции ног (у птиц – крыльев) относительно туловища – критерий, который позволяет дифференцировать *сюжетные группы*. При необходимости в рамках данного таксона могут быть выделены *сюжетные подгруппы*, критерием распределения изображений по которым является вариация взаиморасположения передних и задних ног.

Позиция головы относительно туловища – критерий, позволяющий выделить в рамках каждой сюжетной группы или подгруппы *сюжетные отделы*. Как уже говорилось, скифское анималистическое искусство, будучи декоративно-прикладным, как правило, предполагает отображение животного в профильном ракурсе (даже при скульптурном исполнении). Соответственно, можно выделить всего два сюжетных отдела, универсальных для всех полнофигурных изображений животных в скифском зверином стиле. К отделу I следует относить изображения животных с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена), к отделу II – с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т.д.).

Все остальные элементы композиции изображений (например, положение хвоста или уха относительно всей фигуры), как правило, позу не определяют и могут учитываться на более низком таксономическом уровне.

Таксон сюжетного отдела разделяется на *таксоны изобразительных типов*, и, при необходимости, *вариантов*. Критерием различения типов должна быть совокупность особенностей моделирования изображения, трактовки анатомических деталей и декорирования изображений.

Говорить о сюжетности, о реконструкции какого-либо действия персонажа в применении к преднамеренно редуцированным изображениям, как правило, затруднительно или невозможно, поэтому деление на типы здесь должно проводиться непосредственно с таксономического уровня образа, точнее, с уровня степени воспроизведения образа. Однако и здесь возможны попытки реконструкции определенных действий в случае наличия неких намеков на таковые (см. Ильинская, 1965. С. 89. Рис. 1; Канторович, 2012а).

Последующий синтез данных, полученных в результате классифицирования, с объективными хронологическими показателями позволяет воссоздать эволюцию типов в рамках сюжетов и сюжетов в рамках образов. Это даст возможность уточнить относительную (а при наличии объективных хроноиндикаторов для определенных изображений в рамках типов – и абсолютную) хронологию.

Предлагаемая таксономия изображений скифского звериного стиля не исчерпывает задач характеристики данного культурно-исторического феномена. Для его более полного изучения и понимания должно осуществляться специальное классифицирование элементов “зооморфных превращений”, которые предварительно уже в качестве отдельно

взятых изображений должны быть учтены в классификационной схеме изображений скифского звериного стиля⁷.

После дифференцирования типов как итога процесса классификации должно осуществляться описание выявленных типов, морфологическая типология изображений (по определенному алгоритму). Предлагаемое комбинирование этих подходов обусловлено таким отношением к классификации, которое предусматривает одновременное применение в ее процессе как дедуктивного, так и индуктивного пути (Якушкин, 1973. С. 269). В данном случае мы следуем методике, предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым, который выступал за комбинирование классификации и типологии и указывал, что “проверкой классификации является то, в какой мере классификация выявляет закономерности, заложенные в исследуемой массе объектов. На этой стадии классификация переходит в типологию” (Федоров-Давыдов, 1987. С. 190; ср.: Тульчинский, 1979. С. 168–169; Тульчинский, Светлов, 1979. С. 27–28).

Предлагаемые принципы классификации и типологии, на наш взгляд, могут быть применены к систематизации зооморфных изображений каждого региона скифо-сибирского мира, что создаст впоследствии возможность сравнительного анализа различных локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля в рамках единых методологических подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. 240 с.
- Ильинская В.А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86–107.
- Канторович А.Р.* Звериный стиль степной Скифии VII–III вв. до н.э. Дисс... канд. ист. наук. М., 1994. 628 с.
- Канторович А.Р.* Классификация и типология элементов “зооморфных превращений” в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2002. С. 77–130.
- Канторович А.Р.* К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья. Сб. науч. ст. / Ред. В.Л. Егоров. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 29–38.
- Канторович А.Р.* Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы (типология, хронология, реконструкция истоков и эволюции) // Эллинство и иранство. Stratum plus. № 3. / Ред. М.Е. Ткачук. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2012а. С. 17–71.
- Канторович А.Р.* К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Тр. ГИМ. Вып. 191. / Ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012б. С. 106–133.
- Королькова Е.Ф.*, 1996. Теоретические проблемы искусствознания и звериный стиль скифской эпохи: к формированию глоссария основных терминов и понятий. СПб., 1996. 78 с.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. 272 с.
- Краткий словарь терминов изобразительного искусства. М., 1959. 190 с.
- Переводчикова Е.В.* Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
- Переводчикова Е.В.* Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 8–13.
- Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Вост. лит. 1994. 206 с.
- Переводчикова Е.В.* Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи / Ред. В.А. Могильников. М.: ИА РАН, 1995. С. 98–116.
- Переводчикова Е.В.* Верблюд в классификационной системе скифского звериного стиля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XV. / Ред. Г.М. Тошев. Запоріжжя, 2009. С. 129–131.
- Погрєбова Н.Н.* К вопросу о скифском зверином стиле // КСИА. 1950. Вып. XXXIV. С. 129–141.
- Полідович Ю.Б.* Образ хижака у мистецтві народів скіфського світу (за археологічними пам'ятками VII–IV ст. до н.е.). Автореф. дисс... канд. ист. наук: Киев, 2001.
- Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. 224 с.
- Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Петроград: Огни, 1918. 198 с.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
- Смирнов К.Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 74–89.

⁷ В качестве примера можно упомянуть опыт классификации и типологии субъектов и объектов зооморфных превращений в рамках звериного стиля Степной Скифии (Канторович, 2002).

- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Тульчинский Г.Л.* Выступление в дискуссии // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках / Ред. Л.С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 168–169.
- Тульчинский Г.Л., Светлов В.А.* Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках / Ред. Л.С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 22–28.
- Фармаковский Б.В.* Архаический период в России // МАР. Вып. 34. Пг., 1914. С. 29–37.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. М.: Высш. шк., 1987. 216 с.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шкурко А.И.* Искусство звериного стиля лесостепной Скифии VII–III вв. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- Шкурко А.И.* Скифское искусство звериного стиля (по материалам лесостепной Скифии) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология / Ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 304–313.
- Якушкин Б.В.* Классификация // БСЭ, 3-е изд. Т.12. М.: 1973. С. 269.
- Borovka G., Scythian Art.* L. 1928. 185 p.
- Ebert M.* Südrussland: Skytho-Sarmatische Periode // Reallexicon der Vorgeschichte. XIII. Berlin, 1928.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. 720 p.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. 276 p.
- Rostovtzeff M.* The animal style in South Russia and China. N.Y.: Princeton, 1929. 112 p.
- Scheffold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland // ESA. 1938. XII. S. 3–77.
- Tchlenova N.* L'art animalier de l'époque scythique en Sibirie et en Pontide // VI Congrès International des Sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports. Moscou, 1962. P. 3–4.

УСПЕХИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК: ОБЗОР ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

ТРУДЫ 6-го МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА “РАДИОУГЛЕРОД И АРХЕОЛОГИЯ”, 10–15 апреля 2011 г., Г. ПАФОС, РЕСПУБЛИКА КИПР (Proceedings of the 6th International Symposium “Radiocarbon and Archaeology”, 10–15 April 2011, Pafos, Cyprus) // Radiocarbon. 2012. V. 54. № 3, 4. 783 p.

Исследования на стыке археологии и естественных наук в России получили новый импульс в последние 20–25 лет; это особенно заметно на примере использования радиоуглеродного метода датирования (см., например, Черных, 2008). Международный симпозиум “Радиоуглерод и археология” с конца 1990-х годов проводится регулярно (раз в три–четыре года); с 2009 г. его материалы публикуются в одном из ведущих журналов по данной тематике – “Radiocarbon”.

В настоящем сообщении дается информация о наиболее важных и интересных работах, опубликованных по итогам шестого симпозиума (2011 г.). Для краткости изложения приведены отсылки к предыдущим обзорам автора по данной тематике, где уже описана суть обсуждаемой проблемы. Как и ранее, основное количество радиоуглеродных дат (^{14}C) получено методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС; см. Кузьмин, 2011. С. 129, 130). ^{14}C даты даны в оригинальной форме (^{14}C -лет назад или л.н.), в калиброванной форме (календарных лет назад или кал. л.н.) и в обычном календарном виде (гг. до н.э.). Для получения дат от Рождества Христова нужно отнять от значения в календарных годах 1950 лет (так, 5000 кал. л.н. = 3050 г. до н.э.), и наоборот (а для дат моложе 1800 л.н. – отнять от 1950 лет календарное значение даты).

Основными тенденциями исследований на стыке археологии и естественных наук в настоящее время являются: 1) междисциплинарность; 2) анализ состава стабильных изотопов углерода и азота; 3) широкое применение математических методов, в том числе байесовской статистики, где необходимо знание последовательности датированных объектов во времени (“раньше–позже”).

Значительное количество работ носит междисциплинарный характер. А.Л. Александровский с коллегами провели ^{14}C -датирование гумуса культурного слоя многослойного поселения Песочное 1 близ оз. Неро (Ярославская обл.). Слои льяловской культуры датирован около 5600–5100 л.н. (6400–5900 кал. л.н.), волосовской – около 4400–4200 л.н. (5000–4800 кал. л.н.); для слоя с текстильной керамикой получены даты около 3700–3200 л.н. (4000–3400 кал. л.н.), а датирование гумуса из очагов и заполнения сосудов позволяет уточнить время ее бытования – 3900–3500 л.н. (4000–3800 кал. л.н.).

В.А. Трифонов с соавторами поставили задачу – определить возраст и происхождение населения, оставившего ненарушенный дольмен Колико (Северный Кавказ). УМС датирование показало возраст погребений около 3500–3000 л.н. (1700–1200 гг. до н.э.). По соотношению изотопов стронция для 47 погребен-

ных было установлено, что 4 из них в последние годы своей жизни проживали в районе, удаленном от дольмена на 200 км, а 21 – на 100; еще 22 погребенных при жизни проживали в непосредственной близости от места захоронения. Следует отметить, что использование изотопов стронция для определения мобильности первобытного населения, широко развитое в Европе, все еще редко встречается в России (см., например, Haverkort et al., 2008).

Н.Е. Зарецкая с коллегами представили результаты датирования поселений мезолита–раннего неолита Горбуновского и Шигирского торфяников (Зауралье), сопровождавшегося изучением палеогеографии региона. Установлено, что в пределах Горбуновского торфяника (стоянка Береговая-2) культурный слой раннего мезолита имеет возраст около 9000–9900 л.н. (10 100–11 200 кал. л.н.), среднего мезолита – около 8400–9000 л.н. (9500–10 200 кал. л.н.), позднего мезолита – около 8000–8400 л.н. (8900–9400 кал. л.н.), раннего неолита – около 7300 л.н. (8100 кал. л.н.). Весьма важным является определение прямого ^{14}C -возраста бревенчатого настила в поздне-мезолитическом слое – около 7980 л.н. (9980 кал. л.н.) – это самый древний из подобных объектов, тогда как другие существенно моложе вплоть до 3900 л.н. (4300 кал. л.н.) (см. Chairkina et al., 2013). Следует отметить прямое датирование (по нагару) керамики кошкинского типа – около 7300 л.н. (8100 кал. л.н.). Авторы также реконструировали динамику существования палео-озера на месте нынешнего торфяника; они считают, что заселение его низких берегов в мезолите–раннем неолите неоднократно прерывалось поднятиями уровня озера (трансгрессиями). На Шигирском торфянике (стоянка Варга-2) слой раннего неолита датирован около 6900–7100 л.н. (7700–7900 кал. л.н.); прямая ^{14}C -дата нагара на керамике (тип не указан) – 7100 л.н.

М. Кулькова с соавторами реконструировали хронологию и природную среду поселений на Охтинском мысу (г. Санкт-Петербург). Заселение территории произошло около 5100–5000 л.н. (6150–5550 кал. л.н.) после регрессии Литоринового моря, в условиях побережья. Население активно осваивало приустьевую часть долины р. Охта, занимаясь рыболовством (остатки простых деревянных ловушек датированы около 5000 л.н.); в позднем неолите, около 4600–4200 л.н. (5550–4650 кал. л.н.), практиковалось использование сложных рыбных ловушек. Памятники финала неолита–раннего палеометалла датируются около 4200–3600 л.н. (5150–4150 кал. л.н.); их сменили объекты эпохи железа (2400–2300 или 2700–2100 кал. л.н.), располагавшиеся в устьевой части долины р. Нева. Следует отметить, что большинство ^{14}C -дат, служащих фактической основой дан-

ной работы, получены в лаборатории (индекс SPb), не прошедшей независимый контроль (как это обычно делается в радиоуглеродном сообществе), поэтому относиться к ним нужно с некоторой осторожностью.

Две статьи посвящены итогам междисциплинарных работ в Литве. *Г. Пилиčiaускас (G. Piličiauskas)* с соавторами исследовали хорошо известную торфяниковую стоянку Швянтойи. Первое присутствие человека на берегу лагуны Балтийского моря датируется около 4000–3700 гг. до н.э.; его основными занятиями были рыболовство и промысел тюленей. При этом пыльца культурных злаков (*Cerealia*) появляется в отложениях стоянки около 4400 г. до н.э. (вероятно, занесена из окрестностей), что достаточно рано для Прибалтики, где земледелие датируется около 4000 г. до н.э. (по присутствию пыльцы, но не семян растений!). Данный вопрос, возможно, требует дополнительного изучения – в частности, поиска и датирования семян культурных злаков. *Д. Кисилиене (D. Kisieliene)* с коллегами реконструировали процесс заселения территории г. Клайпеда. Плоская заболоченная местность вокруг замка Ливонского ордена, возведенного в 1252 г., начала осваиваться в XVI в., когда образовалось новое русло р. Дане, приведшее к осушению территории. Население в это время употребляло в пищу большое количество мяса животных (диких и домашних).

Значительное число статей посвящено датированию конкретных археологических культур и связанных с ними объектов. *С.Г. Кумс (S.G. Keates)* с соавторами проанализировали прямые даты костей палеолитического человека Восточной Европы и Азии (всего 43 определения возраста по ^{14}C и урановым сериям). Согласно им, неандертальцы обитали в Евразии вплоть до 34 000 л.н.; самые ранние даты для человека современного типа в изученных регионах – около 33 000–32 000 л.н. Датирование ископаемых находок человека по сопутствующему материалу (уголь, кости животных) из того же слоя часто ведет к ошибкам, так как известны неоднократные случаи переотложения костных остатков людей. Необходимо также увеличение количества прямых дат по человеческим останкам, особенно в Восточной Азии (Китай, Корея, Япония).

В двух работах исследована хронология натифийского памятника Терраса Эль-Вад (El-Wad Terrace) на г. Кармель (Израиль). *Э. Экмайер (E. Eckmeier)* с соавторами оценили сохранность материалов для датирования (угля и коллагена костей). Они установили, что степень сохранности материала невысока, особенно коллагена – его выход из образцов составил всего 0.17–0.35% (при том, что надежными считаются кости с содержанием коллагена около 1%; см. Brock et al., 2012. P. 858). Причиной этого являются щелочная реакция среды (для угля) и изменения уровня грунтовых вод (для костей). *М. Вейнштейн-Эврон (M. Weinstein-Evron)* с коллегами провели датирование объекта; его возраст составляет около 12 600–11 600 л.н. (15 000–13 300 кал. л.н.), что соответствует раннему этапу натифийской культуры.

А.А. Выборнов с соавторами обсудили хронологические проблемы процесса неолитизации (в данном случае появления керамики) в Северном Прикаспии и лесостепном Поволжье. Наиболее надежными являются даты по углю и кости (о достоверности ^{14}C -дат по керамике см. Кузьмин, 2012. С. 170). Елшанская культура (стоянка Ивановская) датирована около 8020 л.н. (8900 кал. л.н.); каиршакская (одноименное поселение) – около 7200 л.н. (8000 кал. л.н.); варфоломеевская (Варфоломеевка 2А) – около 5400 л.н. (6200 кал. л.н.); джангарская (одноименное поселение) – около 5900 л.н. (6700 кал. л.н.). Как и в предыдущих работах, самой ранней керамической культурой востока Русской равнины является елшанская.

Что касается неолитизации северо-востока Русской равнины (Пермский край, Республика Коми и Ненецкий автономный округ), *В.Н. Карманов* с коллегами определили основные хронологические параметры времени появления и распространения керамики (^{14}C -даты по углю и нагару на керамике): мезолит (без керамики) – 9500–7300 л.н. (10 800–8000 кал. л.н.), ранний неолит – 6800–6000 л.н. (7700–6800 кал. л.н.), средний–поздний неолит – 5800–5000 л.н. (6700–5800 кал. л.н.). Авторами получена также серия из 26 ^{14}C -дат по керамике, однако их достоверность весьма невелика, так как наблюдается сильное расхождение между датами по керамике и другим материалам, а также между парами дат по одному фрагменту керамики. Из этого делается вывод о том, что при выделении углерода из керамики северо-востока Русской равнины произошло смешение различного материала: “старого” и “молодого” углерода (не соответствующих времени производства керамики) с углеродом, отвечающим моменту изготовления сосудов (см. Кузьмин, 2012. С. 170). Это лишний раз подчеркивает необходимость четкого понимания процесса попадания углерода в датированный материал еще до получения ^{14}C -дат.

Я.В. Кузьмин представил обзор результатов датирования палеолитических и неолитических объектов Дальнего Востока России за последние 15 лет, после создания первых надежных региональных хронологий (см. Kuzmin et al., 1998). Наиболее важным представляется определение времени начала культивации растений (проса) в Приморье – около 4600–3800 л.н.; также обсуждаются концепции и модели взаимодействия природной среды и древнего человека в регионе. *В.И. Молодин* с соавторами провели датирование опорных могильников бронзового века Барабинской лесостепи (Новосибирская обл.). Согласно ^{14}C -датам по костям из погребений (в том числе по обряду кремации; см. Кузьмин, 2012. С. 170), позднекротовский комплекс относится к XIX–XVII вв. до н.э., андроновский (федоровский) – к XVIII–XV вв. до н.э.; смешанный андроновский комплекс – к XVII–XV вв. до н.э. Полученные даты на 300–500 лет древнее традиционных оценок возраста по археологическим материалам.

Г. де Мульдер (G. de Mulder) с коллегами при датировании кремированных костей могильника Борсбек (Borsbeek) близ г. Антверпен (Бельгия) определили, что наряду с преобладанием погребений времени перехода от эпохи бронзы к железному веку (1040–890 гг. до н.э.) присутствуют очень редкие погребения по типу кремации мервингской эпохи (VI–VII вв. н.э.). Они связываются с миграцией в устьевую часть долины р. Шельда нового населения (возможно, из Скандинавии), поскольку во всем регионе (Бенилюкс, восток Франции, запад Германии) в это время преобладал обряд ингумации.

Й. Регев (J. Regev) с соавторами проанализировали хронологию раннего бронзового века (РБВ) Леванта. Изначально база данных состояла из 360 дат по 41 поселению; моделирование на основе байесовской статистики позволило отобрать 190 наиболее надежных дат. Согласно им, границы фаз РБВ датируются следующим образом: РБВ I–II – 3200–2900 гг. до н.э.; РБВ II–III – 2900 г. до н.э.; РБВ III–IV – 2500 г. до н.э. Время начала РБВ определено около 3700 г. до н.э., окончания – около 1950 г. до н.э. Подчеркивается, что для Леванта наиболее надежным материалом для датирования являются короткоживущие семена и плоды (злаки, косточки маслин).

Блок работ был посвящен исследованию стабильных изотопов в археологических объектах. *В. Каракута (V. Caracuta)* с коллегами изучили состав стабильных изотопов углерода (обозначаемый символом $\delta^{13}\text{C}$) в обугленных растительных остатках из культурных слоев эпохи бронзы Эоловых о-ов (Тирренское море, Италия). Известно, что величина $\delta^{13}\text{C}$ зависит от климата: прежде всего от количества атмосферных осадков во время жиз-

ни растений. Установлено, что периоды активного заселения островов связаны с эпизодами засух в природной летописи региона (на основе разреза голоценовых отложений на о. Сицилия), которая удачно дополняет данные авторов. Подчеркну, что величина $\delta^{13}\text{C}$ измеряется при ^{14}C -датировании объектов; таким образом, можно легко получить важную информацию по природной среде выбранных объектов.

Й. ван дер Плихт (J. van der Plicht) с соавторами определили состав стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костях домашних животных памятника позднего неолита Сирии Тель Сабид Абуад (Tell Sabi Abyad), датированного 8750–7750 кал. л.н. Важность работы состоит в том, что стоянка существовала во время ярко выраженного раннеголоценового похолодания (около 8200 кал. л.н.), которое, по мнению многих исследователей, оказало сильнейшее воздействие на развитие культуры населения Европы и Леванта. Согласно изотопным данным, выпас овец и коз осуществлялся в окрестностях поселения, где животные поедали растительность с различным типом фотосинтеза (с преобладанием растений типа C_3 ; см. Вагнер, 2006. С. 165); влияния события 8200 кал. л.н. не прослеживается.

Н. Шишлина с коллегами провели детальное изучение диеты населения эпохи бронзы степной зоны Северного Кавказа, Прикаспия и междуречья Дона и Волги (см. также: Кузьмин, 2012. С. 172). На основании измерений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в коллагене костей человека и домашних животных, а также в остатках растений было установлено, что население энеолита и майкопской культуры употребляло в основном продукты наземного происхождения, тогда как в последующее время (ямная, катакомбная и лопатинская культуры) диета состояла из смеси наземной и водной составляющих, с преобладанием первой. Установлено, что завышенные значения $\delta^{15}\text{N}$ (обычно свидетельствующие о водном происхождении) в костях животных и остатках растений времени катакомбной и лопатинской культур связаны прежде всего с аридизацией климата.

В настоящее время в радиоуглеродных исследованиях широко применяются статистические методы. *М. Бенц (M. Benz)* с соавторами на основании статистической обработки серии ^{14}C -дат определили время перехода от эппалеолита к докерамическому неолиту А (PPNA) для памятника Кёртик Тепе (Körtik Tepe) в Юго-Восточной Анатолии как 11 600–11 350 кал. л.н., что соответствует концу позднего дриаса. Интересным является прямое УМС-датирование зерен ржи – около 10 250 л.н. (12 100 кал. л.н.).

В двух работах проводится анализ ^{14}C -хронологии древних культур Финляндии и прилегающих районов на основе байесовской статистики. *П. Онкано (P. Onkamo)* с коллегами провели пространственный анализ 820 дат по восточной Фенноскандии. Первые следы человека относятся к мезолиту – около 8900–5100 гг. до н.э.; около 5100 г. до н.э. появляется керамика, с которой связано начало неолита. Неолитическая эпоха продолжалась до 1500 г. до н.э. (3450 кал. л.н.); пик памятников около 4000–3500 гг. до н.э. связан с типичной гребенчатой керамикой (Typical Comb Ware). Около 2500–1500 гг. до н.э., при переходе к эпохе бронзы, наблюдается депопуляция Восточной Финляндии. *П. Песонен (P. Pesonen)* с соавторами предложили последовательность ранне-неолитических культур региона. Керамическая традиция Сяръяисмиеми 1 (Särjäismieми 1) существовала около 5200–4500 гг. до н.э.; традиция Сперрингс 1 – около 5150–4400 гг. до н.э., Сперрингс 2 – около 4400–4200 гг. до н.э. Авторы подчеркивают необходимость введения поправки на “эффект резервуара”.

Й. Регев с коллегами получили модель хронологии РБВ юга Леванта на примере обработки стратиграфически привязанных

37 ^{14}C -дат памятника Тель Ярмут (Tel Yarmuth) в Израиле. Граница между фазами РБВ I и II определена около 3050–2980 гг. до н.э.; окончание РБВ II – 2950–2900 гг. до н.э.; конец РБВ III – около 2450 г. до н.э.

Ряд работ посвящен высокоточному датированию событий, связанных с археологией. В двух статьях обсуждаются достижения и проблемы последних лет в области датирования катастрофического извержения вулкана Санторин на о. Тира (Эгейское море). Важность вопроса состоит в том, что к этому событию привязаны хронологические шкалы бронзового века Греции, Малой Азии и Леванта, а также древнеегипетского Нового царства, поэтому любая изменение даты извержения Санторина (его традиционная “археологическая” оценка: 1530–1500 гг. до н.э.) вызывает массу вопросов. *Ф. Хёфльмайер (F. Höfelmayer)*, проанализировав причину возможного отклонения ^{14}C дат катастрофы от истинного возраста, пришел к выводу, что интервал 1642–1616 гг. до н.э. вполне может быть принят как время катаклизма, если хронология Нового царства будет слегка изменена. *С. Маннинг и Б. Кроммер (S. Manning, B. Kromer)* провели критическую оценку данных последнего десятилетия; их мнение таково – извержение, скорее всего, имело место в конце XVII в. до н.э. (1632/1624–1609/1601 гг. до н.э.), хотя нельзя исключить как вариант и середину XVI в. до н.э. К этим работам примыкает статья *В. Кучеры (W. Kutschera)* с коллегами, посвященная хронологии поселения Тель эль-Даба (Tell el-Daba) в дельте р. Нил. На основе 40 дат по короткоживущим образцам (семена злаков) было выделено 14 культурных фаз (2000–1400 гг. до н.э.). Наблюдается расхождение в 120 лет между ^{14}C -хронологией и традиционной археологической шкалой бронзового века Средиземноморья, причина которого неясна.

Одним из важнейших направлений остается датирование исторических событий и “поздних” памятников. *Дж. Квапра (G. Quatra)* с соавторами провели УМС-датирование органических остатков (обугленной древесины, угля, волос животных и семян растений), сохранившихся на поверхности двух бронзовых статуй периода классической Греции, найденных в 1972 г. под водой у побережья Калабрии (Италия). Результаты датирования подтвердили возраст, основанный на искусствоведческих данных, – V в. до н.э. *Й. Гарфинкель (Y. Garfinkel)* с коллегами исследовали хронологию одного из городских центров библейского Иудейского царства – Хирбет Кейяфа (Khirbet Qeiyafa) в Израиле. Было установлено, что он существовал очень короткое время (не более 30 лет) в конце XI в. до н.э. *Ф. Брок (F. Brock)* с соавторами получили серию ^{14}C -дат для скульптур доколумбового периода индейцев таймо (Taímo), обитавших в то время на Больших Антильских и Багамских о-вах; в целом они относятся к 700–1500 гг. н.э. При отсутствии древесных колец у тропических деревьев, из которых изготовлены предметы, проводилось датирование сердцевин и внешней поверхности.

Группа исследователей под руководством *А.С. Сыроватко* провела комплексное исследование раннесредневекового памятника Щурово близ г. Коломна (^{14}C -датирование, геоморфология, палинология). Наиболее интересно выделение грунтовых погребений VIII–X вв. н.э.; они, видимо, были оставлены населением, имевшим контакты со скандинавами (викингами) и занимавшимся торговым судоходством, для которого использовалось отмершее ныне русло р. Ока. *А.В. Энговатова* с коллегами сопоставили исторические, археологические и ^{14}C -данные на примере средневекового Ярославля. Тщательный отбор образцов из слоев домонгольского времени и массовых захоронений, связанных со штурмом города монголами в 1238 г., позволил сравнить два независимых хронологических источника (летописи и ^{14}C -даты). Вывод авторов – использование

^{14}C -метода дало результаты, хорошо сопоставимые с историческими данными.

М. Минами (M. Minami) с соавторами поставили вопрос: являются ли массовые захоронения в районе г. Камакура (Япония) результатом штурма 1333 г. столицы одноименного сёгуната (1185–1333 гг.)? Для ответа были проведены комплексные исследования. Поскольку из анализа состава стабильных изотопов коллагена костей видно, что ряд погребенных употреблял в пищу много морепродуктов, ^{14}C -даты были откорректированы на “эффект резервуара”. Анатомическое исследование и ^{14}C -датирование показали, что большинство скелетов в могильниках относятся к жертвам природных катастроф (землетрясений и связанных с ними цунами), имевших место в 1241, 1257 и 1293 гг. В могильнике с преобладанием мужских скелетов не обнаружено следов сабельных ран на костях, что говорит об отсутствии в нем жертв военного конфликта конца эпохи Камакура.

Дж. Медоуз (J. Meadows) с коллегами провели высокоточное ^{14}C -датирование деревянных структур (*volparoni*) – рам из бревен и досок, пространство между которыми заполнялось землей; с их помощью застраивались самые ранние кварталы г. Венеция. Определение возраста последних древесных колец бревен из *volparoni* в основании дворца Ка Фоскари (Ca' Foscari) позволило установить, что эти сооружения возводились с середины VII в. н.э., а в начале VIII в. территория вокруг Большого канала ниже современного моста Риальто уже была застроена. При отсутствии до IX в. н.э. письменных данных о развитии Венеции данная информация весьма ценна.

В тех случаях, когда нет материала для датирования монументальных сооружений, могут быть использованы строительные растворы (см. Кузьмин, 2012. С. 173). *Х. Аль-Башайреи и Г.В. Ходжисн (K. Al-Bashaireh, G.W. Hodgins)* определили возраст карбонатных растворов в кладке ряда зданий Петры (Иордания). Согласно полученным результатам, восточная колоннада Большого Храма была построена в I в. н.э. (эпоха Набатеяского царства), а в IV–VI вв. н.э. внутри храма были сооружены бани (римско-византийское время).

Можно отметить ряд работ в области методики ^{14}C -датирования. *Ф. Брок* с соавторами обобщили данные по содержанию азота в костях, подвергнутых ^{14}C -датированию. Эмпирическим путем было установлено, что при содержании в кости азота около 0.7% и выше (этот анализ дешев и быстр) образец годен для датирования; обычно при этом выход коллагена из кости составляет не менее 1% (минимальная допустимая величина).

Р.Э. Тейлор и Дж. Соутон (R.E. Taylor, J. Southon) проанализировали серьезные противоречия в ^{14}C -датировании древних поселений Америки; по их мнению, такие ситуации чаще всего связаны с неясным геологическим положением материала для датирования или с его нестандартным составом. Среди конкретных примеров – датирование початков кукурузы из пещер Мексики (УМС-возраст семян как минимум на 1000 лет моложе, чем даты по найденному рядом углю); определение возраста Кенневикского человека (см. Кузьмин, 2003. С. 179): в различных частях скелета содержание коллагена в кости отличалось на несколько порядков (от 68.8 до 0.05%).

Важный методический прием – определение величины поправки на “эффект резервуара” (см. Кузьмин, 2013. С. 184), особенно в пресноводных водоемах. *Р. Фернандес*

(*R. Fernandes*) с соавторами провели работу по определению ^{14}C -возраста моллюсков из Кильского фиорда, а также из водохранилища и поздненеолитической “раковинной кучи” на побережье Балтики в Шлезвиг-Гольштейне (Германия). Для морского моллюска разница между ^{14}C -датами по мягким тканям (которые употребляются в пищу людьми и животными) и по карбонату раковины практически отсутствует. У пресноводного моллюска эта величина гораздо больше и не имеет четкой тенденции (от –165 до +355 лет). Для “раковинной кучи” различие между ^{14}C -возрастом коллагена в костях наземных животных и карбоната моллюска составляет около –560 лет. Эти данные необходимо учитывать при определении возраста костных остатков человека в данном регионе (см. Кузьмин, 2013. С. 184).

Очередной (8-й по счету) Международный симпозиум “Радиоуглерод и археология” состоится в июне 2016 г. в г. Эдинбург (Великобритания); 7-й симпозиум прошел в г. Гент (Бельгия) в апреле 2013 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вагнер Г.А.* Научные методы датирования в геологии, археологии и истории / Пер. с англ. М.Л. Городецкого, С.Ф. Карпенко, В.А. Левченко / Под ред. М.Л. Городецкого. М.: Техносфера, 2006. 535 с.
- Кузьмин Я.В.* Труды 17-й Международной радиоуглеродной конференции, 18–23 июня 2000 г., г. Иерусалим, Израиль // РА. 2003. № 2. С. 178–182.
- Кузьмин Я.В.* Радиоуглеродный метод и его применение в современной науке // Вестн. РАН. 2011. Т. 81. № 2. С. 127–133.
- Кузьмин Я.В.* Труды 5-го Международного симпозиума “Радиоуглерод и археология”, г. Цюрих, Швейцария, 26–28 марта 2008 г. // РА. 2012. № 1. С. 169–174.
- Кузьмин Я.В.* Современные тенденции в радиоуглеродном датировании археологических объектов (обзор трудов конференций 2008–2009 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 182–191.
- Черных Е.Н.* Формирование евразийского “степного пояса” скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. № 3 (35). С. 29–35.
- Brock F., Higham T., Bronk Ramsey C.* Pre-screening techniques for identification of samples suitable for radiocarbon dating of poorly preserved bones // Jr. Archaeolog. Science. 2012. V. 37. № 4. P. 855–865.
- Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Burr G.S.* Chronology of the perishables: first AMS ^{14}C dates of wooden artefacts from Aeneolithic–Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // Antiquity. 2013. V. 87. № 336. P. 418–429.
- Haverkort C.M., Weber A., Katzenberg M.A., Goriunova O.I., Simonetti A., Creaser R.A.* Hunter-gatherer mobility strategies and resource use based on strontium isotope ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) analysis: a case study from Middle Holocene Lake Baikal, Siberia // Jr. Archaeolog. Science. 2008. V. 35. № 5. P. 1481–1500.
- Kuzmin Y.V., Jull A.J.T., Orlova L.A., Sulerzhitsky L.D.* ^{14}C chronology of Stone Age cultures in the Russian Far East // Radiocarbon. 1998. V. 40. № 2. P. 675–686.

А.А. Иерусалимская. МОЩЕВАЯ БАЛКА: НЕОБЫЧНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с., 228 ил. ISBN 978-5-93572-447-4

Книга А.А. Иерусалимской “Мощевая Балка: необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути” представляет собой полную и, можно сказать, исчерпывающую публикацию чрезвычайно интересного памятника, расположенного на Северо-Западном Кавказе и уже много лет исследуемого автором. Этот могильник, известный местному населению с конца XIX в., подвергаясь разрушению и грабежу, на долгие годы выпал из поля зрения археологов. В начале XX в., из-за непривычной сохранности органических материалов, он был принят специалистами за “поздний” этнографический объект. Собранные на нем коллекции (свыше 1600 инвентарных номеров), без всякой полевой документации, были переданы в два разных этнографических музея Санкт-Петербурга, а впоследствии трудами И.А. Орбели объединены в Государственном Эрмитаже. Однако привлечь к себе внимание материалу удалось лишь в 1960-х годах, когда он на длительный период стал предметом детального исследования Анны Александровны Иерусалимской. Она не только изучила все достаточно разрозненные вещи, но и провела охранные работы, позволившие уточнить устройство могильных сооружений, погребальный ритуал и т.п., а также собрала некоторые отсутствовавшие в собрании Эрмитажа образцы шелковых и других тканей. Ряд интересных находок передала А.А. Иерусалимской директор школы пос. Курджиново Е.А. Милованов и его ученики. Полевые исследования автора дополнили разделы книги, посвященные погребальному культу местных алано-адыгских племен, в частности, позволили впервые поднять тему “Дом мертвых и дом живых”. В результате материал могильника предстал во всей полноте, что и отражено в постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа, подготовленной автором книги.

В начале 1980-х годов на могильнике Мощевая Балка Лабинским отрядом Северокавказской археологической экспедиции ИА РАН были осуществлены стационарные раскопки. К сожалению, материалы экспедиции (впрочем, судя по архивным отчетам и статье Е.И. Савченко (1999. С. 125–140), значительно уступающие коллекциям, хранящимся в Эрмитаже) еще не были ни полностью исследованы, ни опубликованы.

В силу природных условий, благодаря которым до нас дошли такие обычно быстро разрушающиеся материалы, как ткани, кожа, дерево, Мощевая Балка стала уникальным памятником VIII–IX вв. не только Северо-Западного Кавказа, но и огромного региона, простиравшегося от Средиземноморья до Дальнего Востока и объединенного знаменитым “Шелковым путем”. Перу автора принадлежит более 20 статей на русском, французском, немецком языках, посвященных разным материалам могильника, а в 1996 г. вышло большое немецкое издание, содержавшее публикацию и анализ могильника и связанных с ним проблем (Jerusalimskaja, 1996). Однако рецензируемая монография – не перевод немецкой книги. Это заново написанный текст, увлекательное повествование об истории изучения могильника; о трудностях, вставших перед исследователем; новых открытиях и приведших к ним путях. При этом автор никогда не идет по линии упрощения излагаемых проблем или методов, использовавшихся для их решения. Книга с неослабеваемым интересом читается и узкими специалистами, и самым широким кругом людей, интересующихся историей.

В процессе многолетней работы А.А. Иерусалимской удалось сделать настоящие открытия, обосновать новый взгляд на

ряд вопросов, касающихся как отдельных деталей инвентаря, так и общих историко-культурных проблем. Полностью исчерпать содержание книги в рецензии не представляется возможным, поэтому мы хотим привлечь внимание лишь к основным, на наш взгляд, положениям, сформулированным, аргументированным и впервые введенным в научный оборот А.А. Иерусалимской.

Главная заслуга автора – обнаружение обходного северного ответвления знаменитого Шелкового пути, соединявшего страны Дальнего Востока, в первую очередь Китая и Византийского мира. Хотя о существовании северо-кавказского направления было известно еще в VI в. Прокопию и Меандру, только археологические находки, в первую очередь из могильника Мощевая Балка, показали, что это был регулярный торговый маршрут. К такому заключению исследователь пришел, прежде всего, на основании скрупулезного анализа тканей, вернее, их небольших кусков, найденных в могильнике или на его территории. В ряде случаев удалось, конечно, с неосценимой помощью реставраторов, сохранить отдельные разрушавшиеся фрагменты. Более или менее цельные куски реконструировались А.А. Иерусалимской путем соединения иногда мельчайших фрагментов, использовавшихся в разных предметах одежды, явно принадлежавших разным людям. Прodelав гигантскую работу по определению характера ткачества, особенностей использовавшихся станков, составу красителей, восстановлению узоров, от которых нередко сохранялись лишь небольшие части, она определила центры их производства, а, основываясь на размерах и качестве самих фрагментов, доказала, что кусочки разных иноземных тканей, прежде всего шелков, служили той “разменной монетой”, которой участники торговых караванов расплачивались с местными жителями, проводившими караваны по труднодоступным горным перевалам. Наиболее информативным с этой точки зрения оказался приобретенный уже всемирную известность “кафтан вождя”, сшитый из целой “штуки” (ткацкого куска) сиром-византийского шелка, но при изготовлении в Мощевой Балке дополненной мелкими кусочками других шелков. В итоге уже упомянутой кропотливой работы, соединенной с чрезвычайно широкой эрудицией, А.А. Иерусалимской удалось выявить три основные группы чужеземных тканей – византийского круга, согдийских и дальневосточных, преимущественно китайских. Для этого потребовалось не только хорошее знание всего корпуса тканей, происходящих из этих регионов, но и привлечение дополнительных данных, что обусловлено чрезвычайно разнообразием тканей Мощевой Балки. Помимо уже указанных методов атрибуции, автор использует и источники, не имеющие непосредственного отношения к ткацкому производству, – стенные росписи, рельефы, резное дерево, элементы прикладного искусства. Рассматривая декор тканей, исследователь обращает внимание не только на происхождение того или иного сюжета или элемента, но и на особенности его воспроизведения. Так, например, выявляя иранский прототип узора, она подчеркивает особенности ткани, а также “угловатость и неточность рисунка”, что свидетельствует в пользу не иранской, а согдийской принадлежности фрагмента (с. 159). Проведенный анализ позволил сделать ряд весьма ценных наблюдений относительно текстильного дела в каждом из этих регионов: для некоторых тканей выделить более узкие локальные центры производства, как, например, сирийский (с. 100) или константинопольский (с. 101); предположить авторскую версию формирования и развития школы

ткачества, как в случае с согдийскими тканями занданечи. Выявлению особенностей шелкоткачества в различных мировых центрах раннего средневековья способствовало, наряду с подробнейшим изучением всех сюжетов и деталей орнамента, овладение автором методами технологического изучения текстильных произведений. Свидетельством компетенции, достигнутой Анной Александровной в этой сфере, могут служить как опубликованный ею первый на русском языке “Словарь текстильных терминов” (СПб., 2005) с эквивалентами на четырех европейских языках к каждому термину, так и избрание ее в качестве представителя России в Совет директоров Международного центра изучения древних тканей (Лион, CIETA). Все это позволило А.А. Иерусалимской атрибутировать большую часть шелков из Мошевой Балки, обнаружив при этом, что среди них представлены, с одной стороны, исключительно “западные” (византийские и восточно-средиземноморские), а с другой – “дальневосточные” и среднеазиатские (согдийские). Краткий дайджест главных особенностей продукции этих шелкоткацких центров дан в Главе III, а также в Приложении к ней, где описание наиболее важных экземпляров перерастает порой в пространные эссе. Особый интерес вызвало у автора полное отсутствие находок иранских (сасанидских и постсасанидских) шелковых тканей. Подобный состав текстильного импорта привел к пересмотру некоторых проблем Шелкового пути в целом. Великолепное знание особенностей торговли шелками позволило исследовательнице убедительно опровергнуть предложенную в свое время В.Б. Хеннингом интерпретацию согдийской надписи на шелковом фрагменте (с. 109). В то же время нужно подчеркнуть ее чрезвычайную осторожность при определении центра производства ткани только в том случае, когда приводится полная аргументация. В противном случае вопрос оставляется открытым. Преобладание фрагментов византийских тканей привело к убедительному выводу об интенсивном вывозе восточносредиземноморских тканей на восток. Но автор не ограничивается анализом тканей и связанных с ними проблем. А.А. Иерусалимская убедительно показала, что Шелковый путь и его ответвления использовались для международной транзитной торговли не только шелком или вообще тканями, но и другими товарами. Важно подчеркнуть, что обоснование существования обходного северокавказского пути строится не только на анализе найденных в Мошевой Балке и других памятниках Северного Кавказа импортных вещей, но и на изучении исторической ситуации, в том числе роли Ирана, “перегородившего” на Евфрате основной торговый путь, и географических условий Ближнего Востока, обусловивших необходимость и возможность возникновения дополнительного обходного пути через Северо-Западный Кавказ и его ответвлений, в частности, в Хазарию (с. 126, 135, 170, 223, 226сл., 273, 278 и др.). Исследуя широкий спектр письменных и этнографических источников, автор восстанавливает условия прохода торговых караванов через перевалы и способы расплаты с местными жителями, чья помощь в этих условиях была необходима (с. 94, 95). А увлекательные описания, связанные с анализом “багажа” китайского купца, наполняют историю Шелкового пути живыми людьми и их судьбами. Удалось установить, что кроме предметов буддийского культа – остатков рукописей с сутрами и двух дорожных икон, – в него входила абсолютно уникальная находка: обрывок дневника, написанного китайской скорописью, с личными приходо-расходными записями.

Анализируя разнообразные материалы из Мошевой Балки, автор освещает и целый ряд чрезвычайно важных вопросов общен исторического и культурного характера, касающихся как населения, оставившего могильник, так и всего региона, по которому проходил путь. Специальное внимание уделяется проблеме соотношения двух этнически разных народов – аланов и адыгов, составлявших население Мошевой Балки. Рассматри-

вая этот вопрос через призму своего материала, А.А. Иерусалимская выявила весьма существенные детали. Продвижение алан к западу от их исконной территории – в районы Северного и, в частности, Северо-Западного Кавказа – признается и историками, и археологами (с. 29–31). Исследовательнице удалось на многочисленных и разнообразных примерах реконструировать характер взаимоотношений внутри населения Мошевой Балки и подчеркнуть как несомненное смешение традиций, так и их различные этнические корни. Это прослеживается, например, в погребальном обряде, зафиксированном в могильнике. Как убедительно показывает автор, невозможно разделить погребальные сооружения, хотя и относящиеся к разным типам, на два этнически разных массива. В Мошевой Балке это углубления в скале, отделенные каменной стенкой, или небольшие пристроенные друг к другу каменные гробницы со стенками из горизонтально положенных друг на друга камней, обмазанных глиной и побеленных снаружи. А.А. Иерусалимская приходит к аргументированному выводу о далеко зашедшем слиянии обеих этнических групп, “объединившем в том числе и их погребальный ритуал” (с. 38), хотя, скажем, побелка стен каменных гробниц, связываемая с местным домостроительством, справедливо отнесена к адыгской традиции (с. 38).

Особенно четко этнические традиции прослеживаются в верованиях. Так, привлекая этнографические и письменные источники, А.А. Иерусалимская доказывает иранское/аланское происхождение поклонения медведю и зайцу, зафиксированное местными амулетами. То же можно сказать и об одежде. В различных частях головного убора отмечаются элементы как аланского (с. 190, 191), так и, скорее всего, местного адыгского происхождения (с. 191). Прослежена иранская/аланская принадлежность найденных в Мошевой Балке отдельных видов одежды, как, например, кафтана (с. 223), тогда как в обуви совмещаются аланская и адыгская традиции (с. 233) и т.п. После тщательного анализа автор приходит к заключению, что мужской костюм продолжал сохранять преимущественно иранские/аланские черты, а женский, напротив, оставался в основном адыгским (с. 234). В ряде случаев А.А. Иерусалимской удается установить и более отдаленные связи: она приходит к обоснованному выводу о принадлежности мужских кафтанов из Мошевой Балки с левым запахом, боковыми разрезами и двумя боковыми отворотами у ворота к иранскому типу одежды всадника, характерному, в том числе, для Согда и сасанидского Ирана, но на Северный Кавказ попавшему, скорее всего, с аланами (с. 222, 223); а женские туники с шерстяным орликом возводит к византийским образцам, связывая их распространение с функционированием Шелкового пути (с. 226, 227), и таких наблюдений много.

Смешанный характер имеет набор керамической посуды (с. 253–255) и культовые предметы (с. 335), хотя в последних преобладает все-таки адыгский компонент. Керамика Мошевой Балки, что типично для погребений, представлена столовыми формами, из которых А.А. Иерусалимской выделено четыре таксона кувшинов (А–Г) и два таксона чайников (А, Б), специфичных для мужских погребений. Анна Александровна справедливо связывает кувшинчики таксона А по форме и орнаментации с аланской керамикой с салтовскими чертами второй половины VIII–IX в., когда наибольшее расширение тулова приходится на нижнюю треть сосуда. Не менее убедительно аналогии более крупным и вытянутым кувшинам таксона Б в адыгском керамическом комплексе, что можно подкрепить связями с керамикой Пашковского могильника I на Средней Кубани второй половины V–VII в. Предложенная в качестве гипотезы связь кувшинов таксона Г с тюрко-болгарами может иметь место, хотя болгарская керамика на Северном Кавказе плохо выделяется и малочисленна. Относительно “чайников” можно

согласиться с автором монографии, что это специфическая и редкая форма, характер зооморфных ручек которой действительно уводит в мир сармато-аланских древностей первых веков н.э., тогда как общая форма сосуда находит аналогии в Закавказье. В целом же анализ керамического материала действительно свидетельствует “об устойчивом слиянии к VIII–IX вв. тех основных этнических компонентов – адыгского и аланского (возможно, с некоторым болгарским влиянием), которые прослеживаются в качестве исходных” (с. 255).

Нужно еще раз подчеркнуть, что выделяя детали, которые следует считать этническими, автор демонстрирует прекрасное знание синхронных археологических памятников на широком пространстве этнографического материала и письменных источников, что делает предлагаемые атрибуции особенно убедительными.

Изучение памятника Мошевая Балка во всем объеме позволило А.А. Иерусалимской осветить жизнь местного населения VIII–IX вв. и то значение, которое имел проходивший через его территорию Шелковый путь. Одним из чрезвычайно важных аспектов является рассматриваемая автором проблема заимствования или отторжения населением Северо-Западного Кавказа тех разнообразных культурных элементов, которые оказывались на его территории. Как убедительно показывает исследовательница, местные жители были безразличны к чуждым для них декорам привозных тканей, и крупные куски разрезались без всякого внимания к целостности таких узоров, а затем соединялись с совершенно другими в зависимости от нужд покроя. Восстановление первоначального узора – еще одна огромная заслуга автора. Для осуществления подобной работы потребовалось тщательное сравнение всех сохранившихся, иногда мельчайших кусочков ткани Мошевой Балки с фрагментами узоров. В результате удалось выявить свыше 45 ранее неизвестных разновидностей текстильных узоров (с. 97), что значительно расширило источниковую базу исследования. Определение происхождения узоров стало возможным благодаря блестящему знанию не только циркулировавших по шелковому пути тканей, но и согдийской, византийской и китайской культур в целом, включая и особенности ткацкого ремесла. Нередко именно технология становилась основой атрибуции (например, с. 101, 105, 114, 115 и др.). В то же время большое внимание уделялось исторической обстановке, обусловившей различные заимствования, и в этом снова сказались глубокая эрудиция автора. Так, например, значительное количество восточных элементов в декоре византийских тканей А.А. Иерусалимская справедливо, как представляется, считает “результатом политики иконоборчества в области художественного шелкоткачества”, в то время как в изображении геральдической сцены на фрагменте шелка византийского круга сказались еще первая, доиконоборческая волна сасанидского влияния на византийское прикладное искусство (с. 120). С другой стороны, появление на шелках заданечи христианских сюжетов объясняется продвижением в Согд несторианских общин, а, возможно, и общей торговой конъюнктурой, т.е. предполагаемым сбытом продукции в христианские страны.

Ткани Мошевой Балки позволили автору обратиться к вопросу, имеющему не только практическое, но и теоретическое значение, – к особенностям заимствования инокультурных сюжетов и переосмысления их символики. Автор полностью отдает себе отчет в сложности предпринимаемого анализа, отмечая, что в ряде случаев трудно сказать, насколько четко символика сюжетов воспринималась современниками (с. 113). В то же время великолепное знание культуры и этнографии изучаемого региона позволило А.А. Иерусалимской выявить символическое значение сюжетов, казалось бы от него весьма далеких. Так, изображение кувшинов на шелке, покрывавшем

“шлем вождя”, убедительно отождествляется с зороастрийским новогодним обрядом (с. 144). На ряде примеров прослеживается утрата первоначального смысла орнамента (с. 113) и переосмысление символики в более близкие заимствующей культуре понятия. Обращаясь к проблеме заимствований в тканях, автор рисует сложную картину переплетения различных влияний на пространстве региона Шелкового пути. Например, в согдийских тканях отмечены элементы сасанидского (с. 112) и византийского (с. 112, 113) декоров. Влияние византийского христианского искусства на согдийское художественное шелкоткачество особенно подробно изучалось автором монографии. Чрезвычайно интересны наблюдения относительно некоторой “исламизации” византийского декора или превращения “светских” сюжетов в “христианские” (с. 102). При этом автор подчеркивает осознанный выбор сюжетных и стилистических заимствований, имеющих, как правило, аналогии в различных областях культуры. Обращаясь с этой точки зрения к населению Мошевой Балки, А.А. Иерусалимская отмечает, что сложные тканые изображения были ему в основном глубоко чужды, что приводило к обрезанию тканей прямо по фигурам или помещению их при шивании вверх ногами. Непонимание первоначального смысла очевидно и при использовании культурных предметов разных религий, при разных обстоятельствах попавших в Мошевую Балку (с. 351 сл.). То же относится и к копирующим византийские монеты нашивным бляшкам и пр. Вместе с тем автор выделяет и те мотивы, которые населению Мошевой Балки оказались созвучны. Очень интересна прослеживаемая автором трансформация сасанидского сюжета головы вепря в двойную секиру – мотив, встречающийся на большинстве согдийских тканей Мошевой Балки и, очевидно, понятый местным населением, так как мотив двойной секиры совпадает по форме с аланскими бронзовыми амулетами. Весьма убедительно предположение автора о выпуске в согдийском центре, возможно специально для расплаты на кавказских перевалах, низкосортных тканей с этим мотивом (с. 97). Интересны и наблюдения относительно цвета, который местным жителям был явно небезразличен. Ассоциация красного с благотворным влиянием была свойственна многим народам, в том числе кавказским. Именно этим автор объясняет то, что для шитья мешочков-ладанок население Мошевой Балки выбирало шелковые ткани с красным фоном (с. 332).

Анализ всего массива материалов могильника позволил автору обратиться к вопросу о комплексе товаров, продвигавшихся по Шелковому пути в VIII–IX вв., и показать, что помимо тканей перевозились и другие вещи – готовые одежды (с. 108), раковины, бруски золотоподобной латуни, расписные деревянные коробочки (с. 344–350). Рассматривая эти предметы, А.А. Иерусалимская каждый раз определяет направление их движения по Шелковому пути, который в результате этих исследований предстает все более насыщенным. При этом автор четко и весьма аргументировано отделяет инокультурные вещи, служившие предметами торговли и перевозившиеся караванами, от личной собственности отдельных людей, по тем или иным обстоятельствам попавших в район Мошевой Балки. Эти обстоятельства автор убедительно восстанавливает, давая неожиданно полное и живое представление о жизни средневековой горной общины.

Большое внимание уделено вопросам хронологии, в которых автору также удалось сказать новое и весьма веское слово. Прежде всего, это касается хронологии тканей, особенно шелковых, для которых дата Мошевой Балки – VIII–IX вв. – очевидный *terminus ante quem* (с. 111, 163, 175 и др.). Скрупулезный анализ позволил синхронизировать различные ткани, исходя из сшитых вместе местными жителями кусков, при учете изношенности каждого отдельного фрагмента (с. 97,

118). Уточнение датировки ряда тканей сделано на основании общекультурного контекста или конкретных условий в тех центрах, откуда, по предположению автора, они происходят. Иногда узкая датировка основывается на сочетании элементов декора разного происхождения, что может быть характерно для сравнительно небольшого периода (с. 120). Здесь, как и везде, решающую роль сыграла уже не раз упоминавшаяся широкая эрудиция автора книги.

Чрезвычайно интересно и обстоятельно рассмотрена проблема символизации в погребальном обряде, имеющая значение не только для описываемого могильника, но и для широкого круга археологических памятников. Суть его заключается в том, что в могилы вместо вещей, необходимых погребенному при жизни, помещаются их имитации, причем в большинстве случаев сделанные из органических материалов, сохранявшихся только благодаря особым условиям Мошевой Балки. А.А. Иерусалимская, как было сказано выше, уже в конце 1970-х годов выявила на материалах памятника явление символизации, когда вместо определенного предмета была положена его часть (древко стрелы без наконечника, рукоятка тесла-мотыжки без металлической части, ножны – вместо кинжала). Этот факт позволяет предположить, что отсутствие оружия в аланских погребениях Центрального Предкавказья VII–VIII вв., вызывавшее недоумение у археологов, может объясняться тем, что предметы вооружения символизировались их органическими составляющими – ножнами, древками, рукоятками, которые истлели и не дошли до исследователей (с. 49). Присутствие подобных имитаций совершенно меняет представление о статусе погребенного и богатстве погребального инвентаря. Автор видит две причины возникновения символизации: известная в различных традициях вера в то, что часть магически заменяет целое, а с другой стороны, что особенно интересно, – элемент плутовства по отношению и к божествам, и к самим умершим. О последнем свидетельствует помещение в могилы заведомо дефектных или чиненых вещей, мало пригодных для использования в реальной жизни (с. 243, 263, 274, 276, 291, 324). Разбирая этот вопрос, автор демонстрирует проявление символизма в разных культурах и разных хронологических срезах. Такая ситуация прослежена на целом ряде разнообразных предметов, обнаруженных в могилах Мошевой Балки (с. 48, 261, 280, 287–289 и др.). При этом, как отмечается автором, явление символизации совершенно не коснулось костюма и тех вещей, которые подвешивались к одежде или нашивались на нее, т.е. одежда оставалась той, которую носили при жизни (с. 294).

Тщательный анализ всех сделанных в Мошевой Балке находок позволил А.А. Иерусалимской реконструировать состояние и уровень местного ремесла. Рассмотрены вещи из металла, глины и, что особенно важно, дерева, кожи, рога, редко доступные археологу. Автору удалось доказать, что разного типа отдельные деревянные поделки (всего их найдено около 100) были деталями ткацких приспособлений. При этом учитывались сохранившиеся на них мельчайшие фрагменты тканей изо льна и шерсти, местное производство которых сомнений не вызывает; и характер этих тканей, обусловивший необходимость соответствующих ткацких устройств. Для понимания действия таких устройств широко привлекались и этнографические параллели. В результате проделанной работы, для которой требовалось доскональное знание ткацкого дела, автору удалось реконструировать три вида ткацких приспособлений, употреблявшихся и изготовлявшихся местными мастерами для производства различных текстильных изделий. А.А. Иерусалимская подчеркивает возможность заимствования идеи одной из таких конструкций, наиболее совершенной, предназначенной для производства местного льняного полотна, с Востока (с. 268). Она не только доказала, что льняные ткани высокого

сорта изготавливались местными жителями, но и реконструировала ряд этапов производства. Специально изучалась автором проблема латуни “золотоподобной” и “бронзоподобной”, что, в частности, позволило продемонстрировать использование привозного сплава золотоподобной латуни для производства местных украшений (с. 294, 295).

Хотя именно изучение тканей – наиболее важная часть исследования автора, признанного специалиста в этом вопросе, не менее тщательно проанализирован весь разнообразный материал, сохранившийся в погребениях Мошевой Балки. Конечно, каждая категория предметов заслуживала бы специального внимания, но здесь мы подчеркнем только наиболее значительные, с нашей точки зрения, положения. Уже неоднократно упоминался уникальный характер памятника, обеспечивший сохранность обычно быстро уничтожаемых материалов. Но в ряде случаев автор монографии реконструировал вещи или определял их использование по уцелевшим отпечаткам, которые ему удалось выявить. Так, например, на днищах колчанов были обнаружены отпечатки наконечников стрел, что позволило определить способ их помещения в колчан (с. 280) в этой традиции. Великолепная работа проделана по реконструкции сложноствового лука (с. 273 сл.). Благодаря сохранности таких элементов, как сухожилия, береста, роговые пластины и пр., Анне Александровне удалось полностью восстановить первоначальную форму. В соответствии с общими установками работы этот вид оружия рассматривается на широком фоне традиции и местных особенностей внутри региона, так или иначе включенного в орбиту Шелкового пути.

Рассматривая различные элементы вооружения, конского снаряжения, культовые предметы и вещи бытового назначения, она во всех случаях реконструирует технологию изготовления, прослеживает происхождение конкретной формы. Огромный интерес представляют наблюдения относительно использования местной культурой чуждых элементов, в частности, имеющих магическое значение. Все это чрезвычайно важно для понимания особенностей культурного заимствования, т.е. выходит за рамки ситуации в Мошевой Балке и имеет общетеоретическое значение.

Реконструкция одежды позволила восстановить особенности местной моды, в том числе разницу в мужском и женском костюмах и значение различных деталей, проливающих дополнительный свет на условия жизни их владельцев.

Специальное внимание уделяет автор верованиям местных племен, восстанавливаемым на основании изучения ряда предметов культового назначения, в первую очередь различных амулетов. При этом А.А. Иерусалимской удалось показать значение мелких стеклянных пронизей и бисера, игравших роль оберегов. Об апотропеическом значении бус свидетельствует и то, что наряду с ожерельями из крупных бус, надетых поверх платья, под одеждой могли находиться надетые на шею бусы из бисера, у которых соответственно нет декоративной функции, а осталась только апотропеическая. Типы бус из Мошевой Балки являются надежным хронологическим признаком VIII–IX вв. Они представлены импортными каменными бусами, бусами местного центральнокавказского производства из бесцветного посудного стекла (с. 61, илл. 33), выделенного одним из авторов рецензии в качестве шарообразных № 98 и четырехгранных бипирамидальных симметрично усеченных поперечно № 121 (Ковалевская, 2000. С. 11, 23), время расцвета которых относится к IX в. Все эти вещи разбираются подробно, с учетом данных этнографии и аналогий в синхронных Мошевой Балке памятниках. Только на материалах Мошевой Балки оказалось возможным установить существование почитания определенных древесных пород или их плодов и прежде всего лещины-орешника и таволги (с. 61 сл.). Привлекая этног-

рафические материалы, автор доказывает этническую принадлежность этого культа, связанного с адыгскими верованиями. А.А. Иерусалимской отмечается, что по отношению к этим амулетам производилась специальная порча предметов, ритуально разламываемых перед положением в могилу. Амулеты, связанные с почитанием древесных пород, преимущественно находились в женских погребениях, но иногда встречались и в мужских, что вообще для кавказских раннесредневековых памятников нехарактерно.

Благодаря скрупулезному изучению такие, казалось бы слепые вещи, как маленькие обструганные палочки, необработанные веточки, лесные орехи и пр., стали полноценным археологическим источником. Для доказательства своей интерпретации А.А. Иерусалимская не только привлекает этнографические параллели, но и учитывает положение этих вещей на одежде, что особенно важно и стало возможным только благодаря исследованию Мошевой Балки.

Материалы из Мошевой Балки вскрывают разные верования местных племен, расширяя круг предметов, использованных в качестве амулетов. Так, например, просверленная пяточная косточка зайца могла использоваться в ожерелье либо быть пришитой к подолу платья, либо же, завернутая в кусочек шелка, могла быть положена в нагрудный карман платья. Просверленные заячьи метаподии могли также использоваться наряду с бусами в ожерельях, подвешиваться к поясу или к ножнам ножа. В качестве амулетов, пришитых к одежде, использовались рог серны и коготь медведя. А.А. Иерусалимская приводит интереснейшие сведения из этнографической литературы, показывая, какие из амулетов можно связывать с иранской-аланской традицией, а какие – с адыгскими связями.

Для узкого датирования погребений надежным материалом выступают детали поясного набора. Благодаря обряду символизации в погребениях они часто заменены ремнями, иногда лишенными металлической гарнитуры. Выделяются узкие пояса с маленькими салтовскими пряжечками и наконечниками. Наряду с ними встречаются пояса более широкие и португепейные ремни шириной до 2–2.5 см. Все металлические накладки и наконечники (рис. 186–189) имеют аналогии в северокавказских и салтово-маяцких памятниках, которые можно датировать в пределах VIII–IX вв., ближе к концу этого периода. Интересно, что нет ни одного полностью представленного салтовского пояса. В целом набор поясных украшений небогат и однообразен, но достаточно надежен для подтверждения принятой даты могильника. Аланские культурно-исторические связи подтверждаются находками зеркал-подвесок с центральной петелькой и рельефным орнаментом, но зеркал-подвесок здесь значительно меньше, чем в одновременных аланских могильниках, они проще и архаичнее по орнаменту, зато дали несколько ярких примеров тому, что они были положены в могилу в специально сшитых кожаных чехлах, иногда вместе с самшитовым гробешком.

Институт археологии РАН, Москва
Институт востоковедения РАН, Москва

На протяжении всей монографии А.А. Иерусалимская с благодарностью упоминает предшественников и всех, кто в той или иной мере помогал в работе над книгой и над темой в целом.

Нельзя не отметить и чрезвычайно удачную композицию изложенного материала: шесть глав дают исчерпывающее представление о значении памятника и основных связанных с ним историко-культурных проблемах.

Огромную роль играют Приложения к Главам II, III и IV. В них содержится подробная характеристика всего комплекса вещей или, как в Главе II, погребальных комплексов, на основании которых сами главы написаны.

Мы понимаем, что рецензия предполагает определенную критику, но в данном случае не видим для нее сколько-нибудь серьезных оснований. Однако, чтобы соблюсти законы жанра, отметим, что иногда встречаются ошибки в транскрипции иноязычных слов и имен: осетинское название домового передано как “бинат(ы) хицау” (с. 54) вместо правильного “бынаты хицау”, японская фамилия Kajitani – как Кайитани (с. 221) вместо правильного Кадзитани.

Хочется еще раз подчеркнуть, что А.А. Иерусалимская занимается этими проблемами много лет, ее перу принадлежит огромное количество статей, в которых многие затронутые в книге вопросы рассмотрены подробно, а упоминавшаяся монография на немецком языке – основательный труд, рассчитанный прежде всего на специалистов. Тем не менее рецензируемая книга представляет собой новое и чрезвычайно ценное исследование, в котором счастливо соединяются скрупулезное изучение материалов и освещение общего историко-культурного фона, на котором они существовали. Книга написана живым ярким языком, что делает ее не только познавательным, но и весьма увлекательным чтением. Значение ее для специалистов очевидно, а широкому кругу читателей она не только открывает новую страницу в истории, но и воспитывает у него уважение к нелегкому пути ученого. Возможно, знакомство с книгой А.А. Иерусалимской поможет не одному молодому человеку выбрать профессию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. М.: ИА РАН, 2000.
- Савченко Е.И.* Мошевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе // РА. 1999 № 1. С. 125–141.
- Ierusalimskaja Anna A.* Die Gräber der Moščevaja Balka. München: Editio Maris, 1996.

*В.Б. Ковалевская,
М.Н. Полякова*

АРХЕОЛОГИЯ ОБРАЗА ДРЕВНЕРУССКОГО ДОНАТОРА: К ВЫХОДУ КНИГИ А.С. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО “КТИТОРСКИЕ ПОРТРЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ. XI – НАЧАЛО XVI ВЕКА”. М.: Северный паломник, 2010 (2012). 544 с.

Книга А.С. Преображенского о портретах древнерусских заказчиков различных сакральных строений и предметов прошла долгий путь от первоначального замысла – диплома, защищенного на кафедре истории отечественного искусства исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, до итоговой фундаментальной монографии. Стоит отдать дань уважения научному наставнику А.С. Преображенского Э.С. Смирновой, которая угадала тему, соразмерную талантам и широте интересов ее ученика.

Книга была подготовлена еще в 2010 г., но по разным причинам увидела свет лишь два года спустя. Безусловно, ее публикация – событие не только для достаточно обособленного от прочих медиевистов цеха историков средневекового искусства, но и для историков всех специализаций, включая археологов. Автор, исследуя, казалось бы, узкую проблему иконографии портретов ктиторов храмов и заказчиков произведений искусства, проводит скрупулезную реконструкцию социально-политического и культурно-религиозного контекста их создания. А.С. Преображенский демонстрирует доскональное знание письменных источников, как древнерусских, так и иностранных, прежде всего, византийских и южнославянских. Он анализирует их столь же тщательно, как и свой собственный изобразительный материал, а не просто подбирает подходящие тексты для аранжировки выводов. Речь идет, прежде всего, о религиозном сознании людей средних веков, об их менталитете, и А.С. Преображенский прекрасно ориентируется в проблемах христианского богословия, сохраняя взгляд рационального ученого, не ангажированного религиозной догматикой. Автор свободно работает и с материальным “миром вещей” Древней Руси, Западной Европы и Византии, и с “миром идей”, которые воплощались в этих словах и вещах. В результате книга получилась исключительно археологичной в старом смысле этого слова. Именно так, как науку о всех материальных остатках старины, понимали археологию А.С. Уваров, Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев и другие классики. Рецензируемая монография “археологична” и в значении, которое придавал этому термину М. Фуко: в ней анализируется стратиграфия древнерусской культуры, артефакты из разных слоев истории древнерусского искусства, вырабатывается типология древнерусских изображений ктиторов.

Исследование А.С. Преображенского уникально, прежде всего, тем, что он фактически создает корпус источников по политической, культурной и отчасти социальной истории средневековой Руси. Собранный им портретная галерея русских ктиторов оказалась исключительно репрезентативной.

Автор удачно преодолел самую первую трудность подобной темы, которая заключается в парадоксальном состоянии историографии: существуют сотни трудов по разным аспектам проблемы, посвященных отдельным памятникам или их группам, но при этом практически нет актуальных обобщающих исследований. Еще больше, наверное, тысячи работ написаны о репрезентации власти светских и духовных правителей позднерусских и феодальных социумов, но большинство из них лишь очень опосредованно касается проблем визуализации светской и духовной власти посредством ктиторовских портретов. Контур этого “Вавилона” публикаций А.С. Преображенский попытался дать во “Введении”, и отчасти ему это удалось, хотя

его выборка осталась достаточно субъективной, включающей явно лишние работы (например, об образах славянских князей) и упускающих ряд принципиальных, на наш взгляд, штудий (см. ниже).

Во “Введении” автор сумел корректно обозначить предмет своего исследования, основываясь на функциональном критерии: “ктиторовский или донаторский портрет есть визуальная фиксация вклада” (с. 13). Вообще разделы “Введение”, “Категории памятников. Функции и восприятие портрета” и “Принципы интерпретации средневековых портретов” можно назвать образцовыми с точки зрения качества мысли. А.С. Преображенский не идет по простому пути классификации материала по видам памятников, не следует историографическим стереотипам (над ними, особенно над наивным историзмом концепции “крипто-портретов” исторических персонажей в виде святых, он явно периодически подтрунивает). Он четко и жестко формулирует линию своего исследования и последовательно ей следует. Самую серьезную аналитическую работу автор провел, решая проблему количества ктиторовских портретов на Руси. Здесь ключевую роль сыграло не столько знание произведений искусства, сколько письменных источников – как средневековых, так и Нового времени, в которых сохранились сообщения об утраченных артефактах.

Глава 1, посвященная обзору предшествовавших исследований древнерусских ктиторовских портретов, очень наглядно показывает научный вакуум, в котором начинал свою работу А.С. Преображенский. Фактически его опередил лишь немецкий славист Ф. Кемпфер (Kämpfer, 1978), причем на его книгу отечественная наука практически не отреагировала (с. 54, 60), если не считать рецензии эрудита В.Г. Пуцко.

Глава 2, посвященная деятельности русских ктиторов домонгольского периода, начинается с анализа письменных источников – прежде всего, известных летописей, подборка которых кажется вполне исчерпывающей. Это позволяет А.С. Преображенскому свободно рассуждать о имплицитных идеях, лежащих в основе домонгольского ктиторовства и отразившихся, но не выраженных непосредственно, в разных литературных памятниках. Здесь автор демонстрирует свои исторические знания, зачастую корректируя выводы специалистов по летописным сюжетам. В частности, он совершенно справедливо указывает на явно предвзятое истолкование А.П. Толочко обычая размещения в церквях “портвов блаженных первых князей” как сугубого подражания византийскому обычаю (с. 63). Заслуживает внимания его полемика по вопросу о заказах и заказчиках произведений искусства в Новгороде с виднейшим специалистом по новгородскому летописанию и культуре А.А. Гиппиусом (с. 160–163). Совершенно справедливо рассуждает А.С. Преображенского о проблеме соотношения крестильного имени Святослава Ярославича “Николай” и его почитания при этом св. Симеона (с. 102, 103). Это рассуждение-полемика с Я.Н. Щаповым полезна для преодоления исследовательских стереотипов в интерпретации логики личного благочестия и духовной жизни людей Средневековья.

Работа А.С. Преображенского представляет собой важнейший вклад в решение сложнейшей проблемы истории домонгольской Руси – степени ее зависимости от материнской

византийской цивилизации и оригинальности ее культуры во всех сферах – письма и литературы, архитектуры и живописи, политической и правовой традиции. В свою очередь это частный случай глобальной теоретической и практико-историко-этнографической проблемы соотношения античных, римских, византийских элементов и местных варварских традиций в системе репрезентации правителей первого тысячелетия н.э., начиная с поздней античности и до конца раннего Средневековья (Randsborg, 1991). Например, сравнительно недавно М.А. Бойцов, работающий со схожими темами политического символизма западноевропейского Средневековья, попытался доказать, что первые варварские короли времен падения Римской империи слепо копировали римские образцы для демонстрации своей власти. По мнению М.А. Бойцова, варварские черты появились лишь в результате искажения, став следствием неумелого копирования, непонимания образов римских императоров, полководцев и управленцев. “Варварской” якобы была только интерпретация символов и знаков власти (Бойцов, 2007. С. 46–87; ср. неучтенную М.А. Бойцовым работу на ту же тему: Шувалов, 2001. С. 130–145). Однако здесь упускается из виду то, что государям варварских королевств “первой волны” и византийской ойкумены более позднего времени надо было работать с их собственными подданными. Из средиземноморского (эллинистического, римского, византийского) мира шел постоянный экспорт политических и иных технологий к “северным варварам” (Шувалов, 2012. С. 276–281) и “восточным конкурентам” (Eckstein, 2006; 2008). Христианство и сопутствующая “имперская модель” для правителей новых государств стали еще одной суперэффективной политической технологией, использованной для разрушения традиционного общественного уклада (Модзелевский, 2012. С. 169–172; ср. полемику о сущности империи между византийцами и франками: Назаренко, 2001. С. 11–24). Христианизация была решающим этапом импорта политических, а равно и других, более абстрактных – идеологических и экзистенциальных – техник, не говоря уже о вполне материальных – строительных, ремесленных и др. Шел и обратный процесс влияния варваров на вольных и невольных “прогрессоров” X–XII вв. – первые века тотальной христианизации Северной и Восточной Европы сейчас видятся как финал тысячелетнего волнового влияния на северную и восточную периферию со стороны средиземноморского мира.

Благодаря книге А.С. Преображенского отчетливо понимается, как в изображениях Рюриковичей XI в. демонстрировались идеи родового сюзеренитета их династии на Русь (начиная с группового портрета семьи Ярослава Владимировича в Софии Киевской). Видно, как затем усложняется идеология власти на Руси; как рождаются все более сложные формы манифестации власти князей; как усложняется мировоззрение аудитории, которой эти идеи транслируются посредством изобразительного искусства и архитектуры. Заметно, что Рюриковичи остаются индифферентны ко многим сущностным знакам власти, которые используют византийские императоры (с. 441). Творчески заимствуя отдельные элементы имперского декора, русские князья создают собственную самодостаточную иконографическую систему. В частности, князья недавно принявшей христианство страны предпочитают не только и не столько репрезентацию своей власти и ее сверхъестественной легитимности, сколько демонстрацию личного религиозного переживания (молитвы).

В центре второй главы книги А.С. Преображенского неизбежно – знаменитая ктиторская фреска Софии Киевской. Здесь дан подробный анализ группового портрета семьи князя Ярослава, разобраны основные проблемы реконструкции его первоначального облика. Параллельно к этому же сюжету об-

рашался украинский исследователь Н. Козак (2007. С. 9–52), которого интересовал в основном вопрос персонального состава этой многофигурной композиции. Недавно о смежной проблеме изображений патрональных святых в Софии написал большую статью В.Д. Сарабьянов (2012. С. 232–258). Все эти исследования прекрасно дополняют друг друга. Они будут незаменимы для дискуссии о принципиальном вопросе определения даты строительства главного собора домонгольской Руси.

Что касается собственно рассуждений А.С. Преображенского, то, кажется, что им недостаточно проработана типологическая (а, возможно, и генетическая) аналогия между групповым портретом семьи Ярослава Владимировича XI в. и групповым мозаичным портретом семьи византийского императора Василия I, его жены Евдокии Ингерини и их “общих детей” (Продолжатель Феофана, 2009. С. 207, 208; Mango, 1993. P. 197, 198). Об этой аналогии ранее гораздо подробнее писал А. Поппэ (Porre, 1968. S. 3–27; ср. Козак, 2007. С. 45, 46), и эти мысли надо было использовать.

Польский ученый был склонен видеть здесь отражение двух сходных ситуаций – попыток заретушировать “темные пути” прихода к власти императора Византии Василия I и “цесаря” и “кагана” Руси Ярослава Владимировича. Но проблема, кажется, гораздо глубже. Интеллектуальная и политическая элита, обслуживавшая императоров Македонской династии, решала сложную задачу конституирования идеальной модели этой династии как совокупности правителей-родственников, в том числе и с помощью изобразительных средств. В их число входили портреты (иконы) семьи основателя династии Василия I в Кенургии и его же изображение в церкви (часовне) Ильи Пророка близ ц. Богоматери Фаросской (Constantine Porphyrogenetos, 2012. P. 118). Портрет Василия в ц. Ильи Пророка был частью одного из церемониалов: прохода мимо него, его преемники зажигали свечи. Кстати, отметим еще одно совпадение: потомки Македонянина настойчиво старались канонизировать кого-то из представителей своего рода, а Ярослав и его дети формировали культ своих братьев Бориса и Глеба (о византийских примерах см.: Дагрон, 2010. С. 246–279).

Крайне примечателен вывод А.С. Преображенского, сделанный несмотря на минимум материала, о том, что в практике княжеского ктитинства XII в. проглядывает специфика политических запросов потомков Святослава Ярославича, будущих Ольговичей, унаследовавших традиции исконного черниговского сепаратизма (ср. Щавелев, 2007. С. 100–106; 2012. С. 70–74). К этому заключению автор пришел в ходе интерпретации фрагментов композиции в Кирилловской церкви в Киеве, которая идентифицирована А.С. Преображенским как ктиторское изображение. В более ранних исследованиях этого памятника она не упомянута.

Сделанный автором подробный обзор ктиторских традиций в разных землях Руси XII – первой половины XIII в. должен быть в обязательном порядке учтен всеми исследователями княжеств и отдельных территорий Руси. Именно в исследованиях такого рода будет заложен адекватный ответ на пресловутый вопрос о причинах феодальной раздробленности и ее непосредственных последствиях.

Подчеркнем, что на примере второй главы видно, как основной нерв книги – анализ ктиторских портретов в контексте восточнохристианской иконографии – строится А.С. Преображенским на фактически исчерпывающем фонде памятников, составленном по результатам исторического, источниковедческого и, отчасти, археологического исследования. В итоге автор делает важнейший исторический вывод о том, что в домонгольской Руси ктиторские изображения были социальной

привилегией династии Рюриковичей, обладавшей монополией на власть. Эта ситуация в корне отличает Русь от материнской византийской цивилизации (с. 177). Сохранившиеся ктиторские изображения логично вписываются в контекст сложных политических ситуаций, известных нам по письменным источникам (с. 178). Собственно ктиторские изображения русских князей, так же как их монеты и печати, были не стандартными копиями византийских образцов, а продуманными репликами-переработками с осмысленными практическими задачами.

“Темные” XIII–XIV вв. – сложнейшая историческая тема, не до конца исследованная и понятая самими историками русской Средневековья. Но и здесь А.С. Преображенский демонстрирует редкое знание исторической обстановки, сложностей источниковедческого характера, связанных с отдельными памятниками и категориями источников, а также основной канвы историографических дискуссий.

В этой, третьей главе акцент смещается на источниковедческие проблемы изучения отдельных памятников, что и логично: для домонгольского периода упор был сделан на аналитику, которая должна компенсировать дефицит материала. Следующий период русской истории на порядок лучше обеспечен источниками, требующими непосредственного анализа. А.С. Преображенский по своей апробированной схеме последовательно создает в качестве исследовательского базиса полный свод всех известных памятников и сообщений письменных источников о портретах, отсеивает недостоверные идентификации, подбирает обширный круг аналогий из традиций византийского круга и латинского мира. Становится очевидным изменение социального состава изображаемых донаторов – увеличивается число изображенных духовных лиц, заметен рост объемов власти и духовного авторитета церковных иерархов. Появляются изображения мирян-донаторов не княжеского происхождения. Меняется иконография и набор атрибутов в княжеских портретах. Исследование ктиторских портретов постмонгольского времени приводит А.С. Преображенского к принципиальному выводу о кардинальном различии отношения к ктиторскому изображению до и после монгольского нашествия.

Исследование показывает, что живопись и письменные источники Новгорода очень четко отразили специфику новгородской городской общины и исключительную роль фигуры предстоятеля города и его жителей перед высшими силами – архиепископом. Недаром архиепископ мыслится теперь как “верховный ктитор”, распорядитель городского храмового строительства.

Еще одно интереснейшее общеисторическое наблюдение А.С. Преображенского заключается в том, что в XV в. московские заказчики, включая князей и митрополитов, исключили из своей религиозной и социальной практики традицию прижизненного портрета. За этим сдвигом в менталитете и религиозном мировоззрении стоят какие-то не до конца понятные специфические социально-психологические процессы. Таким образом, А.С. Преображенский выявляет феномен ментальности элиты Московской Руси, практически не зафиксированный в письменных источниках (с. 328, 438–442). С XIV–XV вв. автор фиксирует вытеснение ктиторского портрета изображениями посредников-святых и общий тренд деперсонификации московского благочестия. Московские правители, несмотря на существование византийской и западной традиций, признавали только посмертные изображения, которые к тому же были дистанцированы от взгляда их подданного. В книге показан постепенный отказ московских князей от прижизненных ктиторских портретов, возобладание “закона неизобразимости донатора” (с. 324). Перед нами – признак острого беспокойства, невротизации социальной психологии московской элиты, экзальтации ее набожности и, вдобавок, – свидетельство резкого

обособления фигуры властителя от взглядов масс подданных (Кабрин, Юрганов 1991). Эти наблюдения – большой вклад А.С. Преображенского в глобальную историко-философскую проблему различия мировоззрения домонгольской (древней) и Московской Руси. Не исключено, что на Московских князей и в этом идеологическом аспекте повлияли их монгольские сюзерены, изображения которых были невозможны и нежелательны с точки зрения их анимистической языческой традиции, и с точки зрения набирающего влияние ислама (см. обзор проблемы вероисповедания монгольской элиты: Юрченко, 2012а; б). В пользу такой гипотезы говорит тот факт, что церковные иерархи и служители церкви дольше сохраняли традицию ктиторских изображений, хотя также отказались от нее к рубежу XV–XVI вв.

В исследованиях “Сказания о Щиловом монастыре” и иконы “Спас митрополита Киприана”, ранее публиковавшихся отдельно, а теперь переработанных для монографии, А.С. Преображенский демонстрирует тонкое знание древнерусской книжности, создавая полноценные литературоведческие эссе. Автор восстанавливает впечатляющую преемственность идеологии митрополитов Петра, Киприана, Филиппа (Колычева) и патриарха Никона и способов ее трансляции (с. 306), указывая на переключку пар “Петр–Филипп” и “Киприан–Никон”, в которых образ предшественника помогал моделировать образ преемника. Политическое соревнование между властью духовной и светской, которое началось в Византии в VIII в. (иконоборчество), в латинской Европе – в XI–XII вв. (борьба за инвентуру, Кларендонские конституции в Англии, стоившие жизни Томасу Беккету, и др.), в Московской Руси началось в XIV в. и продолжалось до знаменитого дела патриарха Никона (что, впрочем, не исключало случаев симфонии светской и духовной властей).

Остается пожалеть, что московский период древнерусской истории не очень полно изучен А.С. Преображенским. Книга была явно рассчитана на полный охват всего древнерусского периода, включая “осень русского Средневековья” – конец XVI–XVII в., но потом историческая часть ее была сокращена (об этом сам автор пишет на с. 36). Между тем четвертая глава, посвященная иконографии древнерусского ктиторского портрета в контексте других видов изображений, охватывает весь древнерусский период вплоть до XVII в.

Разбор иконографии московского периода касается самого широкого спектра вопросов, практически всех ключевых проблемных моментов, всех видов изобразительных памятников. Здесь периодически А.С. Преображенскому приходится спорить с классиками искусствознания и преодолевать накопившиеся историографические клише, потерявшие убедительность и опору в конкретном материале.

В Приложении № 2 А.С. Преображенский выступает как пронизательный медиевист-источниковед, вступающий в поучительную полемику с видным специалистом по западному Средневековью М.А. Бойцовым. Речь идет об интерпретации изображения двух “зонтов” на “пелене Елены Волошанки”. Еще в статье 2003 г. А.С. Преображенский (С. 201–228), вслед за А.Н. Грабаром, вполне надежно обосновал необходимость отказа от “историзирующего” взгляда на изображение на пелене. Перед нами яркий пример аргументированного развенчания идеи “криптопортретирования” средневековых правителей. Вывод А.С. Преображенского очень убедителен и вряд ли может быть оспорен: это не пелена с изображением членов великокняжеской семьи, вышитая в мастерской княгини Елены Волошанки, а анонимная пелена для неизвестного храма, датируемая рубежом XV–XVI вв. или более поздним временем (с. 468). Не вписывается идея портретирования исторических лиц на пелене и в установленную А.С. Преображенским общую

картину отсутствия вотивных портретов московских правителей (с. 474–475). Еще ярче опровергает традиционную версию и иконография изображенных фигур, особенно яркие отличия от изображения традиционных княжеских костюмов (с. 476–482). Перед нами, скорее всего, некая вневременная сцена, смоделированная на основе византийских образцов. Между тем, М.А. Бойцов, много рассуждавший о конкретном “археологическом подходе” к смыслам средневекового символизма (2009. С. 153), игнорирует серьезную исследовательскую работу, поскольку ему явно удобнее оперировать старой версией интерпретации изображения. Для него это практически единственный пример, на котором держится вся его многоходовая логическая комбинация, доказывающая, что зонт как инсигния Папы Римского и венецианского дожа был заимствован из Византии. Русская пелена дает ему возможность привести фактически единственный аргумент в пользу существования процессионных зонтов в стране византийского культурного круга. М.А. Бойцов без аргументов отбрасывает самое очевидное объяснение, что зонтики-“солнечники” носили в православном мире над иконами (с. 484, 485), хотя эта традиция все-таки известна ему из работы Ф. Кемпфера. А.С. Преображенский прав, когда говорит, что такой подход – “тревожный симптом” умонастроений исследователей (с. 484).

К обоснованной критике А.С. Преображенского добавлю, что М.А. Бойцов упустил еще одно известие о зонте с символическим значением. Речь идет о сирийском историческом сочинении “История мар Ябалахи III и раббан Саумы”, переведенном на русский язык Н.В. Пигулевской в 1958 г. Этот источник в принципе знаком М.А. Бойцову в английском переводе (2009. С. 240, 241), но известие о семиотике зонта он не заметил. В сирийском тексте же описывается, как при избрании в 1281 г. патриарха несторианской церкви (“Церкви Востока”) мар Ябалахи III в Багдаде монгольский хан Абага подарил ему “трон-седалище” и небольшой зонтик, который по-монгольски называется “сукор”. Ябалаха получил эти атрибуты вместе с подтверждающей золотой пайздой (Пигулевская, 2000. С. 373, 374, 691, 692). Заметим, что здесь раскрываются и практическая, и символическая сущности зонта, “который открывали и держали над головой царей, цариц и их детей, чтобы ослабить силу солнца и дождя, чаще же их осеняют им, чтобы оказать им честь...”. Интересно, что посольство мар Ябалахи во главе с Саумой побывало и в Константинополе, и в Риме, и в Париже в 1287 г.

Книга А.С. Преображенского – отличное доказательство того, что при критическом отборе базового материала, его корректной систематизации и адекватном анализе культурного контекста смыслы средневекового символизма (политического, богословского и любого другого) проявятся и без дополнительных усилий. Заметим, что равным образом выдающиеся книги А.С. Преображенского и М.А. Бойцова вышли практически одновременно и сравнение методов двух исследователей, сторонника классических методов русской историографии А.С. Преображенского и настроенного на европейскую культурологию, склонного к постмодернизму М.А. Бойцова, – поучительный историографический опыт.

В заключение сделаем несколько частных дополнений и поправок к тексту книги А.С. Преображенского. Им упущена классическая работа К. Крумбахаера о значении греческого слова “ὀκτίτῳρ” (Krumbacher, 1909).

А.С. Преображенский аргументированно отказывается видеть на изображениях в руках ктиторов изображения специфических предметов – моделей храмов, а не самих храмов (с. 23–25). Добавим к его рассуждениям первоклассный средневековый источник, проливающий свет на смысл таких композиций. Это чешская хроника (*Chronica Boemorum*) 1125 г.

Козьмы Пражского, в которой сообщается о том, как германский император Генрих II воздвиг в г. Бамберг храм, посвященный Свв. Марии и Георгию. После смерти императора некоему отшельнику было видение, как ангелы и бесы спорили о душе почившего правителя. Появились “весы размером больше двух миль”, на левую часть которых была возложена тяжесть грехов императора, а на правую – “большой монастырь со всей оградой, золотые кресты, украшенные драгоценными камнями, много перстней и груды золота, золотые подсвечники, кадилницы и множество облачений” (Cosmas. I. 37; Козьма Пражский, 1962. С. 84, 85). Все пожертвования Генриха церкви плюсовались к его добрым делам. Таким образом, фигура донатора, держащего созданное им церковное здание, символизирует “утяжеление” веса его добрых дел. Размер весов в пересказанном в хронике “вещем сне” – две мили – говорит о том, что именно сам храм, так сказать, в натуральную величину, был аргументом в пользу спасения души его строителя, и донатору не было нужды показывать высшим силам “модели” в качестве каких-либо доказательств.

Вопреки ремарке А.С. Преображенского совсем не является малоизвестным факт строительства Владимиром церкви в Херсонесе – по сути, первого русского княжеского храма (с. 62). Об этом есть обширная историография, правда состоящая в основном из работ археологов и локальных историков Крыма. Но стоит отдельно выделить статьи С.А. Беляева (см. последнюю с библиографией предшествующих работ: 2001. С. 50–68).

После публикации развернутого текста работы, а не только тезисов доклада, можно дезавуировать упрек А.С. Преображенского Ф.Б. Успенскому и А.Ф. Литвиной, которые анализировали экстравагантную посмертную волю митрополита Константина (бросить его тело после смерти на съедение псам) и, якобы, не аргументировали свою идею о наличии христианских образцов такого поступка (Успенский, Литвина, 2010. С. 80–137). Здесь же стоит добавить похожую ситуацию в латинском сочинении “О саксонской войне” авторства некоего сакса Бруно 1082 г., в котором описано, как епископ Утрехта Вильгельм, попав под папское отлучение, направленное против сторонников короля Генриха IV, просил верующих “не утруждать себя совершением молитв над его телом”, а его труп долгое время лежал непогребенным (Немецкие анналы и хроника, 2012. С. 514).

В работе А.С. Преображенского в недостаточной степени была привлечена синхростадиально близкая Руси западная латинская традиция ктиторовских изображений и осмысления донаторства как социальной практики. Стоило бы, например, обратить внимание еще на описание посмертного ктиторовского изображения Карла Великого в его жизнеописании, принадлежащем Эйнхарду. Карл был погребен в Аахене в базилике, “которому сам он, из любви к Богу и Господу нашему Иисусу Христу и в честь святой приснодевы Марии, Богородицы, построил в том поселении на собственные средства”. Здесь важно, что именно факт донаторства Карла был решающим при выборе места погребения. Поверх его гробницы был воздвигнут “склеп на могильной насыпи”, “украшенный золотом”, “с его (Карла. – А.Ш.) изображением и надписью” (Эйнхард, 2005. С. 118). Прижизненное изображение Карла Великого, образы его предков и римских императоров также украшали дворцовый комплекс в Ингельхайлме (Weidemann, 1975. S. 437–446).

Обращаясь к теме “родового созеренитета” (*corpus fratrum*) (с. 84, 85), необходимо было бы в обязательном порядке обратиться ко всем без исключения работам А.В. Назаренко на эту тему, тем более что сейчас они собраны в одном томе (2009).

Исследуя изображения князей Бориса и Глеба с храмами, стоило бы учесть работу Ф. Шапка об их возможных прототипах – изображениях болгарских правителей и византийских императоров (Sciassa, 1983. P. 62–70). Именно в этой работе последовательно выражена точка зрения о тотальной зависимости древнерусской традиции от византийских и болгарских образцов, с которой А.С. Преображенский убедительно полемизирует.

Следует отметить, что книга А.С. Преображенского писалась в условиях дефицита западной литературы, в период, когда электронные издания только входили в обиход исследователей, а покупка литературы за рубежом была гораздо сложнее и дороже, чем сейчас. Но все-таки, прежде всего с прицелом на продолжение книги и возможное ее переиздание в переработанном и расширенном виде, заметим, что полезно было бы обратиться к исследованиям по визуализации образов правителей западноевропейского раннего Средневековья. Здесь можно назвать работы П. Гири (Geary, 1996; Гири, 1999. С. 188–203), (И. Гарипзанова 2000; Garipzanov, 2008), Р. МакКиттерик (McKitterick, 1990. P. 297–318). Эти исследования касаются самых разных, не только ктиторских, видов изображений правителей, но они дали бы дополнительный типологический контекст и возможно подсказали бы А.С. Преображенскому какие-то исследовательские ходы.

Наконец, остался нерассмотренным формально поздний для заявленных хронологических рамок книги источник – Казанская история – сочинение второй половины XVI в., содержащее неясное, но нетривиальное сообщение об изображении хана Ахмата. В нем есть уникальный эпизод, который предшествует стоянию на Угре в 1480 г. когда “Царь Ахмать... посла къ великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отец своих и зъ басмою, просити дани и оброки за прошлая лета. Великий же князь ни мало убоясь страха царева и, приемъ басму лица его (курсив мой. – А.Щ.) и плевав на ню, низлома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима...” (ПСРЛ. Т. XIX. 2000. Стб. 6, 7, 200, 201). Еще Г.В. Вернадский отметил, что официальных изображений монгольских ханов мы не знаем, с ним соглашались и последующие исследователи (1997. С. 83, 84; ср. последнюю работу: Кривошеев, 2008. С. 354–359). Под “басмой” имеется в виду, видимо, *пайза*, хотя это лишь догадка. Причины же, по которым древнерусский книжник XVI в., проводивший в качестве пленника в Казани 20 лет и разбиравшийся в нравах современных ему татар, решил, что на “басме” должно быть изображение лица хана Ахмата, до сих пор не очень понятны. Тем не менее можно предположить, что возможность такого осквернения лика государя, осознаваемая его подданными, – одна из причин удаления наиболее интимных ктиторских посмертных изображений от глаз широкой публики и отказ от прижизненных портретов князей и царей в Московской Руси.

Частный характер предложенных добавлений и поправок лишь подчеркивает, что А.С. Преображенский сумел создать крупное монографическое исследование, охватывающее историю искусства Руси с момента ее фактического создания в XI в. как государства и до превращения в царство в XVI в. Панорамность исследования позволила автору получить принципиально новые выводы о древнерусской культуре в целом, политической идеологии, религиозном сознании и, наконец, средневековом русском менталитете. Особенно важно, что А.С. Преображенскому удалось сделать неоценимый вклад в историю русской ментальности, о которой много написано в спекулятивной манере, но мало сделано с точки зрения анализа источников.

Автор очень удачно выдержал стиль книги. Стоит отметить сдержанный, но уверенный тон его рассуждений, жесткость и корректность полемики, умение построить сюжет своего изложения, компактно подав огромный фактический материал. Книга великолепно издана и прекрасно иллюстрирована как хрестоматийными снимками, так и достаточно редкими изображениями. Уверен, она будет настольной для всех историков, изучающих средние века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев С.А. О названии церкви, в которой был крещен князь Владимир // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 50–68.
- Бойцов М.А. В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен “падения” Римской империи // Искусство власти: Сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетей, 2007. С. 46–87.
- Бойцов М.Б. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009.
- Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997. 352 с.
- Гарипзанов И.Х. Каролингское монетное дело и римская имперская традиция. Казань, 2000. 165 с.
- Гири П. Использование археологических источников в истории религии и культуры // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество: проблемы самоидентификации. 1998. М., 1999. С. 188–203.
- Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском “цезарепатризме” / Пер. и науч. ред. А.Е. Мусина. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 246–279.
- История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. Изд. 2-е. М., 2000. 328 с.
- Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.
- Козак Н. Образ і Влада. Княжі портрети у мистецтві Київської Русі XI ст. Львів: Ліга-Прес, 2007. 154 с.
- Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и ком. Г.Э. Санчука. М.: Академия наук СССР, 1962. 296 с.
- Кривошеев Ю.В. Ярлык и басма. Мифы и реальность во взаимоотношениях Руси и Большой Орды // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.: Наука, 2008. С. 354–359.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектория традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII в. М.: Языки славянской культуры, 2010. 208 с.
- Модзелевский К. Зарождение государства в общине: князь в глазах соплеменников // Древняя Русь и Средневековая Европа: возникновение государств: Матер. конф. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 169–172.
- Назаренко А.Н. Империя Карла Великого – идеологическая фикция или политический эксперимент // Карл Великий: реалии и мифы. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 11–24.
- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологическое исследование). (Древнейшие государства Восточной Европы; 2007). М.: Ин-т всеобщей истории РАН, Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
- Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Перев. И. Дьяконова, В. Рыбакова. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2012. 560 с.
- Пигулевская Н.В. Сирийская историография. Исследования и переводы. СПб.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. 760 с.
- Преображенский А.С. Иконография “пелены Елены Волошанки” и проблема портретной традиции в московском искусстве XV–XVI вв. // Искусствознание. Журнал по истории и теории искусства. Вып. 2/03. М., 2003. С. 201–228.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. М.: Алетей, 2009. 2-е изд, испр. и доп. 400 с.
- Сарабьянов В.Д. Патрональные изображения Ярослава Мудрого и его семьи в росписях Софии Киевской и проблема дати-

- ровки памятника // Первые каменные храмы Древней Руси: Матер. архитектурно-археолог. семинара. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Тр. ГЭ; LXV). С. 232–258.
- Щавелев А.С. Известие Ипатьевской летописи о Черной могиле (К вопросу об имени погребенного князя) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи: Зб. наукових праць, присвячених 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 100–106.
- Щавелев А.С. Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 70–74; URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/chernigovskaia-rus.html>.
- Шувалов П.В. У истоков средневековья: двор Аттилы // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3 / Под ред. Г.Е. Лебедевой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 130–145.
- Шувалов П.В. Импорт политтехнологий и варварские государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграция, расселение и война как факторы политогенеза: XXXIV Чтения памяти чл.-корр. В.Т. Пашуто: Матер. конф. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 276–281.
- Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Вступ. статья, перевод и примечания М.С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005 (Bibliotheca Ignatiana). 304 с.
- Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012а. 368 с.
- Юрченко А.Г. Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012б. 400 с.
- Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies. In 2 v. / Trans. by A. Moffart, M. Tall. With Greek ed. of CSHB (Bonn, 1829). V. 1. Book I / Byzantina Australiensia 18 (1). Canberra, 2012.
- Eckstein A.M. Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome. Berkeley: University of California Press; Los Angeles; L., 2006. 369 p.
- Eckstein A.M. Rome Enters the Greek East. From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 b.c. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 439 p.
- Garipzanov I. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Geary P.J. Living with the Dead in the Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 1996.
- Kämpfer F. Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im Byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1978. 281 s.
- Krumbacher K. КТНТΩР. Ein lexikographischer Versuch. Sonderabdruck aus Bd. XXV der “Indogermanischen Forschungen”. Straßburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909.
- Mango C. The Art of Byzantine Empire 312–1453: Sources and Documents. Toronto: University of Toronto Press; L., 1986. 272 p.
- McKitterick R. Text and Image in the Carolingian World // The Uses of Literacy in Early Mediaeval Europe / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. N.S. T. II. Cosmae Pragensis. Chronica Boemorum. “Weidmannsche Buchhandlung”. Berlin, 1923.
- Poppe A. Kompozycja fundacyjna Sofii Kijowskiej. W poszukiwaniu układu pierwotnego // Biuletyn Historii Sztuki. 1968. Rok. 30. № 1. S. 3–27.
- Randsborg K. The First Millennium A.D. in Europe and the Mediterranean: An Archaeological Essay. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 230 p.
- Sciacca F. The Kiev Cult of Boris and Gleb: the Bulgarian Connection // Proceedings of Symposium on Slavic Cultures: Bulgarian Contributions of Slavic Cultures. Sofia, 1983. P. 58–71.
- Weidemann K. Ausgrabungen in der karolingischen Pfalz Ingelheim // Ausgrabungen in Deutschland: gefördert von der Deutschen Forschungsgemeinschaft, 1950–1975. T. 2: Römische Kaiserzeit im freien Germanien, Frühmittelalter 1. Mainz: Verlag des Röm, 1975. S. 437–446.

Институт всеобщей истории РАН, Москва

А.С. Щавелев

ХРОНИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ “ЭТНИЧНОСТЬ В АРХЕОЛОГИИ ИЛИ АРХЕОЛОГИЯ ЭТНИЧНОСТИ?”

Весной 2013 г. в рамках Всероссийской научной конференции “Этнические взаимодействия на Южном Урале” состоялся круглый стол “Этничность в археологии или археология этничности?”. Он был посвящен обсуждению теоретических проблем, связанных с реальными возможностями изучения этнических процессов на основе данных археологии.

Идея и назревшая необходимость организации этого форума обсуждалась В.С. Мосиным, Д.Г. Савиновым и Л.Т. Яблонским и была реализована на базе Южно-Уральского Государственного университета (Национальный исследовательский университет). На заседаниях круглого стола помимо основных докладчиков присутствовали участники конференции и другие ученые, студенты и аспиранты ЮУрГУ. Примечательно, что в работе круглого стола приняли участие не только археологи, но и ведущие этнологи страны (д.и.н. С.В. Соколовский, д.и.н. В.А. Шнирельман), что обеспечило предметный разговор на тему этносов и этничности¹.

Организаторами круглого стола стали д.и.н. В.С. Мосин и д.и.н. Л.Т. Яблонский, который и вел первое заседание. Во вступительном слове он, в частности, сказал, что переход от эпохи бронзы к раннему железному веку сопровождался, в том числе, появлением в исторических источниках разного рода этнонимов. Как известно, древнейшие этнонимы упоминаются в “Истории” Геродота, и с тех пор этнонимы, этносы, этнические взаимоотношения стали непременным атрибутом в отечественной археологической науке. Этнонимика сопровождает почти все работы, касающиеся в первую очередь раннего железного века.

С конца 60-х годов в археологической науке не обсуждались подробно какие-либо проблемы, связанные с этнической археологией (работы С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова).

Между тем все, что связано с этносами, тема болезненная. Наши, казалось бы, сугубо академические дискуссии об археологических этносах зачастую вмешиваются в современные этнические взаимоотношения.

Затем слово для доклада “Реальность выделения социумов в археологии каменного века” было предоставлено В.С. Мосину. Он начал его с обсуждения понятия “археологическая культура”. “Как же в реальности соотносятся археологическая и социологическая составляющие изучаемой нами древности?” – задал вопрос докладчик и по ходу доклада попытался на него ответить применительно к археологии каменного века, поэтапно и в региональном контексте.

Некоторые замечания докладчика носят принципиальный характер для методики археологических исследований и выходят за рамки только археологии каменного века. Так, он отметил: “...каждый человек индивидуален, соответственно и

керамическая посуда несет на себе большой отпечаток субъективности и огромного разнообразия. Например, мать ставит штамп вертикально и правой рукой, а дочь – чуть под углом и левой рукой, для одной треугольник имеет одни пропорции, для другой – другие, а мы все это формализуем и разносим по разным культурам”.

В.С. Мосин обратил внимание аудитории и на не корректную, с точки зрения этнологии, терминологию, которая все еще часто используется археологами. Он отмечает, в частности, что понятие “племя” уже давно не употребляется в среде ученых, изучающих общества древних охотников, рыболовов и собирателей. Не стоит забывать, что, вводя в широкий научный оборот понятие “племя” Л.Г. Морган, имел в виду, прежде всего социальную систему конфедерации ирокезов, как идеальный (в философском понимании этого термина) эталон социального устройства общества догосударственного уровня развития. В.С. Мосин предложил заменить термин “племя” понятием “сообщинность” – социальная сеть, состоящая из узлов (семей и общин – резидентных групп), связанных между собой родством, свойством, мифологией, экономической взаимопомощью и осуществлявших свою жизнедеятельность в определенном окружающем ландшафте.

В дискуссии по докладу большое место было уделено этноархеологии, которая, по мнению В.А. Шнирельмана, вовсе не этническая археология, как это понимают в Омске, а этнографическая археология.

В докладе “Проблемы концепции этногенеза на современном этапе гуманитарных знаний” Л.Т. Яблонский отметил, что со времени выхода в свет специальных книг В.П. Алексеева, в подходах к разработке проблем этногенеза произошли существенные изменения. В общем виде эти изменения связаны, в том числе, с всплеском современного национального самосознания народов России.

Одной из форм этого всплеска стали попытки использования в индивидуальных или групповых политических интересах разного рода спекуляций, направленных на доказательства особой древности того или иного народа на данной территории и/или его преимущественного права на данную территорию. Для такого рода доказательств часто стали использовать данные археологии, поскольку именно археологические артефакты позволяют, как думают некоторые, не только точно их датировать, но и напрямую связать с тем или иным древним и современным этносом. При этом без всяких сомнений подразумевается, что этнос, населяющий данную территорию сегодня, является прямым и неизменным потомком этноса древнего, что с научной точки зрения, совершенно неверно.

Ахилессовой пятой археологии является неточность применяемой в ней даже основной терминологии. Докладчик поясняет этот тезис на примере употребления терминов “археологическая общность” и “археологическая область”, которые, по его мнению, не являются синонимами, находясь в разных

¹ При написании этой заметки использована стенограмма выступлений.

плоскостях познания и имеют совершенно разную смысловую нагрузку. Неодушевленные “археологические культуры” никак не могут образовывать общности, как их не могут образовывать даже совершенно однотипные горшки или мечи, по природе своей не обладающие социальными характеристиками.

Касаясь проблем понимания базисного в археологии понятия “историческая общность”, он отметил, что совокупность типологически сходных признаков материальной и духовной культуры в определенные эпохи может оказаться географически приуроченной к той или иной территории, что создает *археологическую иллюзию* существования здесь некоей человеческой (“историко-этнографической общности”).

Следовательно, археологам вслед за этнографами и антропологами надо признать, что только географическая территория (область) действительно может являться ареной формирования культурных общностей или их распада. Поэтому поле археологии – не изучение мифических общностей, а структурирование и характеристика материальной и духовной культуры историко-культурных областей, суть понятий социо-географических.

Далее докладчик ознакомил присутствующих с концепцией “культурно-хронологических горизонтов”, которая, с его точки зрения, универсальна и перспективна в археологических исследованиях.

Обращаясь к этнологии, он отметил: практика исследований показывает, что, чем слабее археолог ориентируется в теории современной этнологии, тем охотнее, чаще и увереннее он использует в своих реконструкциях всякого рода этническую нomenclатуру, почерпнутую из древних письменных источников или просто выдуманную им самим. Между тем само существование этносов как исторической реалии, сформулированное в свое время Ю.В. Бромлеем и его научной школой, теперь подвергается сомнению именно профессионалами-этнологами.

Любопытно, что дискуссия в современной этнологии о роли в ней классификаций народов и их языков – добавим сюда и расовые классификации – очень напоминает дискуссию в археологии о подходах к понятию “археологическая культура” (что это: историческая реалья или только инструмент исследователя?), что, очевидно, неслучайно.

Далее автор доклада обращает внимание на проблемы современной физической антропологии в связи с подменой ее основных понятий и приходит к заключению о кризисе этногенетического направления в современной гуманитарной науке России. Он напомнил, что В.П. Алексеев, призывая к интеграции наук для решения проблем исторической антропологии, неоднократно повторял, что такая интеграция имеет смысл только при сохранении целостности и специфичности каждой из интегрируемых наук, заложенных в них самой их природой.

В своем докладе “Этничность в археологии – реальность или фантом?” В.А. Шнирельман сформулировал три важные, с его точки зрения, темы. Во-первых, что может сказать археология об этничности и может ли вообще что-либо об этом сказать? Во-вторых, сегодня мы не имеем права упускать из вида политическую и социальную роль этногенетических построений, включая влияние этничности специалиста на его археологическую деятельность и интерпретацию полученных археологических данных. Наконец, в-третьих, каков выход из сложившейся ситуации?

Что касается археологии, то в отличие от этнографии, она имеет дело с мертвой, а не с живой культурой. Археология оперирует понятием “культура” одновременно и в очень широком, и в очень узком смысле. В широком смысле под “культурой” археология имеет в виду образ жизни и все его многообразные проявления. Но, в то же время, фактически она имеет дело с

культурой в очень узком смысле как отображением всей многообразной человеческой деятельности и человеческих взаимоотношений в материальной культуре. Более того, в остатках этой культуры, дошедших до нас в видоизмененном виде в силу действия постдепозитарных процессов. А мертвая культура имеет свои особенности, и одних лишь знаний о ней недостаточно для того, чтобы перейти к реконструкции былой живой культуры. Поэтому интерпретация полученных материалов и ныне является одной из самых сложных и наименее разработанных процедур археологического исследования. Одних археологических знаний для этого недостаточно.

Вопреки встречающимся, порой наивным, ожиданиям, знания о традиционных культурах, разумеется, не могут дать однозначного ответа на вопрос о том, с каким именно обществом имеет дело археолог. Однако они могут послужить основой для построения моделей, способных помочь археологу в постановке “правильных вопросов”, и мобилизовать его на поиск именно тех материальных остатков, от которых можно ожидать “правильных ответов”. Такие модели позволяют отойти от упрощенных схем, основанных на “здравом смысле”, и разрабатывать более тонкие подходы к анализу древних обществ, которых не знала традиционная археология.

Далее В.А. Шнирельман сказал: «...и для древних реконструируемых культурных или языковых групп применялись и до сих пор применяются такие термины как “этнос”, “этнокультурная” или “этноязыковая” группа, хотя не имеется никаких убедительных свидетельств того, что данная группа имела единое самосознание. Тем самым создавалась иллюзия наличия такого самосознания. Вот почему такой подход вел к неизбежному отождествлению археологической культуры с этносом. И вот почему он повсюду был с благодарностью воспринят националистами, которые пытались протянуть прямую нить от древних этнокультурных сообществ к современным народам.

Все это заставляет нас заново вернуться к вопросу о правомерности поиска этничности путем археологических исследований. Если связывать этнос прежде всего с лояльностью языку и культуре, как в наше время часто и происходит, то в первобытности первостепенное значение имело социальное родство, т.е. социальное пространство определялось родственными или псевдородственными отношениями, перед которыми все остальные параметры не представлялись сколько-нибудь важными.

Наконец, следует осторожнее обращаться с понятием “археологическая культура” и воздерживаться от прямых и некритических отождествлений ее с этносом. Возможно, следует отказаться и от широкого использования понятия “этнос” в применении к первобытной и раннесредневековой эпохам.

С.В. Соколовский познакомил участников круглого стола с современными концепциями этнической идентификации и проблемой атрибуции археологических памятников в этническом аспекте.

Предваряя свой доклад, он сказал: “Междисциплинарный перенос знаний – вещь обыденная и вполне нормальная, но, как и всякое заимствование, он должен сопровождаться критической оценкой и настройкой на нужды собственной дисциплины. С моей точки зрения, в российской археологии ощущается нехватка такой критической работы в отношении распространенных в советское время различных версий теории этноса, а критика этих концепций за рамками археологии — в этнологии/антропологии не была должным образом усвоена, в силу чего этнические интерпретации археологических памятников отмечаются и для периодов, заведомо предшествовавших той конфигурации идентичности, которую принято сегодня называть этнической”.

Второй тезис, который был предложен для обсуждения – это вопрос об исторически относительно недавнем становлении той формы самосознания, которую принято называть сегодня этнической или национальной идентичностью.

Перечислив конкретные механизмы и практики институализации этничности, автор отметил: “Сторонники взгляда на древность этнического самосознания, прежде, чем заявлять о его существовании, должны продемонстрировать наличие каких-то альтернативных институтов и практик, которые бы поднимали эту значимость и обеспечивали складывание и воспроизводство именно этнической идентичности в столь отдаленные от нашего времени эпохи”.

Итак, нельзя не видеть, что все авторы основных докладов круглого стола весьма скептически и критически относятся к возможностям первобытной археологии в этнической реконструкции.

Институт археологии РАН, Москва

В заключительной дискуссии было сказано, что проблемы, поднятые на круглом столе, исключительно актуальны, и их дальнейшая проработка и обсуждение весьма желательны.

По итогам круглого стола была опубликована книга (Этничность..., 2013), которая включает полную стенограмму выступлений. Основные доклады опубликованы в ней в виде статей, снабженных (что очень важно) библиографическими списками. А.В. Головнев не смог принять участия в заседании, но прислал для публикации в сборнике доклад, озаглавленный “Этничность и мобильность”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Этничность в археологии или археология этничности? Материалы круглого стола / Ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР “Рифей”, 2013. 134 с.

Л.Т. Яблонский

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “НАСЛЕДИЕ ЗАПАДНОГО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ”. АСТАНА, 2013

10–12 декабря 2013 г. в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан) состоялась Международная научно-теоретическая конференция “Наследие Западного Тюркского каганата в контексте развития мировой цивилизации”, посвященная завершению пятилетнего научно-исследовательского проекта “Тюркский геополитический феномен: истоки и преемственность” по подготовке и изданию атласа “Западный Тюркский каганат”. В ней приняли участие специалисты из Казахстана, России, Украины, Японии, Америки, Турции, Болгарии, Кыргызстана, Узбекистана.

Впечатляющие итоги завершения проекта и написания атласа были подведены в пленарном выступлении ректора Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева *Е.Б. Садыкова* и основного вдохновителя проекта заведующего кафедрой тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева *М.Ж. Жолдасбекова*. Было отмечено, что проделанная работа открывает фактически ранее неизвестный историко-культурный пласт в понимании большого блока проблем, связанного с исследованием кочевой цивилизации Евразии.

Становление государства тюркских народов на территории Казахстана и Восточной Европы стало закономерным продолжением последовательного развития этнической культуры народов хунну, гуннов, усуней, юечжей, аланов, известных в истории по материалам письменных источников и самобытным археологическим памятникам. Генезис культуры тюркских народов неотделим от процессов мировой истории и прослеживается в наследии римлян, германцев, готов, славян, иранцев и др., в культуре которых очевидны взаимные влияния эталонов идеологических ценностей, нашедших отражение в стиле культовых атрибутов, украшениях.

Процесс создания государства тюркских народов на новом этапе формирования с середины VI в. сопровождался дальнейшим политическим и экономическим развитием. В эпоху

каганатов тюрки, известные в истории как плавильщики железа, кузнецы, металлурги, возводят города с мощными оборонительными сооружениями, укрепленные поселения, замки, караван-сарай. Города Тараз, Мерке, Кулан, Баласагун, Суяб, Навакет славились дворцами правителей, домами элиты, общественными постройками – храмами, развитой системой коммунального хозяйства – водопроводами, банями.

По словам *М.Ж. Жолдасбекова*, уникальность атласа заключается в том, что международный коллектив авторов, представляющий разные научные школы и направления, объединился ради одного благородного дела – воссоздания незаслуженно забытой истории государства западных тюрков. Завершение столь необходимого познавательного этапа реконструкции истории Западного Тюркского каганата стало возможно, с одной стороны, с обнаружением и масштабным исследованием прежде неизвестных памятников ранней тюркской истории – уникальных культово-поминальных и погребальных комплексов Жетысу, Жайсан, Мерке и Кумай, расположенных в пределах Казахстана, а также памятников этого периода Кыргызстана (Тегерек, Беш-Таш-Короо, Кош Дё бё и др.), некоторые из которых имеют абсолютные аналогии среди тюркских комплексов Монголии.

Впечатляющую панораму проведенных историко-археологических исследований нарисовала в своем докладе соруководитель и основной координатор проекта *А.М. Досымбаева* (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева). Особую роль в реализации проекта она отдала уникальной и беспрецедентной работе известного историка-палеолингвиста Петера Б. Голдена (Ратгерский университет США, Нью-Джерси, Вест-Виндзор, США), фактически заново введшей в научный оборот гигантский пласт палеотюркских, китайских и других текстовых источников, иллюстрирующих деятельность западных тюркских каганов, особенности культуры и мировоззрения периода “десяти стрел” – Он Ок, Огур, Огуз.

Большое внимание А.М. Досымбаевой было уделено городской культуре центров коммуникаций на маршруте Великого Шелкового пути в специальном разделе, где помещены материалы исследованных городов Чу-Таласского междуречья, Тараза, Испиджаба, Куйрыктобе, Актобе, Костобе, Аспара, Мерке и др. Представляемые материалы археологических раскопок (особо впечатляют аэроснимки цитаделей памятников) позволяют утверждать, что города Западного Тюркского каганата являлись полноценными средневековыми урбанизированными центрами с цитаделями, шахристаном и рабадом с развитой архитектурой, градостроительством, отраслями производства, связанными с изготовлением продукции из железа, серебра, дерева, ткачества и керамики. В них бурлила деловая, торговая и ремесленная жизнь. Особенностью этих городов является наличие так называемых длинных степ, по большому периметру окружающих город на протяжении многих километров, что, по аналогии с золотоордынскими центрами, указывает на то, что эта часть фортификаций могла служить для защиты окрестного кочевого населения в случае эпизодической опасности. Наличие же в слоях южноказахстанских и среднеазиатских городских центров монет западных тюркских ябгу и каганов фактически сводит на нет давнюю дискуссию о правомерности выделения особого понятия “кочевнический город” как обязательного компонента цивилизационной триады (монументальная архитектура, письменность, город) кочевой цивилизации Евразии.

В этой связи существенным дополнением стал раздел, с изложением которого выступил историк-палеолингвист *Т. Осава* (Университет Сока, Осака, Япония), посвященный языковой и письменной культуре населения Тюркского каганата. Исследователь нарисовал картину языкового сосуществования культур и культовых верований в ранний период Тюркского каганата. Детальный анализ образцов письменности привел его к интересному выводу о полиязыковой толерантности, глубокой и многообразной письменной культуре тюркского сообщества. Тюркский язык использовался в городах под влиянием каганов и их аристократов с именем “Бег”. В городах зороастрийцы использовали отдельную ветвь согдийского языка. Арамейский язык был культурным языком несторианских христиан, среди которых были сирийцы, согдийцы и тюрки, санскрит с брахмийским алфавитом.

Продолжая тему, связанную с письменной культурой населения Западного Тюркского каганата, *Г.Б. Бабаяров* (Институт востоковедения им. Бируни АН Республики Узбекистан, Ташкент) представил широкий обзор исследований по письменным источникам, административному устройству, денежному обращению каганата. Систематизация письменных данных, картография эпиграфических и нумизматических материалов Южного Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, проработанная им в соавторстве с *К. Умировым* (Ташкент, Узбекистан) и *А. Ташагьлом* (Государственный университет им. Мимар Синана, Стамбул, Турция), позволили показать характер административного устройства ранней тюркской государственности и даже персонифицировать отдельные ветви западной тюркской властной элиты.

Процесс накопления письменных данных особенно бурно развивается в последнее десятилетие, подтверждением чему явились новые эпиграфические объекты, обнаруженные на жертвенно-поминальных памятниках Кыргызстана в последние годы *К.Ш. Табалдыевым* (Кыргызско-Турецкий университет “Манас”, Бишкек, Кыргызстан). В рамках конференции данной теме был посвящен его доклад и подготовлен соответствующий итоговый раздел атласа. Особую роль в сложении тюркской идентичности сыграла также система коммуникаций, установившаяся в рамках большого континентального

тюркского ареала. Реконструкции коммуникационной модели был посвящен доклад и раздел *В.А. Новоженова* (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева).

В этой связи следует отметить, что динамически расширяющийся арсенал нарративных источников существенным образом разрушил ранее существовавший стереотип о сравнительно малой представительности ранних тюркских письменных памятников западного тюркского макрорегиона. В своеобразном маркировании его рубежей бесценное значение сыграл еще один важный эпиграфический источник – тюркские родовые знаки (тамги и петроглифы). Вопросам их интерпретации и картографирования был посвящен соответствующий раздел, подготовленный *С.А. Яценко* (Всероссийский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) в соавторстве с *А.М. Досымбаевой*, *З. Самашевым*. Изобразительные памятники этого ареала позволили автору в своем докладе также предложить ряд весьма интересных наблюдений о костюме ранних тюрков.

Историко-культурный феномен Западного Тюркского каганата как в рамках проводимой конференции, так и в процессе создания атласа рассматривался в самом широком контексте ранней тюркской истории кочевой цивилизации Евразии. В этой связи доклад и разделы издания, посвященные погребальным жертвенно-поминальным комплексам, наскальным гравюрам и каменным изваяниям Саяно-Алтайского нагорья, изложенные *Г.В. Кубаревым* (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия) и опубликованные в соавторстве с *В.Д. Кубаревым*, явились закономерным связующим звеном в представлениях о единых корнях большого тюркского ареала. Общекультурное единство Западного и Восточного каганатов – связующая основа, сыгравшая решающее значение в сложной кочевой цивилизации в ее континентальных пределах. Возникшая на этом этапе новая военная доктрина, тактика вооружения кочевого сообщества позволили расширить пределы раннего тюркского кочевого государства до евразийских масштабов. В связи этим доклад *Ю.С. Худякова* (Новосибирский государственный университет, Россия), посвященный сравнительному анализу вооружения воинов Западного Тюркского и Второго Тюркского каганатов, стал своеобразной иллюстрацией обозначенных выше процессов.

Пределы тюркского мира простирались далеко на восток до Центральной Монголии, где расположены известные комплексы Бильге кагана, Культегина, Тюньюкука и др. Таким образом, помещение этих материалов в общий контекст атласа – закономерно (*Д. Байр*: Институт археологии, Улан-Батор, Монголия).

Западные пределы каганата и его, бесспорно, историко-культурное влияние простирались на тысячи километров до Подунавья и Балкан. Процессу сложения этого вектора, связанного с формированием этнонимов болгар, саргур, огуров и огузов в самом дальнем западном ареале тюркского мира, был посвящен доклад *О. Каратая* (Эгейский университет, Измир, Турция) и соответствующий раздел атласа, описывающий наиболее ранние миграции прототюркских этносов в Центральную Европу и на Балканы (*А. Ташагьл*).

Бесспорно, тюрко-культурное влияние в пределах дальнего запада ярко маркировалось на археологическом материале в культурах аваров и болгар. Доклад и раздел известного болгарского исследователя *Б. Тотева* (Региональный исторический музей, Добрич, Болгария) был посвящен тем самым западным тюркским культурно значимым маркерам, которые ярко отразились в элитарной культуре ранней болгарской аристократии. Исчерпывающий анализ материалов, картография памятников и находок отдельных предметов эпохи Западного Тюркского каганата в восточноевропейской лесостепи, степи и на Се-

верном Кавказе были выполнены *А.В. Комаром* (Институт археологии Национальной АН Украины, Киев). Предложенная автором культурно-хронологическая схема включает в себя как материалы предтюркского периода (огуро-сабирский), так и четкое их распределение по этапам периода Западного Тюркского каганата: погребения второй половины VI – начала VII в.; хазаро-болгарского времени первой половины VII – начала VIII в.; памятники Перещепинской культуры VII – начала VIII в.

Перспективам археологического исследования культурного наследия Западного Тюркского каганата было посвящено выступление *С.Г. Боталова* (Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия). Кратко охарактеризовав сравнительно немногочисленные погребальные комплексы, относящиеся к постгунскому (гунно-болгарскому) периоду V–VI вв., исследованные в пределах Урало-Поволжских и североказахстанских степей, докладчик (и автор соответствующего раздела атласа) особое внимание уделил ранее хорошо известным культовым сооружениям, получившим название курганов с “усами”. Их активное исследование в пределах Южного Урала в последнее десятилетие позволило прийти к выводу о том, что это особый

тип памятников населения Западного Тюркского каганата. Согласно внушительной серии радиоуглеродных дат, полученных из южноуральских комплексов, очерчивающих временной рубеж с конца V по VIII в., они маркируют культуру большого ареала (Южный Урал, Западный, Центральный и Восточный Казахстан) раннего тюркского (тюрко-болгарского) населения (Дуло, Дулу?), входившего в состав Западного Тюркского каганата. Исследования, продолжающиеся последние пять лет на уникальном комплексе Уелги (Южное Зауралье), по-новому ставят вопрос об участии средневековых тюркских кочевников Казахстана в этнокультурогенезе не только народов Урало-Поволжья, но и мадьяр Подунавья. Теме тюрко-мадьярских взаимодействий также было посвящено сообщение *А. Кушкумбаева* (Научно-исследовательский центр гуманитарных исследований “Евразия”, Астана, Казахстан). Представленные новые материалы по археологии, исторические и этнолингвистические данные сегодня позволяют приблизиться к решению проблемы мадьярского культурогенеза, вероятнее всего происходившего в среде населения Западного Тюркского каганата накануне исхода венгров на новую родину.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана
Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск

А.М. Досымбаева
С.Г. Боталов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И “КНЯЖЕСКАЯ” КУЛЬТУРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ – НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ».

Махачкала, 13–17 ноября 2013 г.

13–17 ноября 2013 г. в г. Махачкала (Республика Дагестан) прошел Международный научный семинар «Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья», организованный Институтом археологии РАН совместно с Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-14002г). В его работе помимо российских археологов и историков из Владикавказа, Грозного, Липецка, Махачалы, Москвы, Пятигорска, Санкт-Петербурга, приняли участие специалисты из Варшавы (Польша), Клайпеды (Литва), Ньиредьхазы (Венгрия), Сегеда (Венгрия), Парижа (Франция). К открытию семинара был опубликован сборник тезисов, включивший материалы 21 доклада, подготовленные 28 авторами.

Всего на семинаре было заслушано 13 докладов, посвященных проблемам становления и развития раннегосударственных образований, выделения “княжеских” и элитных погребений, формирования княжеской культуры. Организаторы ставили целью рассмотреть эти вопросы на основе анализа данных археологических и письменных источников относительно не только Северного Кавказа, но и других регионов Европы, предусматривая их сравнительно-историческое изучение. В ходе семинара обсуждались критерии выделения княжеских и воинских захоронений, вопросы определения их места в социальной иерархии погребений поздней Античности – раннего Средневековья, географии распространения княжеских находок на Северном Кавказе с целью выявления центров власти, определения интернациональных черт данных категорий погребений, путей и методов дальнейшего изучения сложных проблем формирования и развития раннегосударственных образований в регионе.

В первый день было заслушано восемь докладов. Следует отметить, что программа семинара предусматривала достаточно продолжительные выступления, позволяющие в необходимом объеме представить исследуемый материал, и их последующее детальное обсуждение. На утреннем заседании были представлены доклады по Северо-Восточному Кавказу (Дагестан, Чечня). В совместном выступлении *М.С. Гаджиева* (Махачкала, Россия) и *В.Ю. Малашева* (Москва, Россия) были проанализированы княжеские (Андрейяульские курганы, Ираги) и элитные воинские захоронения (Калкни, Кох-тебе и др.) позднего сарматского и гуннского периодов, выявленные на территории Дагестана и представляющие как кавказские (дагестанские), так и пришлые (носители среднесарматской культуры и их потомки – аланской культуры) погребальные комплексы. В докладе был сделан вывод о сходных процессах политогенеза, протекавших в среде этих двух этнокультурных тесно взаимодействовавших сообществ. Доклад *М.Х. Багаева* и *Р.А. Даутовой* (Грозный, Россия) был посвящен уникальной находке в предгорной Чечне – Галайтинскому кладу постгуннского времени, обнаруженному случайно еще в 1974 г.

Впервые авторами этот комплекс украшений был рассмотрен в контексте княжеской культуры. В совместном докладе *Х.М. Мамаев* (Грозный, Россия) и *С.Б. Бурков* (Владикавказ, Россия) проанализировали материалы подкурганного княжеского погребения, обнаруженного в 1995 г. при строительстве дороги г. Магас (предгорная Ингушетия) и датированного ими последней третью V в. Несмотря на то, что комплекс к моменту его исследования был ограблен, даже по сохранившимся отдельным находкам (золотые персти, фибула-брошь и др.) можно было судить о его богатстве и престижности, что по-

зволюет, по мнению авторов, рассматривать комплекс в рамках формирования интернациональной княжеской культуры эпохи Великого переселения народов. В своем докладе *И.Г. Семенов* (Махачкала, Россия), опираясь на анализ сведений “Истории страны Алуанк” Мовсеса Каланкатуаци, рассмотрел вопрос о месте правителя восточнокавказских гуннов (*honk'* древнеармянских источников) в иерархии государства европейских гуннов. В частности, автор пришел к выводу, что военно-политическое ядро европейских гуннов имело десятичный принцип организации, характерный для многих степных объединений, но восточнокавказские гунны не входили в состав этого ядра и занимали в военно-политической системе европейских гуннов подчиненное положение. На вечернем заседании были заслушаны доклады, посвященные памятникам Центрального Предкавказья – от Северной Осетии до Пятигорья. *В.Ю. Малашев* (Москва, Россия) на основе анализа памятников аланской культуры II–IV вв. н.э., расположенных в предгорной и равнинной зонах центральной части Северного Кавказа, пришел к заключению, что в этот период в данном регионе наблюдались такие существенные социокультурные явления, отражающие важные социально-экономические изменения, формирование и развитие аланской культуры, как появление крупных городищ со сложной фортификационной системой, развитие ремесленного производства, международных торговых связей, богатых погребальных комплексов и т.д. По мнению автора, эти явления свидетельствуют о происходивших процессах урбанизации и становления раннегосударственного образования. Продолжением аланской тематики стал доклад *Т.А. Габеева* (Москва, Россия) о княжеских аланских курганах на Верхнем Тереке. Автор подчеркнул, что со второй половины II в. н.э. на территории Центрального Предкавказья фиксируется раннеаланская культура, для которой характерно наличие крупных городищ с выделенными цитаделями (Брут, Беслан), окруженных многочисленными курганными могильниками, на которых выделяются элитные княжеские погребения, захоронения дружинников, рядового населения, отражающих глубокую социальную стратификацию аланского общества. Доклад *Д.С. Коробова* (Москва, Россия) был посвящен одному из аспектов социального анализа системы расселения носителей аланской культуры, занимавших Кисловодскую котловину в эпоху раннего Средневековья, и анализу процессов формирования общественной элиты и центров власти, происходивших в этой зоне в V–VIII вв. Завершал работу первого дня заседания доклад *С.Н. Савенко* (Пятигорск, Россия), в котором были представлены ранее неизвестные материалы из архива А.П. Рунича, происходившие из катакомбного захоронения могильника Березовский 2 (Кисловодская котловина). На основе изучения богатого погребального инвентаря (бронзовый котел, всаднический меч и др.) захоронение было обоснованно интерпретировано как погребение представителя аланской социальной элиты начала раннего Средневековья.

Второй день работы семинара был посвящен докладам, представляющим памятники сопредельных регионов, Западной и Центральной Европы. Открыл заседание доклад *О.В. Шарова* (Санкт-Петербург, Россия), в котором рассматривались аристократические погребения Боспора Киммерийской позднеримской эпохи, происходящие в основном из некрополя Пантикапея. Автор выделил три хронологические группы захоронений боспорской элиты, акцентировав внимание как на вещевом комплексе аристократической культуры, так и на особенностях погребального обряда, сочетавшего местные и варварские черты. В совместном выступлении *А.В. Мاستыковой* (Москва, Россия) и *Г.Л. Земцова* (Липецк, Россия) было рассмотрено княжеское женское погребение гуннского времени, открытое на поселении Мухино-2 на Верхнем Дону. Обнаружение этого захоронения существенно меняет представление

о географии распространения престижной культуры типа Унтерзибенбрунн. Подобные могилы маркируют некие центры власти варварских предгосударственных образований и показывают существование схожей иерархической системы у территориально удаленных друг от друга варварских социумов. Доклад *Анны Битнер-Врублевска* (Варшава, Польша) и *Аудронэ Блюене* (Клайпеда, Литва) был посвящен характеристике “вожеских” захоронений и выделению центров власти позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов на территории расселения балтов. В отличие от других европейских регионов привилегированные могилы римского времени у балтов содержат, как правило, не привычные статусные вещи (например, римскую металлическую и стеклянную посуду, инсигнии власти), а характерные для данного региона престижные предметы и приношения (элементы убора, погребения коней, конское снаряжение). Ситуация меняется в поздней фазе эпохи Великого переселения народов, когда появляются богатые захоронения военных вождей, связанных с правящими элитами Скандинавии, Подунавья или меровингской зоны и фиксирующих несколько центров власти. Тем же вопросам выделения и характеристики вожеских погребений и центров власти позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, но в Карпатском бассейне (главным образом, на территории сарматского Барбарикума), был посвящен доклад *Эстер Иштванович* (Ньередьхаза, Венгрия) и *Валерии Кульчар* (Сегед, Венгрия). Сведения источников позволяют полагать, что в сарматском обществе Алфельда (Большая Венгерская низменность), достаточно едином по своей материальной культуре, не было единовластия, руководящая роль принадлежала племенным вождям, возможно, существовал институт двойного королевства. Судя по данным археологии, с приходом гуннов местное общество гармонично вписалось в структуры новой власти. Вместе с тем вопрос местонахождения ставки Аттилы остается открытым. Заключительный доклад семинара был посвящен материалам самого Западного региона – Галлии. Состояние исследований “королевских” и вожеских погребений раннемеровингского времени было продемонстрировано в совместном докладе *М.М. Казанского* и *Патрика Перена* (Париж, Франция), вызвавшем значительный интерес, поскольку Галлия – один из регионов, где для начала Средневековья изучение археологических источников, прежде всего могильников меровингского времени, находится на относительно высоком уровне, а результаты археологических исследований коррелируются надежными свидетельствами письменных источников.

Следует отметить, что в ходе всего семинара шло оживленное и деловое обсуждение докладов, дискутировались спорные взгляды и моменты. На заключительном заседании были подведены итоги проделанной работы. Все участники констатировали, что складывавшаяся и развивавшаяся в позднеантичный–раннесредневековый период на Северном Кавказе княжеская материальная культура имеет в целом тот же интернациональный облик, как и в варварских социумах на других территориях, и также характеризуется престижными и статусными предметами (парадным конским снаряжением, оружием, импортными украшениями, аксессуарами костюма, посудой и т.д.), образующими определенные сравнимые наборы. При изучении социальной стратификации, выделении княжеской и воинской элиты северокавказских сообществ погребальный инвентарь и погребальная архитектура выступают основными маркерами. Вместе с тем отмечалось, что элитность аборигенных (кавказских) захоронений (типа Ираги), в отличие от сарматских и аланских с их выделяющимися своими размерами курганами и погребальными конструкциями, нашла воплощение не в погребальной архитектуре и трудозатратах при ее сооружении, а в богатстве сопутствующего погребального инвентаря. Материалы поселений также дают возможность выяв-

ления их иерархии, центров власти, определения ряда крупных укрепленных поселений как структур протогородского типа.

Участники семинара были солидарны в том, что дальнейшее изучение сложных процессов формирования раннегосударственных образований на Северном Кавказе требует широкого введения в научный оборот уже накопленного материала, его анализа, систематизации и публикации, археологического исследования крупных городищ региона, сопоставления археологических данных со сведениями нарративных источников.

В последний день работы семинара состоялась экскурсия в Дербент – знаменитый архитектурно-археологический памятник Кавказа, где была проведена обстоятельная лекция-

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала
Институт археологии РАН, Москва

экскурсия, ознакомившая участников семинара не только с великолепной оборонительной архитектурой Сасанидского Ирана, оказавшего заметное влияние на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Северо-Кавказского региона, но и со многими другими достопримечательностями древнего города – цитаделью Нарын-кала, старой частью Дербента, средневековыми воротами и банями, древнейшей в стране Джума-мечетью, Домом-музеем писателя-декабриста А.А. Бестужева-Марлинского и др.

Материалы международного научного семинара планируется опубликовать в виде тематического сборника статей в журнале “Краткие сообщения Института археологии РАН”.

М.С. Гаджиев

А.В. Мاستыкова

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ГЛЕБОВНЫ МОШКОВОЙ

В августе 2014 г. отмечает юбилей Марина Глебовна Мошкова, профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН.

Марина Глебовна в 1952 г. закончила исторический факультет МГУ, в 1955 г. – аспирантуру Института истории матери-

альной культуры АН СССР (ныне – Институт археологии РАН) и постоянно работает в этом Институте с 1956 г. Основные научные интересы Марины Глебовны связаны с археологией ранних кочевников евразийских степей.

Она является автором множества публикаций; среди них немалую долю составляют труды, которые еще на долгие годы останутся классическими в сарматоведении. М.Г. Мошкова внесла также большой вклад в дело издания монографий и сборников, в которых она выступила в качестве ответственного редактора и автора предисловий. Таких изданий насчитывается около трех десятков.

Первые самостоятельные исследования М.Г. Мошковой были связаны с памятниками савроматской и сарматской эпох Южного Приуралья. Главным итогом этого периода ее научной деятельности становятся содержательные работы “Памятники прохоровской культуры” и “Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры”, которые и сегодня остаются настольными книгами исследователей ранних этапов становления сарматской культуры.

История ранних кочевников Приуралья и в дальнейшем остается в центре научных интересов М.Г. Мошковой. В конце 1970-х годов начинаются раскопки Лебедевского могильника в Западном Казахстане. Этот памятник имеет особое значение в сарматской археологии – среди раскопанных там курганов целая серия относится к позднесарматскому времени. До раскопок Лебедевского могильника считалось, что области Южного Приуралья и прилегающие к ним степи Западного Казахстана практически не были заселены. Однако уже первые разработки М.Г. Мошковой показали, что эти районы в первые века нашей эры не только входили в ареал культур позднесарматского типа, но и являлись областью расселения могущественных кочевых объединений.

В 1980-е годы основные усилия исследовательницы были направлены на подготовку двух томов “Археологии СССР”, посвященных проблемам истории и археологии ранних кочевников Евразийских степей. Для “европейского” тома ею был написан большой раздел по археологии савромато-сарматской эпохи и (совместно с А.И. Мелюковой) предисловие к нему. М.Г. Мошковой было также поручено ответственное редактирование “азиатского” тома, в котором она выступила и в качестве соавтора нескольких центральных разделов, в том числе, теоретических.

Являясь стойкой последовательницей археологических работ Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова о неразрывной культурно-исторической связи различных этапов развития культуры ранних кочевников Волго-Уральского региона, она дополняет эти концепции новыми данными, подкрепляет их с теоретической точки зрения. М.Г. Мошкова и в последние годы принципиально и, порой, резко выступает против попыток ревизии хронологии и периодизации этих культур.

Являясь преданной ученицей и соратницей К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошкова на протяжении всей своей научной биографии последовательно развивает его идеи и всеми силами поддерживает созданную им научную школу сарматоведения. Она много сделала для того, чтобы и сегодня исследования в этой романтической области отечественной археологии продолжались не только в стенах родного для нее Института, но и в археологических центрах Поволжья, Приуралья, Подонья, Предкавказья – везде, где теперь работают ее собственные ученики. Она стояла у истоков организации периодической международной конференции по проблемам сарматской истории и археологии, была и остается одним из общепризнанных лидеров в этом важном направлении отечественной науки.

Институт археологии РАН, Москва

Сегодня Марина Глебовна продолжает активно разрабатывать конкретные вопросы сарматоведения. Она продолжает большую работу по ответственному редактированию монографий своих коллег и сборников научных статей, посвященных археологии раннего железного века.

Помимо научной работы Марина Глебовна отдает много времени и сил научно-организационной деятельности. В 1993–2002 гг. она являлась заведующей Отделом скифо-сарматской археологии; ныне она – член Диссертационного Ученого совета ИА РАН, член Редакционного Совета журнала “Российская археология”. Кроме этого, М.Г. Мошкова входит в состав Диссертационного совета кафедр археологии и этнологии истфака МГУ, является членом постоянного оргкомитета конференции “Проблемы сарматской археологии и истории”. Она продолжает руководить аспирантами, передавая им свои богатые знания и опыт. Марина Глебовна пользуется заслуженным авторитетом и уважением сотрудников Института, в котором она проработала всю жизнь.

От всего сердца хочется пожелать Марине Глебовне здоровья, творческого долголетия, новых успехов на поприще, ставшем делом ее жизни.

Сотрудники Отдела скифо-сарматской археологии

К 75-ЛЕТИЮ АНАТОЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ПРЯХИНА

В 2014 г. заслуженному деятелю науки РФ, лауреату национальной премии “Достоиние поколений”, профессору, доктору исторических наук Анатолию Дмитриевичу Пряхину исполняется 75 лет.

Он принадлежит к плеяде университетских ученых, внесших фундаментальный вклад в изучение проблематики эпохи бронзы евразийской лесостепи, истории развития российской археологии; существенна его роль в исследовании юго-востока Руси. Он прошел путь от лаборанта кафедры истории СССР досоветского периода до заведующего кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, руководителя Научного центра по историографии отечественной археологии, выросшего из совместной научно-исследовательской лаборатории Сибирского отделения РАН. Свидетельство его научного авторитета – более 600 работ, среди которых – более 20 монографий. Анатолием Дмитриевичем подготовлено к защите более 20 кандидатов наук и 7 докторов.

Значителен вклад А.Д. Пряхина в международное сотрудничество: под его руководством были защищены диссертации иностранных граждан. Плодотворным стало сотрудничество и с Институтом археологии Национальной АН Украины, Донецким и Восточноукраинским национальными университетами, Донбасским техническим университетом по проблемам эпохи бронзы и юго-запада России.

А.Д. Пряхин родился в Ельце 23 августа 1939 г. Будучи студентом-старшекурсником исторического факультета Воронежского государственного университета (1957–1962), он в 1961 г. провел свои первые самостоятельные раскопки на Воргольском городище и разведки в окрестностях г. Елец. Студентом А.Д. Пряхин работал под научным руководством А.Н. Москаленко, возглавлявшего в этот период археологическую экспедицию университета, раскапывающего известное многослойное

Титчихинское городище, на котором преобладали материалы славянского времени. Окончательно на выбор жизненного пути повлияло участие студента А.Д. Пряхина в раскопках древнего Любеча, которыми руководил Б.А. Рыбаков.

Однако выбор научной темы по окончании университета был сделан в пользу более ранних эпох, и в 1966 г. Анатолий Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию «История населения Верхнего и Среднего Подонья во II – начале I тыс. до н.э.». В 1977 г. состоялась защита докторской диссертации по теме «История древних скотоводов II тыс. до н.э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность)».

В 1976–2008 г. Анатолий Дмитриевич возглавлял кафедру археологии Воронежского государственного университета, а в 1978 г. ему присвоили ученое звание профессора. С 2008 г. и по настоящее время А.Д. Пряхин возглавляет Научный центр по историографии отечественной археологии.

У А.Д. Пряхина широкий спектр научных интересов. Наиболее важные его открытия сделаны в изучении эпохи бронзы евразийской лесостепи на пространствах Дона, Поволжья, Южного Урала, Восточной Украины (абашевская и срубная культурно-исторические общности). Среди ярких археологических памятников, изучавшихся под его руководством, – Подклетненский курганный могильник, Мосоловское поселение эпохи бронзы. Последний памятник, изучавшийся раскопками более 10 лет и давший яркий материал, свидетельствующий о бронзолитейном производстве, явился, по сути, визитной карточкой археолога А.Д. Пряхина. Материалы раскопок были опубликованы в двухтомной монографии «Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы» (1996).

Важным направлением в его исследованиях является изучение истории отечественной археологии. Увлечение им произошло еще в 1970-е годы и вылилось в первую книгу «История советской археологии (1917 – середина 30-х годов)», изданную в 1986 г. В дальнейшем были опубликованы «Археологи уходящего века» (1999), «История отечественной археологии. Ч. 1. Русская дореволюционная археология» (2005). В настоящее

время А.Д. Пряхин завершает книгу по истории археологии в Воронежском государственном университете.

Особое место в жизни А.Д. Пряхина занимает славяно-русская археология. Увлечение ею началось в юности с восприятия старинного города Ельца, участия в раскопках Любеча, с дипломной работы, посвященной осмыслению материалов собственных раскопок Воргольского городища. В начале 1980-х годов А.Д. Пряхин возвращается к проблемам изучения юго-востока Руси. В период 1981, 1984–1993 гг. под его руководством, в том числе и под руководством М.В. Цыбина (начало 1990-х годов), проходили раскопки многослойного Семилукского городища на р. Дон. В 1993–1997 гг. осуществлялось комплексное исследование памятников «Вантит» на северной окраине г. Воронеж. Данные работы заложили фундамент современной оценки юго-востока Руси и способствовали развитию этого направления как в стенах Воронежского университета, так и в соседнем Елецком педагогическом институте, где уже несколько лет работал выпускник университета Н.А. Тропин.

А.Д. Пряхин – организатор науки в различных научных направлениях, однако хотелось бы отметить его роль в развитии археологии Ельца на примере местного педагогического института, выросшего с 2000 г. в государственный университет. Анатолию Дмитриевичу принадлежат инициативы в создании кафедры историко-культурного наследия и возрождении исторического факультета со структурой археологического музея и кафедры российской истории и археологии, подготовка кадров – кандидатов и докторов наук, создание магистратуры по археологии, проведение научных исследований в рамках федеральной программы и конференций, совместных учебных археологических практик на Лавском археологическом комплексе и в историческом центре города, издание «Вестника Елецкого государственного университета. Серия Археология». Заслуги А.Д. Пряхина отмечены присвоением ему в 1995 г. званий «Почетный гражданин Ельца» и в 2007 г. – «Почетный доктор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина».

Искренне поздравляем юбиляра с днем рождения, желаем здоровья и новых открытий.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Н.А. Тропин

К 100-ЛЕТИЮ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА КОЛЧИНА (1914–1984)

10 июня 2014 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Бориса Александровича Колчина. В историю отечественной археологии он вошел как выдающийся исследователь новгородских древностей и основатель нового направления – применения естественно-научных методов в изучении археологических материалов. Попытки использовать методы физики и химии при анализе древних предметов предпринимались со второй половины XIX в. Но именно Б.А. Колчин обосновал необходимость изучения больших серий вещей и интерпретации полученных данных с исторической точки зрения. Он полагал, что для археолога важно знать не только, как и из какого материала изготовлен предмет, но, главным образом, какие исторические процессы скрываются за его производством.

Б.А. Колчин родился в Сормове, в то время – пригороде Нижнего Новгорода, в семье техника Сормовского машиностроительного завода Александра Петровича Колчина.

В 1929 г. он был переведен на новую работу в Москву, куда перебралась на жительство и вся его семья. Здесь Борис Александрович поступил в 9 класс школы № 73 Краснопресненского района, которую закончил в 1930 г. В августе того же года в должности чертежника-конструктора он начал свою трудовую деятельность сначала на авиационном заводе № 22 Министерства авиационной промышленности СССР, потом на заводе № 39 того же Министерства, а в 1932 г. был переведен в Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ). С марта 1930 г. Б.А. Колчин обучался на вечернем отделении Сретенского машиностроительного техникума, который окончил в 1933 г. Осенью того же года поступил на третий курс вечернего отделения Московского авиационного института при ЦАГИ.

Карьера технического специалиста у Бориса Александровича складывалась удачно: он вел научную работу в области взаимозаменяемости в самолетостроении, завершившуюся

первыми публикациями – “Иллюстрированный альбом допусков” (1933 г., соавторы – В.Е. Благоннадеждин, В.А. Васильчищин, В.Л. Моиссенко и Х.М. Непомнящий) и “Допуски и посадки в цельносталном самолетостроении” (1935 г., соавторы – В.Е. Благоннадеждин, З.А. Боядер и В.А. Васильчищин). Следует отметить, что Б.А. Колчин принимал участие в решении наиболее актуальной проблемы советского самолетостроения начала 1930-х годов – создании цельносталльных машин (в стране остро не хватало дюралюминия, поэтому создание цельносталльного самолета было признано важнейшей задачей авиаконструирования).

Работа на авиационном заводе, казалось бы, определила судьбу молодого ученого. Однако в 1935 г. он круто меняет свою жизнь – уходит из ЦАГИ, где уже занимает должность инженера, и поступает на только что восстановленный исторический факультет Московского государственного университета. Позже, в автобиографии 1946 г., объясняя свой поступок, Борис Александрович использует следующий оборот: “...имея определенное желание заниматься вопросами истории материальной культуры и истории техники” (Архив ИА РАН. Р-6. № 144. Л. 10). С 1938 г. Б.А. Колчин начал специализироваться в области славяно-русской археологии под руководством профессора А.В. Арциховского. В июле 1940 г. вместе со своим учителем принял участие в раскопках древнерусских курганов под Звенигородом.

К весне 1941 г. Б.А. Колчин написал курсовую работу на тему “Обработка железа на Руси в XVI в.”. Артемий Владимирович высоко оценил ее и в своем отзыве, датированном 13 апреля, написал: “Б.А. Колчин проявил себя в этом исследовании зрелым научным работником, талантливым историком, археологом и технологом. Работа заслуживает премии на конкурсе и скорейшего напечатания полностью” (Архив ИА РАН. Р-6. № 144. Л. 7). Но опубликован этот труд будет только через долгие восемь лет (Колчин, 1949а)¹. В 1941 г. Борис Александрович закончил обучение в Московском университете. Последний государственный экзамен (Археология) он сдал 27 июня и уже 30 был призван в Красную Армию.

После мобилизации в звании младшего лейтенанта Б.А. Колчин служил на Украинском фронте: в июле-августе 1941 г. – командиром взвода 92 Особого стрелкового полка. В августе он был переведен в 73 Отдельный Стрелковый пулеметный батальон начальником штаба. Два раза в районе Оржицких болот участвовал в боях. В начале ноября попал в Киевское окружение Украинского фронта, больше месяца был на оккупированной территории, скрывался от немцев, в середине декабря с группой бойцов вышел из окружения. После реформирования в Москве с февраля 1942 г. определен в 105 Запасной стрелковый полк (адъютантом батальона), который базировался в городе Муром. Но в октябре 1942 г. Б.А. Колчин был арестован, обвинен в уклонении от воинской повинности и, судя по архивным документам, осужден на пять лет, вероятно, за пребывание на оккупированной территории. Позже в автобиографиях он отмечал: “Из-за недоказанности преступления судим не был, но отправлен на стройку НКВД для использования по технической специальности”. Видимо, тогда же он был разжалован в рядовые (именно это звание указано во всех анкетах), поскольку до ареста занимал офицерскую должность (адъютант – фактически начальник штаба – батальона). Наказание отбывал на северо-востоке Коми АССР, в Интинском исправительно-трудовом лагере, на руднике “Большая Инта”.

В суровых условиях ссылки Б.А. Колчин, имея техническое образование и опыт работы на производстве, вероятно, смог

Рис. 1. Б.А. Колчин. Фотография. 1950 г.

профессионально хорошо себя проявить, поскольку уже в 1944 г. он был назначен инженером в проектный отдел Инта-строя (Гайдуков, 2003).

По возвращении в Москву в октябре 1945 г. Б.А. Колчин устроился в научно-библиографический отдел библиотеки им. Ленина, где проработал до конца мая 1946 г. К этому времени относится и первая запись в трудовой книжке, связанная с Институтом истории материальной культуры (ИИМК; Институт археологии Академии наук СССР – Институт археологии РАН): Б.А. Колчин был оформлен сотрудником в Старорязанскую экспедицию. В научном архиве Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника сохранились оригиналы полевых чертежей, выполненных Борисом Александровичем. Им же был составлен план городища, опубликованный А.Л. Монгайтом в монографии “Старая Рязань” (1955. С. 7). Вторым раз Б.А. Колчин побывал в Старой Рязани в августе 1950 г. в должности заместителя начальника экспедиции по административно-хозяйственной части (Архив ИА РАН. Р-6. № 144).

Осенью 1946 г. Борис Александрович отлично сдал экзамены в аспирантуру ИИМК с темой диссертации “Древнерусское ремесло по обработке железа”. Его научным руководителем был назначен А.В. Арциховский, исполнявший обязанности заведующего сектором полевых исследований ИИМК.

В марте 1950 г. Б.А. Колчин представил диссертационную работу и 21 декабря того же года успешно ее защитил. Однако научный успех еще не гарантировал зачисления в штат института: свободных мест, как, впрочем, и во все времена, в

¹ См. Список печатных работ Б.А. Колчина, 1989.

ИИМК не было. Только в августе бывшему аспиранту удалось устроиться на работу временным и.о. заведующего хозяйством, но через два месяца он вновь остался без работы. Лишь в октябре 1950 г. Б.А. Колчина временно зачислили на должность научно-технического сотрудника, а в марте 1951 приняли в штат на должность младшего научного сотрудника (рис. 1).

Параллельно с учебой в аспирантуре Борис Александрович продолжал активную экспедиционную деятельность. В 1947 г. А.В. Арциховский решил вернуться к археологическим исследованиям Новгорода. Организация этих работ была поручена Б.А. Колчину. Результаты раскопок Новгородской экспедиции 1947–1948 гг. на Ярославовом дворище хорошо известны (Арциховский, 1949; 1950). Они стали своеобразной генеральной репетицией перед последующими масштабными работами на Неревском раскопе. Начиная с этого времени, Борис Александрович – один из организаторов и постоянных участников раскопок в Новгороде.

Вот как характеризует роль Б.А. Колчина участник новгородских работ 1947 г. Д.А. Авдусин: "...Колчин поломал кустарный характер раскопок и придал экспедиции необычный размах. Она была обеспечена машинами, в первую очередь транспортерами, восхищавшими А.В. Арциховского, который, однако, не вполне и понимал, как их можно применить на раскопках. Было заказано большое количество пиломатериалов, чтобы не экономить на технике безопасности и не попрошайничать у местных организаций. Были сделаны надежные трапы, укрепления, ограждения и пр. Зная об обилии грунтовых вод, получили насос-"лягушку", в чем ошиблись: нужен был насос с электрическим приводом. Событием было появление нивелиров, облегчивших и ускоривших всевозможные замеры. ...Но все это было только началом колчинских новаций. Их расцвет еще предстоял" (1994. С. 31).

При новгородских раскопках 1947 г. и в более позднее время Б.А. Колчин воспользовался своим опытом инженера-строителя, приобретенным на лагерных стройках НКВД и руднике "Большая Инга". Именно там, а не в ЦАГИ, он впервые увидел практическое применение транспортеров и подъемников. Можно полагать, что таким путем некоторые инженерные приемы организации промышленных работ в ГУЛАГе пришли в практику раскопок сначала Новгородской, а потом и многих других "городских" экспедиций. Благодаря механизации археологических работ (это было особо отмечено в характеристике, данной к защите диссертации: Архив ИА РАН. Р-6. № 144. Л. 27), осуществленных впервые в Новгороде Б.А. Колчиным, стало возможно в короткий срок исследовать культурный слой большими площадями, что в свою очередь принесло принципиально новую информацию по археологии древнерусского города.

В 1951 г. началась знаменитая "Неревская эпопея", т.е. организация и проведение ширококомасштабных археологических работ в Неревском конце средневекового Новгорода, длившаяся 12 лет (1951–1962 гг.). За это время благодаря широкой механизации земляных работ был вскрыт невиданный ранее по величине участок древнерусского города: раскопана площадь в 9000 м² при толщине культурного слоя от 6 до 7.5 м (Колчин, 1964; Колчин, Янин, 1982. С. 21–33). Все эти годы Б.А. Колчин был правой рукой А.В. Арциховского. Именно на его плечах лежала основная тяжесть организации научного и хозяйственного обеспечения экспедиции, а также контроль за финансовым исполнением работ этой гигантской "фабрики по добыче древностей" (рис. 2).

На территории Неревского раскопа были обнаружены три древние улицы – Великая, Холопья и Кузьмодемьянская – с прилегающими к ним обширными жилыми усадьбами. Всего было вскрыто 18 усадеб, из них 10 – почти полностью. На усадьбах

Рис. 2. Б.А. Колчин и А.В. Арциховский в камеральной лаборатории на Неревском раскопе. Фотография. 1953 г.

изучено около 1500 различных построек, в том числе более 500 жилищ. Находки Неревского раскопа исчисляются десятками тысяч. Именно здесь в 1951 г. была обнаружена первая берестяная грамота, а всего на этом объекте найдено 395 документов на бересте (Арциховский, Тихомиров, 1953; Арциховский, 1954; 1963; Арциховский, Борковский, 1958а; б; 1963). "На Неревском раскопе мы впервые получили представление об облике русского средневекового города в целом, о планировке Новгорода, о его покрытых деревянными мостовыми улицами и площадями, об инженерных сооружениях, садах и огородах, жилых избах и теремах, мастерских и лавках" (Колчин, 1968. С. 5).

Именно на Неревском раскопе были отработаны методические приемы и принципы организации работ в средневековом русском городе, которые с небольшими изменениями до настоящего времени остаются в практике современных раскопок в Новгороде и во многих других городах (Колчин, Янин, 1972; Колчин, 1978). Именно в период проведения работ на Неревском раскопе в экспедиции сложился высокопрофессиональный научный коллектив, позволивший не только осуществить эти грандиозные полевые работы, но в значительной степени издать их. Четыре тома "Трудов Новгородской археологической экспедиции", изданных под научной редакцией А.В. Арциховского и Б.А. Колчина, вошли в золотой фонд советской археологической литературы, посвященной отечественному средневековью.

Рис. 3. Б.А. Колчин и В.В. Седов на базе Новгородской археологической экспедиции. Фотография П.Г. Гайдукова. 1982 г.

Кроме полевых работ с постоянной отработкой методики раскопок, Новгородская экспедиция была для Б.А. Колчина своеобразным полигоном, на котором он испытывал химические и физические методы исследования металла, проводил опыты по моделированию металлургических процессов, начинал обширнейшую программу дендрохронологического изучения деревянных построек древнерусских городов, а также работы по стабилизации и консервации находок из мокрой древесины. Трудно переоценить значение работ Б.А. Колчина по типологии и хронологии новгородских древностей (1956; 1958; 1959; 1968; 1971; 1982). За эти работы Борису Александровичу вместе с коллегами по экспедиции были присуждены Государственная (1970 г.²) и Ленинская (1984 г.³) премии. Время показало непреходящую ценность и востребованность его научных трудов (рис. 3).

Благодаря энергичным усилиям Б.А. Колчина в археологию прочно вошли естественно-научные (тогда еще “новые”) методы исследования археологического материала. В наши дни трудно себе представить изучение древнего ремесла без знания состава и структуры предметов; датирования слоев древнерусских городов без дендрохронологии; решения проблем производящего хозяйства без данных палеозоологии и палеоботаники. Удачное сочетание базовых технических знаний и широкого гуманитарного взгляда на общеисторические проблемы способствовало тому, что работы Бориса Александровича стали основополагающими в изучении истории производственной культуры Древней Руси. В 1949 г. была опубликована его первая статья, связанная с применением металлографии в археологии (1949б). Обобщение результатов проведенных исследований позволило перейти к построению историко-технологических концепций с выходом на социально-экономические проблемы. Таким образом, металлические артефакты стали полноценным историческим источником. Возможности метода археологической металлографии в решении исторических задач Б.А. Колчин блестяще продемонстрировал в своих фундаментальных трудах по истории черной металлургии и металлообработки Древней Руси (Колчин, 1953а; б; 1959).

² Совместно с А.В. Арциховским, В.И. Борковским, П.И. Зарсурцевым, А.Ф. Медведевым и В.Л. Яниным.

³ Совместно с В.Л. Яниным.

Полученные Б.А. Колчиным результаты по истории древнерусского кузнечества не утратили своей актуальности и сегодня. Его работы стали началом широкомасштабных исследований истории кузнечного ремесла, основные направления которых были намечены ученым.

Следует отметить, что в научные планы Бориса Александровича входило продолжение изучения древнего кузнечного ремесла: в середине 1950-х годов он начал работу над докторской диссертацией по теме “Ремесла древнего Новгорода”. Но вскоре его привлекает совершенно новое направление в археологии – дендрохронология. Любой археолог знает, как важна датировка вскрытых объектов. Для ранних эпох хорошо зарекомендовал себя радиоуглеродный метод. Но для средневековых памятников он был плохо применим – даты имели слишком большой диапазон. Поэтому дендрохронологический метод с его способностью определять дату рубки дерева с точностью до года явился для средневековой археологии поистине революционным. С его внедрением в археологическую практику резко изменилась вся ситуация при изучении культурного слоя и содержащихся в нем древностей (Черных, Янин, 1984. С. 314).

Основы отечественной дендрохронологии были заложены Б.А. Колчиным в начале 1960-х годов. Его первая статья на эту тему появилась в 1962 г., а через год вышли две большие работы, легшие в основу дендрохронологической шкалы Восточной Европы (Колчин, 1962; 1963а; б; Колчин, Черных, 1977). Итогом этих работ стала защищенная в 1964 г. докторская диссертация по дендрохронологии средневекового Новгорода.

Во второй половине 50 – начале 60-х годов XX в. Б.А. Колчин предпринял энергичные шаги по созданию научного подразделения, главной задачей которого стало бы изучение археологического материала с помощью естественно-научных и технических методов. В 1953 г. на кафедре археологии исторического факультета МГУ были организованы лаборатории спектрального и структурного анализа (фактически лаборатории начали работу летом 1954 г., когда факультет переехал на ул. Герцена (Никитскую), 6: Рындина, 2006. С. 5). Пропаганде нового направления в археологии служил и спецкурс, который Борис Александрович читал на кафедре археологии в 1957–1962 гг.

В 1959 г. в составе реставрационной лаборатории Института археологии АН СССР были образованы кабинеты дендрохроно-

логии, металлографии, спектрального анализа, которые стали основой нового подразделения. Популяризации применения естественно-научных методов в археологии служили Всесоюзное совещание (1963 г.) и вышедший в 1965 г. сборник “Археология и естественные науки”, в статьях которого были представлены первые успехи в сфере дендрохронологии и радиоуглеродного датирования, археометаллургии и древнего стеклоделия, трас-сологических изысканий и вопросов палеогеографии (Черных, 2005. С. 5). Безусловно, это был первый и большой успех начинаний Б.А. Колчина по внедрению в практику принципиально нового подхода к археологическому материалу.

Итогом этих усилий стало образование в конце 1967 г. де-факто в Институте археологии АН СССР лаборатории естественно-научных методов, которую Б.А. Колчин возглавлял до своей смерти в 1984 г. Первые годы развития лаборатории показали успешность разработанной ее основателем стратегии: оттачивалась методика аналитических исследований, чрезвычайно расширились территориальный и хронологический диапазоны подвергшихся изучению материалов (Черных, 2009. С. 10, 11).

Не будет преувеличением сказать, что Б.А. Колчин явился создателем отечественной школы применения естественно-научных методов в археологии, для которой характерна направленность, прежде всего, на решение историко-культурных проблем. Этим работы лаборатории Института археологии РАН выгодно отличаются от публикаций зарубежных коллег, которые по большей части ограничиваются технико-технологическими выводами, не переходя на уровень исторических обобщений. Заданное Б.А. Колчиным новое направление в археологических исследованиях продолжает развиваться в соответствии с задачами, которые диктуются современными археологическими открытиями. Естественно-научные методы стали составляющей частью комплексных археологических исследований, расширяя возможности исторических реконструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А.* Артемий Владимирович Арциховский и Новгород // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 28–34.
- Арциховский А.В.* Новгородская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. 27. С. 113–122.
- Арциховский А.В.* Новгородская экспедиция // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 3–16.
- Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: АН СССР, 1954. 91 с.
- Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М.: АН СССР, 1963. 118 с.
- Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.: АН СССР, 1958а. 158 с.
- Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: АН СССР, 1958б. 152 с.
- Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: АН СССР, 1963. 328 с.
- Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: АН СССР, 1953. 67 с.
- Гайдуков П.Г.* Артемий Владимирович Арциховский и Борис Александрович Колчин (1935–1950 гг.) // РА. 2003. № 4. С. 147–155.
- Колчин Б.А.* Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // МИА. 1949а. № 12. С. 192–208.
- Колчин Б.А.* Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей // КСИИМК. 1949б. Вып. 30. С. 42–53.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР, 1953а (МИА; № 32). 260 с.
- Колчин Б.А.* Техника обработки металла в Древней Руси. М.: Машгиз, 1953б. 160 с.
- Колчин Б.А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956 (МИА; № 55). С. 44–137.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 92–111.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959 (МИА; № 65). С. 7–122.
- Колчин Б.А.* Дендрохронология Новгорода // СА. 1962. № 1. С. 113–139.
- Колчин Б.А.* Дендрохронология Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М., 1963а (МИА; № 117). С. 5–103.
- Колчин Б.А.* Дендрохронология построек Неревского раскопа // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. IV. М., 1963б (МИА; № 123). С. 166–227.
- Колчин Б.А.* К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962 гг.) // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 3–20.
- Колчин Б.А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (САИ; Вып. Е1-55). 183 с.
- Колчин Б.А.* Новгородские древности: Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-55). 62 с.
- Колчин Б.А.* Механизация земляных работ при раскопках средневековых городов // Intern. symposium on mechanization of the archaeological fieldworks. Lodz, 1978 (Archaeologia Baltica; V. III). P. 51–62.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 по 1980 г. М.: Наука, 1977. 128 с.
- Колчин Б.А., Янин В.Л.* Новгородская археологическая экспедиция (Организация и методика полевых работ в городе) // Новое в археологии: Сб. статей, посв. 70-летию А.В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 15–27.
- Колчин Б.А., Янин В.Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 3–137.
- Монгайт А.Л.* Старая Рязань. М.: АН СССР, 1955 (МИА; № 49). 225 с.
- Рындина Н.В.* Уроки Б.А. Колчина // КСИА. 2006. Вып. 220. С. 4–14.
- Список печатных работ Б.А. Колчина / Сост. П.Г. Гайдуков // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 6–13.
- Черных Е.Н.* От редакторов // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 5, 6.
- Черных Е.Н.* Лаборатории естественнонаучных методов 50 лет // Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2009. С. 6–24.
- Черных Е.Н., Янин В.Л.* Памяти Бориса Александровича Колчина // СА. 1984. № 4. С. 313, 314.